БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ

Ольга Гильдебрандт-Арбенина

Девочка, катящая серсо...

Библиотека мемуаров

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ольга Николаевна Гильдебрандт-Арбенина (1897/98–1980) до недавнего времени была известна как муза и возлюбленная Н. Гумилёва и О. Мандельштама, как адресат стихотворных посвящений поэтов серебряного века… Однако «Сильфида», «Психея», «тихая очаровательница северной столицы», красавица, актриса, которую Гумилёв назвал «царь-ребенок», прежде всего была необычайно интересным художником. Литературное же наследие Ольги Гильдебрандт впервые собрано под обложкой этой книги. Это воспоминания о «театральных» предках, о семье, детстве и юности, о художниках и, наконец, о литературно-артистической среде Петербурга-Петрограда второй половины 1910-х — начала 1920-х годов и ее знаменитых представителях: Гумилёве, Мандельштаме, Блоке, Кузмине, Мейерхольде, Юркуне, Глебовой-Судейкиной, о доме Каннегисеров… Часть текстов публикуется впервые. Содержание книги дополняет богатый иллюстративный материал, включающий не только портреты и фотографии героев воспоминаний, но и репродукции акварелей Ольги Гильдебрандт.

- О. Н. Гильдебрандт-Арбенина
  - От составителя
  - «Сколько лет тебе, скажи, Психея?»
  - Часть I
    - Немного о себе
    - Мама. Папа. Лина Ивановна
    - Воспоминание о белизне
    - «Тринадцать»{35}
      -
      - Рыбченков
      - Даран
      - Кузьмин
      - Маврина
      - Милашевский
      - Юркун
    - Мейерхольд
    - Саперный, 10
    - Гумилёв
      -
      - 1921 г
    - Похороны Александра Блока
    - О. А. Глебова-Судейкина

- О Мандельштаме
- М. А. Кузмин
- О Юрочке

○ Часть II
- Письмо к Ю. И. Юркуну
- Из дневников

○ Приложение
-
- Михаил Кузмин
- Бенедикт Лившиц
- Эрих Голлербах
- Рюрик Ивнев
- Алексей Шадрин
- Владимир Эльснер
- Андрей Егунов

○ Иллюстрации

○ Комментарии
-
- Часть I
- Часть II

○ Указатель имен[149]

• notes

○ Примечания
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21

- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65

- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109

- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149

○ Комментарии

- 1
- 2
- 3

- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47

- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91

- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135

- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179

- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223

- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267

- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311

- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355

- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399

О. Н. Гильдебрандт-Арбенина «Девочка, катящая серсо…»

От составителя

К счастью, Ольга Николаевна Гильдебрандт-Арбенина (1897/98–1980) не осталась в тени знаменитых современников, с которыми ее свела судьба, — Н. Гумилёва, Ю. Юркуна, М. Кузмина, О. Мандельштама, Н. Евреинова, В. Мейерхольда… Ею восхищались, вдохновлялись, в нее влюблялись, ей посвящали стихи и писали проникновенные письма. Но главное, тот образ, который она сама подарила нам в своем творчестве, продолжает восхищать и поныне.

Безусловно, наиболее яркая и самобытная сторона личности Ольги Гильдебрандт — ее живопись. Несмотря на отсутствие художественного образования (а может быть, и благодаря этому) Гильдебрандт во множестве акварелей и живописных «дощечек» сумела создать своеобразное воплощение детской (девической) грезы — удивительный, хрупкий мир, сочетающий в себе наивность детского рисунка и благородную грацию «ар деко». «Косноязычное красноречие» ее работ вызывало восхищение ценителей и признание профессионалов еще в 1920-е годы.

Что это: заумная Флорида?
Сон, приснившийся Анри Руссо?
Край, куда ведет нас вместо гида
Девочка, катящая серсо…

Гильдебрандт воспитывалась в театральной семье. Арбенин — сценическое имя ее отца — актера, театрального критика и переводчика. Ольга Николаевна взяла отцовский псевдоним при поступлении в 1916 году в Школу русской драмы — Императорское театральное училище и сохранила его в годы выступлений в труппе Александринского театра (1919–1923). Как актриса Арбенина, однако, не добилась известности, а возможно, и не стремилась к ней. Хотя интерес к театру сохранялся у нее всю жизнь, о чем свидетельствуют и ее воспоминания, опубликованные в этой книге.

Литературное наследие Ольги Гильдебрандт впервые собрано под одной обложкой, причем практически в полном объеме. Эти мемуарные тексты отражают разные стороны жизни автора — воспоминания о «театральных» предках, о семье и родных, о детстве и юности («Немного о себе», «Мама. Папа. Лина Ивановна», «Мейерхольд»), о художниках («Воспоминания о белизне», «Тринадцать») и наконец о литературно-артистической

среде Петрограда второй половины 1910-х — начала 1920-х годов. В последнюю группу мемуаров входят монографические воспоминания («Гумилёв», «О Мандельштаме», «М. А. Кузмин», «О Юрочке», «Глебова-Судейкина», воспоминания о доме Каннегисеров «Саперный, 10» и заметка о похоронах Александра Блока). Каждый из этих текстов так или иначе дополняет остальные. Иногда Гильдебрандт обращается к одним и тем же событиям в разных воспоминаниях. Это связано с тем, что все мемуарные заметки Ольга Николаевна писала не систематически, а от случая к случаю. Как правило, они создавались в виде полемических заметок по поводу содержания чужих мемуарных свидетельств о серебряном веке, которые стали появляться в 1960–1970-е годы (например, «Нездешний вечер» М. Цветаевой, «На берегах Невы» И. Одоевцевой, «Калиостро» В. Петрова), или в ответ на просьбы критиков, литературоведов (так, воспоминания о группе художников «Тринадцать» были написаны по просьбе М. А. Немировской, воспоминания о Мандельштаме — для А. Г. Меца и Р. Д. Тименчика, ряд других текстов записан и подготовлен к печати М. В. Толмачевым).

Во второй части книги помещено письмо Ольги Гильдебрандт к мужу Юрию Юркуну «на тот свет». Оно было написано в 1946 году, когда адресата давно не было в живых, о чем автор письма не знала. Здесь же впервые публикуются выдержки из дневника Гильдебрандт, содержащие не только дополнительную информацию мемуарного характера, но и дающие обширный материал о последнем десятилетии жизни Ольги Николаевны.

Алексей Дмитренко

«Сколько лет тебе, скажи, Психея?»

До недавнего времени Ольга Николаевна Гильдебрандт-Арбенина была известна в первую очередь как муза и возлюбленная Гумилёва и Мандельштама, как адресат стихотворных посвящений поэтов серебряного века… Призвание музы в искусстве — одно из самых трудных и неблагодарных; реальные черты ее со временем размываются или вовсе замещаются «поэтическим образом», который часто не имеет с действительностью ничего общего. Может быть, поэтому так трудно представить, что эта «Сильфида», «Психея», «тихая очаровательница северной столицы», красавица, актриса, которую Гумилёв назвал «царь-ребенок», была при этом исключительно интересным художником.

Что вернее отразило ее личность: ее собственная живопись или слова влюбленных в нее поэтов? Вопрос этот мучил Ольгу Гильдебрандт не меньше, чем нынешнего исследователя ее искусства. Она невольно сравнивала себя то с Ларисой Рейснер, то с Лилей Брик, то с Мариной Малич и даже с пушкинской Олениной. Слегка удивленный взгляд на себя, словно со стороны, присутствует и в ее дневниках, и в воспоминаниях. Однако первая особенность ее искусства — в полном отсутствии даже намека на светскость и подражание.

Ю. И. Юркун. Портрет Ольги Гильдебрандт. 1920–1930-е гг. Бумага, тушь, перо. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

Ольга Гильдебрандт начала рисовать в 1920–1921 годах под влиянием Юрия Юркуна, как она вспоминала, и никогда не хотела сделать рисование своей профессией. Хорошо знакомая с такими блистательными художниками, как В. Лебедев, В. Дмитриев, Н. Тырса, А. Головин, Д. Митрохин, она словно стеснялась своих рисунков, как когда-то своих стихов. Стихи она еще отправляла на рецензию Валерию Брюсову, а показывать кому-либо картины решалась редко: «Я обожала А. Я. Головина, но ему я очень стеснялась показывать работы, и так и не показала!»[1]

При этом даже ранние ее живописные опыты вовсе не оценивались современниками как дилетантские. Известны высокие отзывы о них А. Эфроса[2], М. Кузмина[3], В. Лебедева, Д. Митрохина; да и многие коллекционеры стремились иметь у себя ее работы. Н. Кузьмин советовал Гильдебрандт попробовать себя в иллюстрации, К. Станиславский предложил оформить оперу «Виндзорские кумушки»… «Что-то из картинок показали Добужинскому. Он хвалил. Но я сама не видала Добужинского»[4].

Да и большие выставочные залы не стали для ее камерных акварелей неожиданным испытанием; Гильдебрандт участвовала в графическом секторе выставки «Художники РСФСР за XV лет» (1933), в двух выставках московской группы «13»[5] (1929–1931); одна работа была даже куплена Центральной комиссией по приобретениям произведений изобразительных искусств (1929).

Вопрос взаимодействия дилетантства и профессионализма для русского искусства 1920–1930-х годов был одним из самых острых. И отдельные художники, и художественные объединения в этот период стремились уйти от излишней тщательности рисования, вырабатывая новый — живой и легкий — живописный язык. Так же как в 1910-е, многие художники этого времени обращались к поэтике наивного искусства, к вывеске, детскому рисунку, фольклору.

Группа «13», возникшая в Москве в 1929 году, была одним из наиболее удачных примеров сознательного совмещения «наивности» и высокой художественной культуры, и приглашение в ее состав Ольги Гильдебрандт никак нельзя считать случайностью.

Впрочем, элемент случайности все же был. Владимир Милашевский — глава и «идеолог» группы «13» — был хорошо знаком с поэтом Михаилом Кузминым (в частности, в 1920 году иллюстрировал его книгу «Занавешенные картинки») и до своего переезда в Москву часто бывал в его квартире на Кирочной улице, где Кузмин жил со своим другом Юрием Юркуном. Ольга Гильдебрандт, которая появилась в этом доме зимой 1920/21 года, вспоминает, что Юркун начал создавать свои виртуозные рисунки под впечатлением от быстрой и артистичной манеры Милашевского, уже тогда настроенного против академизма. Постепенно Гильдебрандт сама стала рисовать, и Милашевский, вернувшись в 1927 году из поездки в Сердобск с уже готовыми теориями «свободного рисунка», пробуждающего «некие тайные узлы психики, подсознательные, интуитивные пристрастия»[6], обрел таким образом в Ленинграде уже вполне сложившихся художников-единомышленников.

«Во время ленинградского пребывания — восторг от

акварелей Юрия Юркуна и Олечки Гильдебрандт также имел место… — писал он. — Конечно, это совсем не то, не та дорога, по которой я шел и думал, что пойдут мои друзья. Однако изобразительное искусство — это не только, а может быть, совсем не Чистяков и не Кардовский. Нам казалось, что проступают повсюду черты нового времени — не только в далеком Париже, но и у нас в Москве…»[7]

Не особенно углубляясь в историю группы «13»[8], нужно тем не менее сказать, что В. Милашевский и Н. Кузьмин преследовали свои цели в отборе участников, желая «сконструировать» некое общее направление, связанное с ускоренным темпом рисунка и пониманием наброска как самостоятельной станковой формы. Приглашенные к участию в первой выставке выпускники ВХУТЕМАСа (Над. Кашина, Л. Зевин, М. Недбайло и другие) не вполне были довольны этим обязательным требованием «темпа», что в конечном итоге привело к распаду первого состава группы «13».

В этой связи интересно, что Ольга Гильдебрандт с самого начала была далека от этих общих задач группы как раз благодаря статусу «дилетанта» — только дилетантизм был самой высокой пробы. В ее работах, несомненно, присутствовала та полная независимость и особая рафинированность простодушного искусства, которой стремились добиться многие профессионалы. Может быть, именно потому В. Лебедев еще в начале 1920-х годов категорически отсоветовал Гильдебрандт учиться живописи.

О. Н. Гильдебрандт. В аллее. Набросок на обороте библиотечной карточки. Чернила, перо. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

В чем же тайна ее таланта, который и по сегодняшний день привлекает знатоков и коллекционеров? И возможно ли дать на этот вопрос исчерпывающий ответ? По-видимому, главная особенность не только искусства, но и самой личности Ольги

Гильдебрандт — в постепенном проявлении глубины, незаметной на первый взгляд и открывающейся при более внимательном наблюдении.

Почти все современники отмечают в живописи Ольги Гильдебрандт элемент «детскости», которая с первого взгляда очаровывала и завораживала зрителя. Да и сама она, пытаясь определить сущность своего искусства, однажды записала в дневнике: «Мои картины — это я в детстве; в раннем детстве». Действительно, среди нескольких ее излюбленных мотивов отчетливо выделяется своеобразная «детски-девическая» тема. И в ее живописи, и в графике существуют целые серии, изображающие девочек во время игр и прогулок, в парке, в лесу или в детской. Чаще всего это подруги или сестры, иногда их сопровождает взрослая дама (мать или воспитательница), совсем редко появляется кавалер. Слегка намеченные несколькими движениями кисти, светлые силуэты празднично выделяются в полумраке комнат или в тени деревьев. Фигура, как правило, обозначена общим цветовым пятном, поверх которого прочерчены две-три темные линии контура.

Помимо пера и акварели, в 1920-е годы Гильдебрандт много работала маслом: как правило, без грунта на небольших фанерных листах (вслед за акварелями, несколько ее картин были показаны на последней выставке группы «13» в 1931 году). Судя по сохранившимся фотографиям довоенных «фанерок», вариации на темы детства были очень разнообразными, и именно работы маслом она вспоминала как самые удачные — «кажется, это было из моего „творчества“ самое сильное»[9]. К сожалению, они почти не дошли до нас; и хотя часть архива 1920–1930-х годов ей удалось забрать в Каменск, масляной живописи там почти не было. Но даже те единицы, которые известны по музейным фондам и частным собраниям, дают представление о том, насколько выразительнее звучит в масле неповторимое сочетание иронии и интимности, свойственное «девическим» сериям ее графики.

Если же говорить о детскости в работах Гильдебрандт вне связи с сюжетом, то «детскими» можно назвать и некоторые ее живописные приемы. Это вытянутые фигуры очень обобщенных контуров, словно повторяющие друг друга; «ножки-палочки» вне всяких анатомий; наивная театральность композиции; отсутствие конкретики, какого бы то ни было портретного сходства — часто черты лица у героинь вовсе отсутствуют. В ранних вещах 1920-х годов встречаются избыточная декоративность и несколько гротесковое несоответствие пространства листа и слишком маленькой фигуры. Однако все эти неловкости (с точки зрения

академической традиции) никак не влияют на гармоничность и композиционную продуманность ее графики.

Более того, именно эти черты создают неповторимую и убедительную атмосферу, которой так восхищались Мандельштам и Кузмин. Особенно это касается, конечно, масла, где близкие по тону широкие мазки выявляют некоторую небрежность и приблизительность контура. Иногда его «случайность» дополнена редкими, но яркими цветовыми акцентами (как, например, ярко-алый бант на платье девочки и красная крыша дома за рекой в картине «Девочка с кошкой» 1928 года из собрания Р. Б. Попова). В этом мягком и свободном письме есть след фовизма, явно близкий художникам группы «13». Милашевский всегда подчеркивал нетривиальность метода французского художника Андре Рувейра «работать кистью, как помелом».

Всякое искусство, близкое наивному, так или иначе вызывает сомнения в подлинности: нет ли здесь стилизации, эстетства, подделки под неискушенность? С одной стороны, Ольга Гильдебрандт действительно была актрисой по образованию, нигде не училась живописи и, судя по ее дневникам, не стремилась в своих картинах решать какие-то определенные художественные задачи. Мир, который она так прилежно воспроизводит от картины к картине, полностью рожден ее эмоциями и воображением; ее вещи (если не говорить о технической стороне) едва ли можно сопоставить с документальными зарисовками участников группы «13» (будь то даже произведения таких лириков, как Сергей Расторгуев или Борис Рыбченков). Не случайно на первый взгляд «девические» сюжеты Ольги Гильдебрандт рождают ассоциацию с прозой Лидии Чарской и ее идеально-мифологическими образами сестер, подруг etc.; в атмосфере этих работ есть то, что современник иронично, но очень метко окрестил «конфирмацией». Восторженность по отношению к «взрослому» миру и немного преувеличенная таинственность мелочей — как при игре в куклы, когда наряды персонажей или сюжетные коллизии оказываются важнее самих персонажей. Девочки Гильдебрандт могут на самом деле не ехать к морю, но они обязательно наденут дорожные шляпки и поставят у окна чемоданы. Они могут рассматривать фламинго в зоопарке или рисунок на китайской ширме, но с таким торжественным видом, словно находятся на светском рауте.

Этот прием лишает смысла любое *буквальное* истолкование сюжета, и именно здесь лежит главное противоречие между искусством Ольги Гильдебрандт и наивной живописью. Вместо

тщательного детского «перерисовывания» или стремления к точной детализации видимого мира (свойственного, например, некоторым натюрмортам Анри Руссо) Гильдебрандт изначально изобретает фантастическую среду, очень приблизительно связанную с реальностью. Живопись становится увлекательной игрой, может быть, игрой литературной; больше того, вся мягкая прелесть и тайна сюжета видятся автором откуда-то со стороны, словно из другой вселенной.

О. Н. Гильдебрандт. Две дамы на прогулке. Набросок на

обороте библиотечной карточки. Чернила, перо. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург) сюжета видятся автором откуда-то со стороны, словно из другой вселенной.

Легкая отстраненность от собственного же придуманного мира могла быть унаследована Ольгой Гильдебрандт еще в детстве от Сомова и Бенуа. Как и поэты серебряного века, мирискусники оказали на нее ощутимое влияние, и она не раз подчеркивает это в воспоминаниях. «В период моего „второго“ детства (т. е. лет 13–14) я дышала и думала „Аполлоном“, как воздухом, — и на мои позднейшие годы этот журнал наложил какой-то светлый отпечаток, а ко всему „анти-Аполлоновскому“ я была, невольно, враждебна»[10].

Романтизация детства у Гильдебрандт (воспетая Лившицем «девочка, катящая серсо») действительно имеет свои аналогии с «сочиненными» боскетами и конфетти сомовского XVIII века. Но более определенным источником ее живописи все-таки будут не мирискусники, а художники объединения «Голубая Роза» (1907), которые, сохранив все ту же волнующую театральность, поставили в своем искусстве задачу неопримитивизма.

Подчеркнуто несмелая линия, декоративность деталей и наивно-праздничные сюжеты соединились у голуборозовцев в особенной поэтике, одинаково далекой от салона и галантного искусства. Таковы «Маскарад-фантош» и «Кукольная комедия» В. Дриттенпрейса, «Озеро фей» и «Сказки» М. Сарьяна, «Балет» Н. Сапунова, пасторали С. Судейкина, скульптурки П. Бромирского «Девочка» или «Девочка с птичкой»[11]. И надо сказать, что «детское» рисование художников «Голубой Розы», на фоне привычных публике fleurs artificiels эстетики «Мира искусства», неожиданно оказалось очень острым и даже слишком непосредственным приемом.

Вначале недоумевали современники: «А вот картины Миши, когда ему было всего семь лет. Виноват, это „сказки и сны“ Сарьяна, и мы принуждены взять более серьезный тон»[12]. Спустя много лет удивлялись искусствоведы: «…При пристальном рассмотрении раскрывается невысокий полет этой „загадочности“. Являясь следствием незрелости, а быть может, и ограниченности таланта, все эти качества в не меньшей степени обусловлены и неполнотой цели, неясностью задач»[13]. Проводя неверную, мерцающую линию, художник словно уподобляется медиуму, вкладывая в свою живопись уже не галантный изыск, а подлинно мистическое содержание, которое не всегда оказывается легко принять на веру. Трудность восприятия, конечно, в первую очередь была связана с отказом от каких бы то

ни было условностей классической анатомии, а кроме того — со скрытым движением в сторону абстракции.

Природу этого особенного восприятия, пожалуй, точнее всех определяет А. Русакова, рассуждая о символизме у Павла Кузнецова: «Форма его картин была, вероятно, единственной возможной и естественной для него формой воплощения искомой сути чувств и ощущений, сути таких отвлеченных категорий, как любовь, нежность, тоска, таких неосязаемых, нематериальных понятий, как человеческая душа. Души <…> не могут иметь реальных черт лица или анатомически правильных тел <…>. Необходим только знак, выражающий понятие, цвет, передающий чувство, ритм, вводящий в мир ощущений»[14].

Живопись Ольги Гильдебрандт возникла почти через пятнадцать лет после опытов «Голубой Розы» и оказалась вовсе лишена символистского флера и стилизованности. Но и для нее эмоция и атмосфера оказались важнее «сделанности». Именно поэтому Гильдебрандт легко упрекнуть в инфантильности и дилетантстве, но точно так же возможно найти в ее искусстве философскую глубину, имеющую самые неожиданные аналоги и источники.

И вдохновители «Голубой Розы» (В. Борисов-Мусатов, П. Кузнецов, П. Уткин), и «комитет „13-ти“» (Д. Даран, Н. Кузьмин, В. Милашевский) были родом из Саратова, и Милашевский, как ученик Добужинского и ярый противник мирискусников, не мог не оценить в картинах Гильдебрандт сильное визионерское начало. Тем не менее и Милашевский, и Кузьмин стремились обосновать ее участие в группе «13» совсем другим путем, уводя воображаемое «генеалогическое древо» к французам: «Ольга Гильдебрандт нигде не училась, у нее нет художественного паспорта, но это подлинный цветок искусства, как Гис, Мария Лорансен, Hermine David»[15].

И снова эти сравнения оказывались одновременно и справедливы, и беспочвенны. Акварельные наброски Константина Гиса (1802–1892), хоть и несут в себе определенную литературную беглость, совсем лишены фантазийной непосредственности сюжетов Ольги Гильдебрандт. Кроме того, Гис начинал как рисовальщик-репортер, и, должно быть, с его помощью Милашевский хотел добавить работам Гильдебрандт «темпа» и «стиля „13“». Эрмин Давид (1908–1979), утонченная художница и дитя «парижской школы», как и Мари Лорансен (1883–1956), созвучна Гильдебрандт мягкой, женственной интонацией и романтической атмосферой пейзажей, но в ее композициях куда больше весомой определенности объемов.

Мари Лорансен в ранних рисунках и офортах отчасти играла

в дилетанта: с Гильдебрандт ее сближают и нежные образы девочек-подруг, словно подернутые седой дымкой («Поцелуй» 1927 года, «Две испанки» 1924-го). Иногда — те же тонкие руки, условные лица (густо прочерченные глаза и рот). Можно было бы продолжить список Милашевского, назвав, например, имя Паулы Модерзон-Беккер (1876–1907), у которой, как в живописи, так и в набросках и пастелях, тоже встречаются приемы наивного искусства рядом с мотивом девичества и невинности. Можно упомянуть Даниэля Ходовецкого (1726–1801), которого так ценил Михаил Кузмин, — тонкий колорит, удлиненные фигуры и миниатюрность масштаба, как при взгляде в перевернутую подзорную трубу, — Гильдебрандт, безусловно, хорошо знала и любила его гравюры.

Однако родственность Мари Лорансен, Паулы Модерзон-Беккер и Ольги Гильдебрандт происходит не столько от общих качеств их живописи, сколько от обстоятельств биографии: все три художницы были тесно связаны со знаменитыми поэтами своей эпохи. Рильке называл рано ушедшую Модерзон-Беккер своей подлинной любовью и посвятил ей «Реквием», Лорансен была адресатом поэтического цикла Аполлинера «Захлопнутый медальон» и на протяжении пяти лет — его возлюбленной. Что говорить об Ольге Гильдебрандт, которая в юности провела несколько лет рядом с Гумилёвым, а позже около шестнадцати лет почти каждый день виделась с Кузминым. Именно остро воспринятая поэзия оставила в живописи этих трех современниц такой особенный след тонкой лирики, фантастичности и непосредственности взгляда. Более того, можно предположить, что диалог живописи и поэзии стал единственным возможным путем органичного развития тех декадентских, иллюзорных и мистических устремлений, которые, казалось, успели отцвести задолго до 1920-х годов.

В этой связи естественно, что наиболее ясным и сильным выражением искусства Ольги Гильдебрандт — и его второй ключевой темой! — стал пейзаж. Уже в «девических» сюжетах пейзаж оказывается неизменной частью композиции, часто даже подчиняя себе основной мотив. Например, в акварелях 1920-х годов «Коляска»[16], «Фейерверк» (Государственный Русский музей) или «Париж» (там же) фигуры девочек теряются в густой, почти тропической листве, а в «экзотических» сериях 1960-х («Дети Лумумбы», «На плантации») природа и вовсе оказывается главным действующим лицом. Исключением можно назвать послевоенные акварели с дамами в старинных платьях, обычно изображенными в лесу или в аллее парка. В этих листах природа

и персонаж, казалось бы, почти равноправны, но и здесь присутствует их непрерывный, напряженный и таинственный диалог.

Такова, например, акварель «На берегу моря», где девушка, повернув голову в глубину листа, следит за уходящей в море лодкой с алым парусом. Белое пятно платья словно оттеняет призрачный колорит пейзажа, оказываясь ближе к глазу, как граница между реальностью и сном, и вместе с тем фигура по отношению к пейзажу снова оказывается второстепенной. Сюжет в чем-то напоминает «Алые паруса» Грина, но для Гильдебрандт важен не сюжет. Скорее, речь идет о постоянной *возможности* проникновения в иной мир, на которую указывают героини ее акварелей.

О. Н. Гильдебрандт. Экслибрис Юрия Юркуна. 1936. Бумага, тушь, перо. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме

О. Н. Гильдебрандт. Пейзаж с озером. Набросок на обороте библиотечной карточки. Чернила, перо. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

Поэтому несоразмерность масштабов, когда фигура почти растворена в бескрайнем пространстве, имеет определенный метафизический смысл. И надо сказать, у Гильдебрандт этот прием встречается очень часто, в том числе и в литературных опытах. Простой иллюстрацией здесь могут служить ее ранние стихи, посвященные Н. Бальмонту (сыну поэта): «И тополей стройные пальмы / Такой красивый, узкий ряд… / Орнаменты на башнях Альмы / О Вас, далеком, говорят». Здесь точно так же взгляд, остановившись на экзотическом пейзаже и отметив его особенный ритм, постепенно и как бы нехотя смещается к совсем незначительной фигуре человека. Похожи на это и описания снов, где люди оказываются тенями в огромном городе: «Во сне (забываю много) <…> вчера — улицы Ленинграда, квартира Катиной подруги (вроде Валерии), но в районе конца Офицерской или Садовой, — еще какая-то улица, которую пересекает набережная Фонтанки; улицы — широкие, как в Ленинграде, но в домах и дворах — зеленая затененность Москвы. А у Фонтанки высоченный берег, скорее, как у Невы, — и громадные стоят морские корабли».

И если «девические» сюжеты Ольги Гильдебрандт еще можно было бы вывести из ее детских воспоминаний о прогулках с няней или играх с сестрой, то пейзажные композиции таких осознанных источников не имеют, отчего с полным правом могут приравниваться к сну или видению. Здесь уже нет любовности в

изображении трогательных деталей или таинственной «истории», которую зритель может разгадать. В пейзажах художница приходит к чистому и легкому поэтическому высказыванию, словно перенося неземные ландшафты из раскрытой души на лист. Живописный язык неуловимо изменяется, обретая большую зрелость и отстраненность.

Пожалуй, было бы не вполне верно говорить о Гильдебрандт как о представителе ленинградской школы, однако именно в ее пейзажах нередко появляется та специфично ленинградская лаконичность цветового решения и сдержанная гармония цветовых плоскостей, которая свойственна, например, В. Гринбергу и А. Ведерникову.

Основных сюжетов в ее пейзажах немного. Это виды моря или реки, лес или тропинки в лесу, город и экзотические виды (например, часто встречающиеся негритянские хижины, тропические леса с цветами и лианами, пальмы). И в тяге к дальним странам, в величественно темнеющих мачтах больших кораблей, в роскошных тропических цветах нельзя не увидеть след поэзии Николая Гумилёва — «садов души», самодостаточных в своей гармонии. Конечно, перед нами более лирическое — не «героическое», а женственное — воплощение этой романтики, но здесь присутствует и недостижимая мечта, и эмоциональный порыв, объединенные чистотой пластического языка. Один из любимых мотивов Гильдебрандт — череда легких треугольных парусов, сияющих на фоне глубоких зеленых вод (море? река? океан?), — словно отвечает гумилёвскому: «По изгибам зеленых зыбей / Меж базальтовых скал и жемчужных / Шелестят паруса кораблей»; или ее «африканские» пейзажи — как вольная иллюстрация видений поэта: «Словно прихотливые камеи — / Тихие, пустынные сады, / С темных пальм в траву свисают змеи, / Зреют небывалые плоды».

Конечно, живопись Ольги Гильдебрандт — редкий случай счастливого синтеза литературных и изобразительных устремлений. Не случайно и Юрий Юркун, писатель, пошел по тому же пути поиска новых выразительных средств, которые позволили бы соединить эти две области. Парадоксально, но толчком к этому эксперименту снова стал поэт, а точнее — по-особенному вольная, рафинированная атмосфера круга Михаила Кузмина. Этот круг можно назвать теплицей, в которой произрастали самые разные таланты, и ни один из них не был искажен чрезмерной заботой садовника. (Гильдебрандт вспоминает, что она «рисовала (т. е., карандашом или пером)

только у Мих. Кузмина и Юркуна — за общим круглым столом»[17].)

Здесь появлялись и поэты, и художники — от случайных дилетантов до знаменитостей или пока еще безвестных авангардистов, коллекционеры, искусствоведы, переводчики. Кузмин умел обнаружить талант или хотя бы курьез в каждом из своих собеседников: не случайно они с Юркуном увлекались своеобразным коллекционированием персонажей, будь то старинные фотокарточки или какие-нибудь нелепые знакомства. Этот стиль постоянного смешения старины и современности передался в какой-то степени и Гильдебрандт. Постепенно она тоже стала собирать случайные портреты, газетные вырезки с иллюстрациями, старые гравюры, а главное — листы с образцами мод XVIII века, которыми увлекалась и раньше. Все эти изображения стали постоянным источником ее картин и рисунков, причем иногда она рисовала даже поверх репродукции или раскрашивала фотографию с собственной работы[18] — прием новаторский и неожиданный, заставляющий вспомнить более поздние эксперименты XX века с сочетаниями тиражного и уникального в искусстве (от теоретических рассуждений Беньямина до работ Уорхола и Раушенберга). Надо сказать, привычка работать с фотографией сохранилась у Гильдебрандт до последних лет: в ее архиве сохранились экземпляры журналов 1960-х годов с изображениями плантаций и китайских пейзажей, которые целыми сериями перешли в ее акварели.

Разумеется, это не было точным копированием, подобно тому, как работают с фотографией живописцы-ремесленники. У Гильдебрандт это был лишь поиск мотивов для вдохновения, синтез которых приводил к совершенно самостоятельному результату.

Выше говорилось об особенном эффекте остранения, которого Гильдебрандт достигает, помещая в какой-нибудь из своих видов небольшую фигуру. Фантастичность ситуации усиливается, когда в пейзаже обнаруживается современная реалия, например, пароход или рельсы (а эти мотивы встречались у нее довольно часто). Такой элемент возникает в ее художественной лексике, конечно, совершенно естественно (хотя бы как отражение повседневных впечатлений или тех же журнальных картинок), но и он оказывается намеком на «второе дно», что замечал и Михаил Кузмин, изящно сформулировав это в одной из своих дневниковых записей: «[Аэропланы] придают своеобразный характер пейзажу, отнюдь не современный, а какой-то неуклюже и детски поучительный. Я видел за селекционными полями полотно с идущим поездом, вдоль полотна ехала телега, а

в небе над коротенькой толстой трубой фабрики — парящий аэроплан. Впечатление или Анри Руссо, или иллюстраций Ходовецкого к „Orbis Pictus“. Не хватало только парохода в море или велосипеда»[19].

Чувство уязвимой современности, устаревшей «раньше, чем перейти в другую фазу»[20], было совсем чуждо «документалистским» устремлениям группы «13». Но и в мировосприятии Кузмина и Гильдебрандт есть существенная разница. Кузмин созерцает словно впервые увиденную природу, конструируя в своей литературе некую универсальную эстетическую формулу соединения живого и неживого, где всякий увиденный объект уже несет в себе квинтэссенцию ушедшей культуры. Что касается Гильдебрандт, то она, напротив, погружается в реальность миража, фантома, пытаясь сделать его частью земного мира с помощью наивного добавления знакомой реалии. Мир Кузмина наполнен множеством дополнительных смыслов, мир Гильдебрандт от этих смыслов абсолютно очищен, как наркотический сон или рассказ трехлетнего ребенка.

Представляется логичным, что в более точный резонанс с живописью Гильдебрандт вступает система образов, выработанная не самим Кузминым, но младшими поэтами его круга: в первую очередь это Вагинов, в несколько меньшей степени — Егунов, Шадрин, Введенский. Восприняв и переработав опыты акмеистов[21] и кузминский «кларизм» («прекрасная ясность»), эти поэты оказались в промежуточной ситуации: с одной стороны, расчленяя действительность, они хотели добраться до корня, до бессловесной основы поэзии, однако еще не полностью освободились от влияний прежней культуры, в определенном смысле оставаясь ее заложниками. Если говорить вагановскими аналогиями, художник оказался на месте Орфея, спускающегося в преисподнюю в поисках призрачной Эвридики.

Сходная двойственность обнаруживается в работах Ольги Гильдебрандт. Для нее всегда были очень сильны и значимы идеалы классического искусства — в первую очередь воспринятые от родителей и их круга, куда входило множество писателей, актеров и общественных деятелей XIX века, — затем из музыки и книг. Но ее собственные устремления вели в другое, иррациональное восприятие мира, что не могли скрыть даже трогательные сюжеты. Не случайно Егунов написал об одной из ее картин: «Но незаполнено лицо Анюты: / Через него чредой безликой <…> / Века проходят и минуты». Может быть, из-за этого неустойчивого равновесия *аполлонического и дионисийского* начал как Гильдебрандт, так и «младшие» поэты все же не решались до конца разрушить классическую схему повествования.

Однако неизменным источником творчества оставались сон, забытье и бессознание (в дневниках Гильдебрандт не раз повторяет, что ее фантазии так сильны, что ей нет необходимости принимать опиум).

Интересно, что в окружении Кузмина существовал и пример художника, который пришел к осмыслению тех же проблем ровно противоположным путем. Речь идет о Павле Басманове (1906–1993), которого Юркун назвал большим открытием для себя. Басмановские мистические «Прогулки» 1930-х — видения безликих, молчаливых фигур в сияющем пейзаже — произошли от сильного влияния абстрактных экспериментов Малевича. Как и Гильдебрандт, Басманов строил свои акварели поэтически, воспроизводя далекий нездешний мир (связанный, впрочем, скорее с памятью, чем с фантастическим сном). И тем выразительнее оказался результат: словно осознав беспомощность абстракции, Басманов начал движение к эмоционализму, работая все теми же мягкими переливами открытого цвета. Но угол восприятия был уже совсем другим: не случайно Н. Козырева связывает его «воспоминание о бескрайнем мире, данном человеку»[22], прежде всего с впечатлениями раннего детства.

В своем дневнике Ольга Гильдебрандт, вспоминая о времени, проведенном с Юркуном, писала о «детском» ощущении отсутствия своего дома. Если понимать эти слова более широко, трудно сказать, нужно ли приписывать Гильдебрандт к какому-либо направлению в искусстве. В этой статье мне было интересно выявить разные подводные течения ее живописи; читатель согласится, что нельзя не отметить своеобразие и неповторимость их сочетания.

Не обладая бескомпромиссностью Надежды Мандельштам или легкомысленной прелестью Ирины Одоевцевой, Ольга Гильдебрандт все же была замечательной женщиной своего времени. У нее хватило мужества не только творить, несмотря на отнюдь не просто сложившуюся судьбу, но и оставаться собой в окружении больших художников и великих поэтов. Нет сомнений в том, что и ее наследия, пока еще не вполне исследованного и осмысленного, коснется должная слава, и живопись ее, «несмотря ни на что, и разгорится, и расцветет»[23].

Надежда Плунгян

Часть I

Немного о себе

< 1 >

1) Родители приехали из Москвы — артисты Малого театра Москвы — отец Арбенин (Гильдебрандт-Арбенин) Николай Федорович. Мать — Панова Глафира Викторовна. Если может это интересовать, крестные моей старшей сестры — Ермолова и Станиславский. Ермолова в роли Жанны д'Арк была кумиром моего отца. У мамы любимой актрисой была Элеонора Дузе. Отец спорил до криков со Станиславским из-за реалистического и романтического театра! Семья моей мамы была балетная, но она пожелала идти в драму, если бы у нее был голос, она пошла бы в оперу и больше всего хотела бы петь Миньону. Они оба довольно долго работали в Малом театре, а потом им понадобилось переехать в Петербург, где я и родилась. Мой крестный — Варламов. Папа работал над переводами, у него были административные способности, и родители весной ездили по Польше и Приволжскому краю, с актерами Александринского театра. Папа умер рано от рака. Мама жила долго, похоронили в Ирбите, на Урале.

Гимназия — Лохвицкой-Скалон. Курсы (драматические) кончила в 1919 г., они назывались раньше — Императорские театральные курсы; после революции стали называться «Акдрама». В то время «императорские курсы» и «императорский театр» переименовали в «Академический» (другие тогда не назывались «академическими»), и я, кончив эти курсы, вступила в труппу Александринского театра. Я была в хороших отношениях почти со всеми в театре, и меня очень огорчил отъезд Мейерхольда в Москву, но переезжать за ним в Москву мне не хотелось. Должна похвастаться, что все, кто видели мои работы — Митрохин, Г. С. Верейский, Воинов, — мне ничего кроме хорошего не говорили — В. В. Лебедев за всю жизнь сделал только одно замечание — сгустить тень на маяке (мое «масло», которое пропало). Я обожала А. Я. Головина, но ему я очень стеснялась показывать работы, и так и не показала!

Все время жила в Ленинграде, уехала с мамой за один месяц до войны на Урал, и пришлось там пробыть много лет, и вернулась в 1949 г. Я переписывалась с Мавриной, Кузьминым и Дараном[24], которых видела в 1948 г. в Москве, возвращаясь в Ленинград, там я за войну потеряла квартиру и все имущество.

Вспоминать мне прошлое очень печально, но таинственного и

запретного ничего нет, я, к сожалению, очень непрактична, и даже все документы растренькала…

Из письма к М. А. Немировской от 31 января 1979 г.

<2>

В детстве я обожала балет. Без конца танцевала. Мой крестный, знаменитый актер Варламов, на Рождество и Пасху посылал подарки: куклы или «театры»: «Конек-Горбунок», «Золушка»… Я стала рисовать сама, лежа на полу, декорации (совсем иначе, чем готовые): «Морское дно» с лилиями, балерин, у которых ноги росли из юбки, без всякой анатомии <…>

В 1918 году познакомилась с художниками: Козлинским, Лебедевым, Тырсой, Пуни, Богуславской, С. Лебедевой. Но рисовать не стала. Я училась в театральной школе <…> Когда в 1921 г. стала бывать в обществе Милашевского и Юркуна, вероятно, соблазнилась рисовать сама. Первые картинки были под влиянием декораций Головина к «Стойкому принцу» Кальдерона[1]. Первые две пропали, третья сохранилась. Что-то из картинок показали Добужинскому. Он похвалил. Но я сама не видала Добужинского. Хвалил и Дмитриев, который тогда часто бывал. Старые итальянцы мне нравились всегда, но я не умела подражать. Постепенно стали нравиться многие рисовальщики, начиная с Гиса. С «натуры» немного рисовала в 1925–1926 гг., после поездки на Север. Показывала кое-кому — Митрохину, Верейскому, Воинову. Никогда не решалась показать Головину, хотя он, зная меня по театру, посылал приветы через Голлербаха: «А что моя милая Оленька?»

В конце 20-х гг. встретилась на улице с Лебедевым, и стали часто видаться, и ему я показывала почти все, а я писала в 1927–1929 гг. маслом, чаще на фанерках, иногда углем, иногда пастелью. Лебедев решил мою судьбу: ни за что не учиться. Мне не хотелось, а Юркун, решая все за себя, для меня не решался советовать. Так я осталась «неучем» по воле Лебедева. Много лет спустя одна знакомая упрекнула его: «Что вы советовали О. Н.? Ведь ей очень трудно, она не может работать „на заказ“». Он сказал: «Я и теперь повторю: ей — не надо».

Единственное указание — на одной фанерке — совет — затемнить кусок маяка, который оказался слишком узким. Мое «масло» в войну все погибло. Кажется, это было из моего «творчества» самое сильное. Юркун говорил: «Ну и темперамент! Ваши девочки взрываются, как петарды!» Я рисовала быстро, в один присест несколько штук. Больше всего любила рисовать

плантации и девочек на пляжах. Пастелью стала рисовать <…> уличные сцены, а то — японские виды. Рисовала (т. е. карандашом или пером) только у Мих. Кузмина и Юркуна — за общим круглым столом. Примерно в 1927 году. Пожалуй, «Цоп-Цоп!» Милашевского была традиция, появившаяся у Юркуна <… > Значительно позднее появился Тышлер — этот без карандаша в руке не мог посидеть и минуты. Сколько помню, наш друг Осмеркин никогда в «посиделках» не участвовал.

Все полезные начинания (для меня) закончились плачевно. Я была крайне труслива. Не владея техникой, очень боялась! Добрый Н. В. Кузьмин хотел помочь мне оплатить московскую поездку. Советовал сделать обложку детской книги. Я от страха заболела и уехала в Ленинград.

В другой раз (1934 г.) показывали мои рисунки — Станиславскому. Ему понравились, и мне предложили сделать эскизы декораций (дав опытного макетчика в помощь) — к «Виндзорским кумушкам» (опера) — я тоже от одной мысли чуть с ума не сошла.

Вероятно, необходимо начинать работать в коллективе своих сверстников — а у меня «учеба» была театральная, и сызнова начать в другой области я не решилась. К тому же авторитет Лебедева был в Ленинграде силен. И всякие комиссии склонялись к его мнению. По болезни я не могла заниматься ни на фарфоровом заводе, ни в других каких-то вредных цехах.

Февраль 1979 г.

Мама. Папа. Лина Ивановна

Мама

Мама родилась в Москве, в 1869 г., вместе с тетей Сашей, немного позже тети Саши. 21 апреля. Дедушка Виктор Николаевич был младший и самый любимый брат в семье; с ним жили незамужние сестры Надежда и Феоктиста. Бабушка Анташа (Манохина) была старшей сестрой; баб<ушка> Маша (на которую я была немного похожа) слыла красавицей, у нее были рыжеватые волосы; она была знаменитой мимисткой, прославилась в «Фенелле». Говорят, у нее на пороге замерзали поклонники. У нее был какой-то высокопоставленный жених, который умер; уже в немолодых годах она вышла за Аладжалова[2].

Бабушка Лиза, которую я помню очень хорошей старушкой, веселой, румяной — была замужем за Кузнецовым, известным танцовщиком, который после сошел с ума, и (мама рассказывала) иногда потихоньку убегал из сумасш<едшего> дома и являлся на Мещанскую. Он очень любил детей, и дети его. Мама очень любила своего двоюродного брата Николая Кузнецова, которому (как и баб<ушке> Лизе) очень нравились мои танцы, и он мне подарил для танцев гирлянду искусственных роз. Баб<ушка> Лиза была очень религиозна, и мама вышивала для деревенской церкви, где бабушка жила на даче, ленты — прикрывая вышивкой золотые надписи (это были поношенные театрал<ьные> ленты). Бабушка и священник находили это вполне подходящим.

Мама говорит, что в молодости эта бабушка была резковата, и брат говорил про нее: «Лизавета — это топор». Они с мужем были при Севастоп<ольской> обороне. Она очень любила мужа, но он пил, и жили они бедно. Она обожала пуговицы, у мамы было много пуговиц от нее.

Баб<ушка> Фекта слыла за самое справедливое существо на свете. Она и баб<ушка> Надя воспитывали маму. У Надежды был в юности роман, и незаконный сын — дядя Виктор. Лицом мама была в нее. Все они происходили из старой балетной семьи, одной из родоначальниц была балерина, отбившая Силу Сандунова у Кометы[3]. Первой Софьей в «Горе от ума» тоже была бабушка Пановых (мама играла Софью на грибоедовском юбилее). Дедушку В<иктора> Н<иколаевича> все обожали. Он был хороший танцовщик, очень честный человек, почетный прихожанин у Филиппа Митрополита, известный балетный

педагог. Но он любил выпить, и поэтому бывали неполадки с баб<ушкой> Глашей. Умер он от разрыва сердца на извозчике, похоронен на Ваганьковом.

Баб<ушка> Глаша была тоже танцовщицей, по фамилии Голицынская; но ее сестры не были на сцене. Баб<ушка> Поля вышла за француза, дедушку Эмиля Степановича, и породила большую семью с французскими именами, но православных.

Мама говорила, что ее бабушка, а моя прабабушка, Афанасия Степановна, была очень доброй, кроткой, но баб<ушка> Глаша была с ней не очень нежна. Сын прабабушки Андрей покончил самоубийством; его могила была за оградой кладбища; дети ходили весной туда гулять за подснежниками. Тетя Саша росла вначале очень слабенькой. Маму кормили искусственно; говорилось, что ее выкормила «кетчеровская корова» (Кетчер жил напротив Мещанской, у него был большой сад). Среди жильцов дома был Забелин, его жена очень любила маму. К З<абелину> приезжал в гости Тургенев, мама помнит, как они детьми смотрели в окно, как он садился в экипаж. Когда сестра стала подрастать, их обязанности поделили; тетя Саша занялась хозяйством, чинила белье младших и варила варенье (она любила красную смородину), мама хорошо училась и учила младших. Следующей сестрой была тетя Тава, бойкая, смуглая. Она кричала с порога: «Детки, забирайте игрушки, Тавка идет». Мама была живущей (так! — *Сост.)* в балетном училище; ее «обожала» маленькая Рославлева, которая приходила стлать мамину постель и бегала на посылках. Участвовала мама в «Аиде», в «Коппелии» (кажется, фиалкой), была ангелом в «Демоне». Но мама очень любила драму. Она всегда с волнением рассказывала, как ее невзлюбила Федотова (требовавшая точного подражания себе, учившая «с голоса») и как она в отчаянии обратилась на каком-то торжественном акте к Островскому, плача и прося оставить ее в драме, а не переводить обратно в балет. Сцена была вроде как в «Люде Влассовской»[4], только без людиного монархического кликушества. О<стровский> был растроган и обещал все сделать. Но когда маме пришло время выпускаться, О<стровский> умер, и это вызвало у нее взрыв нового горя. Правда, О<стровский> обещание свое сдержал, поручил своей семье следить за маминым развитием на сцене; им мама понравилась. Впоследствии Федотова приходила к маме извиняться за свою несправедливость.

С мамой стала заниматься Медведева, имевшая до того ученицей только Ермолову.

Первой ролью мамы стала роль крепостной девушки с сильной драматической сценой (я не помню названия), в «Горе от

ума» она играла 2-ю княжну, перед тем как получила Софью. Одной из лучших ролей была «Нюта» в «Цепях»{5}. Играла она: Геро, Титанию, Пердиту, Лолу («Сельская честь»{6}), Мелитту, Рафаэль Марселлу (Собака садовника{7}), Арисью — Расина; княжну Маню, ingénue из «Тещи», много ролей в пьесах М. Чайковского. Некоторые роли она играла в очередь с <нрзб> и Лешковской. Рецензенты писали: «Если ты Лешковская — дьяволи, если Панова — то ангельствуй». — Ленский и Правдин пригласили маму в турне по Кавказу и Крыму. Ей оч<ень> понравились Тифлис, Батум, сады в Гори. В Тифлисе ее принимали (по цвету лица) за блондинку, хотя у нее были черные волосы. После она была в Одессе, где за ней очень скромно и почтительно ухаживал Чехов. Его называли «господин с черешнями», он вечно носил с собой черешни. Раз он нечаянно ошпарил маме руку кипятком и, хотя был доктором, не сообразил сказать ей, чтоб она не купалась, и она разбередила руку соленой водой.

Ленский и Правдин подарили маме браслет, который сейчас еще у меня.

Когда мама была в школе, девочки влюблялись в артистов, мамина подруга Женя (будущая Е. Грубе) была влюблена в Ленского, но мама была очень серьезной и не имела флиртов. Это было в бабушку Глашу, у которой было что-то аскетическое. Папу она полюбила по-серьезному. Я думаю, из мелочей ей очень импонировала его способность к языкам (он владел несколькими). Венчались они во Владыкине, где когда-то венчалась Елиз<авета> Петровна с Разумовским. Посаженным отцом мамы был Шубинский, посаж<енной> матерью — Медведева.

Почему-то праздновали свадьбу у Ермоловой, с которой папа был очень дружен, и которая стала кр<естной> матерью сестры Маруси[25].

У мамы (из-за всяких хозяйских сложностей) сложились не очень хорошие отношения с баб<ушкой> Розой, но она оч<ень> полюбила и уважала баб<ушку> Луизу. Кроме театра, папа с мамой вечно участвовали в концертах. В Туле им поднесли по большому самовару. Встречались они с разными значительными людьми. Часто видались с Амфитеатровым, с Шубинским; с Ефросом; Веселовским; очень маме нравился долговязый Рахманинов; с Левитаном, Соломко; оч<ень> симпатичным и умным называла она кн<язя> Урусова. Влад<имир> Соловьев показался несколько сделанным, хотя говорил ей много комплиментов.

Часто бывали одно время у Ленских, очень часто у

Медведевой; у Ефроса; папа очень любил С. А. Юрьева и Анну Григорьевну, часто бывали у Липскерова, где бывала вся Москва. Из иностранных артистов (если не ошибаюсь) очень понравились Сальвини, С. Бернар в «Тоске», Э. Дузе в Джульетте. Ермолова меня обожала, но я не могу не напомнить об очень непростом случае. Шубинский написал что-то (или вернее его подручные) на директора, обидевшись за какое-то невнимание к Ермоловой; подумали, что это написал папа; это угрожало неприятностями, и Ермолова приехала умолять маму, чтобы та уговорила папу *только* промолчать, т. е., не оправдываться печатно; папа, конечно, благородно спас Ермолову, но сам был вынужден перебраться в Петербург.

Из артистов Малого театра мама больше всего любила Ленского. Горев был чудом красоты и темперамента, и, не умный в жизни, мог быть на сцене образом благородства и мудрости. К Южину она была равнодушной. Очень любила Никулину, Лешковскую. Ермолова, гениальная Иоанна и прекрасная Гермиона, не могла играть матерей. Медв<едева> говорила: «Машенька, вы холостая». Гастролирующая Савина показалась маме замечательной; она играла одни роли с Ермоловой и Федотовой («Цепи»), по сценам; некоторые сцены были лучше у одной, другие — у другой. В «Идиоте» сцена Н<астасьи> Ф<илипповны> с деньгами была сильнее у Ерм<оловой>, сцена с Аглаей — у Савиной.

Яблочкина одевалась со вкусом, но инженючила; говорила «папаша, мамаша», лепеча как девочка, несмотря на большой рост; очень подражала Федотовой. Мама любила оперу; в детстве мечтала петь Миньону.

Интересной для мамы была поездка в Польшу, варшавские газеты хвалили маму наравне с Ермоловой. Польские актеры ей очень нравились.

Возвращаясь к ее семье, расскажу, что помню. Свое первое впечатление от театра дядя Коля[8] высказал так: «Здесь дубина, тут дубина, там земля горит».

Дядя Сергей был серьезный, много читал: дядя Николай веселый, любил приврать, много болтал; участвуя учеником в пасторали «Пиковой дамы», называл ее «эта подхалимская». Веселым драчуном был младший — дядя Саша.

Младшая сестра Ольга росла красавицей и молчаливой гордячкой. У нее были ослепительные цвет лица и зубы. Она была похожа на царицу. Девочкой восхищала Москву танцем «Амура-Воина» в Царе Киндавле. Ей прочили славу, но от сырости дортуара у нее сделался жуткий ревматизм, испортивший ей ноги, и карьера не удалась. Она вышла замуж за кузена дядю

Пашу Бодло, но от внутренней травмы стала какой-то странной. Я помню смутно, что у нее был любимый кот <нрзб> с бантом и красивые тюлевые банты у нее самой на шее. С ней у меня связалось представление о себе самой в будущем (а не с мамой); м. б., потому, что она была — Ольга, блондинка, балерина — мамочка была драматической и брюнеткой.

Чего я не могу помнить, это Пановского сада. Мама его помнила чудесным, с орешником, с плодовыми деревьями и ягодными кустами; все дети имели по своему «посвященному» дереву и кусту. В саду возились тетки. Дедушка Бодло купил сад под фабрику и вырубил его. Я помню только большие деревья черемухи во дворе, за домом, у забора. Дом был светлый, квартира чистая, мало мебели, в столовой деревянные скамейки вокруг стола, лестница (на которой всегда сидели) вела наверх, в комнату баб<ушки> Фокти, где жили мама с тетей Сашей в детстве. В гостиной стояла пальма, на столе красивая лампа с розовым фарфоровым абажуром с греческой головой — не то Александр Македонский, не то Афина Паллада. Висела гравюра — венчание Марии Медичи. В этой гостиной мама в детстве танцевала с дедушкиным учеником по салонным танцам.

В бабушкиной комнате (над корзиной с бельем) висела картина «Дочь фараона»; царевна в белом пеньюаре шла под опахалами рядом с подругой в кирпично-красном, в тростниках вдали рабыни выплескивали корзину с маленьким Моисеем. Мне эта царевна в кружевах и диадеме безумно нравилась, но в почете эта олеография не была.

Говоря о маминых знакомых, я забыла о главном. Это Станиславский, который с папой был в дружбе, они целыми часами спорили об искусстве, Станиславский стоял за реалистический, папа — за романтический театр. Мама и Лилина с трудом их «разнимали» и увозили домой. Станиславский был крестным отцом Маруси. Мама не была поклонницей С. как актера, он ей не нравился в «Уриэле» и других героических ролях.

В спектакле, где отец играл Уриэля, С. играл другую роль — у нас сохранились афиши. Зато мама очень любила Лилину. В С. она находила какой-то оттенок любительства и плохую дикцию.

В Малом Театре не было режиссуры в новом понимании, за много лет от Чернавского слышали только «Погромче, покрепче» (он картавил).

Мама очень дружила с кузинами Еленой и Александрой Бодло. До конца жизни она сохранила вкус к французской кухне, к салатам «Romanie» и французской манере подачи блюд. Часто она бывала летом на даче у Бодло; после ездила к Медведевой.

Семьи Пановых и Бодло были вначале очень дружными, после

все отношения распались. Но самая большая любовь связывала маму с сестрой Александрой. Когда (в их детстве) случилась в какой-то опере авария и тетя Саша падала с колосников в одной части сцены, мама, бывшая на другой стороне, тоже бросилась вниз. Тетя Саша маму обожала; но она и вообще была очень доброй, хлопотуньей, — что-то от крошки Доррит, — деятельной, услужливой, богомольной (ходила пешком в Троице-Сергиеву Лавру); балет она очень любила, имела много подруг и кумушек, вечно где-то крестила и кому-то помогала. При этом она была тихо-веселой, «солнечной», по словам Маруси. После продажи пановского дома она сошла с ума и умерла через несколько лет.

Хоронили ее все родные, как-то особенно трогательно.

Тетя Тава тоже обожала балет; это была бойкая сквернословка, училась никак, но решительно все умела делать по хозяйству. Тавочка не любила супы со всякой зеленью, предупреждала, когда ей подавали суп: «Ну, мне, пожалуйста, без разных». Когда ее спросили, что задано, ответила: «Что-то из отца дьякона». Смуглая, маленькая, не будучи такой красивой, как Ольга и Глафира, она имела множество поклонников, но своего мужа Карла Крюгера обожала до безумия и рабски ему подчинялась, соединяя все «нагрузки» театральные и домашние. Ее дочь Валентина заболела в детстве и росла немая, <вторая дочь> Елена (Лёля) была хорошей девушкой немецкого типа, розовой, белокурой, славной, но скромность и доброта соединялись в ней с внутренней неудовлетворенностью, и лет 23-х она покончила с собой. Мы с ней дружили в Сочи, много говорили, и она считала меня внутренне дерзкой, как Елена Мути, герцогиня Шерни, роковая красавица из д'Аннунцио. Перед ее самоубийством переписка наша прекратилась. Кузина Валя умерла до Лёли.

«Кино-дядя» Николай Панов женился на Нине Робертовне Таировой (по сцене). Она была урожденная Шернваль, и в ее предках были Эмилия и Аврора. Мама была дружна с тетей Ниной.

Дядю Костю все обожали, я слышала много самых восторженных отзывов о нем от киноактеров — у него были какие-то буйные эскапады, известные всей Одессе (там была кинофабрика). Но тетя Нина говорила мне, что семейная их жизнь была очень счастливой.

Неудачником был дядя Сергей. Ничего не вышло из его живописи, и женился он на цирковой, легкомысленной женщине. Потом он заболел. Он был умным и начитанным, но не обладал компанейскими свойствами братьев. Дядя Александр отдал всю жизнь балету, но в личной жизни вообще был счастлив. Жена его

обожала, ее родственники (Поляковы) были очень богатые люди, у них в Москве и в имениях всегда бывало очень весело. Я помню в детстве красивый парк в Никольском, горку с розами на солнце, олеандр в оранжерее и множество лисичек на окраинах парка.

Тетя Маша, неглупая женщина, не обладала вкусом, и мама говорила, что даже кроткая тетя Саша, на вопрос о туалете Марии Никаноровны на каком-нибудь вечере, говорила: «Ну, Маша, та, конечно, придворной дамой из оперы».

Папа брал Александра в некоторые поездки, причем дико волновался, выступая в маленьких ролях в драме. Брали и Прова Садовского, которого прозвали маминым пажом.

Самое прекрасное впечатление осталось у мамы о Чайковском. Он хвалил ее всегда, когда приезжал на премьеры брата Модеста в Москву.

Для мамы переезд в Ленинград был вряд ли счастливым. Внешне она из очень тоненькой девушки («жимолость», как ее звала Федотова), казавшейся, несмотря на рост, девочкой, превратилась в полную женщину с красивым русским лицом. Но у нее был несильный голос, и ее любимые роли у нее отпали. В Ленинграде она играла Аксюшу в «Лесе», интересную роль Лауры («Бой бабочек»), Адды («Гибель Содома»), жены в «Дикарке», Анны в «Шутниках». Охотно и удачно играла Машу в «Чайке». Ей удавались характерные роли — Настя «На дне», <нрзб> в «Петербургских трущобах». Дебютировала она в «Иоланте» — в которой очень нравилась, и потом перебивала успех у Савиной в роли Раисы в «Выгодном предприятии», хотя Савина в роли Ольги, по словам мамы, была выше всех похвал.

Савина сделала много зла маме своими интригами, но «по человечеству» оказалась хорошим товарищем. После смерти папы первая телеграмма была от Савиной. По мнению мамы, многие роли Савиной были очень плохи, но иногда она была «потрясающей». Самое неожиданное и чарующее впечатление она произвела на маму в Лизе в «Дворянском Гнезде». Уже немолодая, она была воплощением чистоты и трогательной легкости.

С Комиссаржевской отношения были хорошие, но отец не считал ее первоклассной артисткой и даже считал, что роль Рози подошла бы больше маме. Очень сошлись с Варламовым, которого мама считала величайшим гением и которого выбрали мне в крестные. Большой успех всегда имели гастроли в Польше и провинциальных губерниях. Оттуда меня и «вывезли». Мама восхищалась великолепием и обилием сирени в загородном парке — сирени всех оттенков — и черными лебедями в городском пруду. Из всех городов, где она была, маме больше всего

нравилась Варшава. Она хвалила также Тифлис, Ригу, Ревель, Гельсингфорс, Одессу, Вильно, Гродно, Ковно, Витебск. В Польше ей очень фестировали; цветов и конфет были горы; устраивали банкеты (я помню только «A l'honneur de notre charmante hirondelle m-me Panoff»[26]). Не совсем удачная работа в Александринке возмещалась этими поездками. Много выступала мама на концертах в женском обществе. Я помню, как она готовила «Бежал Гарун быстрее лани…», «Тополь». Маруся считала ее декламацию не очень удачной.

Помню мамины красивые платья; ангельский капот, брусничное, бледно-голубое с кружевом и черными бархатными лентами для Белугина (?); черное шифоновое, серое суконное, синее с вишневым, бальное сиреневое. Платья были дорогие, парижские и ламановские. В жизни мама одевалась скромно, гладенько причесывалась, никогда не пудрилась.

Из поездок приходило множество открыток и посылок; меня напугала лягушка — очень обрадовала книга «Дюймовочка».

Любимые цветы мамы были ландыши и фиалки, розы, резеда. На Пасху у нас всегда стояли гиацинты среди куличей.

Помню прелестный горшочек в форме большого яйца с ландышем, которое мы подарили вместе с Линой Ивановной на Пасху.

Маруся говорит, что маминым шедевром была роль Фадетты в «Сверчке». Я помню ее в «Марице», она была очень красивой, очень сильно провела сцену истерики и падала в последнем акте, закалываясь, головой — к публике. Помню ее позже — в «Славянке», в «Губернской Клеопатре», <нрзб> и в Гунгербурге в «Джоннаре» из «Ренессанса». Очень хорошей ролью мамы была, кажется, «Катюша Маслова», которую она играла в Москве, в папиной аранжировке. Она в тот период была внешне воплощением Катюши.

Множество корзин привезла мама из Гельсингфорса. Очень восхищалась она финской честностью, дешевизной и обстановкой гостиницы, красотой города.

Мама очень любила гулять и собирать цветы и грибы, но в то же время она была боязливой: никаких буйных движений никогда не делала, двигалась медленно, предпочитала гладкие дороги, очень боялась, когда мы лазили на деревья или на заборы, запрещала нам «страшный» спорт. Как и мы обе, мама панически боялась змей. Боялась очень мышей. Часто падала в обморок, хотя не в такой глубокий, как я. В еде мама любила (как и мы) сыр, зелень (особенно артишоки, шпинат и цветную капусту), пирога, булочки; мороженое, шоколад; варенье вишневое и яблочное, а также (неожиданно) кизил и барбарис (вообще мама терпеть не

могла кислого). Пока не стала вегетарианкой, любила дичь и икру <…>.

Из вин любила французское красное и белое. Коньяк. Она никогда не пьянела и могла выпить очень много. Мама была всегда сдержанной и очень хорошо воспитанной, хотя изредка у нее бывали истерики, почти страшные — это была врожденная и неизлечимая болезнь.

В литературе она обожала Шекспира, из русских Пушкина, Тургенева. Разделяла любовь Шубинского к Алексею Толстому.

Ее любимой арией была из «<Князя> Игоря» — «Дайте, дайте мне свободу». Над папиным обожанием к Шиллеру чуточку трунила. Она слышала такое количество знаменитостей в опере и музыке, что, как мне говорили, больше впечатлялась исполнением, чем самими произведениями.

Мама играла «Артаиду» в Иполлите, и в нее влюбился Бакст, который умолял ее написать с нее портрет. Почему-то она так и не стала ему позировать. Его восхищали все ее движения, и он не выходил из ее уборной.

Матерью она была самой любящей, немного слишком «волнливой», очень ласковой; я думаю, она говорила правду, что любит нас одинаково (мы, конечно, были разного возраста и разных поколений). Тем не менее нас сильно муштровали, начиная с манеры ставить ноги, сидеть на стуле и т. д.

Мама говорила, что отцу не нравилось, чтобы она готовила, и даже «чтобы дороги на кухню не знала», но в революцию она выучилась и очень вкусно готовила салаты, супы (особенно, как Юрочка[27] называл, «легкий», или «суп сезон» с разной зеленью: горошком, мелко нарезанной капустой и т. д.), также кроличьи пирожки с укропом и яйцами и котлеты: капустные, «бобьи», свекольные. Я иногда бранила маму за не совсем доваренную картошку, и она смешно оправдывалась. Мама рассказывала, что она в свой последний сезон («Невель» или «Остров») угощала товарищей в день бенефиса, как все было нарядно подано, и актеры долго говорили о таком «аристократическом» вечере. Я забыла написать, что мама еще очень любила хорошие груши, фисташки, земляничный торт (специальность… Кузнецова?..)

Но всего больше она любила булки с мясом, крутые яйца и молоко.

Мама очень умела делать театральные костюмы, а после выучилась шить (без машины), и некоторые платья, которые она мне шила, были очень милы. Особенно черный джемпер с двумя юбками; шелковой клетчатой (черное с темно-красным) и черной тюлевой с пестрыми полосками (это из маминых); и вуалевое серовато-зеленоватое, в котором я встречала Новый Год в

помещении Камерной музыки{9} (было очень весело). Но всего лучше мама делала шляпы, хотя почти всегда мы обе бранились и плакали… самой лучшей была серая соломенная с неровными полями и легкими перьями; мальчики на Невском принимали меня в ней за американскую звезду.

Играла она еще пьесу «Он» и какую-то еще в модном тогда жанре «Гиньоль». Я помню, что какую-то из них она играла в рыжем парике. К другой готовилось ситцевое пестрое широкое полосатое платье — после мама сделала мне из него платье, а еще после — из обрезков — круглую диванную подушку, я ее очень любила.

Помню (я еще не ходила в театр) в летнем сезоне в Перми мама играла Фламэалу («Смерть и Жизнь») и… (забыла сейчас имя!) мавританку, которую в конце сжигают на костре. Дома она сама, Л<ина> И<вановна> и Аннушка шили костюмы, пришивали блестки и пальетки. Мама в костюмах была очень красивой. В последних сезонах, когда мама уезжала в провинцию (Тифлис, Симбирск, Гродно, Витебск, Саратов) — это уже после смерти папы — мы оставались с Линой Ивановной — она отовсюду много писала, кажется, очень о нас скучала; из Тифлиса посылала виды и типы Кавказа; привезла кавказские шарфы, вазочку (мне), серебряный кинжал. В Тифлисе она играла Зейнаб и очень нравилась в «Княжне Тараканової». Даже в сцене без слов были дикие аплодисменты, вероятно, за красоту. Аннушка ездила с ней в Тифлис и после все вспоминала, как «мы в Тифлизе» «жили с барыней» и как ее угощали вином в духанах. В феврале, когда мама собралась в Ленинград, по окончании сезона, цвели фиалки.

В Симбирске служил Таиров. Он очень любил выступать как актер, но это было очень слабо; но зато как режиссера (он тогда только начинал) и как человека мама его очень хвалила. Из ролей мамы последних лет лучшие были фру Альвинг (она играла ее с Орленовым, Самойловым и т. д.), Кручинина (с Максимовым, Самойловым и др.), а также «Сестра Тереза». Мама была очень хорошей Катериной в «Грозе» и Василисой Мелентьевой.

Мама всегда много читала; жила она без очков и читала с увеличительным стеклышком. Она любила географические вещи и «жизнь замечательных людей».

Мама очень любила ездить и идеально упаковывала большие сундуки. Она любила, чтобы все вещи были на своем месте, чтобы все можно было найти без спичек в темноте. Летом она любила вставать очень рано. Она болезненно относилась к долгам и после смерти папы выплатила все его довольно крупные долги.

Очень ей хотелось побывать за границей, и в последние годы

жизни она иногда жалела о неслучившемся. О чем она жалела еще? Ей всегда хотелось иметь дорогой английский плэд — у нее тогда были польские. Еще в молодости ей хотелось иметь шотландское платье, но у нее его никогда не было. Также хотелось иметь аметистовые бусы, как у двоюродной ее сестры Манохиной, — но тоже это не удалось.

Потом она (как и ее мать) любила светлые и очень мало заставленные квартиры, — наша квартира на Суворовском была темной, и за революцию коридор был в дровах, вещей было много, Л<ина> Ив<ановна> с трудом расставалась даже с бревнами, и мама в этом случае бывала пассивна. Я за последнее время чуточку «разгрузила» квартиру, перетаскав для продажи много вещей. Она, как и я, любила цветы, но я ставила во все банки и корзины, как у бенефициантки, а мама любила немного, в одной или двух вазочках. Зато она любила «выращивать» сама; то померанцы, то зеленый лук. В Тагиле она вырастила зимой лук к своим именинам и была очень довольна, когда ей удалось из маленьких отросточков Елиз<аветы> Савельевны вырастить большие зеленые кусты: комнатную березку, декоративную крапиву, невесту, герань. Она с грустью с ними расставалась при отъезде.

Мама была верующей, хотя не исполняла особенно ревностно обрядов. Болезнь ног не давала ей в последние годы ходить в церковь и к папе на могилу. Она очень жалела, что не взяла с собой в Тагил образ Николая Чудотворца и «Западный Театр»{10} в бледно-зеленой обложке с подписью папы, с которым она никогда не расставалась. Она велела мне положить ей в гроб иконку на фарфоре, образ Божьей Матери, — только вынув его из медальона. Она венчалась с этим образом.

Другую ее просьбу мне не удалось выполнить; это чтобы на отпевании зажгли ее подвенечные свечи (с золотистыми полосками и букетиками флер-д-оранжа), которые стояли в киоте. Эти свечи остались в Ленинграде…

Мама не запоминала всех снов, но некоторые ее пугали. Особенно поразил и напугал ее сон (до войны) о бесчисленных гробах, которые несли со всех концов.

Мама была подлинно тургеневской женщиной, редкой чистоты. Она осуждала кокетство, адюльтеры, вольные разговоры. Ей нравился внешне Л. Л. Раков, и было очень смешно слышать от нее, когда она рассказала о какой-то супружеской измене: «Но я поняла бы еще, если бы это было с Львом Львовичем».

Мама очень любила М. А. Кузмина. Ей нравилась его простота, непосредственность, естественность в соединении с огромной культурой. Очень нравилась его игра на рояле и

импонировало знание языков, особенно ее любимых — французского и итальянского.

Очень нравился ей А. А. Степанов, также Д. И. Хармс и «три девочки» его. Мы обе полюбили Машу, мама потешалась над ее словечками… «Честное слово»… про Ольгу: «Девица такая неаккуратная»… В предательство Ек<атерины> Ник<олаевны>[11] мама так и не поверила.

Мама хорошо относилась к Ване[12] (к сожалению, страшный год в Ирбите омрачил эти отношения) и очень любила моего Юру. Она всегда за него молилась.

…Мама всегда говорила, что лучшая смерть по ее мнению — от разрыва сердца, на сцене; так умерла (мы обе были в театре) Н. С. Васильева, играя бабушку в «Обрыве» в Александринском театре. Мама ей завидовала.

Мои родители были честолюбивы, но оба лишены начисто аферистичности и не способны на какие бы то ни было компромиссы. У отца было больше доверчивости, веселости, у него был «легкий» характер, и он легко сходился с людьми; мама была горделиво-недоверчивой и порывала с нужными ей людьми, если ее что-то задевало. Но сама она была очень верным человеком и свято выполняла то, что считала своим долгом.

Если необходимо отмечать недостатки, даже у умерших, то я думаю, одним из главных был передавшийся мне недостаток (у сестры этого нет): это крайняя пассивность натуры, неумение самой устраиваться, но от несчастливых результатов этого — переброска вины на судьбу и на других людей. Потом, мне кажется, что прирожденная и уже в детстве всеми врачами признанная истерика могла быть умерена, если бы относились к ней как к слабости; во всем другом мама была по-военному дисциплинирована; но я помню в детстве, как нечто обязательное, мамино «волнение» в дни премьер и ответственных спектаклей и концертов; шушуканья прислуги относительно маминой ревности, как о капризах; но это «тени», а так, каждый по-разному, отец и мать были олицетворением благородства.

У обоих было то, что у меня и что было у Пушкина: сильное стремление хоть как-то пережить века здесь, на этой земле; не только за гробом. Это сильнейшее из всех желаний, по наследству передавшееся мне и непонятное Марусе. Я часто успокаивала маму, что в истории театра она будет обессмерчена и образ ее останется таким, какой она была в лучшие годы: молодой и прелестной, как цветок. Больше всего я жалею о гибели ее портретов, хотя немногие передавали ее точно; она была не «фотогеничной».

Ее последние годы были грустными. Болезнь, потеря Юрочки, смерть на чужбине. Тагил ей представлялся ужасным, она говорила, что больше всего боится умереть в Тагиле, лучше уехать и умереть в дороге, и чтобы ее труп выбросили в окно… Полюбила она актрису Чайку, понравились ей Логиновские; но вообще она стремилась из Тагила. В Тавде ей понравилось, и она даже выполнила свою мечту: ходила быстро и бойко — в парк за грибами. Но в Ирбите было очень плохо; зимой было темно и холодно, жили как в пещере, терпели полуголод, все были злые и ненормальные.

Мама очень любила Всеволода, молилась о Мите, бывшем на войне. Она умерла до его приезда. Одной из последних сознательных фраз ее была без меня Марусе: «Маруся, скажи Оле, чтобы она дала тебе камфары». Мне она уже в агонии сказала про деньги, спрятанные ею, чтобы я уехала в Ленинград или к Юре, и скрыла их от всех. Когда я плакала, она услыхала и стала утешать меня, хотя я плакала тихо и она уже почти не слышала ничего.

В день ее похорон было солнце ранней весны; маму одели во все белое, и она была похожа на грузинскую царицу, но лицо было восковое, бледное и заостренное, потерявшее румянец и круглость, свойственные ей при жизни, — лицо красивое, но совсем другое…

Фиса и Женя сделали белые и голубые цветочки к венкам и веткам, и хотя мама не любила бумажных цветов, я убрала гроб этими ветками и цветочками, и было красиво в своей бедной и суровой простоте…

Отпевал маму о. Александр. Кладбище очень красивое, березовая роща на высокой горе с высокой белой оградой… с холмов видна даль, река, луга, дорога…

Могила близко от церкви.

Очень помогли нам М. А. Козловская и А. Ив. Стрэлли; мама еще при жизни, когда я хвалила кладбище, сказала: «Выбери мне место». Она очень огорчалась, что без нас в Ленинграде похоронят кого-нибудь чужого около папы, в его ограде. Такая же судьба постигла в свое время бедную бабушку Глашу, которую в 1921 году пришлось похоронить не среди своих, на Ваганьковом, а на другом кладбище (Лихаревском?), и могила которой очень скоро исчезла. Мама так и не навестила ее, о чем часто и много плакала.

…Со слов мамы, а та от бабушки Глаши — знаю, что самое важное не панихида, а заупокойные молитвы во время Литургии. Бабушка Глаша всегда подавала за умерших родных и беспокоилась, что после ее смерти никто не будет этого делать.

Чего мне остается теперь, как не желать моей маме

бессмертной жизни *там* — и посмертной славы *здесь,* на этой земле.

Папа

Папа родился в Юрьеве, в 1863 г., он был на 6 лет старше мамы. Его отец был шведского происхождения, но православным; был дворянин и богатый человек, но потом разорился и умер или в долговой тюрьме, или в сумасшедшем доме. Мама говорила, что он не любил о нем говорить.

Его дед по матери, фон Бекман, был военный и в молодости был другом по полку гр<афа> Баранова, который в свою очередь был шафером на свадьбе Александра II с Юрьевской.

Бабушка Розалия Оттовна была младшая; ее родной брат Николай Оттович, хоть и дворянин, занимался торговлей, что, кажется, принято в Остзейдском крае, а сводный брат был генералом прусской службы и имел майорат в Германии. Сестра Мария была замужем в Сибири; незамужние Эмилия и Луиза служили; первая была красавицей, вторая очень некрасива, но очень хорошая, и отец ее очень любил. Баб<ушка> Роза была очень веселая, с большими голубыми глазами, очень высокая, шумная, бестолковая, хорошая хозяйка, чудно делала котлеты и варила варенье, и очень любила пестро (и, кажется, безвкусно!) одеваться, чем была противоположностью маминой матери, серьезной, добродетельной, чинной, тактичной. После смерти мужа она осталась без средств, и Барановы предложили баб<ушке> Луизе взять папу к ним в Москву. Он был моложе всех Барановых и очень дружил с самым младшим из детей, Сашуркой.

У Бар<ановых> в родстве были Адлерберги, кн<язья> Голицыны и др. Кто-то из них был министром просвещения, и папа в детстве сидел в театрах в министерской ложе. Как-то в театре был Александр II, и папа с Сашуркой ему вежливо поклонились. Он после похвалил графиню за хорошо воспитанных милых сыновей. Государю возражать было нельзя, и графиня поблагодарила за любезность. Папа был доволен. Его готовили в министерство, но папа противопоставил всему свою страсть к сцене.

Он был либерально настроен и не позволял хлопотать за себя, поступив назло на рядовое положение, чем очень огорчил графиню. В папе было странное сочетание шиллеровского идеализма и самых благородных чувств с большим чувством юмора, любовью высмеивать (правда, кажется, не очень зло) и

непосредственностью, которая подчас переходила за границы строгого такта и дипломатичности и наживала ему иногда врагов, но вообще его очень любили; прислуга его боготворила, и от многих я слышала об отце своем, как об идеально честном, хорошем человеке, настоящем рыцаре чести. Он был очень веселый: мама говорит, что у Ермоловой он устраивал танцы, заставляя всех бегать по этажам; любил (вместе с А. С. Черновым и А. А. Стрешневым) вышучивать Лину Иван<овну>, уча ее глупостям на русском языке; вообще был «душой общества». На сцене ему мешали слишком высокий рост и глухой голос, а также легкий немецкий акцент, который в жизни не слышался. У него были очень красивые грустные сине-серые глаза с очень длинными ресницами и густыми бровями (мама смеялась — как у «Вия»); неправильные черты лица. Он говорил Марусе, что его неправильно повели на героические роли, так как ему следовало бы играть характерные. В Москве в Малом театре он играл жениха Киэржи в «Эгмонте», первого актера в «Гамлете»; в Лен<ингра>де хорошо играл принца Арагонского в «Шейлоке», мне говорили об этом Мейерхольд и Евреинов.

В поездках играл Уриэля Акосту, графа де Ризоора; очень хорошо играл Актера в «На дне», но предпочитал сам Сатина. Маруся говорила, что как у мамы — Фадетта, у папы идеальной ролью была роль Тома в «Хижине дяди Тома». Она говорила, что сцену молитвы Тома нельзя забыть, как лучшие роли лучших актеров.

Очень хорошо также папа декламировал. Он обожал Шиллера; в день своей смерти у него на столике в больнице лежали «Дон Карлос» и Евангелье. Из русских знаю, что любил Л. Толстого и Гаршина, из поэтов — Лермонтова. Папа был очень способен к языкам, знал их несколько, включая испанский и шведский, был музыкален, неплохо рисовал, но его любовь к театру поглощала все, и у него не было времени, как жаловалась мама, ходить на выставки и концерты. Из артистов он обожал Ермолову и Лудвига Барная. Его самого приглашали в Германию, но он отказывался из-за мамы, которая не могла бы выучить язык. Папа любил верховую езду, причем флиртовавшая с ним тетя Катя училась ездить, но мама боялась.

Папа ужасно любил животных. Он всегда на даче приучал хозяйских собак; в Перми была рыжая собака Норка, дымчатый кот Димка, в Левашове мал. Рокс и необыкновенно любимый (в Шалове) черный, гладкий Арап. Наконец в П<етер>б<урге> черный кот Аркадий Счастливцев, который жил много лет, хотя падал с 5-го этажа и стал хромать. Папа, играя с котами, растягивался во весь рост на половике на кухне и заставлял меня

дико визжать, делая «политического преступника». Вообще он любил дразнить, и я боялась песенки с куклами: «Была девица Оля, пошла она гулять; а ей на встречу Коля, и ну ее трепать».

Марусю папа очень строго наказывал, хотя и любил, конечно; но я не помню его наказаний, меня «тиранили» мама и Лина Ивановна. Я помню, наоборот, неожиданные радости; то требование моментально одевать нас и везти в балет, то в гости к управляющему на Охту. Папа любил «немецкую» елку; непременно зажигали в Сочельник; на второй день Рождества была елка официальная, после моего дня рождения, и много гостей.

Папа любил песочные пироги с яблоками (их мастерски готовила Поля), котлеты, свинину, колбасные изделия; он очень тонко резал сыр; мама жаловалась, что он в поездках вечно ест колбасу на станциях, что ему вредно. Дикие боли были у него от телятины. Вино он любил Рейнское, самое любимое было что у Юрочки — штейнрисслинг. Пил охотно пиво, которое мама терпеть не могла. Любил апельсины, яблоки, варенье; морошку и рябину. Обожал устрицы. Цвет любил голубой; норовил подарить маме голубые вещи, но они ей не шли и она этого цвета не любила. Это, как и Юрочка, любящий оранжевый, который совсем не идет мне.

Он очень элегантно одевался, шил у Мегески <?>; любил хороший табак и вечно смотрелся в зеркало. Мама же даже причесывалась без зеркала. Доброта и веселость привязывали к нему, но он «загонял» по своим делам Л<ину> Ив<ановну> и прислуг, часто будя их даже ночью; но они воспринимали его как святого. Он любил приводить гостей в любое время, «подкидывая» их маме, если у него была срочная работа[28].

Он был первоклассным администратором, любил заниматься переводами, но не очень любил режиссуры. Театральное общество брало у него много времени. Папа был секретарем, президентом был князь Сергей{13}. Они были одинакового роста, и князь, чувствуя к отцу симпатию, часто ходил с ним и изливался в своих чувствах к «Мале», т. е. Кшесинской.

Савина папу баловала, готовила ему любимые им пирожки и льстила; но мама говорила, что Молчанов очень его эксплоатировал. Вообще отец был доверчив и падок на лесть; при его огромном трудолюбии эксплоатировать его было очень легко. Он основал Союз муз<ыкальных> и драм<атических> писателей вместе с Билибиным{14}, которого называл одним из лучших и порядочных людей. Зато Кугель при всем таланте был темной личностью и против мамы имел *предвзятую ненависть*. К папе приезжали по делам всякие знаменитости; Пшибышевский,

<нрзб>; он сам по поводу «Катюши Масловой»[15] ездил в Ясную Поляну, причем знакомая с Барановыми Софья Андреевна принимала его крайне любезно, но сам Толстой произвел на него впечатление не совсем искреннее, о чем он только спустя время конфузливо признался маме. В молодости он дружил с Амфитеатровым, с баритоном П. Хохловым (он сам одно время учился пенью). В карты он не играл. Мальчиком он в вагоне проиграл в карты какому-то жулику все, что у него было, и какой-то незнакомый человек помог ему отыграться и взял клятву никогда не играть.

Он питал особое уважение к С. А. Юрьеву. В Лен<ингра>де подружился с Варламовым, с семьей Черновых и с зятем Юрьева А. А. Стрешневым. На похоронах папы Стрешнев падал в обморок и плакал, как ребенок. Когда папа был женихом мамы, он дружил с Бальмонтом. Он его «спасал», когда тот бросался в окно[16], и после возился. Мне о папе после говорили с большой симпатией Лариса Мих<айловна> Энгельгардт (бывшая раньше <замужем> за Бальмонтом, мать Никса и Ани), Мусина-Озаровская, знавшая его издавна, и жена Качалова Литовцева (которую папа в юности звал Ninon de Lenclos). Мою тетку Ольгу Викт<оровну> он называл «Валюше».

Большим потрясением в жизни отца была грязная история, затеянная Ге, и суд[17]. Может быть, это ускорило его смерть. Болезнь была очень мучительной. Он не раз просил маму, если она любит его, его отравить. Я помню больницу (французскую), где его оперировали, сад, французских монахинь в их особенных уборах…

Лине Ив<ановне> он подарил на день рождения розу и сказал, трогательно, что больше у него сейчас ничего нет, что он благодарит ее, как верного спутника его жизни и семьи. Лина Ив<ановна> берегла засохшую розу и «Западный театр»[18] с надписью всю жизнь.

Умер он уже дома, на Литейном; перед смертью причащался. Мама говорит, что он сказал ей: «Как люди скверны! Хотелось бы пожить еще для тебя, для детей…»

Похороны были очень торжественные. Я думала тогда, глядя на бесконечное количество венков, что папина душа чувствует это и радуется солнечному свету и славе. От Варламова был крест цветов, от Черновых огромный венок; венки от всех театров петербургских и московских; от Союза, от театрального общества; венок темно-красных роз от Союза писателей; маленький веночек от Аннушки и Поли; венки искусственные и живые, дубовые, лавровые; в могилу бросили массу роз! Белый катафалк с длиннейшим цугом; я помню, И. Ф. Ромашков, папин друг,

руководивший похоронами, от себя еще прибавил пару лошадей.

Помню, что маму вел Молчанов; я одно время ехала в карете с Мусиной; прощаться с папой меня поднял на руках заплаканный Ходотов.

Старики из убежища просили отпевать его у них в церкви и похоронить на Охте, поближе к их месту{19}. Мама согласилась (и после сердилась, что она не настояла на Лавре…) Когда выносили из квартиры, мне казалось, что весь двор и вся улица запружены народом. Дико рыдала кухарка Поля, плакала прачка Мария Ивановна, плакал дворник Федор, приказчики от Гурмэ, папиросные мальчики, парикмахеры, извозчики, возившие папу, почтальоны. Путь до убежища был долгий. После панихиды незнакомой дорогой процессия двинулась на Охту. Мама потом с горечью говорила о баб<ушке> Розе, что та, несмотря на горе, с удовольствием примеряла черную пелеринку и траурный вуаль, стараясь приладить все точно, как графиня Баранова на похоронах мужа; зато бабушка Луиза уехала, не дождавшись папиной смерти, т<ак> к<ак> он знал, что она спешит, и она не хотела, чтобы он догадался, что ему так плохо. Папа был похоронен на Олонецкой дорожке. Через 10 лет Союз поставил памятник. Долго висели венки в футлярах. Потом все развалилось, но на кладбище все, даже новые, знали папину могилу, называя ее «Могила Артиста».

Лина Ивановна

Моя Л<ина> И<вановна> родилась в Юрьеве, как и папа. С детства помню слова Dorpat{20}, Embach{21}, Domraine. Отец Л. И. происходил от какого-то барона (Икскуль?); мать, Alte Frau[29], была урожденная Wahrmann. Это была чудная старушка, я любила ее больше всех бабушек. Но Л<ина> И<вановна> помнит ее в молодости очень строгой, но справедливой. Когда дети жаловались друг на друга, она их секла в ряд. Л<ину> И<вановну> баловала ее старая няня. Alte Frau была садовница. У нее был чудный сад, но так как никто из детей ей не помогал, ей пришлось продать его.

Карл Ив<анович> уехал, Bernhard был ученым и любил все русское; он умер в Саратове.

Reinhold, младший брат Л<ины> И<вановны>, был шалопай, учиться не хотел. Его забрали на военную службу; он рано умер. Своих дочерей он называл Линами. Последняя (Kleine Lina[30]) жила немного дольше, это была прехорошенькая темноволосая девочка с ангельским голосом и характером, очень

религиозная. Она тоже рано умерла, и Рейнхольд сам тоже умер.

Alte Frau в старости жила в убежище[22]; обожала проповеди пастора Эйзеншмидта; приезжала к нам в Петербург часто, и у нас умерла в 1912 году. Похоронили ее на Успен<ском> кладбище.

Когда ей было лет 70, ей еще сделал предложение какой-то богатый старик, обладатель большого сада с ягодными кустами. У нас она ездила в театр, одевалась за три часа, готовая к отъезду. Испугалась Демона, но после удивлялась, как нечистый раскланивался в виде такого красивого господина… На Шейлоке стеснялась любовной сцены Джессики и Лоренцо, *неженатых* любовников. Меня она обожала. «Fr<äu>l<ein> Marussua wird sicherlich einen Grafen heiraten aber fr<äu>l<ein> Olly, die verspeist schon einen Herzog….»[31]

Очень смешил и пугал ее «diezer drollige Herr Schrammachkofif»[32], который падал на пол в передней, взбираясь на наш 5-й этаж — и очень импонировала «Frau Professor Berekirsky»[33], писавшая ей поздравления в Юрьев. Богаделки завидовали: «Welch Bekante haben bei Frau Tamm!»[34] — Мама делала ей восхищавшие ее «Hauben»[35].

Еще при жизни папы она говорила: «Unster Herr, der wird sicherlich Minister werden»[36]. Она очень сердилась на дочь за наши наказания: «Aber, Lina, herrschaftliche Kinder…»[37] В молодости она была очень хорошенькой, темноглазой, румяной женщиной. По-русски ее звали Марина Егоровна. Я ее побранивала за особую любовь к старшему сыну Карлу (так же, как бабу Глашу за любовь к сыну Сергею), объясняя, что Л<ина> Ив<ановна> и моя мама — наиболее достойные главной любви.

У Л<ины> Ив<ановны> в детстве была любимая собака Понто. Училась она хорошо, но, по-моему, их больше учили «Turnen[38] и прямо сидеть. Помню имена Верна Мазинг и Ида Трейфельд, подруг Л<ины> И<вановны>. Иду я знала после. Это „розовая дама“ — прозванная так баб<ушкой> Глашей за ее румянец. Л<ина> И<вановна> рассказывала, как она, будучи суеверной, встретила перед экзаменом в пути старуху и пошла другой дорогой, провалилась в ручей, вымазалась в болоте и т. д.

Л<ина> И<вановна> вспоминает кошмарное впечатление от сыроварни; ухаживания приказчиков; Alte Frau заставила ее учиться шитью (она училась у Frau Maline). Л<ина> И<вановна> была очень способна, но терпеть не могла шить; она любила бегать, драться с мальчиками, лазить по деревьям. Вспоминала студенческие дуэли и Johannis feuer[39].

В Петербурге и во всех дачах у нее были приказчики-поклонники. Меня угощали апельсинами и конфетами. В

мануфактурных лавках я довольствовалась глажением котов. Л<ина> И<вановна> была невинной, и флирты ее были словесные, для смеха. „Закараводить“. Папа ее дразнил. Серьезный роман у нее был со студентом, но я не помню. Потом, позднее, с латышом-революционером, которого она навещала в тюрьме и который после уехал в Америку. В Порхове в нее влюбился капельмейстер (и полковник) Хост. Мы пели: „Röckchen und Jäckchen, Stiefelchen mit Häkchen…“[40]

Игры она любила с беготней, скачку с препятствиями.

Она обожала кислые яблоки, варенье из красной смородины, пирожное яблочное; любила пиво Вальдшлёсхен, верила в коньяк; любила сосиски, колбасы, черный хлеб, соленые огурцы и особенно — всякую рыбу, позднее она мечтала об окончании — когда <нрзб>, буду пить коньяк и съем одна целого фаршированного сига»[23].

О коньяке она говорила: «Если не смертный случай и Бог не хочет, а коньяк в доме, никакая болезнь не возьмет».

Любимые ее цветы были незабудки и Schwalbenaugen[41]. Очень любила животных.

У нее были кумушки: Катя <нрзб> (крестница Тона) — Heide <?> (крестница Миральди) — друг Коля, подруги Саша, Роза; самая любимая подруга Milia умерла давно. Очень много всяких веселых компаний. Долголетний флирт со Спиридоном Андреевичем был со ссорами и обидами.

Она была истеричкой, и иногда у нее были взрывы черной меланхолии, рыдания; она обожала кладбища; в ее ссорах с мамой я принимала ее сторону, п<отому> ч<то> она была подневольная.

Она очень любила бегать по делам, Савина оценила ее как умного и толкового человека. Маму она выхаживала во время всех болезней. Мне кажется, у нее был определенный медиц<инский > талант. Она нас мучила своей ленью к шитью. Гордилась, что тетя Катя считала, что у нее «есть линия» (то же сказал потом Володя Кузминский). Но ждать нового платья приходилось месяцами и проливать слезы.

Она любила шумные танцы, немецкий вальс в 2 па, польку, шмиттер-штуттер. Баб<ушка> Роза научила ее делать вкусные битки.

Читала очень мало, но очень тонко разбиралась в актерской игре. Немного гадала по картам, верила в сны. Боялась она до безумия лягушек.

Ее неосуществленной мечтой было черное бархатное платье и серьги с небольшими бриллиантами. Она мне завещала, чтобы на ее похоронах были непременно две лошади и цветы.

Она была религиозной и, хотя считала, что надо лютеранке придерживаться своей религии, любила русские церкви; в последние годы особенную веру имела в икону Спасителя и в Блаженную Ксению.

Ей очень хотелось быть похороненной на сухом и светлом месте. Она в грустные минуты вспоминала свою мать и братьев, детство, няню, собаку Понто. Очень любила наших зверей: шаловского Арапа, потом наших кошек Мусю, Кутю, Виолетту, Васю и Периколу наконец со всеми ее котятами.

Полюбила маленькую внучку Людочку. После болезни она стала очень кроткой, все ее сварливые нотации пропали, как их не было; она боялась Линцу{24}, побаивалась маму, молилась о моем Юрочке{25}.

Трогательно кормила голубей, говоря: «Птички, птички, принесите весть об Юрочке!»

Но она постепенно забывала прошлое и не всех узнавала даже из близких знакомых. Сознание приходило неожиданно.

Из смешного в ней было коверканье слов — «Видали вы, Михаил Алексеич, как Александру III задик почистили» и определение мужской внешности по одной части. «Еврейский зад, висящий зад». О К. Фейдте в «Инд<ийской> гробнице»{26}: «Конечно, Olga, он гениальный артист. Но… сухой зад, совсем Аугуст Карлыч Шмидт».

Она не любила немцев и во время войны чуть не дралась с братом из-за того, кто лучше, немцы или русские. Он обожал немцев.

Ее брат Карл Ив<анович> был высоким мужчиной с несколько монгольским лицом, загорелый, очень прямой. Он был садовником, обожал свое дело, был гордого и независимого нрава. Помню в детстве, когда он служил в Шуваловском парке, у него одно время жила Alte Frau; перед ее домиком была клумба с настурциями.

Долго он оставался старым холостяком, женился незадолго до смерти А<lte> F<rau> на Елизав<ете> Семеновне. У нас справлялась свадьба. Он делался очень раздражительным, когда пил, но вообще был человеком добрым и безукоризненно честным. В имении ген<ерала> Холодовского, где он был управляющим и где я бывала несколько раз, был чудесный, хотя запущенный, парк, большой птичий двор и огромное количество лугов, полей, леса. Я не понимаю, как у таких родителей могла родиться такая ужасная дочь{27}.

После революции К<арл> Ив<анович> спас младшего Хол<одовского>, Дм<итрия> Ив<ановича>, а его самого спасли бабы. Три дня он ждал смерти, сидя в подвале. Мне

кажется, что он после этого стал немного странным. Служил он по-прежнему по своей части, в Сумах или в окрестностях. Незадолго до смерти он бывал у нас в Ленинграде. Меня он очень любил. Когда он садился в вагон, неловко попрощавшись с Линцей и со мной, у меня было тяжелое предчувствие. Смерть его была какая-то темная, — не знаю подробностей, но чудится что-то вроде тургеневского Дон-Кихота.

Он плохо говорил по-русски, любил прихвастнуть: «Я, Лина, правильно, а ты не правильно». У него была известная тупость, чванливость — будь он в Германии, он мог бы стать адептом Гитлера в обожании всего немецкого, — но чувство долга истинно рыцарское, верность друзьям, чувство благодарности, стойкость, большое благородство. Его жена Е<лизавета> С<еменовна> — латышка, без романтичности мужа, но зато обладавшая здравым смыслом и юмором — прекрасная хозяйка, очень сдержанная, рассудительная, легкая в быту. Я удивлялась, как можно с ней поссориться. Она обожала дочь и тоже сильно изменилась после революции. Немного сводила счеты со старым мужем, который, влюбляясь в каких-то прелестных юрьевских дамочек в молодости, «женился по расчету» и не скрывал от жены этого; впоследствии у нее была какая-то мстительность в его отношении. Линца скверно поступила и с нею, уехав в Лен<ингра>д, оставив мать при смерти.

Что сталось с их могилами, я не знаю. Вспоминаю сумские кладбища — одно со светло-зеленой рощей — на окраине; другое — скалистое, с обвалами песка, в другом конце города.

Когда я была в Сумах в 1927 г., Линца с подругами играли, напевая песенку: «Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем, печаль-тоску размыкаем, размыкаем, размыкаем»…

Там я написала маслом картину на фанерке — одну из своих лучших — две девочки во дворе — называлась она: «Давай, коза, попрыгаем»…

Л<ина> Ив<ановна> в юности обожала Северского. Помню, как она пела — «Я цыганский барон», «Колокольчик однозвучный», декламировала, коверкая слова, стихи Никитина и «Господь с тобой»[28].

В Уфе (я этого не помню) ее заняли в театре на выход в «Каширской старине»[29] и еще в чем-то, но с ней стало дурно от страха, а так она была бойка. Она там помногу говорила с Ходотовым, который ей очень нравился, как актер, и плакала над пьяным <нрзб>, который вспоминал покойную мать.

Я в детстве прислушивалась, когда, уложенная в постель, еще не спала, а Л<ина> Ив<ановна> с Полей тихо говорили о похождениях великих княжон Марии Павловны и Елены

Владимировны, о женщинах, приносящих несчастье, о кровавых тайнах дома Габсбургов, о императрицах Елизавете и Марии…

Я в детстве много гуляла; с Alte Frau ходили «rund herum»[42] по Литейной, Пантел<еймоновской>, Моховой… А<lte> F<rau> немного шокировалась, что я любила смотреть открытки с античными статуями и на мифологические темы, с полуголыми нимфами; Л<ина> Ив<ановна> со Стрешневской Линой Семеновной засматривались на офицеров, которые у них назывались «незабудские». Идеал ее был мужчина темноволосый, бледный, с грустными темно-синими глазами.

Л<ина> И<вановна> не выносила жары и летом ложилась спать на пол. Она очень любила каток и морозов не боялась. К рождеству мне устраивалась в детстве выставка — вата, покрытая нафталином, дед-мороз, картинка с яслями, звери, куклы в теплом. Л<ина> Ив<ановна> как дети любила вербу; она с энтузиазмом ходила с нами покупать вербные игрушки и надувала чертиков. Она любила безделушки — собачек и кошечек — те, что она мне подарила, я берегла и впоследствии. У меня было много кукол, подарков Варламова, папы и мамы, Левенстерн — но одной из любимых была темноволосая Лина в красном платье, подаренная Линой Ив<ановной>. Сохранилась от нее одна туфелька…

Последним ее подарком мне были две материйки — белая с голубым, для ночной рубашки, и розовая в полоску, для которой она трогательно просила «не принижать материю» и сшить платье. Но самый последний подарок была светло-кофейная ленточка…

…Я ничего не знаю точно о ее последних минутах. Письма Анны Ив<ановны>{30} и Линцы были очень пугающими. Я не знаю, потеряла ли она совсем сознание, или у нее были часы, когда оно возвращалось? Вспоминала ли она меня, боялась ли бомбежек, мучилась ли от голода? Умерла она в первых числах октября 1941 г. и провожали ее на кладбище (на Охту) Линца, Ек<атерина> Ник<олаевна>{31} и милая Маша{32}.

Когда мы с нею прощались, она заплакала. Я оставила ей сахар и еще что-то, умоляла Линцу за ней следить. У меня было тяжелое предчувствие, когда мы ехали на вокзал в машине; было очень ясное утро, улицы были чисто выметены, но я почему-то подумала, что никогда больше не увижу эту Бассейную, *эту* Знаменскую…

Маша ездила с нами, чтобы помочь при посадке. Так и не увидела я больше никогда ни моего города, ни Маши, ни Периколы{33}, ни Кулиньки — моей Лины Ивановны…

< 1950-е >

Воспоминание о белизне (Д. Митрохин)

С Митрохиным у меня связан белый цвет. Когда я к нему пришла в первый раз, то была очень удивлена: это напоминало Украину с выбеленными стенами. Потом я узнала, что он родом из Ейска и происходит от казаков. Вероятно, он с детства привык к таким белым стенам. Казацкая кровь у такого «тихого» человека! Но у него было большое внутреннее упорство.

Я встретилась с ним впервые в гостях у Михаила Кузмина, а потом стала бывать и у него. И в Ленинграде, и в Москве — те же белые стены и те же садики во дворах. И везде — очень чисто, и ничего лишнего. Одна или две картинки на белой стене.

Иногда мы бывали в кино. Памятным мне остался один сеанс в бывшем «Пиккадилли» (теперь «Аврора») — «Трагедия любви» с Мией Май, Яннингсом и «красавцем» Гайдаровым{34}. Тогда к фильмам давали дивертисмент, и я помню песню, которая очень нравилась и Митрохину, и мне. Слова такие: «Горят закаты родной земли. Идут солдаты…» Мотив был какой-то торжественный. У меня сохранился рисунок Митрохина к этому фильму.

Кузмина Митрохин посещал довольно часто: кроме него, приходили Верейский, Воинов, Добужинский, Арапов, Божерянов, позже — Лебедев, Осмеркин и другие художники.

Жена Митрохина — Алиса Яковлевна Брускетти, ходила в студию, где рисовала с натуры. Она была немногословна и похожа на студентку из Лозанны — медичку или химичку. Изредка Митрохины бывали у меня. Помню особую любовь Митрохина к Тулуз-Лотреку.

Дмитрий Исидорович иногда говорил о людях насмешливо, но очень мягко, беззлобно. Я не представляю себе человека, который мог бы на него обидеться.

В Москве мы почти не вспоминали о прошлом, обоим это было очень печально. У него была небольшая библиотека. Он много читал. Вдоль аллейки к его дому росли цветы.

Дмитрий Исидорович с большой теплотой говорил о своих знакомых, которые его навещали и приносили ему книги. Около него всегда были цветы и фрукты — для очередного натюрморта.

Он всегда меня удерживал обедать — мы разговаривали долго, до вечера.

У Митрохиных был какой-то особый — не удивляющийся, не то одобрительный, не то осуждающий — возглас, слова я забыла,

но эта интонация и выражение лица остались в моей памяти.

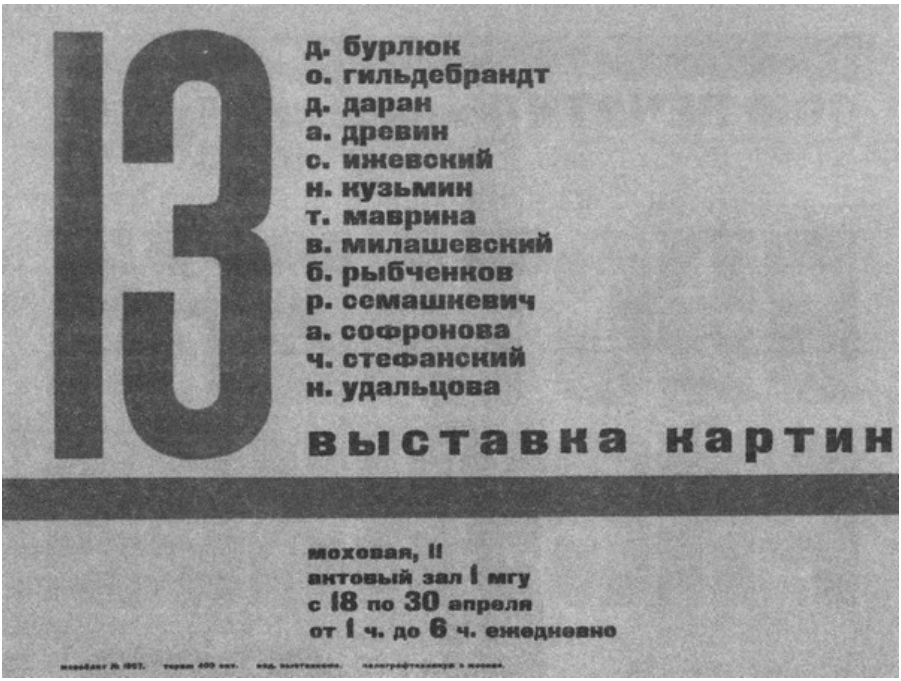
1976

«Тринадцать»{35}

Меня спросили — кто, не помню, скорей всего, Н. В. Кузьмин — не боюсь ли я числа 13. Нет! Я, безумно суеверная, этого числа не боялась. К тому же я очень любила Бальзака «Историю 13», особенно всё о Де Марсе{36}.

ДОМ ПЕЧАТИ (Никитский бул. 8а)
ВЫСТАВКА РИСУНКОВ
13
Участв.: Гильдебрандт О. Н., Даран Д. Б., Зевин Л. Я., Кашина Надежда, Кашина Нина, Кузьмин Н. В., Лебедева Т. А., Михайловский В. А., Недбайло М. И., Растеряев С. Н., Рыбченков Б. Ф., Юркун Ю. К., Юстицкий В. М.
ОТКРЫТИЕ ВЫСТАВКИ 17 ФЕВРАЛЯ В 12 ЧАС. ДНЯ. ВЫСТАВКА ОТКРЫТА С 12 ЧАС. ДНЯ ДО 6 ЧАС. ВЕЧ. С 17 ФЕВРАЛЯ ПО 17 МАРТА. ВХОДНАЯ ПЛАТА: В ДЕНЬ ОТКРЫТИЯ — 1 РУБ., В ОСТАЛЬНЫЕ ДНИ — 30 КОП.

Афиша первой выставки группы «13». 1929



Афиша третьей выставки группы «13». 1931

Обложка каталога третьей выставки группы «13». 1931

1. Д. Бурлюк 1 — 5
New York 165 E. 10th Street

4. А. Древин 40 — 47
Ямницкая, 21, кв. 51

2. О. Гильдебрандт 6 — 13
Ленинград, Советский пр., 39, кв. 4

5. С. Яковлев 48 — 55
Красная Пресня, д. 10, кв. 14

3. Д. Дарам 14 — 39
Гагаринский, 6, кв. 4, тел. 3-68-77

11. А. Софронова 119—126
Афанасьевский пер., д. 9, кв. 6

13. И. Удальцова 135—146
Масловка, д. 22, кв. 51

12. Ч. Стефанович 127—134
Даевский пер., д. 11, кв. 1

ЖЮРИ ВЫСТАВКИ:
Т. Маврина
Н. Кузьмин
В. Милашевский

КОМИТЕТ ВЫСТАВКИ:
Д. Дарон
И. Кузьмин
Б. Рыбченков

30 к.

Клише изготовлены цинкографией „Гудок"

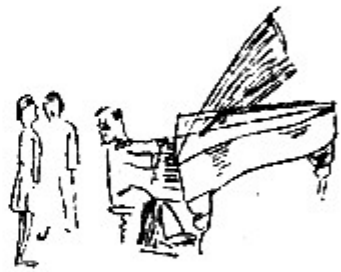
Мосгублит № 31 III Тираж 1000 экз. издание Выставкома

Отпечатано в Полиграфическом Техникуме в Москве

6. **И. Кульман** 50 — 65
Новопушкинская, д. 28, кв. 14

8. **В. Милашевский** 80 — 94
Ново-Гиреево, тел. 41

7. **Т. Маврина** 66 — 79
Малая Сухаревская площ., д. 5, кв. 25



9. **Б. Рыбченков** 98 — 110
Вятская, д. 38, кв. 4

10. **Р. Семынович** 111 — 118
Вешняный пер., д. 17, кв. 9

Каталог третьей выставки группы «13». 1931

Я никогда не была ни на одной из выставок — и, следовательно, ни на одном из заседаний и бесед.

Я хочу вспомнить о товарищах, начиная с тех, кого знала всего меньше.

Последняя из «13», кого я узнала, была (в 1948 г.) *Удальцова.* Мне рассказывали, что она очень талантливая и пережила много

печального. Я не помню картин в ее квартире, она мне подарила свой рисунок и приняла очень приветливо. Я старалась говорить по возможности не глупо и почтительно и как будто сумела. У нее было что-то вроде ремонта или перестановки.

Рыбченков

Мы с ним были (в Москве, до войны) на выставке, где должны были быть его картины. Где — не помню. Когда я переходила из комнаты в другую, я в просвете увидала картину — чью, я не знала, — увидав ее, я вскрикнула и схватила за руку Рыбченкова. Это была «Сухарева башня»[37]. Но мне показалось: кусок Петроградской стороны — красновато-кирпичное здание в мареве. Это было похоже на места Незнакомки, — как очень мило высказался сам Блок: «улица, где шлялась незнакомка». Какой-то ленинградский (петербургский) весенний вечерний туман овевал это кирпичное здание, почти таинственный. Я долго не могла забыть эту картину! Реакция на нее моя была искренней и, может быть, неожиданной для самого Рыбченкова. Он потом пригласил меня посмотреть его мастерскую. Район был для меня незнакомый! Рыбченков подарил мне несколько своих акварелей. Я видала потом его работы в «Огоньке» и других изданиях, но самого Рыбченкова больше не видала. У меня о нем хорошее воспоминание, и на все падает свет от его таинственной, восхитительной картины.

В. А. Милашевский. Портрет Бориса Рыбченкова. 1932. Государственная Третьяковская галерея

Даран

Мой дорогой корреспондент в течение многих лет, включая войну и мое далекое от живописи уральское бытие.

Вероятно, он приезжал в Ленинград, но я особенно помню его

в его собственной квартире на Гоголевском бульваре (вернее, около)[38]. В его доме жила — из знаменитостей — Любовь Орлова. Звонить надо было внизу, на улице, и хозяину надо было сбегать вниз по лестнице, чтобы открыть. В квартире была стерильная чистота, как в молочной. Хлеб — «прокаливали». Веселое настроение исходило из стен. Что-то висело на стенах. Его рисунки? Чьи-то другие? Украшало очень присутствие мавринских бутылок. Они были просто волшебные! И такие веселые! Там были циркачи, зверюшки и как будто еще и русалки. Потом Маврина подарила и мне, и Юркуну такие бутылки, и все на них радовались. Больше их нет, — но впервые увидала я их у Дарана.

Я бывала в Москве несколько раз и с Дараном гуляла и бывала в разных компаниях. Он был забавный, обожал цирк и восторженно говорил о товарищах. Особенно о Милашевском. Маврину он ставил крайне высоко. Говорил: «Микель-Анжело». И даже мне нашел высокое место, назвал меня «Леонардо». Я? Да!.. Вот экстаз! Я думала потом — даже в шутку и то немыслимо. Разве что за трагические срывы в моей судьбе и то, что мои картинки (лучшие у меня, т. е. масло) *все* пропали. Но надо всем царил — как небо — Милашевский, названный Дараном «Матиссом».

В дни войны он писал мне, снабжая письма прелестными иллюстрациями, и после войны писал в Ленинград, до конца жизни. Он женился — на симпатичной, но как будто далекой от искусства женщине. Ее дочь — и падчерица Дарана — хорошенькая, «трудная» и необычная девушка. Она не боялась диких животных, и они ее любили. У Дарана с Милашевским отношения не испортились, но были «контры» у его жены с Милашевским (это я сплетничаю). Да и Милашевский обиделся на Дарана за какие-то записки Дарана о Милашевском, в которых не всё было таким олимпийским, как хотелось бы Милашевскому. Мне было глубоко жаль Дарана, такого детски-чистого человека и обаятельного художника. У меня пропала одна его прекрасная работа (розовая балерина). Ариадна Милашевская писала мне (или сам Милашевский писал), что по болезни не мог быть на похоронах Дарана, но Ариадна навезла множество цветов. У меня образовалась брешь в душе, потеря этого человека.

Кузьмин

Он был <знаком мне> до Мавриной (еще в Ленинграде), но мне легче писать в этом порядке.

Слов Кузьмин тратил немного, но «явление» для меня не

только памятное, но органичное. Я не знаю, кто из них пригласил меня в «13»: скорее Кузьмин, а не Милашевский. Он всем существом «входил» в литературу. То, что Кузьмин «входил» в литературу, говорит о том, что он как бы прирожденный иллюстратор. Понимал и любил. Помню, что М. А. Кузмин сделал надпись на книге Кузьмину: «А мы, безумные Ансельмы, фантасты и секретари…»[39] Милашевский любил себя, всегда и во всём, больше ничего «особенно» не любил. Это о свойствах их обоих. А о моем приглашении в группу «13» — вопрос другой, но думаю, что тоже решал дело Кузьмин. Милашевский был не против — также и о Юркуне, но сам бы инициативы не проявил. И вот, меня туда позвали, и все дело было в руках у Кузьмина. Он забирал мои работы в Москву, и показывал их, и привозил обратно — а то они оставались «где-то» там. Никаких указаний в смысле живописи мне не давалось — да я и не сумела бы выполнять чьи-то советы и указания, я «технически» совершенно бездарная особа, в любой области бездарная к чужому. Так было и в театре. Меня хвалили только в тех ролях (или моментах), когда я всё делала сама.

При первом знакомстве я работ Кузьмина не видала: то, что видела потом (пейзажи), — мне очень нравились затуманенность и «дымка», которая окутывала почти все его работы. В его «литературных» работах (т. е. в воспоминаниях), кроме обаятельного и «простого», не надуманного, но абсолютно литературного языка, трогала «русскость», сельскость — и что-то «немножечко» карамзинское. Откуда-то издалека — миловидность «Бедной Лизы». Я это не придумываю. Может быть, это Кузьминым «сотворено» волей? Но кажется совершенно естественным!

В первый период нашего знакомства с Кузьминым говорили не так уж много — но я узнала, что он сотрудничал в «Аполлоне», а в период моего «второго» детства (т. е. лет 13–14) я дышала и думала «Аполлоном», как воздухом, — и на мои позднейшие годы этот журнал отложил какой-то светлый отпечаток, а ко всему «анти-Аполлоновскому» я была, невольно, враждебна.

К немногословию Кузьмина относилась и его легкая полуулыбка — не то гофманическая двусмысленность, не то просто — русская хитреца. Я к нему чувствовала и большую симпатию, и большое доверие. Мне жалко, что волею судеб моим товарищам пришлось, ради заработков, заниматься не строго своим искусством и брать заказы не всегда на любимые темы (и соответствующие их вкусам!). Вероятно, не всегда это было удачным для общего «рисунка» их судьбы, т. е. их внутреннего облика.

Конечно, этапный успех и известность принесли Кузьмину рисунки к «Онегину». Что же тут скажешь?

(Я помню, как Кузьмин возил меня и Юркуна к Цявловским. Помню только бесконечные полки с книгами и странное название «Люсиновская площадь». Название, спустя годы, я расшифровала. Интерес к Пушкиниане усилился: в Одессе я сорвала листья со старых каштанов, искала могилу Воронцовой (не нашла!) и спускалась к морю, где «пещеры Прозерпины». Поговорить с Кузьминым на эти темы, увы, не пришлось!)

Хочется мне сказать, что, не обижая «золотую» Маврину, я была недовольна, что иллюстрации к «Руслану»{40} поручили ей, а не Кузьмину. Конечно, она хорошо справилась, но, мне кажется, для «Руслана» нужен был *не* чисто русский колорит, а, исходя из музыки Глинки, балетно-театральный орнамент с этнографически правильными костюмами времен Истоминой на фигурках. Мне это казалось сделанным не на дереве, не на терракоте, и даже не на фарфоре, а именно на стекле (т. е. нарисованными на бумаге, но «под» стекло — тонкими штрихами Кузьмина). Я думаю, мое представление о «Руслане» никого не должно обидеть. Но то, что это *не было* сделано, — ужасно жаль!..

Маврина

При первом впечатлении (как при последнем свидании) у Мавриной «бросались в глаза» именно блестящие огоньками веселые глаза; при виде ее работ — удивительное богатство «всего-всего» — разного, различного между собой материала работ — настоящее плодородие!.. Чего только не успевала натворить эта маленькая, живая фигурка! Сколько трудолюбия! Сколько выдумки! Сколько веселья!.. Из работ Мавриной — был ли это «русский Матисс» ее ранних работ, ее «ню», которых она извлекала, посещая бани; ее московские пейзажи — будь они серые или яркие — всегда какие-то веселые, будто смеющиеся, даже смешные. И всегда все — очень русское и совершенно свое — ни Кустодиев, ни Рябушкин, ни Саврасов, ни Поленов — с «московскими двориками» — здесь не вспоминаются.

Портреты на ее рисунках (в масле) слегка скомикованно похожи. Звери полны симпатичности. Природа — живая и при самой лубочной обостренности — будто шевелится и даже пахнет.

Я думаю, это счастливое свойство натуры — отовсюду «вытягивать» жизнь. В жизни Маврина всегда активна и смешлива. И все у нее получается! Я уже говорила о «бутылках». Чего проще? А ведь пивные бутылки, которые годились только,

чтобы бросить в помойку, превращались в дорогую, нарядную вещь! Стол украшался (не только вкусный) затейливо! Яйца получались, как <ножки> у грибов, шляпки из помидора. Этот красивый и своеобразный «быт» я видела только у Судейкина. (Я его самого уже не застала, но у О. А. Глебовой-Судейкиной в начале 20-х гг. — было нечто похожее. Синие обои. Желтая скатерть. Трактирные чашки с косо намалеванными розами и позолоченными ободками. Картина-пастораль: Судейкин в золотой раме. Этажерка с тряпичными куклами Судейкиной на полках. Что-то из мебели — XVIII век, а что-то доморощенное и простое.)

У Мавриной тоже сочеталось красное дерево — и простые, раскрашенные ею буфетики. Лучше и быть не могло!..

Я видала обстановку Сомова у его сестры и его родных — там тоже было хорошо и интересно, но такой «театральной» обстановки я не видела больше нигде. И она была вполне домашняя, не показная; это, вероятно, счастливое свойство «дружить» с жизнью!..

Помню, мы с Мавриной и Кузьминым ездили к какому-то «икононаходчику» (не знаю, как назвать). Они оба ездили по области, здорово понимали в иконах и умели что-то поправить. Я не видела их коллекции. Жаль!.. Ранние века — XIV–XV, кажется{41}. Потом они увлекались лубками. Но это счастливое коллекционирование оставалось «хобби». Если и обогащало знание искусства, то никак не становилось предметом подражания. Жизнь казалась интересней и богаче, но искусство (их обоих), я уверена, текло своим чередом — и без него.

Милашевский

Мой друг — мы пили брудершафт и были на «ты». Познакомилась я с ним в 1920 г. (в конце), стала встречаться с 1921 г.

О нем надо прочесть у Влад. Ходасевича. Очень похожий словесный портрет{42}. Он при мне часто рисовал — быстро, сильно, иногда вскрикивал: «Цоп! Цоп!» — иногда, довольный собой, слегка хохотал. Это все было в квартире М. А. Кузмина и Юркуна, с которым он дружил, и они говорили (дружно) об искусстве. Юркун вначале не рисовал, а только писал; Кузмин часто играл на рояле. Оперетта Марджанова, как будто, кончилась. Помню, на какой-то выставке, где был и Владимир Алексеевич, кто-то встретил его на улице и задал вопрос: «Ну, как, Владимир Алексеевич?!» — «Гурманы оценили». Так и пошло

выражение «Гурманизм», почти вроде сатиры, но не совсем.

Милашевский был умен, остер и резок в оценках, но иногда будто захлебывался в каком-то самовосхищении и, вероятно, издевательстве над собой. (О Микеланджело или Сезанне (?) — «Соленая вещь! Как обухом по голове! Совсем Милашевский!» — Я к этому «стилю» не сразу, но потом *совсем* привыкла.)

О быстроте рисунка (я не помню термина «темп»), о мгновенности видения и исполнения говорилось очень много.

Кого из художников предпочитал тогда Милашевский? К сожалению, не помню! Думаю, всё же, классиков. Пристрастия к А. Бенуа тоже не помню. Он при мне ездил в Холомки{43}, я там не была. У него была там увлеченность (одна и та же с Добужинским) — и еще другая, но это из области сплетен, и я там не была и точно не знаю.

Для меня рисунки Милашевского казались слишком «злыми», но Юркун их очень хвалил и любил «объяснять» Милашевскому значение его в искусстве. Он это очень любил, а Милашевский любил, когда про него говорят. Я не думаю шутить или посмеиваться — Милашевский был совершенно «монолитен», другого такого не было!

Если бы мне пришлось выбирать темы для иллюстраций Владимира Алексеевича, мне думается, более всего подходил ему Салтыков-Щедрин. Может быть, «Дон Кихот» Сервантеса?

В. А. Милашевский. Автопортрет. 1931. Частное собрание

Правда, я не все у него знаю! Долгая жизнь у нас обоих, а видеться приходилось редко, и видеть «все его творчество» (такое обширное!) мне не пришлось.

В переписке мы иногда грызлись — я восставала за «правду», как я ее понимала, — у него в «Dichtung und Wahrheit»{44} превозмогало первое. Я рада и благодарна ему, что он меня не

предал осуждению, остался мне добрым другом!

Вторая жена Милашевского его обожала, и он от ее любви совсем расцвел. В подарок принеся ему приданое: дачу в Кускове — весной 1937 г. она была вся в цветущих яблонях, а в траве, в саду цвели нарциссы, маргаритки… В даче были красивые вещи — фарфоровые вазы, старинная посуда… Мы были с Юрой, а потом, как будто, я одна.

А вот при «второй жене», летом, я была одна, и Милашевский повел меня и жену смотреть Кусково (имение Шереметева). Он предложил покататься на озере. Сказал: «Я выбираю лодку как старый волжанин». Курьез! Мы только сели, дно у лодки провалилось, мы бухнули в воду; лодочник спасал — у меня уплыла по воде новая сумка — еле поймали. Конечно, смеялись! Ко мне должен был приехать гость из Ленинграда — Родовский — приятель Валентины Ходасевич. Я была полумокрая… Но, в общем, сошло. «Графиня» была симпатичной дамой, но странно: не любила сына Милашевского от «первой» жены — Данечку, прелестного мальчика, белокурого и тихого. В эту войну он был убит. У меня сохранился его детский рисунок.

Юркун

С ним я познакомилась в 1920 г. Стали «разговаривать» в конце года. Когда пришла в гости, мне стали показывать «вырезки», старых итальянцев (Синьорелли, Содома, Беноццо Гоццоли, Коста)… А также художника, который мне сперва показался комичным! А потом стал из самых любимых: Гис. Юрий Иванович много писал (прозу), но еще не рисовал. Но к живописи питал большое пристрастие и вырезывал из журналов кучу вырезок. Причем у него не было системы — а какое-то смешение — классики, новые художники, фотографии (быт и виды старой России), юмористические рисунки и даже «нарез»: то кусок тела — рука, то какие-то вещи. Он обожал «Самофракийскую Победу», египетские статуи, критские фрески, некоторые работы Родена, некоторые иконы, рисунки писателей… Особенно Пушкина. Я думаю, это «носилось» в воздухе; вряд ли он говорил об этом с Кузьминым.

«Рисовать» он начал в 1922 г. Один рисуночек похвалили Сомов. Я думаю, что Юркун стал рисовать под влиянием Милашевского, — тот был «заразительный», и они говорили обо всем без конца. Да! Очень Юрий Иванович любил Бердслея.

Знакомых художников было много, со многими он «менялся» то гравюрами, то вырезками, то оригиналами. До меня — бывал

Божерянов. При мне: Добужинский, Верейский, Воинов, Лебедев, Митрохин, Н. Радлов, Шведе-Радлова, Т. Бруни, Вал. Ходасевич (в гостях у нее), Дмитриев («Ве-ве»), Эрбштейн, Костенко, К. Козьмин, Е. Кршижановский, «самодеятельный» Михайлов, позднее — Осмеркин, Тышлер, Басманов.

Рисунки Юрий Иванович ценил и «старые», и Репина, и Шишкина. Он «скоро» полюбил Пикассо. Нравились Ж. В. Гюго, Дюфи (!), Вертес, Менцель, Федотов (очень), Л. Кранах (очень), Рембрандт (рисунки), некоторые голландцы, Ватто, Питер Брейгель, Гойя, Веласкес, Бронзино, Хогарт, Ларионов (больше Гончаровой), Матисс, Утрилло. (Что видел в жизни, а что — в журналах.)

Мы с ним не во всем сходились; смеялся, что у Ренуара дамочки сидят не на земле, на «попках», а где-то в воздухе; зато любил Дега, который мне казался сухим. Я находила Пикассо нарочитым, больше любила Брака, которого обожал Лебедев, как более колориста, чем Пикассо. Анри Руссо ему казался мрачным — городские задворки! А мне — фарфоровым, парадным (нарядные тропики с лотосами, аэропланы в небе…). Он ужасно обрадовался «Пиросману»{45}. Я — тоже, но я от Руссо его отгородила. Ему нравился Серов: «Одиссей», мне — «Европа на быке» (море). Юрий Иванович был в хороших отношениях с Маяковским (но как будто не по линии живописи, а только литературы). До знакомства со мной видался и был дружен с Судейкиным (тот делал его портрет), с Анненковым (тот делал рисунки к «Дурной компании» Юркуна{46}).

Я думаю, милашевское «Цоп! Цоп!» подхлестнуло его рисовать. Он любил Диккенса и любил иллюстрации к Диккенсу.

Очень мы увлекались (когда начал издаваться и приходить в СССР) — журналом «Querschnitt»{47}.

Юркун был очень музыкален, в доме Кузмина бывало много композиторов, и Кузмин много играл на рояле. Они оба любили Моцарта и Дебюсси. Из русских — Мусоргского, к Чайковскому — оба — спокойны. Нравился очень Стравинский. Юркун «собирал» лубки и «дневники» неизвестных людей. Некоторые — уморительные: «На обед была тетя Лина»… Или другой? Не помню!

До того, как приехал и обосновался в Ленинграде, Юркун был кое-где в провинции, играл на сцене. Его потом «заманивал» Мейерхольд. Но он «держался» литературы, а живопись (т. е. у него рисунок) пришла позднее, и до конца жизни.

Конечно, нигде не учился. Милашевский — злоязычный — к Юркуну отнесся тепло и любовно. Мне лично как-то даже назвал его «гениальным» — в самом «дионисийском смысле», — т. е. в

полном кавардаке всех представлений. Об этом свойстве Юркуна точно так же отнесся еще один человек — творческий, но — не знаю, как представить его. Помню, как-то Осмеркин, увидев, как Юркун рисует, вскрикнул: «Юра, какая у тебя правильная и смелая линия!» — Тот ответил: «Саша, ведь я не на трупах учился!»

В. А. Милашевский. Экслибрис Юрия Юркуна. 1920-е гг.

Я не помню, кто из художников (Воинов?) говорил, что у Юркуна «инфернальность» (я лично нахожу его рисунки светлыми и веселыми, а не инфернальными), — а у меня «конфирмация». Но кто-то другой нашел у меня грусть и умирание эпохи!

С Лебедевым Юркун «менялся», но не показывал ему своих работ.

1977

Мейерхольд

Мое первое воспоминание о Мейерхольде — не помню года — в детстве, в квартире Ю. М. Юрьева. Была панихида по Анне Григорьевне, матери Юрьева, которую мои родители любили и почитали. Я была с Линой Ивановной. Юрьев обожал свою мать — но — я это помню — поглядывал на М., а тот принимал какие-то театральные позы, и Юрьев ему подражал. Дома у нас обсуждалась — я помню — непозволительность их поведения.

Через несколько лет была свадьба Миши Долинова и Веры Алперс. Мы со старшей дочерью Мейерхольда, Марусей, были вроде шафериц — правда, без всякого ритуала. Появился Мейерхольд (это было в маленькой церкви Театрального училища) — на нем было что-то вроде плаща (как мне показалось), и он им ритмически взмахивал, похожий на какой-то гофманический персонаж. Мне он ужасно понравился!

Н. П. Ульянов. Портрет Вс. Мейерхольда в костюме Пьеро. 1908

Мне очень хотелось заниматься в мейерхольдовской студии, но мама не позволила. Я поступила в школу Акдрамы. И вот начались репетиции в Александринском театре — «Маскарад»[48]. Декорации Головина — волшебно-нарядные и какие-то таинственные. Нам выбирали костюмы — потом предлагалось под

музыку Глинки освоить мизансцены. Мне М. велел выйти из ближайшей кулисы и идти по самому краю сцены — сделать остановку на середине на какие-то такты, а потом идти в противоположную кулису. Он сказал: выбирайте сами — что вы хотите делать — передать записку, подсмотреть что-нибудь, назначить свиданье и т. д. Решите и покажите. Помните, на каком такте остановка и на каком — дойти до следующей кулисы. — Я показала, он сказал: хорошо, и это зафиксируем. — Я в первый раз в жизни была на подмостках театра, и мне странно, когда говорят, что М. «вкладывал в рот» актерам все их движения. Репетировали мы ежедневно, утром и вечером, — он был всегда первый на месте. М. был немцем по точности и французом по темпераменту — когда репетировали галоп (я танцевала с Орестом Коханским, с другого курса) — одна из сотрудниц упала в обморок — голос М.: «убрать… господа, продолжаем репетицию».

Костюмы Головина были прелестны и разнообразны. Портнихи и парикмахеры обожали Г. за мельчайшие детали причесок на полях эскизов! Мой маскарадный костюм назывался «Долорес, танцовщица из таверны». Черный бархатный с красными бантами на белой широкой, почти балетной юбке и веночек из мелких розовых розочек в волосах. В pendant к нему был костюм «Инее, уличная певица» — узкий, желтый с синим. Очень эффектна была «Маркитантка» — оранжевый мундир, высокие сапоги, высокая меховая шапка на пудреном парике и фляга на боку. Это был костюм красивой и лихой Людмилы Якубовской, которая потом умерла в Стокгольме. Мне кажется, мы все были в трансе и не уставали. Мейерхольд кончал наши сцены: «благодарю вас всех, господа». И иногда: «особенно г. Волкова». Волков, Алексей, в костюме Арлекина (а в других сценах игроком-офицером) — талантливый ученик Юрьева и мой большой приятель; в образе Пьеро — «голубого Пьеро» — был Щербаков, Коля, — ученик Мейерхольда, очень одаренный мальчик, о котором я даже написала стихи.

Мне занятия в школе, беготня в театр и обратно, а также «личные интересы» мешали ходить на репетиции и следить за постановками с должным вниманием. К тому же половина прелести для меня в постановках М. были изумительные декорации Головина. Хотелось потрогать апельсины в сцене бала в «Маскараде» и дернуть за веревочку в сцене рынка в «Петре Хлебнике»{49}. Но мне кажется, в самом М. была неистощимая выдумка и какая-то таинственность, м. б., чертовщина. В почти гротесковом преувеличении некоторых явлении и свойств будто вылущивался смысл — например, необычная молодость и даже

некрасивость Чацкого (ближе к самому Грибоедову, чем в обычном показе Чацкого как эффектного героя) — и подчеркнутая «опытность» Молчалина, и скрытая плоскость Софьи (вовсе не кисейной барышни) и т. д. Совершенно замечательна была сцена сплетен — вместо бала — обеденный стол и как в игре «телефон» — говорение на ухо соседу. — Также некоторые замечательные сцены из «Ревизора». Это я говорю о Москве, когда М. переехал и создал свой театр{50}.

В Александринском была изумительна постановка «Стойкого принца» Кальдерона{51} — и все актеры просто «сверх», за исключением умной и культурной Стаховой, которая ни по внешности, ни по таланту не была достойна роли Феникс.

Мне хочется высказать свое мнение о конфликте М. с Комиссаржевской, которая оставила по себе память очень светлой личности. Сколько я понимаю, ее поведение в отношении М. было нетактичным и даже жестоким — будто какая-то капризная, взбалмошная барынька — а он проявил себя просто рыцарем — и даже не объяснялся. Ей (особенно с годами) стал тяжел «новый» репертуар и «борьба», и легче — зудермановские девочки{52} — тем более что (так я слышала, я сама не могла еще видеть) — она не умела двигаться в костюмных ролях, кроме (целиком поставленной М.) «Сестры Беатрисы»{53}. Ее козырем был чудесный голос.

Из «приятных» воспоминаний о М.: проходя по артистическому фойе Александринского театра, где мы сидели на диванчике с Лилей Кафафовой, положил нам на колени сверток с конфетами «вишня в шоколаде» — не сказав ни слова.

В другой раз (уже после революции) мы с ним неожиданно столкнулись в «вертушке» не то дирекции, не то музея… Он посмотрел на меня, остановившись, и вдруг сказал: «Арбенина, я вас люблю». Я очень смутилась от незнания, что ответить. «Доктор» (Доктор Дапертутто){54} — очень претенциозно, «Всеволод Эмильевич, — буднично — я ответила: Мейерхольд, я вас тоже люблю», — и выскочила из вертушки.

Должна сказать, я не хотела никогда романа с М., — я его как-то боялась — и потом поняла, что мне была бы невозможна его революционность сословная — я понимаю революционность в искусстве только.

Думаю, что и я была не в «его стиле». Вряд ли я могла войти в его труппу и исполнять, как кукла, его выдумки. У меня бы не вышло. Но я хочу вспомнить весну 1937 г., когда мы были в Москве. Шел разговор о том, что Зинаида Райх выбегает на балкон (ул. Горького) и кричит ночью: «меня убивают!» — Юрий Иванович решил, что это постановка Мейерхольда: З. Райх на

генеральной репетиции какой-то пьесы, когда кто-то из «главков» не одобрил ее (и Мейерхольда) за слишком юную для нее роль, — в гневе выскочила и стала кричать: «Первого моего мужа погубили! теперь — второго хотите!» — А Мейерхольд нашел выход — делать ее сумасшедшей. Получилось не то. Действительно, у З. Райх были страшные предчувствия. Но окончательно история не выяснена до сих пор{55}.

<1970-е>

Саперный, 10

Марине Ив<ановне> Цветаевой (на тот свет) Вике[56] *— вместо Марины, на этом!*

Дом существует. На доме (на крыше) какая-то архитектурная деталь[57]. Креститься на Дом нельзя — это не церковь. Перекрестить его можно — пусть существует долго, долго — так как «вечного» ничего на земле нет.

Меня туда мама не пускала, а слышала о нем много. Там бывало очень весело и интересно. В Доме жил Лёня (или Лёва, произносилось и так, и так).

Впервые Лёню (или Лёву) увидала я в кв<арти>ре Левенстерн, моих знакомых, на Литейном[58]. Был домашний концерт. Мы в прилегающей гостиной познакомились — и втроем уселись разговаривать. Неприлично проговорили весь концерт. Меня потом очень ругали. Когда в моей жизни были интересные и памятные дни, это почти всегда было под запретом, и с моей стороны всегда были «срывы» поведения: не то, что положено! Втроем? третий собеседник — Чернявский, Владимир Степанович (потом — Володя), поклонник Блока, который почти сразу с этого дня стал мне звонить, писать и обещал «привести» к Блоку[59]. Больше всего и говорил он тогда. Лёня говорил немного, сидел спиной к окну; все — за круглым столом: за стеной — шел концерт.

Володя Ч<ернявский> говорил о Блоке, притягивая мой интерес чем-то взятым из роли Бертрана перед пустельгой Изорой — из «Розы и Креста». Лёва говорил немного, я мало смотрела в его сторону, но от его египетских глаз шли — для меня — горячие волны, как будто открыли дверь в оранжерею.

Сестры Левенстерн — будущие владелицы Муз<ыкальной> школы знали семью К<аннегисеров>, и от них я узнала многие подробности. В квартире К<аннегисеров> бывали любительские спектакли, и мою старшую сестру Марусю приглашали играть в Блоковской пьесе «Балаганчик»[60]. Сестра училась в театр<альной> школе, но она предпочитала чеховский и более реальный репертуар, а к «декадентам» была равнодушна. Потом она полюбила всех поэтов, кот<орых> надо было любить, но я, младшая, была пионеркой. Вместо сестры «играть» туда пошла ее подруга детства, Мими[61] (тоже из теат<ральной> школы, но другой). Помню, какой интересный костюм подготовила Мими для «второй пары влюбленных» (т. е. демонической). Мими была

очень хорошенькая, смуглая брюнетка, и многих «там» очаровала. Я о ней пишу потому, что наши судьбы связаны с квартирой К<аннегисеров>.

Из известных мне (тогда) людей в «Балаганчике» играл К. Ляндау (3-я пара; «Средневековье». Он был высоченный).

Лёва никогда не играл.

Второй спектакль был «Как важно быть серьезным» Уайльда и «Дон Жуан в Египте» Гумилёва{62}. Джека играл Сергей Акимович (т. е. Сережа){63}, Гвендолен — их сестра, Loulou{64}. Альджернона — Никс Бальмонт и Сесили — Мими. Сесили — моя будущая роль (в театр<альной> школе и в театре){65}. Мими играла Американку в «Дон Жуане», а самого Дон Жуана — Чернявский{66}. (Обладатель самого красивого голоса на свете. Это мое мнение подтвердили потом Антон Шварц и Дм. Журавлев, вспоминавшие потом (в разное время) этот голос и этого человека. Ч<ернявский> работал на радио одно время. Все пластинки с Лермонтовым и Блоком во время войны были уничтожены{67}.)

Я в то время все время училась и мало где бывала. Но был один вечер, когда я видала всех трех. Лёва был во фраке, с белым цветком в петлице, и они стояли рядом с Никсом Бальмонтом (рыжий, с фарфоровым розоватым лицом, зеленоглазый, и на лице — нервный тик! прелесть для моего, вероятно, извращенного вкуса!). Никса в университете звали «Дорианом Греем». Никс говорил своей сестре Ане (Энгельгардт), что, вероятно, такой, как я, была бы его покойная сестра, Ариадна — (Бальмонт){68}, — меня часто путали потом с Аней, хотя она была смуглее, темнее и, по-моему, много красивей.

Помню стихи Лёвы, прочитанные мне:

> Я падаю лозой надрубленной,
> Надрубленной серпом искуственным…
> Я не любим моей возлюбленной,
> Но не хочу казаться грустным…

Мне это очень понравилось, но как можно было *не любить* подобного человека?

Аня насплетничала, что стихи можно читать и так: «Я падаю стеблем надрубленным» и т. д.[43] Я тоже не смутилась!

Он одевался всегда comme il faut. Кроме фрака (когда он был нужен), очень строго. Никакой экстравагантности, никакой театральности.

Театральность (байронизм) была в самом лице. Иногда он слегка насмешничал. Не обидно, слегка. Иногда в его голосе была

какая-то вкрадчивость. Думаю, так бывает у экзотических послов, одетых по-европейски.

Руки — сильные, горячие, и доказал он, что может владеть не только книжкой или цветком…

Я не соглашаюсь с впечатлением Марины Цв<етаевой> о «хрупкости» Лёвы{69}. Он был высокий, стройный, но отнюдь не хрупкий. Слегка кривлялся? Слегка, да. Глаза — черные в черных ресницах, египетские. Как-то говорил мне, что очень любит «Красное и черное» Стендаля. Я еще не читала тогда. Стендаль (до Пруста) был тогда в моде.

После вечера, когда Лёва был во фраке, оба они с Никсом куда-то исчезли, а со мной остался (проводить меня в машине) Володя, «зачинатель» моей эфемерной славы. Мы «подвезли» Аню (в ярко-розовом, я была в дымно-розовом) и Врангеля (тоже барона, только не того!) Антона Конст<антиновича> (в цилиндре!). Оставшись <1 слово нрзб.>, я погрузилась в самые призрачные радости: о Блоке — и — «Манон, Сольвейг, Мелизанда»…

Чтобы не возвращаться к стихам Лёвы, скажу, что стихи его (и одновременно, гумилёвские военные) прочла в личной библиотеке Николая II, когда работала одно время в Эрмитаже{70}. Что-то о Цветах Св. Франциска{71}. Юра мне говорил, что, после смерти Лёвы, Юрина мать{72}, очень верующая католичка, сказала про Лёву, с благоговением: «Он был почти католик!»{73}

…Это уже когда шла война… Я как-то по просьбе Лёвы продавала ромашки в пользу раненых — но порога дома его не переступала. Вспоминаю редкие и осенью{74} и ранней весной наши встречи с Лёвой, когда мы «бегали» по улицам или ездили на извозчике. («Нагулявшись» он сажал меня на извозчика и отвозил домой.) Он успел объясниться мне в любви и даже сделал предложение, сказав, что хочет креститься… Я не очень-то верила, но я была всегда рада его видеть — черноглазую его красоту — и слышать его глубокий и мягкий голос. Один раз мы стучали в комнату Юры на Потемкинской{75} (я Юру не знала){76}, — но Юры не было дома. Мы с Лёвой сидели на скамейке в Таврическом саду. Она существует — скамейка — и теперь.

Лёва учился в Политехническом институте — но я даже в Сосновке{77} — ни тогда, ни теперь — не была.

Я должна была учиться «до обмороков», и дни были «набиты» ученьем.

Чаще я видела Сергея (Сережу). Чем он занимался, я не знала. Он был плотный, недурен собой, но без всякого романтизма. Бывал он в гостях у Мими, которая вышла замуж (это мои знакомые с детства). Да и Сережа женился — уже тут на

настоящей красавице, которую звали Наташей Цесарской[78]. Я ее в глаза не видала, только на карточке. У меня была карточка: в «подвале» у К. Ляндау (на Фонтанке)[79]. Вероятно, было в моде нанимать подвалы под «гарсоньерки». Я в этом подвале как-то была — пила чай. На этой карточке за круглым столом сидели В. Чернявский, его друг Антон Врангель, две дамы: Loulou в шапочке с эспри и Н. Цесарская в большой шляпе — и Лёва, как будто в политехническом мундире — и с грустным выражением темных глаз. Если где появится такая карточка — так вот кто на ней!

Сережа покончил с собой весной < 19>17 г<ода>[80]. Я в это время раз видела Лёву на улице (на Литейном, четная сторона). Он был неузнаваемый, весь распух от слез. Он меня не видел, и я его не остановила.

История непонятная. Зачем он это сделал?[81] И зачем впутал бедную Мими? Я ей вполне верю. Она всегда отрицала близкие отношения с Сережей. Она была у него в гостях. Сидела в его комнате. Без объяснений — вдруг, он велел ей отвернуться — и послышался выстрел.

Я видала — спустя годы — Мими жила в Москве — окровавленный большой платок, которым Мими старалась остановить кровь у упавшего Сережи — сразу мертвого. Помимо ужаса и горя, ей было страшно объяснять все родным.

Тут вот я впервые вошла в эту квартиру.

Когда я стала ходить в «гости» (в 1920 г<оду>) после всех горестей, она была уже не та, т<о> е<сть> я думаю, ее перегородили, уменьшили, не было нарядности, не было лакеев, там нельзя было устраивать спектаклей!

В то время (< 19> 17 г<од>) комната, где была панихида, была очень большая, и все было, как, вероятно, положено у евреев. По-моему, не было помоста, и я не помню никого из людей и ничего из обряда.

Мими, по-моему, туда больше не ходила, но семья К<аннегисеров> любила другую сестру, Катю. И Катя, и ее маленький сын, Андрей[82], бывали в этом доме. Лёва очень любил мальчика.

Но я отошла от Цветаевской «летописи».

Люди?

О Кузмине: говорит Цветаева. Значит, так и было. На карточке < 19> 16 г<ода> (пропала!) он очень смуглый. Глаза — всегда — очень большие и блестящие. При мне (с 1920–21 гг.) очень потух, поседел, постарел. Потом стал очень сильно болеть и слабеть. Юра мне как-то говорил про письмо Цветаевой[83]. При мне «безумно» хвалил Цветаеву и Рильке — Пастернак, когда был

в гостях у Кузмина и Юры{84}. Стихи «Нездешние вечера» у меня украли. Там все стихи, что называет Цветаева, очень сильные. И о Пушкине, и о Гёте{85}. Кузмин очень любил Италию — и Германию. Человек с французской кровью — не мечтал о Париже. Больше всего ему нравилась Александрия. Это — в стихах. У него нашлась поклонница — хорошенькая, как Гурия, — черноглазая, в черных локонах, по имени Софи. Она преподавала русскую литературу в Париже и в Руане — приезжала в Россию и в Финляндию относительно произведений Кузмина{86}. Пришла ко мне спросить о нем — от А. Н. Савинова, к кому она обратилась. Но моя Юленька{87}, счастливая от вида такой парижанки (строгий серый костюм, самой скучной окраски, но с браслетами на руках), почти заняла все время, и я мало что успела ей сказать — я узнала потом, что она в свои каникулы побывала в Александрии и «обегала» все памятные места!

Это моему Гумилёву бы такую посмертную поклонницу!

К сожалению, она сообщила мне, что Ахматова в Париже как-то очень несимпатично отзывалась о Кузмине{88}.

Есенин. Я часто рассказываю об этом — как мои знакомые (Чернявский, Миша Струве и др<угие>, не помню, кто еще, но не Никс, не Лёва) — уславливались на каком-то концерте со мной повидаться — но я сидела в креслах, с Линой Ивановной, и та начала меня дразнить: «У них какая-то барышня в голубой кофточке, блондинка! Они потому тебя не ищут!»

Я, разгневанная дразнением, уже в раздевалке, увидала удивленную моим «непоявлением» компанию и на расспросы объяснила, довольно спокойно. — Они не поняли, а потом засмеялись и привели ко мне представить Есенина. На нем была голубая рубашка. Очень миленький, но это далеко не Никс — антипод по златоволосости черноволосому Лёне. Те двое — для моей балетной души были, как принцы из «Спящей». А этот — не мой стиль. Да я и к стихам его была равнодушна. Разве что трогательность к собакам (но и эти стихи были потом). Из русских (про деревню) я предпочитала Клюева.

О том, что Лёня дружил с Есениным — узнала только сейчас у Цветаевой! С Есениным дружил Чернявский и Рюрик Ивнев{89} (у меня была фотография их троих{90}).

Мандельштам. Манера читать?{91} М<ожет> б<ыть>, но я как-то иначе помню. Я узнала его в 1920 г<оду>.

Жорж Иванов — тоже в 1920 г<оду>, критиков{92} не знаю.

К. Ляндау (Константин Юлианович). Потом стал режиссером. Женат был сперва на Стефе Банцер, пианистке, любимой ученице Глазунова; потом — на Але Трусевич, актрисе — потом уехали оба.

Оцуп — тоже с <19>20 г<ода>, Ивнев — этот, кажется, еще жив. Городецкого никогда не знала[93].

«Jasmin de Corse»[94], как будто, и Кузмин любил эти духи. Юра любил «violette pourpre». Вот Лёня — не знаю. А пахло от его рук и перчаток — когда он снимал их — замечательно. Это я помню. У меня на руке оставался запах горячей душистой кожи.

Но вот — миновали времена.

Настало время действия — и гибели Лёни[95].

Моя мама (когда пошли слухи) очень волновалась. Но я ведь *там* не бывала, а телефон — м<ожет> б<ыть>, Лёня помнил без книжки? Взяли многих, как заложников. Юру[96]. Я его тогда не знала. Уводили из камеры. «Через восьмого»[97]. Не взяли — Чернявского. Чудо! Взяли другого Ч<ернявского>, тоже — Влад<имира> Степановича — и тот погиб. Чернявский — этот «уезжал» — в эту войну <19>41 г<ода>. Не знаю, куда[98]. Потом его вернули. Он был болен. А. Г. Мовшензон навещал его в больнице. Сказал мне про него (спустя время, когда я вернулась с Урала): «Он стал un peu gaga»[99].

Лёня — отзыв вел<икого> кн<язя> Ник<олая> Мих<айловича> — «вел себя как истинный герой и мученик». Это он говорил сестре, Loulou.

Родителей и сестру держали в тюрьме, а с вел<иким> кн<язем> как будто встречались в коридоре. Это была другая тюрьма (как будто! я не могла мучить сестру расспросами!), не Дерябинские казармы, где сидели заложники — и Юра.

Потом их выпустили домой[100]. Я появилась в их доме в конце < 19> 19 или в начале <19>20 г<ода>. С Loulou мы подружились.

Она в свое время училась в гимназии Таганцевой, где и Ида Рубинштейн (но та, конечно, старше). Родители были очень добры ко мне. С Loulou я была абсолютно откровенна.

Она поиздевывалась над моей дружбой с Гумилёвым, находя его очень некрасивым. Случилась дикая история. Г<умилёв> раздавал всякие лестности кому подвернется. Ленка Д<олинова> мне сообщила, что одной девице, с которой Г<умилёв> ужинал и которую звали Мария, стал говорить, что «Машенька» из «Трамвая» — это про нее. Она была дочь известного врача, знакомого Г<умилёва>. Мне было достаточно, чтобы, согласно моему праву, прятаться от Г<умилёва>, а когда он меня поймал и стал объясняться, я истерично (вероятно?) высказалась. Я объяснила причину. Г<умилёв> «окаменел» в лице и умчался. Эта «Машенька» служила вместе с Леной. Г<умилёв> пошел туда и накричал на Машеньку. Так, что та хлопнулась в обморок, тут же, на работе. До меня дошло — очень

быстро! Лена торжествовала от такого сюрприза — а я в ужасе (Г<умилёв> ненавидел скандалы) помчалась к своей Loulou и пустилась в слезы и в крики. Рыдала на весь Саперный. Loulou хохотала надо мной: «Такая хорошенькая девушка, и так рыдать из-за такой… [обезьяны]». Но я думала, что сейчас умру от ужаса!

Я вспоминаю, главное, из-за того, что добрый «лорд» (А<ким> С<амуилович>)[101], как назвала его Цветаева, подошел ко мне и — просто взяв на руки — стал носить по квартире, пока я не затихла. Я была тронута такой добротой… отца моего Лёни… И меня, как дочку.

А с тем мы потом сразу помирились. Где-то на улице. «Не он ко мне, не я к нему…»[102] Сперва на улице: «Дурочка моя! и что она со мной делает? И никогда-то мне не верит!»

Уже после того, как умер Г<умилёв>, а я подружилась с Юрой, я продолжала бывать у Loulou. Она и тут неодобрительно относилась. Я ее критики выносила безгневно.

Loulou сбивала муссы и кормила меня. О себе она многое рассказывала. Мне все о сестре Лёни было интересно.

Помню свое знакомство (в этой квартире) с Палладой[103]. Она мне показалась хорошенькой, в большой шляпе.

Но ее рассказ! (Дело на юге России.) Как ее брата привязали к ногам лошадей и пустили вскачь… «И вот он мне сказал…» Истерзанный?! Я тогда еще не знала Палладу и обалдела от недоумения[104].

С некоторых пор начались сборы за границу. Мне было жалко, грустно, М<ихаил> А<лексеевич> и Юра не выражали огорчений. Но в один раз, что я была без них, случилось вот что. Роза Львовна[105] вдруг стала говорить, чтоб я собиралась с ними. Но как?..

В Л<енингра>де была мама, Юра!.. И вдруг я услыхала слова (я помнила ее дамой с меховыми палантинами, потом чтила ее огромное горе гибели двух сыновей) — слова были мной услышаны, но не сразу дошли до понимания — «Я очень больна, скоро умру. А<ким> С<амуилович> так любит вас, что немедленно на вас женится».

Я думала, я проваливаюсь в пол. Был ли А<ким> С<амуилович> тут — не помню. Слыхала ли Loulou? Не дай Бог!.. Но я это помню. Я никому не говорила.

Почему он умер в Варшаве? Ведь они уезжали в Париж! Я получила как-то посылочку от Loulou из Парижа. Что случилось? Что с ним сделали?..

Стихи[106], получившиеся у меня спустя дикое количество лет. Бегая по Марсову полю, ранней осенью, на кустарниках были темно-красные листики и белые ягоды, или бусы.

Декадентский романс — не иначе!

Глаза и рот Тутанхамона,
И голос, бархатный, как ночь.
В петлице млела тубероза,
Но счастье отлетело прочь.
Конечно, счастью не служу я,
А он — предтеча страшных бед.
Но память льет напропалую
Хваленый погребальный бред{107}.
Не Демон — Ангел Чернокрылый,
Он охранял меня во сне…
А в жизни — руки в час бессилья
Рука убийцы грела мне…

У меня сохранились хрусталики с платья, кот<орое> было у меня, когда в петлице был…

Не раз, в очень серьезных снах.

1977

Гумилёв

Я увидела его в первый раз 14 мая 1916 г. Это был вечер В. Брюсова об армянской поэзии — в Тенишевском училище на Моховой. Народу было много; Брюсов читал прекрасные стихи, очень пылкие — «ты сожгла мое сердце, чтоб подвести себе углем брови»{108} — остального я не помню. Меня одну по вечерам не пускали, я часто болела и иногда падала в обморок — даже в ванну! Со мной была моя Лина Ивановна (которую «мальчики» звали «цербером»). И еще пришел по сговору со мной мой «взрослый» поклонник, поэт Всеволод Курдюмов (у него была жена и даже родился сын).

В антракте, проходя одна по выходу в фойе, я в испуге увидела совершенно дикое выражение восхищения на очень некрасивом лице. Восхищение казалось диким, скорее глупым, и взгляд почти зверским. Этот взгляд принадлежал высокому военному с бритой головой и с Георгием на груди. Это был Гумилёв.

Я была очень, очень молода, но по странному совпадению моей судьбы уже пережила и самое печальное в своей жизни — и довольно сильные радости и увлечения, хотя меня крайне строго держали, я много болела и много училась. Он сказал мне потом, что сразу помчался узнавать, кто я такая. «Это сестра Бальмонта». Меня вечно путали с Аней Энгельгардт, хотя она и не была похожа со мной, — более темноволосая, кареглазая, с монгольскими скулами, более яркая и, с моей точки зрения, гораздо более хорошенькая! На Никса Бальмонта, ее брата, я скорее могла походить по краскам — он был рыжий, зеленоглазый, со светло-розовым лицом и с тиком в лице — последнее мне очень нравилось в нем — а он ко мне очень нежно относился, говорил, что я, должно быть, такая, какой была бы его умершая сестра Ариадна — и ставил в пример своей сестре Ане[44].

И вот — говорил мне потом Гумилёв: «Я пошел и попросил Николая Константиновича: — Представьте меня вашей сестре. — Он познакомил меня с нею… Это была тоже очаровательная девушка, но ведь это же не та».

Мне пришлось опять пройти тем же проходом. Почему одной? Лина Ивановна сидела на месте — но куда девался Курдюмов? и другие знакомые?

Я увидала Аню, и рядом с ней стоял Гумилёв, т. е. это я узнала от нее, — она меня остановила, сказав: «Оля, Николай Степанович Гумилёв просит меня тебе его представить». Я

обалдела! Поэт Гумилёв, известный поэт, и Георгиевский кавалер, и путешественник по Африке, и муж Ахматовой… и вдруг так на меня смотрит… Он «слегка» умерил свой взгляд, и я что-то смогла сказать о стихах и поэтах. Аня потом сказала с завистью: «Какая ты умная! А я стою и мямлю, не знаю что».

Я не могу сказать точно, была ли у меня намеренная уловка, или нет (а он следил за мной), но я одна выбралась опять в фойе, и Гумилёв тут же появился и встал передо мной. Он смотрел на меня в упор, и я услыхала его голос (теперь это было бы впечатлением от голоса по радио — в то время как сам человек стоит и молчит), но тогда ведь не было радио, и сказанные слова прозвучали как в воздухе, — «я чувствую, что буду вас очень любить. Я надеюсь, что вы не prude. Приходите завтра к Исаакиевскому собору».

Я ответила в обратном порядке: «Это мне очень далеко… И все же неловко…» («так скоро» — я не сказала). Но на любовь я могла только улыбнуться.

На просьбу пойти меня проводить я могла только сказать, что я не одна — телефон ему дала — еще он сказал: «Я вчера написал стихи за присланные к нам в лазарет акации Ольге Николаевне Романовой — завтра напишу Ольге Николаевне Арбениной».

Он был ранен (или контужен) и лежал в лазарете (а не жил у матери), в Царском.

Он, конечно (т. е. я думаю!), пошел проводить Аню[45]. Как она пошла без брата, не знаю. Она была старше меня, была сестрой милосердия и ходила в форме сестры, которая ей чрезвычайно шла. Что было ясно: она «учуяла» опасность и «бросилась наперерез». У нас с ней были общие поклонники, и, как я сказала, нас часто путали. Брат ее не любил Гумилёва как поэта; он был поклонником Кузмина.

И вот Гумилёв мне позвонил. Он попросил прийти… но я сказала, что занята (я днем ходила одна, но я обещала Курдюмову[46] с ним погулять и Гумилёву сказала на следующий день). Вот и началась комедия-путаница!

Пошла я в Летний сад с Курдюмовым (отношения сугубо платонические) — и на крайней скамейке у решетки увидела Гумилёва с Аней!..

Мужчины о чем-то поговорили, Аня имела вид смущенный, девический и счастливый, а я собрала все свое нахальство и какой-то актерский талант и переглянулась с Гумилёвым как в романах Мопассана.

В назначенный день и час мы встретились — как будто в районе Греческой церкви{109} — было ветрено, холодно, листья

распустились, но весна задерживалась[47], — он, с моего согласия, повез меня не на Острова, а в Лавру. Мы прошли через тот ход, где могила Наталии Николаевны и Ланского. Вероятно, хитрый Гумилёв придумал эту овеянную ветрами поездку, чтобы уговорить потом поехать с ним в ресторан — согреться. По дороге мы заехали в книжный магазин, где он купил мне «Жемчуга» и написал:

«Оле. Олъ
Отданный во власть ее причуде
Юный маг забыл про все вокруг…»

И поставил какое-то «будущее» число…

В ресторане (в отдельном кабинете, конечно!) я до того бывала только со своим французом-дедушкой и его знакомым французом в Астории и в Европейской, но тут я испугалась… и очень развеселилась. Было сказано все: и любовь на всю жизнь, и развод с Ахматовой, и стихи[48]. Первые, что он прочел обо мне: «Женский голос в телефоне, Упоительно-несмелый… Сколько сладостных гармоний В этом голосе без тела…» Стихи были довольно длинные, и я их не помню. Очень пылкие и шли crescendo{110}, как в «Самофракийской победе»{111}…

Увы! эти самые стихи он через год «отдал» Елене из Парижа{112}, конец пропал — и он отрубил им хвост[49]. У «нее» звучало:

Женский голос в телефоне — неожиданный и смелый…

Вообще мы говорили обо всем: и о войне, и об Африке, и о царице, и о Ронсаре, и Дю Белле[50]. Кажется, мы не упомянули о нашей «неловкой встрече» в Летнем саду — ни об Ане. Надо сказать очень странную вещь: Аня была бойкая, с загорающимся румянцем, вертлявая; о нас говорили: «Коломбина и Пьеретта», имелось (про меня) мнение, что это блоковская Коломбина, — я была бледнее, болезненнее, и меня без конца называли принцессой Малэн, Мелисандой, Сольвейг{113} — и другими нежными «северными девушками».

С первой встречи в ресторане меня «подменили», и у меня вдруг прорвалась бешеная веселость и чуть ли не вакхичность — и сила — выдерживать натиск.

Гумилёв доставил мне радость, отметя нежных северянок, и называл меня Хлоей («с козленком, в золотой пыли»), Розиной (это, верно, за нечаянную, но вовсе не свойственную мне

хитрость!) и… Кармен. Это была моя мечта: и блоковская Кармен, и музыка Бизе, и сама Кармен — и главное — Судьба. Он еще сказал «красный перец». Тут уж моя доля была предопределена!

Но я выдерживала все натиски и безумно боялась. Я знала всё «про любовь» из «Суламифи», из «Саламбо»{114}, из романов д'Аннунцио. Я ничего не знала реально. Помню, на улице (на какой, не помню!) мы говорили о существующих поэтах, как о «кандидатах»[51]. «Бальмонт уже стар. Брюсов с бородой. Блок начинает болеть. Кузмин любит мальчиков. Вам остаюсь только я». Я говорила, что очень люблю Блока. Он тоже. Я хотела (по карточке и по стихам) с детства иметь роман с Блоком — но его внешний облик меня расхолодил. (Этого я не сказала.) «Я чувствую себя по отношению к Блоку, как герцог Лотарингии к королю Франции[52]. Но я бы предпочла быть королевой французской».

Я помню, что проявила зверство, спросив: «Сколько немцев вы убьете в мою честь?» — Ведь я мечтала о проливах, и патриотизм был у нас одного толка.

Мы встретились еще раз, и тут было еще труднее выдерживать штурм.

М. Ф. Ларионов. Портрет Николая Гумилёва. 1917

Он говорил, что надо завести «альбом Оли» и туда вписывать все стихи. Увы!.. Это было последнее мое свидание с Гумилёвым в ту весну. Он начитал мне бездну стихов, и старых, и новых, — и вся эта бурность, которая меня заколдовала, через год перешла в другой альбом — Елены — в Париже. Меня наказали — и мне нельзя было увидеть его перед его отъездом в Массандру, — ни

получать от него писем. И потом — пришла Аня, и мы «повыведывали» друг у друга свои новости. Она перешла в мою шкуру, побледнела и стала говорить тише и смиреннее. Мне кажется, у нее уже все случилось. И теперь еще мне непонятно, почему я хохотала, как в исступлении, и меня выбрасывало с кровати по ночам, как будто шло какое-то колдовство?!

И вот я написала «злое», горделивое письмо — он потом мне сказал, что сжег его в Вогезах{115} (?).

Как, такая хорошенькая девушка, сумевшая принять образ «Иерусалима Пилигримов»{116}, не утишила его бешенства?

У кого я попрошу совета,
Как до легкой осени дожить,
Чтобы это огненное лето
Не могло меня испепелить{117}…
(Откуда это?)

Я не хочу вспоминать обрывки стихов из «Синей звезды», — он отдал их другой… через год.

А вот это скорее об Ане… «подошла девической походкой, Посмотрела на меня любовь. Отравила взглядом и дыханьем… и ушла — в белый май с его очарованьем»{118}…

* * *

Лето (у него, в Массандре, у меня — на даче) кончилось. Осенью я была очень занята, и как-то (даже не помню, как) меня попросили прийти по просьбе Гумилёва послушать «Гондлу» и летние стихи[53]. Я не пошла. Вероятно, ошибка. Я не повидалась с ним перед заграницей. И перед войной. Ведь он еще воевал. Я предоставила Ане и проводы, и переписку.

* * *

Я много думала о Гумилёве, считала себя внутренне с ним связанной, но не делала ничего, чтобы с ним связаться в жизни. Я забыла написать, что в «ту весну» пришлось говорить много о Гумилёве с Мишей Долиновым. Хотя Гумилёв не одобрял Мишу (в статье из «Аполлона»){119}, тот его обожал, рассказывал, как он в «Бродячей собаке» среди общего гама и скандалов стоит с надменным видом и презрительной улыбкой, не реагируя ни на что. Миша не без гордости говорил, что Гумилёв слегка ухажнул

за Верой Алперс, его женой.

А я… кончая вечер, у меня вырвалось имя Гумилёва. И моя московская бабушка, гостившая у нас, говорила: «Ну вот, уж и до Гумилёва дошло! Пойду-ка я спать».

Я пишу о себе, но ведь я его не видела столько лет и могу говорить только в прошлом (по его рассказам в 1920 г.) и о том, — позже — что было при мне в этом 1920 г.

А со мной случилось вот что. Весной 1917 г. шел «Маскарад»{120}, я встречалась с друзьями Гумилёва и слушала о нем всякие россказни, и моя «магическая» связь с ним не прекращалась! Эта «революционная» весна вспоминается мне тоже счастливым временем. Никогда я не имела такого «массового» успеха[54].

И было счастье другого рода: я потом читала Гумилёву свои стихи о черноглазом мальчике, за которого я выйти замуж не хотела, — это было изменчивое существо моих лет, но этот мальчик — и «все остальные»… «номера» — все это было не то, как потом было представлено в дурных слухах обо мне, я не могу сказать, что все было вызвано моей тоской, может быть, даже без этой тоски было бы еще веселее — и еще нежнее.

Лето я жила на даче, а тут разыгрывались «страшные» события революции. Надвигался голод. В театры ринулась «масса», и был страх, что в атласных ложах заведутся насекомые.

А потом был вечер Маяковского{121}. Я не помню, в каком зале. Не помню, какого числа и месяца. Пьеса Маяковского. Выступал Мейерхольд. Много народу. Я помню восторженную Анну Радлову, в экстазе говорившую про пьесу… и как будто «новые времена». Я со своей «интуицией» почувствовала, что опустился какой-то занавес (позже говорилось «железный» занавес), и все погрузилось в противный серый полумрак. Погас волшебный Мейерхольд, потускнел свет, я не умерла — я «полуумерла», и все события сразу предстали в другом свете — и люди, и желания, и чувства, в ту минуту и надолго, надолго вперед. Конечно, жизнь продолжалась, и было все будто по-прежнему, и случались «хорошие» события и интересные встречи, но даже горе (не только счастье) потеряло свою остроту.

Настал другой век.

Аня

Аня была старше меня, училась скверно, была шумная, танцевала, как будто полотер, волосы выбивались. По временам была очень хорошенькой, со слегка монгольскими глазами и

скулами. Ходили слухи, что она, как и Никс, дочь Бальмонта, и ее мать, Лариса Михайловна{122}, развелась с Бальмонтом и вышла за Энгельгардта, захватив детей. Но моя мама знала ее бабушку, тоже Анну Николаевну (в женском благотворительном обществе), и говорила, что она — вылитая бабушка лицом. Никс носил фамилию Бальмонта, а в университете его называли «Дорианом Греем»{123}.

Я бы, наверное, не сошлась близко с Аней, если б не мои (и ее) литературные вкусы. Когда же я познакомилась с Никсом, то еще больше подружилась с Аней.

Когда она стала сестрой, я иногда бывала в лазарете, где она работала; помню, какой-то ее подопечный в меня влюбился и писал очень смешные письма. Звали его Адриан.

Я была ужасно занята, много училась и болела. У меня были только «проблески» жизни…

Аня приходила с ворохом событий. Я вспоминаю ее «каскад» разговора.

«Как? ты уже не любишь Вайю?[55] (это Бальмонт). Тебе теперь нравится Игорь Северянин? — Да, я была в студии (Мейерхольда){124}. Там так интересно! Почему тебя не пускают? Столько народа! Знаешь, Жирмунский вставал на колени и сделал мне предложение. Что он думает? Разве он настоящий поэт?.. Я, конечно, отказала. И потом меня называли принцесса Малэн{125}. А… (не помню, кто) сказал, что это не я, а ты — принцесса Малэн.

Никс был в гостях у Паллады{126}. И еще какая-то Клеомена[56].

Никс бывает у Пастухова[57], и есть какие-то стихи про него:

> Жил на свете мальчик — Никсик,
> У него был ротик алый.
> К Пастухову на журфиксы Мама
> Никса не пускала.

Но это было раньше, теперь он ходит. А Лёва{127} тебе читал стихи?» — «Да». — «Красивые?» — «По-моему, да». — «Как он прочел?»

> — Я падаю лозой надрубленной,
> Надрубленной серпом искусственным,
> Я не любим возлюбленной,
> Но не хочу казаться грустным…

(Если бы Лёва был настойчивым, я лично его бы полюбила.

Боже сохрани, сказать Ане!) — «Знаешь — на самом деле лучше»:

Я падаю стеблем надрубленным…
Я не любим моим возлюбленным,
Но не хочу казаться грустным…

— «Да, так интереснее». — «У Вайю будет вечер. Ты пойдешь? У него и от этой жены дочь. Мирра — Саломея»{128}.

— «Никс говорит, что ты похожа на такую травку… Знаешь, не цветок, а такая травка колеблется. Тебе это нравится? А что твоя Шалонская?»

(Шалонская, Кэт[58], «Ding an Sich»{129}, обложка «Vogue'a»{130} с моей точки зрения того года, нечто аналогичное Венере Милосской или Джиоконде — черные волосы, серо-голубые глаза, высокая; модная короткая юбка, меховой жакет — и громадный бант за зачесанными гладко за уши волосами; челка (реденькая). Когда у меня случилась беда — начатки туберкулеза и печальная история с В. Чернявским — первая (ничего не зная) меня взбадривала, и я смотрела на нее почти как на мужчину (конечно, без греха!), такая она была «самостоятельная». А ее бант (в жизни все связано!) был «свистнут» Радой Одоевцевой[59]. Бант, вошедший в литературу, — Раде бы не придумать! — но Кэт вряд ли была бы особенно довольной быть эталоном очарования среди писателей. Девушка из военной семьи, родом из Ростова-на-Дону, братья — офицеры Феликс и Александр, богатая и нарядная. Я Раду тогда не знала (и не замечала). Не заметить Кэт было невозможно. И потом она была одним из главных персонажей моей жизни в «догумилёвский» период. А после я ее больше не видела. Я думаю, ей бы очень подошло стать женой американского миллионера или английского адмирала.

…От Ани я услыхала впервые о Юре{131}. Она говорила — «фамилия не то Юренев, не то Юрковский».

В очень «ранний» момент нашей довоенной жизни, в один из счастливых часов, когда я вызвала и выслушала восхищение и всякие слова от В. Чернявского, который считал меня «неземной», Аня, которой он нравился, приревновала и даже заплакала. Это было на улице, и Никс шепнул мне: «Какая вы злая». Мы шли с лекции Мережковского. Мы с В. Чернявским сбежали во время лекции куда-то на лестницу! Лина Ивановна была в ужасе, все волновались, где я. Потом был только разговор. В. Чернявский ко мне остыл после моей болезни, и Аня опять стала его заманивать, но это все было «разговорами». Ведь у меня был почти младенческий возраст. Я все это вспомнила, потому что это имеет отношение к Гумилёву. О Гумилёве говорилось немного. Больше

всего говорилось о Блоке, Кузмине, Ахматовой. (Среди друзей и знакомых Никса и Ани.) Было известно, что Гумилёв воюет. Я знала его сборник «Чужое небо»[60], и мне нравились «Конквистадоры» и некоторые стихи. Но если б он не обратил на меня внимание, Аня не ринулась бы… на все, чтобы только помешать мне. Но главное то, что мы обе, как звери, одновременно поменяли окраску! В меня будто впрыснули кровь и здоровье, а Аня сразу побледнела и прикинулась тихой и нежной девушкой. В некоторые моменты Аня была похожа на леонардовского ангела из парижского «Св. Семейства»[61].

* * *

Гумилёв вернулся в Россию в 1918 г. Судьба играет человеком! Я фаталистка, и вот раз в жизни я «выступила» сама, проявила активность. Этого не надо было делать!

Весна 1918 г. На афишах вечер поэзии{132}, Блок — и даже не помню, был ли Гумилёв или нет, — но я знала, что он будет. Я выглядела прекрасно (для себя — лучше нельзя). У меня была красивая большая коричневая шляпа с черной смородиной, очень естественной. Единственный раз в жизни — Гумилёв был совершенно равнодушен. Нехотя ответил на мой вопрос об Ане, побежал знакомить меня с Блоком — я уже говорила, что пережила все вполсилы, — кажется, он уже был «обручен» с Аней, или как это называлось тогда, но, главное, недалеко от него вертелась какая-то темноволосая невысокая девица — довольно миленькая — его очередной «забег», он у таких «легких» девиц потом даже имени не помнил, — но тогда (он сказал мне в 1920-м) ему надобно торопиться!

Я играла летом в Павловске, увозя громадные букеты сирени из сада милого и умного Саши Зива[62]. Я относилась с какой-то мертвенностью и к Гумилёву, и даже к себе.

Уже к исходу лета (или в середине?) Аня просила меня прийти к ней — она уже была замужем за Гумилёвым, даже приглашения (или оповещения) о свадьбе были отпечатаны по всем правилам, и она уговаривала: они оба так хотят, чтобы я пришла, — если бы я не пошла, она бы вообразила, что я ревную, а этого я не хотела показать, да, говоря правду, я была спокойна — шпоры не позванивали, шпага не ударялась о плиты, и нельзя было дотронуться до «святого брелка» — Георгия — на его груди. Он был в штатском, по-прежнему бритоголовый, с насмешливой маской на своем обжигающе-некрасивом лице. Тот — и не тот. Главное — время было другое! Проклятое время!

Я пошла. Они жили тогда на квартире С. Маковского{133}.

Помню длинную, большую комнату. Были ли картины, книги? Я не помню[63]. Какой-то нарядный полумрак. Полукруглый диван, на котором мы сидели. Что ели, пили — не помню. А разговор? Он нес, скорее, какую-то чепуху. Слегка подиздевывался над моими королями, и герцогами, и индийскими раджами. Помню, высказал мысль, что на свете настоящих мужчин и нет, — только он, Лозинский (!!) и… Честертон.

И — обо мне — впервые всплыл образ валькирии. Почему? — Мы тогда (в мае) не говорили о валькириях[64]. Он сравнил меня с борющейся и отбивающейся валькирией, а Аню — с едущей за спиной своего повелителя кроткой восточной женщиной. Эти разговоры при жене казались мне шокирующими, несмотря на слегка иронический тон Гумилёва. А я? Мне надо было встать и уйти, но меня как будто парализовали. Гадали на Библии. «Она войдет в твою палатку, Авраам…» И что-то о магии. О черной? Я не соображала от неловкости.

Мы так засиделись, что пришлось «разойтись» и лечь спать. Аня уговаривала меня остаться. Опять — неловко отказаться, будто я боюсь. Комнатка с двумя почти детскими кроватями, беленькая, уютная, — верно, детей Маковского. Аня устроила меня на одной (расположение помню) и удрала прощаться со своим супругом. Вернулась со смехом. «Слушай! Коля с ума сошел! Он говорит: приведи ко мне Олю!». — Я помертвела.

Я не знаю, как я вытерпела выждать, пока она заснет, и выбралась из незнакомой квартиры, которая теперь казалась мне пещерой людоеда.

* * *

Я теперь играла в других местах и Сашу с букетами сирени передала другой девушке: за мной ходил другой человек, В.[65], с слегка косящими, как у Гумилёва, глазами! Он был старше, выше ростом и гораздо красивей. Это-то конечно. У него были и жена, и взрослые дети, и даже хорошенькая девушка. Он меня пожурил, что я пошла к Гумилёву (что-то я ему рассказывала). Он ужасно меня баловал и возился со мной. У меня было чувство, что это не моя жизнь. Мне было с ним легко и даже мило. Но без особой причины я с ним рассталась. Он меня возненавидел.

В театре было неплохо, хотя никто из режиссеров не достигал уровня Мейерхольда; товарищи по школе меня любили, играла я много и даже зарабатывала больше, чем потом, будучи актрисой.

Заработки за роли «со словами» были порядочные. А я играла цветочницу в Александринке (в пьесе Гнедича «Декабрист»{134}) и в Михайловском лебедя Аоди в пьесе «Рыцарь Ланваль»{135}. Я дружила с актерами, с Вивьеном, А. Зилоти и особенно с Игорем Калугиным. Но все это не заполняло души, как говорится. О Гумилёве я ничего не знала и знать не хотела.

Когда настала осень, очень теплая и мокрая, я была настолько подавлена, что думала, кажется, только о смерти.

В какой-то вечер услыхала такое предложение от Яши (друг Саши), мой вроде как паж, хотя он был влюблен в мою подругу, красивую Аню Петрову: «Пойдите записываться в Академию художеств (?..) Там сегодня заседание[66]. Вам не будет скучно. Козлинский в вас влюбится. Он вас развлечет». — «Козлинский? Что это?» — Я не рисовала, знала (и любила) художников из «Мира искусства», Сомова, Судейкина. А это были художники «полукубисты», о которых писал Пунин в «Аполлоне»{136}. Я вовсе не собиралась рисовать! Когда я уходила (с Яшей), нас нагнал незнакомый Козлинский[67] — высокий, стройный, с какой-то богемной аристократичностью, слегка картавый, Яша исчез, как бес в ночи, только сойдя с лестницы Академии. И вот мы шли через мост (будто лейтенанта Шмидта), разговорились немедленно, и, еще не перейдя моста, я получила от Козлинского самое «законное» предложение! Это было неожиданно — и весело. Несколько месяцев мы встречались почти ежедневно. Он прибегал в театр, мы ходили в балет, в гости, в какие-то столовые, я подружилась с художниками (Левин, Пуни, Богуславская, Сарра и В. В. Лебедев); помню, в балете, в фойе, ко мне приставал Тырса — голос Козлинского: «Не подбирайся, Николай Андреич, это моя девочка!» Меня это не обижало. В другой раз — будто подвиг Геркулеса (хотя я была тогда легкая, но, все же, в пальто), было мокро — Козлинский взял меня на руки и понес до угла Невского и Садовой, где оказался извозчик. А двинулись мы из какого-то погребка недалеко от Академии. Я не помню, как и почему мы расстались, — кажется, он уезжал в Москву — во время наших встреч он был в периоде развода и вел себя со мной по-джентльменски[68]. Он любил играть в карты и был очень азартен. Меня, как ни смешно, укладывали в какой-то комнате. Пить я пила (первые опыты), никогда не пьянела, карты меня не интересовали. Новые знакомые + театр, и актеры, и ученики школы, будто занавесом, задернули историю с Гумилёвым.

* * *

Я не знаю, когда у Ани родилась дочка, Лена. Вернее, точно не знаю. Шли его пьесы (короткие). Он стал преподавать в какой-то официальной студии. Я прочла об этом потом у Одоевцевой. Я гнала из памяти его фамилию. Я видалась с Всеволодом Курдюмовым, и он мне еще часто писал[69]. Время было страшное, голодное. Главное, холодное. На улицах иногда лежали мертвые лошади. Бывший мой «обидчик» В. Чернявский пытался мне что-то объяснить — мне это было неприятно[70]. Даже появился поклонник из бывших друзей Кузмина — совершенно безумный! [71] Больше всего в тот год волновали пайки и кража этих пайков. Ведущие актрисы Александринского театра бегали в какие-то учреждения за реквизированными меховыми шубами. Конечно, я завидовала шубам, но пойти на подобную гадость я никогда не смогла бы, хотя меня, вероятно, «пристегнули» бы к этим набегам, а главное, «там» выдали бы мне шубку. Я людям из «органов» почему-то нравилась[72]. (А что о «краже» — то имеющие отношение к посылкам АРА'ы{137}, не выдавали *ничего хорошего* в школу, а брали себе.) В 1920 г. благодаря халтурам у меня было… 7 пайков. Рекорд! Больше было как будто только у Корчагиной-Александровской. Роли меня мало волновали. Репертуар был средне-интересный. Были неприятности, но в общем меня любили в театре. Актеры, а также техперсонал. Горничные, парикмахеры. Мне давали самые лучшие парики — даже золотые волосы Изольды из «Шута Тантриса»{138}.

* * *

Начался 1920 год. Январские морозы. Шел «Маскарад»[73]. В одном из антрактов ко мне кто-то пришел и попросил выйти… к Гумилёву. Гумилёв никакого отношения к театру не имел! Я ничего не понимала! Я о нем не думала! Но что делать? Я подобрала свой длинный-длинный палевого цвета шлейф (платье было белое, с огромным вырезом), на голове колыхались белые страусовые перья — костюм райский! — и пошла. Он стоял на сцене. Не помню ничего, что он объяснял. Кажется, пришел говорить с режиссером насчет «Отравленной туники». Сказал, что надо поговорить со мной. Попросил выйти к нему, когда разденусь. Я согласилась. Пришлось снять наряд прекрасной леди и надеть мое скромное зимнее пальто. Мы пошли «своей» дорогой, т. е. «моя» дорога домой была теперь и «его» дорога — он жил на Преображенской. Что он говорил, не помню. Аня *была* отослана в Бежецк{139}. Ему надо было прочесть мне новые стихи. «Заблудившийся трамвай». Неужели это переливало через край? Я

была, как мертвая, и шла, как овца на заклание. Я говорю сейчас и помню, что у меня не было ни тени кокетства или лукавства. Уговорить зайти к нему домой, с клятвами, что все будет спокойно, было просто. Я «уговорилась». В его чтении «Трамвая», однако, опять вкралась ложь. Он прочел: «Оленька, я никогда не думал…» (я не поверила)[74]. Стихи меня поразили как очень новые, но меня шокировало слово «вымя» — разве такое слово можно пускать в стихи?…

Были и другие стихи и слова. Я не помню. Но когда все было кончено, он сказал страшное: «Я отвечу за это кровью». Он прибавил печально (и вот это было гораздо важнее): «но я люблю все еще больше»[75].

Я не помню, почему я стала опять «бегать» от Гумилёва. Не помню, как он меня выследил и вернул.

«Что же сон? Жестокая ты или Нежная и моя?»

* * *

Стихи Ахматовой о нем:

Все равно, что ты наглый и злой…
Все равно, что ты любишь других{140}…

Наглый? Боже сохрани! Никогда!
Злой? В те месяцы 20-го года? Никогда! Никогда!
Как будто капля ртути покатилась по своему руслу…

Счастья в моем понимании «Sturm und Drang'а»{141}, когда все движется и переплескивается через край, быть не могло. Оно было где-то за рубежом нашей жизни, нашей родины. Лицо Гумилёва, которое я теперь видела, было (для меня) добрым, милым, походило, скорее, на лицо отца, который смотрит на свою выросшую дочку. Иногда слегка насмешливым[76]. Скорее — к себе. Очень редко — раз или два — оно каменело. Мне нравилось его ироническое и надменное выражение «на сторону».

Мы много говорили… но, главное, о любви[77].

Если представить себе картину, изображающую море, — то это большое пространство, залитое синей краской, и в нем рассыпанные маленькие рисунки кораблей и лодок, — то вот так мне приходится «выскабливать» из этого моря разговоры о литературе, о других людях, о событиях дня. Так было с ним, и то

же было и с другими людьми, потом. Очень стыдно, но мне этот разговор никогда не надоедал[78].

Мы много ходили.

Он велел мне креститься на церковь Козьмы и Демьяна на б. Кирочной{142}. В моем детстве я видела как-то в садике у этой церкви расцветший цветок красно-розового шиповника. Еще там был памятник — будто птица?.. Теперь церкви этой нет. Другая церковь была близко от его улицы, на Бассейной{143}, здание существует, но без церкви.

Помню, весна двигалась быстро, рано стало зеленеть. Он сказал мне: «Вот видите, Юг вас услышал и идет вам навстречу»[79].

Ему еще нравился Данте Габриэле Россетти (с его ранних лет).

Я *знала* все его критические статьи из «Аполлона»[80]. Я спрашивала его мнения, не изменились ли с годами?

Он часто говорил о Чуковском как об интересном собеседнике.

Помню смешное: «Мне достаточно вас одной для моего счастья. Если бы мы были в Абиссинии, я бы только хотел еще К. Чуковского — для разговора»[81]. Рассказал, что, когда он был в Англии{144}, встречался там с К. Набоковым. Тот вспоминал: в России у меня было только два друга — К. И. Чуковский и покойный Н. Ф. Арбенин. — «У Арбенина хорошенькая дочка». — Набоков, равнодушно: «Да, какие-то дети были». К. Набоков занимал тогда какой-то пост в Лондоне (он — дядя писателя Набокова).

Его любимая героиня Шекспира — Порция. Он восхищался ее скромностью. (Странно, конечно, все мы хотим быть не тем, что нам дано! Могущественная красавица Порция выбирает Бассанио{145} за его красоту. Больше ничем особенно Бассанио не примечателен.) Другая его любимица — Дездемона[82].

У него было благоговейное отношение к Гёте, Я тоже любила Гёте, как совсем «своего». Первые стихи, которые я помню (лет 3-х) — «Kennst du das Land…»{146}. Я даже свое что-то присочиняла, об Италии… Еще в детстве.

Но еще больше (уже с детства) меня пленяла Греция. Мы говорили о Греции. Илиада, мифология. Больше всего хотелось в Грецию:

> И мы станем одни вдвоем
> В этот тихий вечерний час,
> И богиня с длинным копьем
> Повенчает, для Славы, нас[83]{147}.

У него была верная любовь к Абиссинии, а из новых невиданных краев ему очень хотелось побывать на Яве. Привлекал яванский театр теней. В детстве ему нравились книги путешествий и рыцарские эпохи, а также 17-й в. Любил он и Майн Рида[84].

* * *

Разговор о возрасте. Он считал, что каждый человек имеет свой, коренной и иногда вечный, возраст.

Так, у Ахматовой был возраст 15, перешедший в 30.

У Ани — 9 лет. У меня тоже 15, перешедший в 18.

У него самого — 13 лет.

«А Мишеньке (Кузмину) — 3 года! Как он с детским интересом говорит с тетушками о варке и сортах варений!»

* * *

Вспоминая детство, все, что у него в стихах. Любимая рыжая собака.

Но надо вспомнить «вокруг» «Заблудившегося трамвая», с которым он явился за мной в театр.

О нем говорилось всегда очень много, как о заядлом Дон Жуане.

Рассказывали о флирте с «рыженькой» поэтессой (Одоевцевой), но фамилии не говорили. Я с конца 1919 г. попала «обедать» в Дом литераторов, на Бассейной{148}. Там кишело сплетнями.

Был вечер поэтов, и много фамилий на афише. Фамилия участницы с именем на «М» (Машенька) была Ватсон. Я взбесилась. На Бассейной меня поймал Гумилёв и стал расспрашивать. Он меня не мог разыскать. Я пряталась. Я по-идиотски разревелась и закричала: «Уходите к своей Машеньке Ватсон!»[85] Он ужасно хохотал, помню, говорил: «Я ненавижу сцен ревности, но у вас и это совершенно очаровательно!» — И показал мне вскоре и познакомил с М. В. Ватсон.

* * *

Другой случай был «тяжелее».

Я немного говорила с Гумилёвым в театре и в Доме литераторов, но так как мы вечно ходили вместе, а кое с кем из подружек все-таки я кое-что говорила, то (а люди сплетничали со злом, как комары, все вокруг так и вилось) как-то Лена Долинова[86] передала мне, что служившая с ней на одной работе Мария Ахшарумова похвасталась, что Гумилёв читал ей за ужином «Заблудившийся трамвай» и намекал, что это о ней.

Я опять «поговорила» об этом. Вот тут у него окаменело лицо. Лена передала, что Гумилёв как бешеный ворвался на их службу и наорал на М. Ахшарумову, а она упала в обморок.

Восторг Лены от такой сенсации!

Я же побежала в мой любимый дом Каннегисеров[87] на Саперном. Тут у меня был настоящий припадок с воплями. Loulou[88] хохотала: «Как такая хорошенькая девушка рыдает из-за такой обезьяны!» — но Аким Самойлович, отец Лёвы, старый красавец, взял меня на руки и носил по квартире, чтобы успокоить.

А как я помирилась с Гумилёвым? Конечно, очень нежно. Он мне объяснил, что жалеет только о том, что не сможет больше бывать у доктора Ахшарумова, отца «Машеньки». И умолял не слушать сплетен.

Кроме спектаклей в театрах были халтуры в разных местах за городом; если я была занята только в первых действиях и халтуры близко, я бежала через Лавру, бегом, как стрела, не глядя по сторонам, чтобы не напасть на привидения или на воров, иногда ездила то в санях, то в других «транспортах», — как-то ехала с нашим директором, актером Аполлонским, который питал ко мне нежные чувства и ехал (морозы), пряча меня в какую-то исполинскую шубу. Он был красавец, но ума среднего. Помню наш неприличный разговор: «Оля, этот Гумилёв, что, он вам нравится?» — «Да, Роман Борисович». — «Ну… чем же он вам может нравиться?» — «Он хороший поэт». — «Поэт… ну, так… а еще что?» — «У него Георгий за храбрость». — «Так… А еще?» — «Он много путешествовал. Был в Африке. Кажется, у него был роман с негритянкой». — «Ну… я не понимаю, что за удовольствие побывать в черном теле…»

* * *

Очень странно, я смотрела на Гумилёва с первого дня знакомства как на свою полную собственность. Конечно, я фактически исполняла его желания и ничего от него не требовала, но вот сознание было такое, и думаю, что он это

понимал. Я равнодушно относилась к поездкам в Бежецк, где была его семья, и смотрела на Аню как на случайность. Очень хорошо относилась к сыну — Лёве, — о девочке он почти не говорил и вообще никогда не говорил ни одного слова, которое бы мне не понравилось. Я никогда не заметила ни одного взгляда или интонации, которая бы меня обидела. Что это — особая хитрость или так все получалось? Надо сказать, что у меня был только один способ: при малейшей тени неприятности убегать и прятаться, а ему — меня разыскивать и улещивать. Думаю, что меня, которую не боялась ни одна собака, он как-то «боялся». Но как он мог подействовать на свою жену и других дамочек[89] — это странно!

Как будто я ревновала больше к стихам, чем к «экскурсам» в сторону! Какие-то девицы писали ему записочки с предложениями романа и даже со стихами (мы очень хохотали).

Я помню, я даже ходила через Литейный мост проводить его к цыганам (были ли там и цыганки? вероятно!)[90].

* * *

Правда, было состояние, что ртуть покатилась по своему руслу, и, может быть, это было счастьем. Он часто говорил мне: «Мое счастье! Как неистощимый мед!»

Из мелочей, помню, я очень рассердилась, что в «Заговоре Фиеско» мне дали играть даму без слов (а я уже числилась актрисой). Я пошла к нему плакать[91]. Он смешно сказал: «Ну, стоит ли? Наоборот, скажите им спасибо и что вы довольны. Разве не лучше играть в пьесе Шиллера без слов, чем главную роль в „Поруганном“?»{149}

Помню, он ходил на кухню жарить блинчики (он умел), а я лежала на диване в его кабинете (это тоже к весне) и писала за него рецензии на стихи поэтесс[92], кажется, он все подписал без помарок («мужские» я боялась). Помню, как мы смеялись над «Родильным домом» у М. Шкапской!

Он серьезно отнесся к моим стихам (я рассказала о своем письме со стихами к Брюсову), говорил, что это очень хорошо, Брюсов редко отвечает на письма, ему ответил, а Ахматовой — нет. Но он сказал, что, если я достигну мастерства «говорить стихами», вряд ли буду иметь такой успех, как Ахматова, — она говорит о чувствах всех решительно женщин, а у меня что-то совсем свое и непонятное[93]. Я не понимаю, что во мне могло быть не так, как у всех? Я же не могла сказать ничего философского, но думаю, мы много говорили, что может быть на

том свете, — и об Эросе и Психее, и о том, как кончится жизнь, но я думаю, это все говорят. (Ведь все думают о смерти и о «после смерти».)

Когда настало лето, в саду Дома литераторов цвел жасмин. Мы там часто сидели.

Помню шпалеры розовых римских свеч (или иван-чая) где-то на том берегу Невы, за Охтой.

Он оставлял мне записочки о встречах за зеркалом в Доме литераторов.

Помню, как я ходила во «Всемирную»{150} (редко), и он почему-то брал меня за руку, как маленькую[94].

* * *

Кроме маленьких неизбежных неприятностей, жизнь казалась легкой. Правда, будто в воздухе вокруг меня была какая-то защитная полоса.

В Доме литераторов я ходила (так глупо!) как султанша, т. е., конечно, я держалась всегда скромно, но было смешно, как «расстилались» Всеволод Рождественский и некоторые другие. Вероятно, многие поэты в душе и в своей компании посмеивались над авторитетом Гумилёва, но при нем держались, как вассалы. А я радовалась, как настоящая тщеславная леди Макбет, что со мной ходит такой «мэтр»[95].

* * *

Если я ревновала Гумилёва к кому-нибудь, то это предмет моего обожания в детские годы — А. Блок. Гумилёв умел найти для его определения как поэта самые «трезвые» слова (в статьях «Аполлона» тоже). Отношения «человеческие» между ними были хорошие и простые. Но он сказал как-то, если бы в Блока стреляли, он бы его заслонил. Меня подобная «вассальность» взорвала. (Конечно, я ничего не сказала.)

Помню, Гумилёв как-то рассказал со смехом, что две красивые женщины пришли в качестве делегации от поэтов взять на себя «председателя» Союза поэтов{151} (или, как это называлось тогда, не помню)[96] и стали его целовать. Грушко и Радлова (правда, обе красивые, но обе не во вкусе Гумилёва).

* * *

Помню юбилей М. А. Кузмина в Доме искусств{152}. Там была торжественная часть, а потом вроде ужина, на котором я была с Гумилёвым.

Но когда шли поздравления, чудесно говорил Блок, я прослезилась — так нежно и трогательно говорил Блок: «Два ангела напрасных за спиной»{153} — и поцеловал Кузмина[97].

Гумилёв был с Кузминым на «ты» и очень любил его стихи, но речь произнес как-то сухо. (Я потом его ругала за это, потому что очень любила Кузмина.) Я на этом вечере (или утре) получила удовольствие. Гумилёв познакомил меня с Ак. Волынским, известным балетоманом. Помню формулировку (Волынский был довольно пожилой): «Аким Львович, позволь тебя представить Арбениной, Ольге Николаевне». — Волынский: «Вы — балерина?» — «Нет, я в драме». — «В первый раз ошибся»[98].

Я путаю месяцы. Приблизительно лето 20-го г. Было 2 приезда Ани или один? По-моему, более «раннее» лето — был А. Белый[99]. Сколько я помню, на его вечере (или утре) (где?) — мы были вдвоем с Гумилёвым — Белый (которого я по стихам не любила и не понимала) читал удивительно. Совсем как колдун. Даже необычнее, чем позже Мандельштам. А вот когда он был в гостях у Гумилёва, я сидела рядом с Аней за столом в большой столовой (почти никогда там не сидела) и слушала, как Белый разговаривал с Гумилёвым. О чем? не помню абсолютно! Мы обе молчали, даже я. Обе с челками и выглядели, наверное, глупо, как гумилёвские одалиски! Аня нисколько не держалась «хозяйкой дома».

* * *

Помню (как будто это было позже), Гумилёв сказал мне: «Сдадите экзамен на парижанку» (?). Или в этом роде что-то. До чего я фактически была податлива — мне важно было внутреннее сознание своей силы. Аня не меняла ничего — ведь я играла, уезжала за город. Куда-то мы ходили втроем. Куда-то, помню, на Потемкинскую. Потом к Мгебровым[100].

Я жила несколько дальше. Гумилёв сказал как-то повелительно Ане: «Ничего, добежишь» — и пошел меня проводить до дома. Ничего похожего на «гаремность» не было.

Ее можно было даже пожалеть. Сидеть в Бежецке и скучать!..

* * *

Мы бывали у Мгебровых и без Ани. Помню, Гумилёв брал на колени сына Мгебровых. О них ходила молва, что они не очень-то чистые, и я потом сказала Гумилёву, как он не боится набраться чего-нибудь от мальчика[101]. Но мне казалось трогательным, что он брал его на колени, — как будто вспоминая своего Лёву.

Чаще всего мы бывали, конечно, в Таврическом саду.

Я всегда мечтала вырваться из России, как из плена.

И в твоей лишь затаенной грусти,
Милая, есть огненный дурман,
Что в проклятом этом захолустье
Словно ветер из далеких стран…

Лето становилось засушливым. Он уезжал на правый берег Невы — дача Чернова, — и я обещала его навестить.

Переехала на пароме (как будто), он встретил меня и снял с пригорка (берег был скалистый), и мы пошли по дороге. У меня было белое легкое платье (материя из американской посылки) и большая соломенная шляпа[102]. На пригорках сидела целая куча ребят (не цыганята, а русские дети). Они сказали хором Гумилёву: «Какая у вас невеста красивая!» Он был очень доволен, а я смутилась.

* * *

В этом доме отдыха была красивая рыжая Зоя Ольхина. Я думаю, Гумилёв перечел ей все стихи с рыжими волосами!

* * *

В это же лето (Гумилёв уезжал) был праздник III Интернационала на площади Биржи{154}. Я с Диной Мудровой в белокурых париках в виде Англии и Германии стояли на вершине лестницы, Лида Трей и еще кто-то (в черных париках) — ступенями ниже в виде Франции и Италии — и так по всей лестнице. Командовала М. Ф. Андреева, а на состав публики я не обратила никакого внимания! Устала безумно. Помню, отдыхали у Володи Козлинского, который жил уже совсем в другом районе. Козлинский и на этот раз сделал мне предложение. Я Гумилёву рассказала о Козлинском. Гумилёв ответил: «У нас с ним такая разница. Я как старинная монета, на которую практически ничего не купишь; а он — как горсть реальных золотых монет». Я это и

передала Козлинскому. Он подумал и сказал: «Что же, это правда. Решать вам».

* * *

Мы с Гумилёвым ходили как-то в Этнографический музей (на Васильевском острове), где были его абиссинские трофеи. Дома у него уже ничего не было! Меня пригласил актер Любош, большой поклонник Гумилёва, посмотреть его квартиру[103].

Мне попалась по дороге роскошная ветвь липы, в цвету — и я с этой ветвью внедрилась в квартиру Любоша — действительно, до грусти красивая комната с абиссинскими трофеями, как было бы интересно, чтоб такое было в квартире самого Гумилёва!..

* * *

Вспоминая Ахматову, как поэтессу, Гумилёв говорил, что она писала стихи про русалок и что-то полудетское под Бальмонта. Потом вдруг у нее получилась фраза (4 строчки, я, конечно, забыла) — вроде слов дамы в гостиной с тайным страданием — нечто похожее на Mahot из «Le bal du comte d'Orgel»{155} (это я потом прочитала, и мне напомнило), он ей сказал: «Вот тебе надо это зафиксировать! Это то, что надо».

Он говорил, что Ахматова была удивительная притворщица, просто артистка[104].

Сидя дома, завтракала с аппетитом, смеялась, и вдруг — кто-то приходит (особенно — граф Комаровский) — она падает на диван, бледнеет и на вопрос о здоровье цедит что-то трогательно-больное!

* * *

Гумилёв говорил об Ахматовой всегда добродушно, с легкой иронией. О ее очередном муже, Шилейко, говорил с удивлением, что у нее будто и романа с Шилейко не было, а сам Шилейко был странный, ученый-ассириолог — и странный человек — Гумилёву и Лозинскому ни с того, ни с сего целовал руку.

Гумилёву были «противны» такие женщины, как Глебова-Судейкина и Паллада (?), а про Карсавину говорил с восхищением: «Это — наша дама!»

Ему нравился Судейкин (сам) и как художник — картина

Судейкина «Отплытье на остров Цитеру»[105] висела у него над кроватью[106].

Я хорошо помню квартиру Гумилёва, проходную столовую и кухню (парадный ход был закрыт, — на ул. Радищева), на кухне — увы! — водились тараканы, он их панически боялся (мой отец, по словам мамы, панически боялся пауков; а я — только змей). Но мы там только проходили, а в большой «летней» комнате стоял мольберт с портретом Гумилёва работы Шведе — удачный — с темным, почти коричневым лицом, среди скал (я думаю, Абиссиния), с красным томиком в его красивой руке{156}. Там было 2 окна и зеленый диван около дверей.

* * *

Я не особенно помню, где у него (в обеих комнатах) были книги, но в передней (между комнатами) стояло кресло, и он часто (в конце зимы и потом осенью) топил печку.

Иногда мы говорили о стихах, и он объяснял мне свои «разделы»: Кузмин, по его мнению, имел превосходную композицию («как композитор!»), но «вгрызаться в образ» не всегда умел; у Мандельштама была первоклассная стилистика, но у него не было никаких разделений — все шло гурьбой, наплывами, будто сплошное стихотворение!

Доходило и до «страшного» слова «эйдолология» — уж кого он хвалил в этом плане, не помню!

Меня он хвалил за ритм и радовался, что у меня получался «паузный амфибрахий»…

Но вот немножко глупенькое стихотвореньице, которое будто бы… мой стиль[107]:

Вы, нимфы леса и реки,
Грусть свою излейте…
Спойте песню, ветерки,
На тростниковой флейте…

Он как-то вскрикнул: «Я каждый день благодарю небо за вашу божественную глупость…» (?)

Я, конечно, не могу писать то немногое, интимное, что он говорил о двух своих женах. Единственно, что они условились с Ахматовой сказать друг другу о своей первой измене. «Представьте себе, она изменила первая», — сказал он без всякой злости.

О своих «дамах» он был совершенно дискретен, за

исключением одной, Татьяны Адамович, — которая афишировала свои отношения с ним. Говорила, что она «мстила» за свою сестру… но какая же это месть? Он говорил, что Татьяна была очень бойка, самостоятельна; она ругалась из-за Мопассана, которого она обожала и превозносила. Она его насильно посадила на извозчика и свезла в редакцию, чтобы он (хотя нехотя!) написал посвящение ей в «Колчане».

Она очень почтительно относилась к Ахматовой, а (по слухам) любила девушек — даже первую жену Жоржа Иванова, Габриэль. Но этого Гумилёв не говорил.

В Вере Алперс, бледной и неинтересной жене Миши Долинова, он находил какую-то девическую прелесть.

Кто еще? Меня интересовала Одоевцева — про нее говорил: «Ей бы быть дамой на балу рижского губернатора». Как поэтессу, он находил ее способной — учил ее писать баллады. Рассказывал про «парижскую» любовь — Елену — забыла фамилию. Она была необыкновенна тем, что, будучи строгой и неприступной девушкой, совершенно сникала и смягчалась, когда ей читал он стихи[108]. (Она была невестой американца, и вряд ли можно было ей делать предложение — он еще не был разведен с Ахматовой[109].)

Конечно, и то, очень милое, что он говорил мне лично, я не стану писать. А называл он меня, чаще всего, «моя птичка» и еще чаще: «моя певучая девочка» (?.. ведь я никогда в жизни не пела).

Я вспоминала все те случаи, когда я плакала ему в плечо! Но мы гораздо чаще смеялись. Он был наедине скорее веселый[110].

* * *

Мне казалось, что его литературные занятия и «Всемирная литература» ему вполне нравились. Он никогда на жизнь не жаловался. Помню, я как-то сказала «Всемирка» — он меня поправил, смеясь: «Ну, зачем вы так? это наша всемирочка, наша девочка…» (т. е. его самое нежное слово!). — Он о своих встречах за границей почти ничего не говорил. И вот, как-то было, он вдруг обратился ко мне с вопросом (точно не помню слова): «Скажите, если б мне грозила опасность и вы знали это, стали бы вы любить меня больше?» — И на мое удивление: «Если б вдруг это было с вами, я… хотя любить вас больше невозможно (вечная припевка!!!), но, кажется, я бы…»

Как-то в другой раз он заговорил о какой-то возможности (?) какого-то селения и домика с окном, где только один горшочек с цветком… (будто жены декабристов…). Он, видя мой испуг,

сказал, обняв меня: «Нет, нет, я думаю, все еще будет хорошо… Не надо пугаться…» Я такого смысла ни из чего не могла «выскоблить». Он был всегда добр, подтянут и (с другими) ироничен[111].

Да, мне казалось, никакой злости за отнятое имение и дачу у него не было. Он симпатично говорил о царской семье, величавой и милостивой царице, но никогда не бранил существующую обстановку. Раз как-то пожаловался на физическую слабость… Я, имея в виду образ «конквистадора», безжалостно отвернулась.

…Мне хотелось перемен. Европы, других континентов. Всего «другого». Хотела ли я разлучиться с Гумилёвым? Нет и нет. Он меня забрал силой, но я хотела, чтоб он был со мной, и ни на кого не хотела его менять. Вероятно, это была любовь. И может быть, и — счастье?..

Как разительна была перемена в мире!.. В мире все другое… разве можно было повторять (и продолжать) то, что было в 16-м году… и чего я не «доиграла». Мне кажется, его возраст перемахивал с лирики на эпос. Наверное, это «нормальная эволюция». Но мне так хотелось того, прошлого! И военные шпоры, и Георгий на груди… Но связь с ним была крепкая. (У меня по крайней мере.) Я ничего на свете не могла этому противопоставить. Это было (внутренне) интереснее всего. Но такая печаль.

> И совсем не в мире мы, а где-то
> На задворках мира, средь теней{157}…

Я не помню, когда я начала ходить в Дом искусств, где он вел занятия. Кажется, это было с осени, но до появления в городе Мандельштама. Я бывала и на переводных занятиях с Лозинским. Никого из «студентов» не помню, кроме (опять-таки, не там) Анны Кашиной, к которой я питала слабость за ее не женскую самостоятельность и энергию, при том, что у нее были веселые светлые глаза Грушеньки и ямочки на щеках…

Как-то он попросил меня прочесть стихи. Я была в ужасном страхе, но читала. Обстановка (комнаты) была такая, как описано у Иды Наппельбаум{158}. Но Иды еще не было. Помню только толстого мальчика, Колю Чуковского, который сидел наискось от меня за столом, близко от Гумилёва.

Из Дома искусств мы часто ходили вместе с Лозинским, и я «заказывала» ему читать по-гречески «Илиаду», что тот и выполнял.

Мне очень нравились стихи Кузмина за их «мажор». Интерес к «греческой» любви у меня появился, вероятно, из-за «Дориана

Грея»{159}, где я влюбилась в лорда Генри; а его разговор в I главе «Дориана» был какой-то энигматический. К тому же брат Ани — Никс был (на вид) тоже какой-то дорианистый[112]. Я как-то спросила у Гумилёва, нравились ли ему когда-нибудь мальчики. Он чуть не с возмущением сказал: «Ну конечно, нет!» (ведь он был крайне мужского типа и вкусов). Я спросила: «Но, если всё же…» Подумав, он ответил: «Ну, разве что Никс. И то, конечно, нет!» — Никса когда-то принимали за моего брата. Я была удовлетворена.

Но он смеялся над моим пристрастием. Мы оба любили арабский мир («1001 ночь»), Гёте «Западно-восточный диван», и я обрадовалась его стихотворению «Соловьи на кипарисах»{160}. Там «кравчий» и «розовая» усмешка. — «Ну, теперь вы довольны?» — «Да, я довольна».

* * *

Странно, что (может быть, после того, как он рассказал мне о пристрастии Татьяны Адамович к Мопассану, которого мы оба не любили, или, может быть, он перечел «Bel-Ami»)[113]{161}, он как-то сказал, что у нас с ним такая тяга друг к другу, и все призраки растаивают перед этим (не помню выражений). Его «тяга» была, боюсь, чисто мужская (а может быть, и не только?). Но меня «вязала» какая-то магия.

Помню, я как-то его спросила, с кем из поэтов он больше всего связывает меня. К удивлению, немного подумав, он ответил: «С Бодлером»[114].

Помню разговор о «рядах». Он думал, что мы с ним смело будем садиться в 1-й рад, а Лёва (его сын) и моя племянница Тася (когда были детьми) будут более рассудительно выбирать более дальний рад.

* * *

У него было (начиная с Гондлы) пристрастие к кельтской культуре.

Он задумал поэму (вроде как про меня!) с именем, любимым мною, Вероника. Эта Вероника была крестницей феи Абреды, и там действовал и Мерлин. Но сама Вероника должна была быть какой-то доброй Цирцеей. Все попадающие к ней на зеленый остров пленники испытывают полное счастье[115]. Но как будто она ни за кем из них не последует. Был ли в этом упрек мне?.. Чем я провинилась перед ним?..

* * *

У меня память все спутала, и я помню нечетко все, что стало происходить с начала осени и зимы 20-го года.

Помню стихи «Ольга»{162} — как будто злое что-то налетело и опять появилась эта валькирия!..[116] Это была осень, потому что Лозинский вдруг меня поздравил с именинами. — «Вы ошибаетесь, Михаил Леонидович, мои именины были летом». — «А я имею в виду „Ольгу“»[117]. — И начинаются стихи с «Эльги», а я всегда говорила, что так имя мое мне нравится больше.

* * *

Когда появился в городе Мандельштам, точно не помню. Внешне он был неприметен. Стихи (неожиданно) меня ошеломили. Может быть, мой восторг перед этими стихами был ударом в сердце Гумилёву? Тут была и Греция, и море!.. Не помню, как мы с Мандельштамом разболтались (в Доме литераторов, конечно!), а у него была впервые в день вечера Маяковского{163}. Я просто «засиделась» у Мандельштама, и нам было так весело, и мы так смеялись, что не пошла в залу слушать; аплодисменты были слышны. Мандельштам (вероятно!) меня удерживал. В мемуарах Одоевцевой Гумилёв волновался (почему-то!){164}.

Удивительно, что когда я прочла Гумилёву: «Когда Психея-жизнь»{165} за свои, он эти стихи принял как мои — он, знавший Мандельштама и мои «возможности», — и такой великолепный критик, как он, верно, я говорила о «пейзажном» восприятии Элизиума… Потом помню стихи — я не помню ничего особенного в моих отношениях с Мандельштамом. Я помню папиросный дым — и стихи — в его комнате. Несколько раз мы бегали по улицам, провожая друг друга — туда и обратно.

У меня не было ссор с Гумилёвым; не было как будто ревности ни с его, ни с моей стороны. Моя «беготня» с Мандельштамом и редкие свидания с Мандельштамом в его комнате не вызывали сомнений у Гумилёва. Или он ревновал к моему восхищению стихами Мандельштама с «греческими» именами?

И вот как-то он сказал мне: «Неудивительно, что Мандельштам в вас влюбился. Но я уверен, что его страсть возрастает от того, что он поверил, что вы происходите от кн. Голицыных»[118].

Я рассказала Мандельштаму это, а он со своей забавной

интонацией провозгласил: «Со времен Наталии Пушкиной женщина предпочитает гусара поэту».

* * *

Этапом могла бы назваться история, которая произошла в конце осени на вечере поэтов где-то на Литейном. Одоевцева в мемуарах пишет о нем как для нее важном — и там был Блок{166}. Я же сидела на диванчике между Юрой и Милашевским, в безумной тесноте, и не слышала ничего из «поэзии» или забыла. Впервые «всерьез» началось увлечение Юры. В этот вечер Гумилёв обратился ко мне с просьбой «отпустить» его проводить рыжую Зою Ольхину. (Она жила далеко и боялась одна.) Я не помню ни рыжей Зои, ни Блока, ничего. «Вас с восторгом проводит Осип». Я дала согласие, и мы пошли с Осипом. На удивление Осип на сей раз стал «интриговать» и говорить о донжуанстве Гумилёва и его неверности, чем вконец меня расстроил.

Я выговорила все это Гумилёву. Где и как, не помню, но помню, как на Бассейной (не на нашей стороне, а на обратной) Гумилёв при мне выговаривал Осипу, а я стояла ни жива ни мертва и ждала потасовки[119]. Георгий Иванов увидел эту сценку и, сплетничая, прибавил: «Я слышу страшные слова… предательство… и эта бедная Психея тут стоит».

* * *

Я не думаю, чтобы Гумилёв думал, что у меня роман с Мандельштамом. Он его не считал способным на реальные романы.

Как я стала ходить с Юрой? Я не помню тоже. Уже зимой, вероятно. Время покатилось, как снежный ком, стремительно и как-то оглушительно.

«Царь-ребенок» — дикое для меня замечание Гумилёва о какой-то моей манере отбрасывать в стороны, как какой-то «Навуходоносор» или разве что «Клеопатра». Так не делают покорные и льнущие женщины… Но разве я что-нибудь подобное могла?..

* * *

Гумилёв любил врать и сочинять. Я помню, он как-то мне

сказал, что прочел мои стихи Блоку и они ему понравились. Я будто обрадовалась, но не слишком-то верила. После он признался, что не читал Блоку: «Но вы были такая грустная, и я не знал, чем вас развеселить».

* * *

Он всегда очень почтительно говорил о своей матери (редко, правда, мы говорили), но как-то вспомнил о легкомыслии своего отца, который как-то советовал ему и старшему брату Дмитрию не очень строго смотреть на хорошенькие лица, потому что «иногда дурнушка окажется очень приятной» (слов, точно, не помню).

* * *

Как-то он смеялся: «Я многим девушкам предлагал отправиться со мной в путешествие, но клянусь: поехал бы только с вами! Вы так быстро и много бегаете — бегом по всем пустыням…»

* * *

Он часто довольно говорил мне: «Кошка, которая бродит сама по себе». — «О, мой враг, и жена моего врага, и сын моего врага…» (Я не была самостоятельной в жизни, но во мнениях — всегда. Думаю, меня легче было уговорить украсть и даже убить, — чем сказать, что я люблю то, чего не люблю. Так и докатилась до валькирии…)

А нежно называл, как Бальзак Ганскую: «Моя атласная кошечка».

* * *

Как-то мы с Мандельштамом были в Мариинском театре. Сидели в ложе, а вблизи, тоже в ложе, была Лариса Рейснер. Она мне послала конфет, и я издали с ней раскланялась (Осип бегал к ней здороваться). Потом он был у нее в гостях и рассказал мне, что она плакала, что Гумилёв с ней не кланяется. Он вообще неверный. Будто Осип спросил ее: «А как же Ольга Николаевна?»

Она ответила: «Но это же Моцарт»[120].

Растроганная, я стала бранить Гумилёва за то, что он «не джентельмен» в отношении женщины, с которой у него был роман. Он ответил, что романа не было (он всегда так говорил), а не кланяется с ней потому, что она была виновата в убийстве Шингарева и Кокошкина[121]{167}.

* * *

Я не могла понять, что в Африке бывают ритуальные убийства. Черная магия. Может быть, это не имело связи — трехпалый цыпленок? Что это вызвало у него — объединить меня и Мандельштама как язычников — «вам мрамор и розы». Я забыла более точно, почему[122].

* * *

Он на мои «державные» покушения сказал: «Единственно кого бы я вам разрешил, это Лияссо — император Эфиопии». — «Да нет, конечно, нет, — ведь у него сифилис»[123].

* * *

Я всегда вела себя очень искренне, что потом так было по душе Юре; но, может быть, в отношениях с Гумилёвым нужна была большая хитрость, даже Аня врала, хоть и глупей была. А девицы той эпохи все играли в «кого-то». Я бы могла еще сильнее «закрутить» своего Гумилёва, хотя в том периоде было достаточно его любви и даже верности!..[124] Какой-то злой рок вытянул меня из моей жизни и втянул в другую. Мне было трудно. Очень. «Иосиф, проданный в Египет, не мог сильнее тосковать…»{168} Почему-то вспоминались (потом) эти слова.

* * *

А его слова: «Не было, нет, и не будет…»:

Не было, нет и не будет
Сердца верней моего…

Все кончилось.

Как началось с Юрой? Разговоры были. Что я могла рассказать? Бегали мы с Юрой. Наверное, в католическое Рождество. Стихи Кузмина: «Любовь чужая расцвела — Под Вифлеемскою звездою…»{169} Мы с Юрой говорили о героинях Шекспира — Розалинде и Виоле{170}. Все, что я помню. Гумилёв преподнес мне целый букет пакостей про Юру. (Верно, все верно! толку мало было.)[125] В мемуарах Одоевцевой — ее неожиданный приход «на Рождество» к очень печальному и мрачному Гумилёву[126]. Он ей так обрадовался и был так ей благодарен, что будто бы снял со стенки картину Судейкина из рамы и подарил ей{171}. Я помню потом это отверстие в стене — и мои слезы, вероятно, последние, в квартире Гумилёва[127]. Я сказала: «Теперь все кончено».

Радовался Мандельштам: «Юрочка такой бархатный». Юра был не бархатный, а железный. Выбросил из моей жизни и Гумилёва, и Мандельштама.

Отчего начались все эти предсказания? Почему? Я не помню. Гумилёв говорил угрожающе, прямо как Отелло. Я ничего не предполагала. (Может быть, у меня были тайные мысли, что, если он женился на Ане и меня не ждал, — он обязан вытерпеть мой флирт с Юрой?) Тон его речей был странен. Он меня пугал, что его ревность разгорится и потом рассыплется, как пепел. Так было с Ахматовой. И еще там с кем-то… О чем он намекал? О Мандельштаме? О Юре? Я, кажется, смеялась. Я привыкла быть для него «певучей девочкой» и «счастьем», и эти дикие разговоры меня (будто бы) и не испугали.

Я помню еще и такую фразу: «Я не позволю вам с ним ничего, не только дружбы, даже простого знакомства». «Когда я на вас женюсь, я…» (Я имела такт не добавить: «слава Богу, я еще не ваша жена…») «Я, в конце концов, позволю вам Козлинского, если вам так надо!» (!!! Мне надо? при его арабском темпераменте?!!) [128]

Почему он все пугал меня и не сказал ни слова о себе?

Почему он не сказал простых русских слов, вроде «не уходи» или «не бросай меня»? Что это, гордость? Стыд? Отчего можно говорить раболепные слова, когда надо добиться того, чтобы уложить в постель, и не сказать ни слова, чтобы остановить свою женщину? Как он нисколько — ни капли — не верил в *мою* любовь?.. Я думаю теперь, надо было меня избить[129] и бросить на пол, а потом легче было бы ему просить прощения, и я обещала бы ему всё, всё (и всё выполнила!).

Вероятно, злая судьба надругалась над нами обоими, и мы оба пошли к своему разрыву, и он — к своей смерти.

Когда мы пошли встречать Новый год в Доме литераторов и я зашла к нему, чтобы идти вместе на эту встречу, ничего не было решено. Мне кажется, и с Юрой не было никакой договоренности. У меня было розовое платье. Кажется, мы собирались «доканчивать» Новый год у Оцупа. У меня не было предчувствия. У него не было особенных злых слов. Мандельштам не встречал Нового года в Доме литераторов. Жестокость в поведении Гумилёва была одна — дикая, непонятная. Я говорила: «Потом, — я приду». Но я все же ничего не предположила.

Я помню: мы сидели за столом, на эстраде. Соседей не помню. Народу было много. Юра сидел внизу, за другим столом. Закивал мне. Гумилёв не велел мне двигаться. Я, кажется, обещала «только поздороваться». Гумилёв пока не ушел. Он сказал, что возьмет часы и будет ждать.

Я сошла вниз — у дверей Юра сунул мне в руки букет альпийских фиалок и схватил за обе руки, держал крепко. Я опустила голову, прямо как на эшафоте. Минуты шли. Потом Юра сказал: «Он ушел».

Я заметалась. Юра сказал: «Пойдем со мной».

Михаил Алексеевич встретил меня приветливо. Мы пошли к Юрию Анненкову. Я мало что помню, но, что помню, — это другая история[130].

1921 г

Самое страшное случилось для меня, когда видела Гумилёва через… не помню! — сколько дней после Нового года[131]. В Доме литераторов, конечно. На его лице были какие-то борозды — как будто его отстегали. Я защищала его всей душой от насмешки Юры, хотя я знала, что Юра — человек благородный (и может быть, мне это только казалось?), потом я сидела около Юры на диванчике, а за портьерой Гумилёв читал новые — и скверные — стихи своим ученикам. Я старалась не слышать и не давать слышать Юре. — Я раньше хотела стихов про русалок! Тут о русалках («Перстень»){172} было сказано иронически; а я (если это только я!) «и доныне я не умела понять, что такое любовь!» Никогда в жизни я не испытывала такого стыда и такого желания смерти[132]. Только провалиться сквозь землю! Только ничего не понимать! Я не хотела, чтобы меня прощали на том свете. Я не хотела, чтобы надо мной плакали — они оба. Я видела в себе только бесстыдную, мерзкую тварь[133].

Я могла шевельнуться только, когда голос смолк и из-за занавески показалась Лютик, я подошла к ней и помню ее неподвижное, но почтительное лицо, как всегда, такое. Я ничего

не сказала, и Юра, вероятно, увел меня.

* * *

В мемуарах Одоевцевой: вспомнилась нелепая сцена во время Кронштадтского восстания{173}. Я вспомнила обстановку, но не помню лиц (не видела), не слыхала точно слов. Я была очень напугана. В столовой Дома литераторов. Одоевцева говорит, что показался Гумилёв в очень странном и нелепом одеянии. Кузмин, сидя за одним из столов, ближе к двери, вскрикнул что-то вроде «Коля, что с тобой?» — а Гумилёв в дверях выкрикнул нечто вроде оперного проклятия Альфреда над Травиатой, как будто «эта женщина» или «эту женщину». Я выдернула из рядов Одоевцеву и схватилась за нее, потому что боялась, что Юра начнет меня избивать, — и Одоевцева меня избавит от этого ужаса[134].

* * *

Третья память о «другом годе жизни» — тоже в Доме литераторов. До того Голлербах читал сатирические стихи — я смеялась, потому что Голлербах задевал Одоевцеву. После Гумилёв подошел ко мне и с каменным лицом сказал точно так: «Ольга Николаевна. В вашей власти было отнять у меня вашу благосклонность, но я надеялся, что вы сохраните доверие к моему знанию русского языка».

Я, кажется, молчала или что-то невразумительное пробормотала[135].

* * *

Я видела его потом очень редко. Как во сне — на улице, не идешь, а подлетаешь — и за руку не берешься. —

* * *

Один раз он сказал что-то очень злое и дерзкое.
В другой раз он сказал: «Конечно, он моложе!»[136]
В третий раз он сказал: «Через семь лет»[137].

* * *

Юра говорил мне, что слыхал от Сторицына[138], что тот говорил, что хотят арестовать Гумилёва.

Юра подошел к нему на улице и сказал: «Николай Степанович, я слыхал, что за вами следят. Вам лучше скрыться». Он поблагодарил Юру и пожал ему руку. Обо мне они оба не сказали ни слова.

* * *

Как будто об аресте я услыхала на похоронах Блока. Напророчил себе Гумилёв — умереть за Блока!.. Мать Блока на кладбище подошла к Ане и поцеловала ее. (Я, как всегда, приревновала, но я не думала, что Гумилёву скоро конец.)

Афиши (или как назвать?) были вывешены на улицах. Его фамилия была третьей. Пошли слухи — о приказе Ленина не допускать расстрела, и будто это — злая воля Зиновьева. Отомщение Зиновьеву пришло через 13 лет.

Было страшно — и не верилось до конца. На панихиде (около Казанского собора, ведь не было тела) Ахматова стояла у стены, одна. Аня — посередине, с черной вуалеткой, плачущая. Я подошла и ее поцеловала. Из-за Юры я старалась держать себя спокойнее. Одоевцева (на улице) упрекнула меня за перчатки — я их, конечно, сняла. Глупо было так говорить. Юра меня старался успокоить. К Ане я подошла одна. Она плакала, рассказывала, как его пришли арестовать. Он ее успокаивал, она целовала его руки. Он сказал: «Пришли Платона. Не плачь».

Берберова (будто бы) посылала ему яблочный пирог в тюрьму. (Я, конечно, не смела — ни сказать, ни послать!)

В другой раз Аня рассказала об Ахматовой. Будто та пришла к ней и сурово заявила: «Вам нечего плакать. Он не был способен на настоящую любовь, а тем более — к вам». Я рассердилась и сказала Ане: «Отбери у нее Лурье». (Лурье, бабник, ходил к Ане.)[139]

* * *

Одоевцева и Ида Наппельбаум написали стихи о нем{174}. У Иды — очень трогательные. Я долго не могла свыкнуться с мыслью о его смерти. Будто этого не могло быть, но надо было делать вид, что было, чтоб не сглазить. Я потеряла из виду, куда

делись дети — Лёва, Лена?..[140]

Аня

Аня вела себя «потом» нелепо. У меня из времен гимназии сохранилась какая-то странная власть над Аней — надо мной девочки не то посмеивались, не то восхищались, и был какой-то авторитет: я могла бы исправить что-то в ее поведении, но я не смела из-за Юры; он не любил Аню и держал меня вдали от нее. Она пыталась (на улице) выпытать из меня, было ли у меня что с Гумилёвым, потому что было странно с его стороны говорить с ней о разводе — ради кого, из-за чего? Потом она как-то сказала: «Как жаль, что вы разошлись. Он бы не влез в этот дурацкий „заговор“, он не мог надолго уехать из Ленинграда (в 21 г.) — он бы без тебя соскучился»[141].

В другое время она говорила о своем безбожии, чуть ли не повторяла «Ильич», стала заниматься в студии Вербовой{175}. Заводила романы. О ней иронически писал К. Вагинов{176}.

Раз пришла ко мне с «кавалером». Это был длинненький юноша, актер, который в одной из поездок (на севере) таскал мои чемоданы, и я вела себя с ним повелительно! Он и тут смотрел на меня почти восторженно, а она как будто принимала его всерьез. В другой раз я привела к ней по делу Ю. Бахрушина, не без волнения входила в этот дом на Эртелевом — квартира Никса — и ее адрес для Гумилёва. Она достала фотографии, продавая их, и довела до приступа смеха Бахрушина: на одной из фотографий были вырезаны головы у (2-х?) сидевших на полу у ног Гумилёва девиц — «потому что она была хорошенькая».

Еще раз я видела ее с дочкой — Леночкой — высокой, белокурой, с размытыми бледно-голубыми, косящими глазами — акварельной, хорошенькой дочкой Гумилёва. Та стеснялась, я спросила об учении. Аня не хвалила ее — «разве что в затейники…». Дочь Гумилёва — в затейники?!.. Я чуть не подавилась.

И еще раз — она сообщила о своей новой дочке — Гале — с черными глазами. От кого?.. Я ничего не спрашивала[142].

* * *

Что говорилось о нем потом? — Редко!

Михаил Алексеевич, добрый секундант Юры, говорил (иногда) с легким сарказмом и не опасался обидеть меня,

рассказывая в юмористическом тоне. Юра — очень редко. Помню, он как-то сказал, что юные девочки для Гумилёва были самой «легкой» добычей, а по-настоящему ему хотелось бы вполне взрослую даму! И — скорее темноволосую. И из моих портретов он прозвал «Гумилёвская девушка» темную шатенку. И еще одно. Как-то мы заговорили с Юрой о Гумилёве. Он вспоминал мой «увод». Я спросила:

«Почему он не дрался?» Юра всерьез назвал меня дурой. «Разве он смел насиловать вас, когда был в заговоре?..» Почему-то Юрий Бахрушин говорил о Гумилёве с ненавистью. Я не понимаю, нисколько он не был передо мной виноват. Виновата только я.

У меня был (долго) альбомчик (кажется, темно-зеленый) со стихами («отделанными») Гумилёва. С замочком. Одоевцева присвоила себе этот альбомчик — там было «Шестое чувство» и моя седьмая канцона, т. е. то, что должно было быть напечатано. «Неготовые» стихи он прятал. Я этот альбомчик вернула… ему? Ане? Как «ценность». Еще были у меня его переводы. Из Малларме и еще какие-то. Я их показала Георгию Иванову, и он их замотал. Довольно много переводов. Он мне их просто отдал. Довольно много. Еле помню: «Мадлэна со змеей…» и эти «ваши банты у висков», что-то в «венке шалфейном».

6 мая 1976 г. Четверг.

Сон сегодня: в каком-то месте Ленинградской области (но дальше пригородных). Бежецк? Максатиха? Он был в сером костюме, дневной, обычный, слегка насмешливый. Какие-то люди… У него — по делу. Аня — на диване, говорит чуть ли не о любительском спектакле. Свеженькая. В белой шапочке. Хорошенькая.

Он мне что-то дал… «по делу». Пожал мне руку. Не поцеловал меня и руки не поцеловал, а только пожал.

Я вернулась обратно, отнесла то, что надо. Какие-то куски мяса — кошке или собаке. Какие-то вещички. Вернувшись, я проходила через другую комнату. Встретила Всеволода Петрова. Поговорила с ним. У него были темные волосы, как у Бориса Папаригопуло. Войдя в комнату, где Гумилёв протянул ему (в платочке) то, что он мне дал, и велел сделать (и я сделала), — вещичка, но главное — крупный серебряный нательный крест. Он взял это из моей руки в свою — «и поднявши руку сухую, он слегка потрогал цветы…». Как будто ничего не сказал, и я ничего, и ничего не случилось, но я поняла, что выполнила его поручение, и крест свой он мне отдал временно, для моей охраны, — и на лице его была написана, очень осторожно, незаметно, не явно, настоящая (бывшая?) любовь.

14 августа. Суббота.

Во сне был Гена Шмаков, и разговор с ним, и про Барышникова, и другое… а потом я пошла по Невскому (по солнечной стороне, где театр и где мы ходили с Гумилёвым и Лозинским и почти не было встречных (в жизни), и Лозинский читал «Илиаду» по-гречески). Во сне я бежала одна, хотела купить цветы — на мне было черное платье и пальто, Невский был заграничный, толпа не наша, — был длиннее, чем в жизни, — а цветочный магазин был за Владимирским, но попадались цветочницы с весенними цветами (анемонами), а я хотела понарядней… С улицы я попала в зал, полный народу. Среди толпы вдруг появился Гумилёв. Его лицо — молодое, до ужаса некрасивое, с Джиокондовой улыбкой и не то с сарказмом, не то с нежностью (как было), и он взял в руку мою руку, и все просветлело, как будто он сказал, что он меня еще любит, и я без слов сказала ему, что я его люблю (чего говорить, никого не любила), хотя я и любила Юру, — верно он меня простил — и принял — во сне.

Октябрь 1977 г.

Не понимаю, почему Ахматовой вздумалось отбирать у Гумилёва его отношение к Брюсову? По-моему (1920 г.), он вполне серьезно относился к Брюсову и гордился своим «ученичеством». Он и меня «поздравил» за то, что Брюсов ответил мне, но не ответил Ахматовой, как не ответил Цветаевой. (Вероятно, мои стихи про Горация и Неэру!)

Анненским он увлекался сильно, изучал его творчество. А. Ахматова, я думаю, была в восторге, что Анненский сказал, что на месте Штейна женился бы не на сестре А<хматовой>, а на ней самой{177}.

Похороны Александра Блока

Но вот, что помню. Хотя это было лето (еще настоящее, «прежнее» лето, по старому стилю) — но день казался осенью, он был какой-то холодный, хотя и солнечный.

Я бегала в этот день так много, как мало тогда. Мне хотелось купить цветов (магазин на дороге — на Литейном, магазин этот еще существует) — я жила на Суворовском — панихида была на Пряжке.

Добежала я, вероятно, рано — народу было еще немного. Блок был непохож на себя; он как-то окостенел, как Дон-Кихот. — Ваша его фотография в гробу очень похожа. Черты у него в жизни были скорее крупные, и как он ни худел, округлость лица — мягкость — не пропадала, — а тут было нечто на него не похожее. И светлость волос пропала — будто всё стало графическим, металлическим.

Я почему-то помню подошедшую и вставшую рядом со мной Берберову — я ее не знала, — мы были одного роста и в одинакового цвета пальто — бордо — то, что заставляет думать, что действительно было холодно — в драповом пальто?

Я не помню — в квартире — похоронной службы, но, думаю, что она была! В дневнике Кузмина (читала когда-то) меня удивила фраза: «красиво плакала Дельмас»[178].

Кто-то еще — злоязычно — судил: «Ахматова держалась третьей вдовой»[179].

Я не помню никого из писателей; было очень печально и даже страшно, что умер Блок.

Когда стали становиться в процессию, народу оказалось очень много и много цветов.

О. Форш вспоминает, что ее — Форш — вел А. Белый. Мне кажется, Белый вел Любовь Дм<итриевну>. Запах флокса несся всю дорогу. Цветы были разные, но вся дорога пропахла флоксом.

Говорили, что Блок велел хоронить себя близко от его друга юности — Гуна[180], — что и исполнили; и непременно под кленом (любимое дерево), и это сделали. Я после бывала и на кладбище, и в соборе, но почему-то в моей памяти собор был как-то ближе к могиле, — а этого быть не могло. Народу в соборе было так много, что не войти; а было впечатление, что толпа разбрелась на какой-то площади, почти лужайке; разные люди подходили и исчезали, — помню, Юркун сказал: «вот и началась легенда»; мать Блока подходила к Ане Гумилёвой и поцеловала ее; Г<умилёв> в это время уже сидел[181], а он как-то говорил, что если б надо было спасти Блока от смерти, он бы его заслонил![182]

Надгробную речь говорил Белый.

Потом толпа разбредалась, вероятно, шли (изредка) трамваи, но я побежала той дорогой, по которой когда <-то> хоронили моего отца — т. е., того с Крестовского о-ва на Охту — а этого с Васильевского, — и мне надо было быть на спектакле (халтурном) на Лиговке, где я играла в последнем акте, — и я побежала через все мосты по той стороне города, через Охтенский мост. Есть я не могла и зашла домой только помыться, и снова в дорогу.

Вероятно, я все подробности со временем забыла. Только помню холодноватый осенний солнечный день (на кладбище одно время было жарко), — а запах флоксов для <меня> стал запахом похорон Блока.

Из письма к М. В. Толмачеву от 13 июня 1977 г.

О. А. Глебова-Судейкина

2.01.1978.

Непонятный интерес современников к Ольге Афанасьевне Судейкиной!

Адрес, где она жила и я впервые ее посетила, был, если не ошибаюсь, — Фонтанка, 18. Там, в том дворе, жили мои знакомые, где я бывала с детства, но в другом флигеле. Во дворе был сад — О. А. прямо, в флигеле за садом. С Фонтанки — против сада Инженерного замка. Там, сколько помню, жила (или просто была в гостях) и А. Ахматова. Я была очарована обстановкой комнаты. Синие обои и желтая скатерть. Картина Судейкина на стене, в золотой раме! Этажерка у дверей — на ней две чудесные куклы: сиамец и сиамка, перекинутая через плечо кавалера. Все куклы О. А. были хороши, но мне эта пара казалась лучше всех. Рядом была другая комната — и там стояло псишэ, т. е. тройное зеркало, чашки были (вероятно, со времен Судейкина) самые трактирные, с толстыми синими ободками с золотом, и на чашках — намалеванные розовые розы.

Не помню, в первый раз или в другой, в гостях был Федор Сологуб, — весьма хмурый{183} старик, к которому очень почтительно обращались — то ли за советом, то ли за каким-то разрешением (стиль диалога). Он меня почти напугал!

Была ли она хорошенькой? Скорее, да. Я с «высоты» моей юности (тогда) считала ее несколько поблекшей. Белокурые легкие волосы, подвижная фигурка, легкая, хотя не худощавая — «у нее все есть», сказали бы дамы любопытные! Ахматова была с царственностью, со стилем обреченности. Как будто, в темном. Но говорила весьма просто, если продолжала слегка кривляться (стиль бывшей, дореволюционной эпохи, который мне казался самым подходящим, но моей маме, например, привыкшей к другому стилю, более естественному — «XIX века» — казался неприятным («в декадентских кругах!»). Отношения с Судейкиной дружественные. Что повлекло потом замечательную посмертную память об Оленьке?..

Мне казалось, в манере говорить у О. А. была легкая — очень легкая — слащавость и — как бы выразиться — субреточность — вероятно, любившей господствовать Ахматовой эта милая «подчиненность» подруги была самой приятной пищей для поддержания ее слабеющих сил. Как верная Юлия Менгден у низвергнутой Анны Леопольдовны. Я не хочу этим сказать, что в Ахматовой была какая-то обреченность, падение. Нет. Она была (как, верно, раньше была) вполне дама, любезная и сдержанная, и

смеялась, когда надо. Я думала скорее о времени, когда «уже» нельзя было фигурять и всем надо было перестраивать свои «стили», а ведь это великая печаль!!

Со слов Ю. Юркуна и М. Долинова (рассказывавших о «Бродячей собаке»{184}) — у четы Судейкиных были дикие скандалы! Будто бы Сергей Судейкин из ревности обмотал вокруг руки длинную косу Ольги и вышвырнул ее за порог на улицу. Будто бы в другой раз Ольга (из ревности) вскочила на подножку извозчика и зонтиком набила Сергея и его даму!..

Скорее, рассказ Миши Долинова. Юркун к обоим относился очень хорошо; очень гордился дружбой Судейкина и мягко относился к слабостям Ольги. Юра вспоминал, как Судейкин подошел к нему, погладил по волосам и сказал: «Какие у вас, Юрочка, волосы, как у меня! Такие женщины любят!» — И восторженное отношение к музыке. Кузмин и Юра могли заплакать от Моцарта, восхищение Судейкина (как у меня) было куда проще: слезы выступали от баркаролы Оффенбаха — эпизод из «Джульетты». — Судейкина я видала раз в жизни, провожая на вокзале «бедных измайловцев» на войну (они и не уехали!!). С. стоял в тамбуре вагона, держа в руках букет красных роз. Очень бледное лицо — но подробностей (т. е. насупленные густые брови, темно-красный рот!) не помню. Я говорила о нем с сестрой — та работала с актрисой Челеевой, у которой был роман (в юности) с С. — Эта дама, уже немолодая, очень влюбчивая, имевшая и в то время любящих ее поклонников, — вспоминала Судейкина с восхищением — «порченый был перепорченый! Дон-Жуан № 1». Зато ее сын от С. терпеть не мог отца и фамилию имел другую. Кажется — моряк — дело было на Волге.

Мне показывали дом, где жили Судейкины на ул.(?) — недалеко от Летнего сада{185} — у них бывало очень симпатично, весело, — когда у С. появилась новая любовь (ее называли: Вера Шиллинг) — бывать стало как-то неудобно — страсть С. к этой новой была столь яростной, что делалось нетактично у них сидеть и мешать их «счастью». Эта новая «завела» книжку и к страсти подключила матерьяльный интерес. — Ольга Афанасьевна была легкой, непрактичной, истинно богемной женщиной.

М. А. Кузмин говорил, что Судейкин, рисуя, был очень разговорчив и весел; иногда просил Кузмина: «Михонька, а какого цвета платье сделать — розовое или голубое?» — он меня побранивал, что, когда я рисую (изредка, у них в комнате, за круглым столом) — то я, как «тигр». Я, правда, ничем не могу отвлекаться и совершенно ухожу из жизни!..

Очень смешная фразка К. об Ольге Афанасьевне: — «Она в

детстве училась в Смольном». Кто-то спросил: «Как? разве она могла учиться — в Смольном институте?» — «Ну, да. Но для „не благородных девиц“» (там в районе было такое учреждение, тоже — Смольный). Я видала раз О. на концерте вместе с «Леночкой Анненковой» — оне танцевали «полечку Евреинова». Я не представляю себе О. А. ни серьезной актрисой, ни серьезной балериной; но куклы ее были первоклассной интересности и прелести.

Я никогда не была в Фонтанном доме, но на другой квартире С. и А. была — Фонтанка, угол набережной. Это ныне Фонтанка № 2. Оне переехали.

Памятно мне следующее — еще когда я была маленькой, моя сестра Маруся читала «Обрыв» и, вероятно, волновалась за судьбу Веры. Помню, она мне рассказывала о комнатах Веры и Марфиньки. Очень подробно. И вот, ее рассказ (а не собственное чтение романа) вспомнился мне! Комната Ахматовой (с окном на Неву) — скорее темная, мрачноватая, никакой мебели не помню. Но вид на Неву был как бы самой комнатой.

А комната Ольги Афанасьевны (в другую сторону) выходила во двор. Зеленые грядки, похожие очень на сад-огород средневековья в Италии, — с картины «Св. Георгий и дракон» — солнечная зеленая картина.

Я не помню Лурье — а сплетни соединяли его с обеими подругами. И говорилось (подробностей, конечно, не помню), что он обманул их обеих, уехав за границу с Тамарой Персиц. Одоевцева говорила об особой симпатии Кузмина к двум Тамарам. Это чепуха! К. обожал Карсавину, ни о ком из людей он не говорил с такой любовью и восхищением. «Тяпу» (Персиц) он просто упоминал всегда очень симпатично, но не без насмешки, как о всех почти людях.

Она дольше других оставалась в Ленинграде, получала журнал «Vogue» и, по словам Юры и Кузмина, «плевалась» на Лурье, — что оказалось — наоборот — влюбленностью в него! Забыла, что говорили про его музыкальные таланты. Т. Персии училась в моей гимназии (Лохвицкой), как будто, с Верой Сутугиной, — но старше меня, и я их в детстве не помню.

Я еще в гимназии слыхала о «Бродячей собаке», но не была, конечно, никогда. Да и в «Привал»{186} попала только после закрытия «Привала». Я с восторгом смотрела на «Судейкинский зал», Яковлева и Григорьева — не помню. Сидела в «Судейкинском гроте», но не помню златоволосую Судейкину. Наоборот, за спиной круглого диванчика, на котором я сидела, было изображение ложи с дамой-брюнеткой (?). Ко мне подсел Маяковский, и я рассердилась, так как хотела поговорить с Колей

Щербаковым, а вовсе не быть наказанной потом из-за Маяковского! М. был любезен, велел мне встать и одобрил мой рост. Я, желая его выкурить, говорила резко, что он, мол, не поэт. Он спросил, кто, по-моему, поэт. Я ответила: «Верлен и Блок». Он сказал, что он тоже любит В. и Б., но что и он «поэт тоже, поверьте мне».

Я помню какую-то «приваловского репертуара» песенку (чья?): «Совершенно непонятно, почему бездетны вы…»

Я потом входила (после наводнения?{187}) в подвал «Привала». Было похоже на размытые водой христианские катакомбы. Точно когда, не помню.

Вид Марсова поля и соскоблившаяся живопись Судейкина очень напоминает Ахматовскую «Поэму без героя». «Маскарад» Головина — Мейерхольда и «Привал» Судейкина — это, мне кажется, трагический (и парадный) финал XIX века.

Не знаю, как уезжала О. А. из России, но я радуюсь «бессмертию» моей тезки. Помню, что она «гулила», расставаясь с «Федором Кузьмичем», нечто не совсем серьезное: «Кого теперь Федор Кузьмич по попе хлопать будет?»{188}

Почему я не спрашивала о «Мальтийской капелле»{189} — не знаю. Но я слыхала что-то об этом — задолго до «Поэмы без героя». И мне было любопытно — но не спросила.

18.01.78.

Отношение Гумилёва к Судейкиной было очень плохое — как и к Палладе. Наоборот, к Судейкину очень хорошее. Его картина «Отплытье на остров Цитеру» висела у него над кроватью. Исчезновение ее я восприняла как первое явление несчастья.

А Гумилёв в поезде все повторял старые стихи Мандельштама:

Сегодня дурной день,
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень —
Мрачней гробовых плит.
Мелькающих стрел звон
И вещих ворон крик…
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.
Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть,
И яростный гимн грянь.
Бунтующих тайн медь!..
О, маятник душ строг.

Качается глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь к нам…

(1911)

Это из записи Одоевцевой. По дороге из Бежецка в Ленинград. В вагоне, неотвязно… (Конец 20-го года.)

А вот история В. Князева и Ольги Афанасьевны.

У меня была знакомая (в детстве) Нора Сахар. Я встречала ее в доме Сони Черновой, и эта Нора очень хотела дружить с Соней, но та была дикарка и не очень рвалась в эти гости. Уже взрослая, я где-то встретилась с этой Норой, и она вскоре уехала (совсем) за границу. Мне рассказал А. Н. Савинов — Нора запомнила меня в этот раз и забыла о детских встречах с Соней. А по дороге в Париж Нора была в Берлине, когда, как будто, было нашествие русских, и Нора встретилась с Ольгой Афанасьевной. Она подошла к ней и смело спросила ее о романе О. А. с Князевым: «Он застрелился из-за вас?» — Прелестный ответ Ольги Афанасьевны: «Ах, нет, к сожалению, не из-за меня». Бедный Князев был в Риге, где к нему подкатилась какая-то офицерская (или генеральская) дочка. Князев не пренебрег ею, но не хотел жениться, а она пошла к начальнику жаловаться, и тот призвал Князева и требовал от того, чтобы он восстановил честь девушки. Бедный Князев застрелился на лестнице у себя. Юра говорил, что Кузмина остановила (на извозчике) мать Князева и сообщила ему печальную весть. Кузмин очень спокойно и бесстрастно принял это известие. Юра огорчился за покойного. Я помню старичка Князева (отца), который у нас на драматических курсах читал курс эстетики. Его лекции и книга были очень скучные, подробно я ничего не помню, я тогда не знала о родстве отца Князева с молодым, воспетым Кузминым и Ахматовой. Юра вскользь рассказал как-то, что Ахматова швырялась (на улице) к Кузмину и очень яростно его бранила за Князева. Меня это удивило, но не слишком, и я подробно не узнала (и не спросила) ничего. Надписи Князева к Кузмину очень нежные, впечатление, что он или любил, или очень почитал Кузмина, как поэта. Одну фотографию я подарила Гене Шмакову, а другая, по-моему, оказалась у В. Петрова.

<1978>

О Мандельштаме

Биографическая справка — хотя я не помню такого разговора с М. — я родилась в доме № 15 по Литейной, «против Кирочной», как говорилось извозчикам. В этом доме жила семья М., и даже в одно время со мной. Этот дом существует и теперь, но он такой загрязненный и дворы такие темные и неуютные, что трудно поверить, что это тот же дом. Квартира 23 или 22 (как будто). 4-й этаж. Если встать спиной ко входу, то направо. Семья М. поселилась в этой квартире после того, как мы переехали в другую (налево). После смерти моего отца{190}. Моя приятельница{191}, жившая над этой квартирой, этажом выше, — говорила, что она и ее брат очень жалели об этой перемене, потому что от нас не было протестов на их катанья на велосипеде по коридору, а мать М. протестовала. Сама она часто кричала через окно какие-то повеления сыновьям. Я ничего этого не помню! Но садик во дворе был уютный, круглый, с кустами акаций и сирени и с большим шаром посреди, как на дачах тогда. Соседний двор был, наоборот, длинный, с аллейкой, обрамленной высокими тополями (сейчас нет ни одного дерева). Мы с М. об этом не говорили или — я забыла. Но район был один с Летним садом и Марсовым полем (мы оба любили смотреть парады){192}.

Познакомилась я с М. осенью 1920 г. Я его стихи до этого не особенно любила («Камень»), они мне казались неподвижными и сухими. Я знала и его статьи в «Аполлоне» (о Вийоне){193}. От поэтов, с которыми я говорила тогда, слыхала хорошие отзывы о нем. Когда произошло его первое выступление (в Доме литераторов){194}, я была потрясена! Стихи были на самую мне близкую тему: Греция и море!.. «Одиссей… пространством и временем полный»…{195} Это был шквал.

Очень понравилась мне и «Венеция» — после блоковской и кузминской{196} — эта была «черная», как я и думала. Не знаю, в каких словах я сумела ему это выразить, — по-видимому, он был очарован, — но, сколько я помню, день был будничный, и я не была ни нарядной, ни красивой. Я работала в Александринском театре и иногда ходила на занятия в Доме искусств по стихосложению с Гумилёвым и по переводам — с Лозинским. Часто мы вместе возвращались домой. Я заставляла Лозинского читать по-гречески «Илиаду». В Доме литераторов я обедала. Но бывал ли там М., не помню. Первый раз, что я была в комнате М., было в день лекции (или вечера) Маяковского{197}. Меня искали и беспокоились, что очень веселило нас с М. Я выдержала до конца вечера. Вообще, вряд ли мы с ним часто там уединялись. Что нас

особенно смешило, не помню, — кроме стихов Радловой «Корабли»{198}. Какие-то обороты казались очень смешными, — в дальнейшем, когда я близко познакомилась с Р<адловой>, я восхищалась ее очень красивым голосом, который сглаживал все шероховатости.

Что я помню о комнате М.? Комната большая, наискось от входной двери, у стены — большой диван, на котором я сидела и прямо сваливалась от смеха, — а вот разговоров не помню! М. ходил по комнате и курил — я тогда выдерживала дым — и читал стихи — новые, старые, свои и чужие{199}, — я говорила о себе, всякую ерунду, — и многое шло в его стихи — изюм, гоголь-моголь{200}, мое «прошлое» — флирты, постановка мейерхольдовского «Маскарада», книги — роман Мордовцева «Замурованная царица», где младшая дочь Приама, Лаодика, скучает в Египте, а Эней, не зная, где она, — проезжает мимо…{201} Я говорила, что ступени на реках Петрограда напоминают входы в подземелья египетских пирамид. И вот такой «матерьял» мог послужить таким замечательным стихам. Что касается «Когда Психея-жизнь», то это рассказ о моем представлении (дантовского — нет, вернее, личного представления) о переходе на тот свет — роща с редкими деревьями, — потому, вероятно, исключительно чуткий к стиху и «крепко» знающий Гумилёв мог поверить, что это мои стихи, — что я сделала ради шутки{202}.

О своем прошлом М. говорил, главным образом, — о своих увлечениях. Зельманова, М. Цветаева, Саломея{203}. Он указывал, какие стихи кому. О Наденьке «и холодком повеяло высоким…» очень нежно, но скорее как о младшей сестре{204}. Рассказывал, как они прятались (от зеленых?) в Киеве.

«Большой конфликт» произошел на вечере (на Литейном). Г<умилёв> обратился ко мне с просьбой проводить красивую рыжую З. Б. О.{205} Она жила далеко и боялась одна идти. «А Вас проводит Осип. Он будет очень рад». — «Хорошо, конечно». Но, к удивлению моему, всегда добрый товарищ, Осип стал говорить всякие вещи о хитрости и донжуанстве Г<умилёва>, чем меня очень расстроил. Не помню, в каких выражениях я выговорила Г<умилёву> свою досаду, но потом разыгралась сцена, которую «обессмертил» Жорж Иванов:

…Сошлись знаменитый поэт Гумилёв
И юный грузин — Мандельштам.
Зачем Гумилёв головой поник?
Чем мог Мандельштам досадить?
— Он в спальню к красавице тайно проник,
Чтоб вымолвить слово «любить»{206}.

Эта сцена, вероятно, в районе Бассейной. Жорж Иванов сплетничал всюду: «Слышу всякие страшные слова. Предательство… И эта бедная Психея тут стоит». Я, действительно, была ни жива ни мертва, опасаясь потасовки. Но этого не было!

Помню, как мы бегали с М. Вряд ли часто. Я была очень занята. Но несколько раз было. «Мне не надо пропуска ночного»{207}. У меня, как у актрисы, был ночной пропуск. Часто, проводив меня и не договорив, М. тянул меня обратно за собой. И вот, когда за ним закрывалась решетка и я уходила, он тянул меня за рукав и «дообъяснялся». Путь был длинный — от Суворовского до ул. Герцена! Но тогда расстояний не было! С «загородных» халтур бегали пешком, если играли не до конца спектакля.

* * *

«Алым шелком» — красный цвет занавеса и мебели Александринского театра{208}. «Советской ночи» — не «январской»{209}.

Теперь принято думать, что М. был очень образован и чуть ли не учен. В «то» время никогда не сомневались в его таланте, но почему-то говорили, что он берет «непонятные» слова для рифмы. Пример (я точно не помню!) — не знал, что такое «Аониды»{210}, — я лично думаю, что истина посредине. У него в голове был хаос, и все «годилось» для хорошего стиха. О чем мы говорили? Я обращалась с ним, как с хорошей подругой, которая все понимает. И о религии, и о флиртах, и о книгах, и о еде. Он любил детей и как будто видел во мне ребенка. И еще — как это ни странно, что-то вроде принцессы — вот эта почтительность мне очень нравилась. Я никогда не помню никакой насмешки, или раздражения, или замечаний — он на все был «согласен».

* * *

Как он меня называл? Тогда было принято и самых молодых при всех называть по имени-отчеству. «Записки» М. ко мне так и написаны{211}. А меня он звал «ласточкой», м<ожет> б<ыть> — «и ласточка, и дочка»{212} — но эти стихи написаны «до меня», и я не ручаюсь, что он говорил их. Как-то он назвал меня

«мансардная муза». Это выражение — когда я *потом* рассказала Ю. Ю.{213} — возмутило его. Но это была правда. Жили мы все очень просто, и время было плохое — а до лучшего не дожила. Потом он сказал, что я представляюсь ему в трех образах: «Мечта молодого Бальзака — Римские встречи Гёте — самая младшая из подруг Сафо». Первое меня удивило, так как романы Б<альзака> были с пожилыми дамами, — Гёте я обожала (я читала его письма по-немецки, и они чудесные!). Что касается подруг Сафо — то мне очень нравились «Песни Билитис» Пьер Луиса{214} и еще больше музыка Дебюсси к этим песням, но «наклонностей» подобных у меня не было, — разве что я рассказала о чисто эстетическом восхищении Кэт Шалонской, ученицей английских курсов, очень модной и элегантной девицей с черными волосами, которая всегда со мной была необычайно ласкова. Может быть, и довольно сложные взаимоотношения с Аней Э.{215}, женой Гумилёва, но опять-таки это не было «грехом».

* * *

Выражение лица М. было умное и доброе, и было в нем иногда что-то египетское. Но когда он вскричал: «Со времен Натали Пушкиной женщина предпочитает гусара поэту!» — он очень смешно вздернул голову и сказал эту фразу с вызовом!

Помню, он говорил как-то о «талмудических» занятиях своего отца{216}. Вспоминал с симпатией брата Александра, с которым я была знакома. Не помню отношения к акмеизму — вероятно, была чисто формальная связь.

Помню (он у меня дома был раза два, и то мельком) — он сделал мне какую-то сцену, скорей комическую (для меня, и непонятную), и убежал, а потом вернулся… и схватил коробок спичек.

* * *

Наша дружба с М. дотянулась до января 1921 г. Меня оторвало от прежних друзей и отношений. Помню, я как-то «собралась» пойти его навестить: «Зачем Вам?» — «За стихами». — «Мих<аил> Ал<ексеевич> напишет Вам не хуже». — «Может быть, и лучше. Но не то. Это будут *не мои* стихи». Вот, как ни странно, — у меня к «греческому» циклу было отношение… какого-то отцовства, как это ни дико. Они очень медиумичны, и потому меня чрезвычайно радовали. Стихи (увы)

«альбомные» и «дикие» — это обычное посвящение поэта девушке, — но вот этот цикл я считаю почти своим. После того как я прекратила «бегать к Мандельштаму» — стихи прекратились. Если б я не кончила своих посещений, уверена, что их было бы еще много. Конечно, он писал до меня, и писал великолепно — после, но наше «содружество» угасло.

Одоевцева записала о своем разговоре с М. про меня: «Всякая любовь — палач!»{217} — я не знала, что он меня так любил. Это было как фейерверк!

Я потом встречалась изредка с М. и его женой у Лившицев. Мы говорили не без смущения. Жена была (на мой взгляд) очень боевая, но, что называется, «женщина как женщина». Я не знала, что она такая умная. Один разговор был про Пастернака. Я его спросила, не обижается ли он, что критик говорит о значении П<астернака>. Он со своим обычным взвивом вскричал: «Вся литература — жмется к Пастернаку!»{218} Ни на какие его «встречи» я не ходила. В 1937 г. в Москве мне передали, что М. в Москве и очень хочет меня видеть — но меня «не пустили». Вот и все!..

Читая письма М., я была удивлена запиской к Н. Я. в 1921 г. Что-то похожее на раскаяние Литвинова из тургеневского «Дыма»{219}. Это письмо превратило меня в светскую даму Ирину! *В то время* я была бы очень польщена.

Очень неожиданен его роман с Лютиком. Ольга Ваксель (Лютик) — какая-то родственница Гумилёва; Г<умилёв> говорил, что не то ее отец, не то дед покончил с собой. Помню ее мать — невысокая дама средних лет. Лютик была высокая, стройная, но крепкая девушка, без всякой флюидности, без кокетства, довольно красивая, румяная, «недвига-царевна», «брюлловская турчанка» — это я назвала, — с неподвижным лицом. Очень похожее выражение «о яблочной коже»{220}. Именно не лепестки роз, а «яблочная кожа». Я к ней хорошо относилась; Гумилёв считал ее абсолютно невинной (старорежимной) девицей. Потом потеряла ее из виду. Встретила ее в районе Таврического сада (года не помню, конечно!), — мне говорили, что она легко рожает — «как репки сажает», — я спросила ее, правда ли. Она улыбнулась утвердительно. Я даже думала, что у нее не первый ребенок! Потом я встретила ее в вагоне (под Москвой или под Ленинградом, не помню) — с молодым, красивым, но небольшого роста человеком, — они сидели, тесно прижавшись друг к другу, я спросила о стихах ее, она ответила, улыбнувшись, что-то пессимистическое — чуть ли не о смерти. Будто стихи ее не стоят…

* * *

Конечно, они многого не стоили. Но умирать женщинам, которых любят поэты, надо рано — как Беатриче и Симонетта[221], а не так, как Лаура Петрарки, в которой разочаровался Франциск I.

Если у меня появилась легкая ревность к «другой» любви М., то это именно к посмертным стихам о Лютике[222]. Очень сильное стихотворение к Марии[223], но «мои» мне нравятся все же больше.

Над. Як. прекрасно написала книгу о М.[224] И исследование о его творчестве, и весь быт того времени. Страх был у всех, и, зная о неуживчивости и дикости характера М., я его особенно не жалела. Ко мне он был повернут хорошей стороной и был «весь в стихах». Но, конечно, последнее время его жизни вызывает глубокую «человеческую» жалость. Вероятно, в нем самом было много от ребенка. Знал ли он, предчувствовал ли свою посмертную славу?

* * *

Я доверяла М. свои стихи. Например, «И смуглый юноша, чья прелесть ядовита…». Юноша был бледный, а не смуглый; увидав его, Гумилёв издевнулся: «Он похож на подмастерье с Петроградской стороны»… Говорят, он был очарователен в роли китайского принца. В «Маскараде» Мейерхольда он играл Пьеро, а другой мой приятель — Арлекина[225].

* * *

Мы с Гумилёвым говорили как-то о магии. Я очень пугалась африканских заклинаний с ритуальными убийствами. Также и в христианской религии некоторое меня пугало. Помню возглас Гумилёва: «Какие вы с Мандельштамом язычники! Вам бы только мрамор и розы»… (Надо понимать: Грецию. И еще: поверхность.) Не помню, передала ли я Мандельштаму это и что он сказал.

* * *

Мы говорили как-то с М. о музыке и пении. Оказалось, что у нас одинаково музыка «без пения» действует сильнее эмоционально, чем с пением.

Как-то мы были с ним в балете. Что давали, не помню. Через ложу сидела Лариса Рейснер — он сбегал к ней поздороваться, и она послала мне шоколадных конфет (тогда это была редкость). Потом он ходил к ней в гости, и она рассказала ему (со слезами), что Г<умилёв> перестал с ней здороваться…{226} Когда она говорила о неверном характере Г<умилёва>, он сказал ей: «А как же Ольга Николаевна?»

Она ответила: «Но это же Моцарт!..» Я не знаю, сочинил ли он это или правда. Я с Рейснер не была знакома, и почему она сказала обо мне так лестно, мне непонятно! Но признаюсь, что это выражение останавливало меня в дальнейшей жизни от завистливых (в смысле костюмов особенно) и от злостных (если что-то обижало!) мыслей. Если М. придумал это, он задал мне хороший урок. Но я вообще в нем «вранья» не замечала.

* * *

Помню, как Гумилёв хвалил «стилистику» М. Но зато в композиции, в которой был особенно силен композитор Кузмин, М. был слаб. У него стихи шли какой-то Илиадой без перерыва. После того, как они были напечатаны в книге{227}.

М. А. Кузмин

Я знала его так много лет, что «прошлое» как-то подернулось туманом — годы слились в одно, и внешний облик в памяти — почти без изменений.

Я начну с данных им (в сотрудничестве с кем-то, но главное — все же его инициатива) комических прозвищ:

Вяч. Иванов — батюшка;

К. Сомов — приказчик из суконного отделения (для солидных покупателей);

К. Чуковский — трубочист;

Репин — ассенизатор — трусит на лошаденке, спиной к лошади;

Ал. Блок — присяжный поэт из немецкого семейства;

Анна Ахматова — бедная родственница;

Н. Гумилёв и С. Городецкий — 2 дворника;

Г. — старший дворник-паспортист, с блямбой, С. Городецкий — младший дворник с метлой;

Анна Радлова — игуменья с прошлым;

О. Мандельштам — водопроводчик — высовывает голову из люка и трясет головой;

Ф. Сологуб — меняла;

Ал. Толстой, С. Судейкин и еще кто-то (Потемкин?) — пьяная компания — А. Толстой глотает рюмку вместе с водкой за деньги, Судейкин (хриплым голосом): «Мой дедушка с государем чай пил»;

Ю. Юркун — конюх;

А. Ремизов — тиранщик;

Г. Иванов — модистка с картонкой, которая переносит сплетни из дома в дом;

В. Дмитриев — новобранец («Мамка, утри нос!»);

Митрохин — Пелагея («Каково?»);

Петров — Дон Педро большая шляпа.

Когда я стала бывать у К{228}., «посетители» были другие, большинство из них переменились потом.

Бывал Чичерин (ст<арший> брат) — высокий человек с высоким голосом, почти смешным. Говорил о музыке. Помню, рассказывал о своих собаках — «Тромболи» и «Этна».

Бывал «Паня» Грачев, тогда очень худой (потом превратился в очень полного, Пантелеймона). Иногда играл в 4 руки с М<ихаилом> А<лексеевичем> Божерянов. — Потом мы бывали в гостях у его бывшей жены, Иды, и ее подруги, Н. Н. Евреиновой — юристки, сестры Н. Н. Евреинова. Я встретила как-то у них

доктора, кот<орый> рассказывал о последних днях Ленина. — Также в гостях у самого Евреинова и его жены — моей б<ывшей> подруги, Анны Кашиной, — где часто играли в petits-jeux[143], и Мих. Ал. узнал меня по «желтой» чашке (он узнавал чашки, а я знала, что он любит розовый и желтый цвет).

Бывали у Радловых — на Васильевском острове{229}, тогда — ходили всюду пешком. У них часто бывал Смирнов и Н. Султанова. — Молодые художники — красивый Эрбштейн — брюнет с синими глазами — и Дмитриев, тогда неприметный — к удивлению моему, большое увлечение М. А. — потом, через несколько лет, он очень похорошел, стал интересным. Я с ним говорила раньше о балете, и — увы! — М. Ал. сердился на мою дружбу! Юра тянул меня подальше: я ничего не могла понять.

Бывали мы в доме (временами очень красивой, но претенциозной) дамы{230}, где я познакомилась с И. А. Лихачевым, — у нее бывали 2 моряка — Леонида — один из них{231}оказался потом вторым мужем Ольги «Иоанновны» Михальцевой-Соболевой. Юра потом очень разочаровался в ее внешности — она краснела, как в бане, что искажало ее черты Доменико Венециано, — и потом она сама городила какие-то пошлости. Главным посетителем у нее был Канкарович, которого потом переманила другая Ольга — наша будущая подруга, — очень хороший человек, — Ольга Ельшина-Черемшанова.

Она и ее муж потом стали бывать, но чаще бывали у них. Канкаровича часто разыгрывали. С Ольгой Ч<еремшановой> дружба у него была до конца. М. Ал. дружил с Анной Радловой, немножко посмеивался над Сережей (что он за режиссер? Любит простоквашу и манную кашу!). — Вероятно, настоящим режиссером в его глазах был Мейерхольд — хотя к нему как к человеку у него тоже были некоторые претензии. Вообще я не знала никого, даже обожаемого им Сомова, у кого он не увидел бы каких-то смешных черт. Единственное для него идеальное существо была Карсавина. Он спорил всегда за ее приоритет над А. Павловой — и говорил о ней почти восторженно, и не позволял ни другим, ни себе ни одного плохого слова. Юра говорил, что когда они бывали у Мухиных, Юра говорил с Мухиным, а М. А. сидел у больной Карсавиной, и она говорила с ним доверительно. Вероятно, М. А. и Юре не рассказал об их разговорах. (Я предполагаю, после ее воспоминаний{232}, — не говорила ли она о своей тайной любви к Дягилеву?{233})

Г. С. Верейский. Портрет Михаила Кузмина. Автолитография. 1929

М. А. больше всех из дома Радловых ценил Корнилия П. Покровского, очень высокого и с очень плохой дикцией человека. Он был очень благородный, «настоящий» человек. М. Ал. жалел его за то, что он поддался требованию Анны — заключить нелепый брак с нею{234}. Впрочем, разговоры велись с

легкой иронией, как всегда, — но К<орнилия> Павл<овича> нельзя было не уважать. Его брата «Володю» больше вышучивали. Он с «мальчиками» вел балетные разговоры. Мих. Ал. жалел Покровских, когда радловский дом перекочевал к ним на Чайковскую и «гнездо» Покровских распалось{235}. Впрочем, симпатии К. к Радловым всегда были теплыми.

Бывали у худ<ожника> Арапова на Мойке (Пушкинский вид из окна), — но его у К. я не помню!

Бывал у него Шапорин. Позднее — Стрельников (если говорить о композиторах).

Не помню Кроленко и вообще «редакторских» людей. Изредка К. ездил к Ал. Толстому. Бывали: […]. Я вспоминаю, отталкиваясь от записок Вс. Петрова, там многое не совсем-то правильно.

Мих. Ал. иногда играл и «свое». Очень мне понравилось (почти до слез), как будто, «шимми» из «Эугена Несчастного»{236}, — которое я услыхала по возвращении из поездки.

Больше всего в искусстве он любил Моцарта — просто молитвенно. Я долго не могла понять в Моцарте ничего кроме 18 века — вроде Гретри, Гайдна и т. п. — Я поняла только (отчасти), услыхав «Дон-Жуана». М. А. Бетховена считал «протестантом» (в его устах — почти осуждение), но в религиях ему больше всего нравилось православие («теплее» всего). Я не замечала особой нежности к Шопену. Любил Бизе, Делиба (я вполне понимала), — Дебюсси. Не так уж пламенно — Равеля. Из русских — Мусоргского (я не понимаю!), даже больше Бородина. Слегка насмешливо — к Чайковскому. Рассказывал со смехом о Римском-Корсакове{237}. Как он стал писать «римскую» оргию{238}. Кто-то спросил его: «Но ведь вы же не пьете?» — он объяснил, что выпил как-то немного портвейна или мадеры. Нравился Стравинский и Шостакович будто на 2-м месте, до Прокофьева. Чрезвычайно любил Вебера. Был заинтересован Альбаном Бергом. Сейчас забыла фамилию — […] «Бразильские танцы»{239}. — Ему нравились некоторые дирижеры — на концертах бывал часто. Нравились некоторые немецкие романсы («Für dich»), — любил оперетты Жильбера, Легара. Меньше Кальмана.

Милашевский зря пишет{240}, что Феона и Ксендзовский — вроде по доброте — подкармливали К. Зная театральную публику, думаю, что его «скорее умасливали» за статьи. Он писал откровенно — многое ему нравилось, — но, помню, выругал Тиме и даже талантливого Утесова{241}. Помню, что «мучился» с критикой Ольгиной — жены Феона, — кажется, удалось «помягче» написать. Феона он ценил. Кино он любил — особенно немецкий экспрессионизм. «Мабузо», «Инд<ийская> гробница», не говоря уж о «Калигари»{242}. Фейдт, В. Краус — больше, чем

Яннингс, Пауль Рихтер в роли Гуля — несколько похожий на Льва Л<ьвовича>, — которого он окрестил «Новым Гулем»[243]. Нравился режиссер Гриффитс («Интолеранс»)[244]. Из женщин нравилась американка Лотрис Джой («Вечно чужие») — и он обрадовался, узнав, что у нее немецкое происхождение. Эрик ф. Штрогейм, Чаплин и Б. Китон (позже Гарольд Ллойд). Нравилась Аста Нильсен. Из русских актеров любил Варламова, К. Яковлева — во МХАТе — Леонидова. Первой красавицей считал Лину Кавальери (красота равна гению, и ее он ставил, как Шаляпина в опере). Он, конечно, не превозносил ее, как певицу, — хотя она и была не так уж плоха! — Ценил Фокина; как балетмейстера. Вспоминал — увлеченно — Дягилева. Говорил о балерине Смирновой: «У нее выходка» (это не значит, что он ее любил). Талантливую Лидочку Иванову назвал будущей балериной из «Петрушки»[245] — что слегка огорчало ее отца — он, после ее страшной смерти, ждал, что ее назовут буд<ущей> лебедью или Жизелью. Кажется, не был потрясен Спесивцевой — «выше Павловой», как говорил Дягилев[246], — м<ожет> б<ыть>, любовь к Карсавиной не допускала таких похвал!

О стихах: Пушкин — Батюшков — не слишком Лермонтов и даже Тютчев; из писателей — Лесков, Достоевский, Гоголь; — Диккенс (больше Теккерея), Шекспир, конечно, и Гёте[247], — Гофман (род зависти, что тот выдумщик на сюжеты, что, в какой-то мере, мог, но не доканчивал Юра), д'Аннунцио, Уайльд (больше Шоу), — одно время Ренье (потом ослабел), так же и Франс (сильно, но со спадом), — немцы — Верфель? — Очень роман «Голем»[248]. — Считал талантливым Введенского (больше Хармса), не слишком […], — Пастернака (особенно проза), — но как будто не клюнул на обожаемого Пастернаком Рильке. К Блоку относился прохладно, хотя не судил! Вячеслава в свое время, верно, любил, — но после пошли контры. Хорошо — к Ремизову и к (даже) Зощенко; к Сологубу. Стали нравиться первые вещи Хемингуэя.

Когда я впервые попала в дом К. (и Юры), больше всего нового услыхала о живописи. Я еще не рисовала, но любила живопись и бывала с детства в музеях и на выставках. Из художников (на репродукциях) увидала Синьорелли, Содому, дель Кастаньо, Кривелли, Б. Гоццоли, — всех «прерафаэлитов» (настоящих) К. очень любил. Он подарил мне довольно скоро картину Боттичелли «Венера и Марс» — в рамке. После войны она у меня пропала. У Юры было пристрастие к Гизу, кот<орое> сразу я не поняла — у них были не во всем одинаковые вкусы, — но, думаю, что К. как-то «покорно» воспринимал «новые» увлечения Ю. в живописи (напр<имер> Дюфи). — Он всегда

говорил, что любит Клода Моне больше, чем Э. Мане (мы спорили), вероятно, п<отому> ч<то> Клод поразил его на первой фр<анцузской> выставке, кот<орую> он видел в жизни, — и потом, в Клоде была сюжетность, а посетителям нравится сюжет в картине.

Ему нравились русские иконы; из «Мира Иск<усства>» выше всех ставил Сомова, Судейкин ревновал к этому отношению к Сомову! Не помню особого восхищения Врубелем. Посмеивался (в жизни) над болтливым Бакстом. Нравились немцы: — Менцель — Вальзер (маленькие немцы), — Гофман, — и особенно — Ходовецкий.

Удивительно, К., хотя у него была фр<анцузская> кровь, не мечтал о Париже. Он предпочитал Германию, — и особенно Италию. Но свое отношение к Италии он «вполне» выразил в своих стихах.

Цветы любил: розы, жасмин, левкой. «Сухие» — запахи. Любил: духи, пудру, — а *не* одеколон, мыло. — Цвет: розовый, желтый; теплые тона.

Под влиянием Ю. стал любить клетку. Но, м<ожет> б<ыть>, любил и раньше. Увлечение «американизмом» у Ю. (и в литературе) — перешло во «Вторник Мэри»[249].

Я не помню, как относился К. к Головину (в то время); но раньше — он просто благоговел за «Орфея и Евридику».

Далекое прошлое! Но почти все осталось, как было, — во вкусах. Я очень любила Кузмина (до знакомства) за мажорную певучесть и мажорную эстетичность (то, что бывает у Бизе). В прозе мне очень нравилась историческая тема. Но «русская» провинция и особенно русские Ванечки мне казались не совсем приличными. Я удивлялась, но не смела говорить об этом — из уважения к его возрасту и таланту. Ведь у Шекспира были женские характеры (как мужские) — даже Джульетта в своей героической стойкости. Совсем не надо было «любовь» облачать в штаны банщика. Ведь это так испортило память о большом поэте!

О К. много написано, много, м<ожет> б<ыть>, будет еще нового сказано, но, конечно, было бы не только осторожнее, но просто умнее завуалировать некоторые вещи. Я никогда в жизни не видала и не слыхала ничего непристойного ни в поведении, ни в словах (в жизни) М. Ал. Он как будто сам на себя «клепал» какие-то непристойности в некоторых произведениях. Как будто хвастался — наоборот — Чайковскому, кот<орый> так всего боялся и стеснялся! Я думаю, его трагедия была в том, что влюблялся в мужчин, которые любят женщин, а если шли на отношения с ним, то из любви к его поэзии и из интереса к его дружбе. Свои «однокашники» (что ли?) ему не нравились, даже в

прелестном облике.

Главное, что стало его горем, — это желание иметь семью, свой дом, — и что «почти» становилось с Юрой, — но Юрина тюрьма разделила временно{250}, — а потом сблизила, хоть и печально — настала бедность и всякие страхи! Юра не был близок с матерью, это были какие-то перегородки — я же — не виновата! Я нисколько не старалась ничего у них изменять, — я была бы рада «побегать на стороне», — но Юре казалось, что «скоро все кончится» — (16 лет?!) — и держал меня при себе. Почти насильно. Я не смела сопротивляться.

Жить жизнью искусства в «наши» годы (в молодости) — очень трудно! Я, конечно, *это* счастьем не считаю.

Могла ли я вырваться тогда? — В единственном случае, когда мне этого реально захотелось, — это было бы бесстыдно. Юре было и так очень трудно, просто невыносимо. Мы все как-то «внешне» весело — несли свой крест.

Читая Ахм<атову> (вернее, Лидию Ч<уковскую>), поражаешься ее отношением к Кузмину{251}. Я никогда не слыхала плохого от К., от Юры — да — он был возмущен «неблагодарностью» А<хматовой> за предисловие к «Вечеру»{252}. («Путевка в жизнь» — сказали бы теперь!)

Самое нелепое — это страх А<хматовой> перед Радловой… «Большой дом»!{253} Что за чушь! Кого можно было заподозрить — это актриса Ф.{254} И певица (фамилию забываю). Я говорила об этом (потом — с Олей Ч<еремшановой>) — ею увлекался отец Оли.

Но Радлова восторженно говорила о власти. Юра смеялся, что она в честь Грозного — С<талина> назвала «Иваном». Но в их доме ничего «страшного» не было. И кто бывал у М. А.? Люди, совершенно приличные с точки зрения гомосекс. — художники: Верейский, Воинов, Костенко, Митрохин, Добуж<инский> (без меня); — Н. Радлов, Шведе, Ходасевич (он у нее; я не была, она, за ее остроумие, была любимицей М. Ал.) — Осмеркин; «13»{255} — Милаш<евский>, потом Кузьмин; Костя К<озьмин> с Люлей; Домбровский с женой; Кузнецов{256}; в начале — Орест Тизенгаузен с женой Олей Зив; Дмитриев (вначале. Это главное «увлечение». До Л<ьва> Л<ьвовича>), потом Л<ев> Л<ьвович> женился на Наташе С<ултановой> (что всех удивило, очень. Он любил полных), Женя Кр<шижановский> (приведший Костю и Люлю). Я могу удостоверить, что ничего неприличного я не только в «действии», но и в словах не видела; самое неприличное было в рассказах (м<ожет> б<ыть>, в некоторых стихах). И какие сплетни?! Болтали обо всем, как у всех. Но «специфичности» не было.

Да, люди. Федя Г. (я привела, по просьбе Кости, но потом направила его к Косте и Люле — более молодая компания). — Вс. П<етров>, красавец Корсун, красавец Ст<епанов>, «мой» Б<ахрушин> — из Москвы, — Лихачев, Ш<адрин>, Егунов (с Юрой на «ты»); Скрыдлов (в начале; потом он уехал); Юрины «барахольщики» — Михайлов, Дядьковский; еще с кем-то «по обликам»; Лавровский («мой поклонник», он потом женился на очень красивой женщине). Почти все эти люди к г<омосексуализм>у никакого отношения не имели! — и какой «общий» для посетителей «салона» язык? Люди все были разные, и никакого общего языка не было!

Даже Юра и М. А. совершенно разные люди!

А я осталась тенью в чужих судьбах. Меня берегли, спасали… Немного мелочей (и неправильных) у глупой О. и умной Нади{257}.

…Очень неверно о внешности А. Радловой. Какая она жаба? {258} С моей «балетно-классической» формулировкой красоты — Анна была очень красивая. Если бы у нее был рост Рыковой, ее можно было бы назвать красавицей. Красавица — кариатида. Но это мешало ей — недостаточная высокость. Она была крупная, но надо было бы еще! Ее отверстые глаза и легкая асимметрия — конечно, красивы. Но в ней не было воздушности и женской пикантности.

Я думаю, М. Ал. «сочинял» эмоционализм, и радловский дом был ему симпатичен — и полезен — а недостатки он видел везде и всюду! Он был насмешник!

Был ли он добр? Думаю, что нет. Г<умилёв> был прав: «Мишеньке — 3 года»{259}. Тут и застенчивость, и неполноценность (в чем-то!), и неумение устраиваться самому. Но зла он не делал; просто больше ценил тех людей, которые были или вдохновительны в литературе, или любили его литературу, а не тех, которые сделали ему доброе. Что-то помню о какой-то доброй тетке, кот<орой> он не слишком благодарен.

Не любил ходить на похороны — например, не пошел на похороны мамы Л<ьва> Л<ьвовича>, — а она была очень хорошая; и мне неудобно было пойти. Конечно, у Юры было больше доброты (и благодарности).

Я думаю, он к Юре был особенно привязан, считая его очень талантливым. Он очень хотел продвинуть его вперед. Но жизнь мешала этому. Вероятно, дружба с Радловыми укрепилась за то, что они любили и ценили Юру.

Похороны М. Ал. Раньше — его смерть. Я, увы! не пошла его навещать — думая, что его больница ближе, — я поехала к больному Осмеркину — против Витебского вокзала.

М. Ал. говорил перед смертью — о балете — сказал: из

Лермонтова — «любить? Но на время не стоит труда, а вечно любить — невозможно» — но это — между строк — он казался спокойным.

Сколько помню, отпевали его (заочно) в Спасском соборе. Я думала, какую икону можно будет положить в гроб? М. Ал. любил Богородицу, как мать, а не как Святую Деву! Кто с нами был — не помню. С утра — в больницу, — первым, кого я увидела, был… я забыла фамилию — Гибшман? — Или нет? — Гамлетовский шут?!.. — Он и ушел сразу. Гриша Левитин говорит, что он раньше всех привел худ<ожника> Константиновского, кот<орый> делал зарисовку М. Ал. в гробу{260}. М. Ал. умер и был похоронен вскоре после Горького{261} — и поэтому не было роз. Я не знала, будут ли цветы, и заказала большой венок — зеленый, с цветочками, — но цветы были.

Я помню, большой букет сирени, который положил Голлербах. Народу — казалось — было много. Я беспокоилась, как осторожно всунуть иконку. Во дворе двигались люди — помню — Володя Лебедев пришел с Саррой; мелькнул Дмитриев — Юра ему что-то сказал, почти шутливо; Костя — с Женей? — отдельно от Люли, что меня очень удивило! Когда люди прощались — помню — подходила Катя Чернова (с Дм<итрием> Прок<офьевичем>). — А потом — Любовь Дм. Блок — поцеловала руку Мих. Ал.

Ю. И. Юркун. Портрет Михаила Кузмина. 1920-е гг. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме

Комическое явление (развеселило бы М. Ал.) — Аннушка с Вовой, — почти опаздывающая — с домашним цветком — вроде красной лилии и заголосившая, — М. Ал. бы посмеялся! Я ему потом мысленно рассказывала эту сценку.

Когда двинулись на кладбище, играла музыка, но я не помню, Шопена или что-то другое. В общем, было торжественно. Люди как-то чередовались. Лев Л<ьвович> захватил Нат<алью> Вл<адимировну>, с которой уже развелся. Анна Дм<итриевна> держалась за Ренэ Никитину. Сергей был, но не на кладбище. Я шла с Юрой, но не все время. Одно время шла — с красавцем Корсуном посередине — с Ек<атериной> Конст<антиновной> (Бена в городе не было). С другой стороны Ек<атерины> Конст<антиновны> шла румяная натурщица Осмеркина, которая несла в руках румяные цикламены в горшочках (Осмеркин был болен). Моя мама ехала в карете, и там же Вероника Карловна. Юра подумал — как всегда, тактично — умолчать о смерти М. Ал. Тане, которая должна была идти на

танцульку с Наташей, а если б знала о смерти, постеснялась бы идти на танцы! Лина Ив<ановна> — не знаю, верно, была на работе!

На кладбище — было прекрасное место — на горке, и под укрытием — прямо по дороге в церковь — солнечное. Рядом могила Антона Успенского с очень индивидуальным маленьким памятником.

Говорили: Всев. Рождественский — очень вяло и что-то как о предшественнике Блока? — потом — наш друг Спасский — тоже как-то никак, — и замечательно — Саянов. Я очень плакала, и Саянов потом подошел ко мне, обнял и крепко держал. Потом говорил Юра, я испугалась, но потом его хвалили за его речь{262}. На похороны приезжал Ауслендер, но на кладбище я его не помню. Подходило много народу, — Никитина, Слонимский, все были очень добры к нам.

Подошел Пунин, просил прощения за отсутствие больной Ахматовой — очень похвалил Юру за его речь, а мне поцеловал руку и улыбнулся… косыми глазами Гумилёва — и да простит меня Юрочка — радуга мелькнула на плачущем небе!

При разъезде что-то нелепое, как всегда, проявил Ельшин — наша милая Ольга Черемшанова была больна.

Я не помню, в этот вечер или в другой Юра давал читать Сергею Ауслендеру дневник М. Ал.

На панихиде на кладбище на другой день, о которой пишет Вс. Петров{263}, была Радлова и еще несколько человек. И тут, действительно, батюшка пожелал долгой жизни и — жить весело. Было февральское жаркое солнце, цветы на могиле лежали в порядке. Вероятно, нет — я, наверное, «землю» сказала Юрочке положить потихоньку в гроб — здесь же была только панихида, заупокойная была в церкви до погребения.

Когда я после войны приехала в Л<енингра>д, могила была на месте, но без креста. Крест я ставила и цветы носила. Потом была на кладбище перестановка — по-моему, «часовни» все сняли, и я долго не могла найти могилу. Потом она оказалась в другом месте, но опять рядом с А. Успенским. Вблизи Блока. По прямой от родных Ленина.

27 мая (14 по ст. ст.) < 1978 года >

Вчера был Сол<омон> Д<авидович>{264}, сказал, что умерла Карсавина, 93 лет{265}. Мне жалко, что я не «понатужилась» добиться ее адреса и написать ей. Я думаю, ей было бы приятно узнать, как ее любил и ценил Михаил Алексеевич. Как-то особенно. Старался склонить любовь к ней поклонников Павловой. Я не решилась. Давно мне все

утомительно. Страшно быть не могло! А ей «на старости лет» была бы радость. Я должна это понимать — особенно теперь. Вероятно, виной — моя инертность. Я еще помню ее на сцене. Голубовато-лиловый костюм (Клодид? Виолант?)[266] — и ветка в руках… И какой красавицей она была на «щитах» — царь-девицей![267] Кто еще помнит? Мало кто!!! Простите меня, Тамара Платоновна! *Теперь* это, м<ожет> б<ыть>, никому не нужно! А славы ей хватало. И жизнь — внешне — счастливая.

А что-то ее сын? Никита? В честь «Серебряного»? — Мне не нравилось это имя. Сын В. В. Мухина? Или он записан на англичанина?[268] Плохого писать не хочу. Да это мелочи. — Рашевская брякала, Красовская (первая — мне, вторая — через других). Третий «минус» — фр<анцузский> журнал (у меня).

М. А. думал (т. е. говорил), что она почти святая. Так говорила и «Шурочка» (не помню фамилии)[269], уехавшая в Италию, со слов Бруса, у кот<орого> был роман с Шурочкой и кот<орый> эту Шурочку звал «la princesse pensée»[144].

Г<умилёв> сказал про культурную балерину: «это — наша дама». Она была прелестная балерина. Я, конечно, завидовала (балету!).

<Из рассказов О. Н.
25 января 1979 года> [145]

М. А. считал, что человека можно уважать за красоту (Л. Кавальери); гений (Шаляпин); богатство; ученость (А. А. Гвоздев).

«Вы были бы лучше, если бы больше врали. Что у Вас за немецкая черта — прямота? Лотта!»[270] (М. А. об О. Н.)

О Юрочке

11/X <19>53

Юрочка сказал мне за несколько дней до своего исчезновения, чтобы я не думала ни о чем, кроме себя самой и «немножко» о трех старушках — о маме, Лине и, ради него, о Вер<онике> Карл<овне>; он сказал, что я достаточно хорошая, чтобы быть эгоисткой, и я так беспомощна, что не надо еще думать о других; а он сам о себе будет заботиться. Он просил меня хранить себя для *него,* если я его люблю. И еще сказал, что он себя отдает в мои руки. А после смерти… «— если будет что-н<и>б<удь>, и захотите, то мы встретимся».

В тот вечер у нас были гости из Москвы, Мими и др. Юрочка сидел полвечера, а после ушел, т<а>к к<а>к ему необходимо было быть у Анны Р<адловой>. Мы вышли что-то докупить втроем: я, он и Дм<итрий> Пр<окофьевич>. Юра будто передал меня Дм<итрию> Пр<окофьевичу> (тот до смерти был мне хорошим другом и заботился обо мне). Мы простились на углу Суворовского и 8-й Рождественской у дверей магазина. Я не помню, махнул ли он рукой на прощание… За неск<олько> дней до того он сделал лучший мой портрет — от 29 янв<аря> 38 г<ода>.

Я хочу писать скачками, как писал бы сам Юра, который не помнил хронологической связи. Вот его рассказ, как ему гадали в зеркало вскоре после нашего знакомства, не помню, до или после гороскопа Сергея Папаригопуло. Он встретился где-то с знаменитым гипнотизером (?), который заинтересовался его лицом или рукой и просил прийти на дом. Мне он рассказал спустя много времени.

Тот смотрел в то же зеркало, в темноте, стоя за спиной. Было впечатление волшебного фонаря. Сцены детства и зрелости мелькали вперебой, и человек этот давал объяснения. Прошлое было абсолютно верно. Юра вспомнил забытые пейзажи и людей, а также обстоятельства. Напр<имер>, как в игре ему попали в глаз. Он видел себя идущим по темной равнине, в кепке, первым в шеренге. Путь был страшноватый, но он улыбнулся, обернувшись к товарищам. После видел себя с повязкой черной на левом глазу. Сперва он испугался, после привык. Лицо стало возмужалым, полнее, оставаясь смуглым. Фигура даже более плотной. Будет момент, — сказали ему, — когда будет суд, и он будет совершенно одинок, и никто не сможет ему помочь.

17/X<19>53

Но он видел потом себя хорошо одетым и как-то в кругу мужчин стоял М. Ал., и я в сером платье в хвостиках, высокая и бледная, в необычной прическе, вроде японской (объяснение ея походило на перманент, но тогда п<ерманента> еще не было). После я в белом халате писала записки (вроде пригласительных) и клала на блюдо к лакею. Вроде как в номере гостиницы, в красных коврах. Дали объяснение, что «это близкая вам женщина; жена или друг?., очень долго вы не будете ничего о ней знать, жива она или нет». Потом сцена ревности, которую я «зря» должна ему сделать, приревновав к переписке с женщиной с седыми волосами (!). «Опасность» для левого глаза (предсказанная и С. Папар<игопуло>) будет дважды: в детстве и потом, — что видно по повязке.

…В Юрином гороскопе стояла «власть над толпой», любовь к музыке и искусству, опасность тюрьмы или изгнания; спасительная вера в Бога, который всегда поможет в трудных обстоятельствах…

…Самые любимые *книги* Юры: *Евангелие* и *«Сатирикон» Петрония.* Прозаич<еский> отрывок Пушкина «Цезарь путешествовал»{271}. Саади. — … Гоголь. Пушкин. Бальзак, Диккенс («Большие ожидания»), Достоевского «Игрок» и др<угие> небольшие рассказы. Сковорода (? я не читала). Гофман («Кот Мурр»), Гёте. Данте, Марло и др. Елизаветинцы. И, конечно, Шекспир. (Самые любимые комедии были у меня общие с М. А.: это «Как вам угодно» и «12-я ночь»{272}: М. А. любил «Ромео и Дж<ульетту>», «Два веронца», «Троила и Крессиду», «Ант<ония> и Кл<еопатру>»), я не помню, что особенно любил Юра, только, пожалуй, не «Гамлета», как ни странно — ведь это его тема!..{273}

Любил Лескова (рассказы). Не все — но очень — Уайльда (над драмами посмеивался). К Франсу стал охладевать; любимая вещь — «Харчевня кор<олевы> Педок»{274}. Считал гением Хлебникова{275}. Оч<ень> любил записки кн<язя> Вяземского. Обожал Рембо. Стихи Вагинова любил больше, чем Мандельштама. Любил Батюшкова. Страшно любил Кузмина. Верил, что слава непременно придет к нему. Очень нравилось «Детство Люверс» Пастернака.

14/X <19>54. Покров

Мы с Юрой очень быстро ходили. Раз Патя Левенстерн{276}

встретил нас у Мальцевского рынка{277} и подумал, что мы стремимся на место несчастья какого-н<и>б<удь>, — а мы просто гуляли. Он в течение многих лет ходил в кино, — убегал от чая, я оставалась рисовать, а М. А. играя на рояли, или еще «досиживали» гости, а он шел один, наобум, иногда даже смотрел в нескол<ьких> кино в один вечер и любил смотреть (иногда) с конца, а после оставался досматривать с начала. Но часто мы ходили все вместе — вчетвером с кем-н<и>б<удь>, втроем или вдвоем. Он любил Чаплина и Фейдта, а также Бестер Китона, а Гар<ри> Ллойд ему мало нравился. В детстве был влюблен в Грес Дармонд, и вообще его идеалом была женщина — авантюристка, но, конечно, с «лирикой». Он мечтал (в детстве) иметь такую обольстительную сестру. Детей он любил и (до меня) хотел иметь одного ребенка, мальчика, но потом говорил, что я заменила ему детей. Но если бы был ребенок, сказал, что назвал бы в честь меня Олегом. Из женских имен ему нравилось имя «Татьяна», но вообще он не любил разбирать имена и вообще такие «анкеты», какие люблю я, М. А., Клюев, Хармс. Любимые цветы (как и у М. А., и у меня) — жасмин и роза, также левкой; но к гиацинтам, лилиям и ирисам, к которым я питаю страсть, он был относительно равнодушен, цвет любил коричневый, оранжевый («неврастенический» вкус!), для меня предпочитал все «теплые» тона; очень любил клетчатые материи. До меня собирал фарфор и знал в нем толк. Но в книгах понимал как мало кто, — даже Горький оценивал это большое знание. Войдя в книжный магазин, чутьем угадывал, какие новости и на каких полках…{278}

Он жалел животных, но кошек недолюбливал, а собак любил очень, и они его все обожали. Из «собственных» все три погибли: красавица Файка, ея сын Джэк и маленькая Флойка. Первая и последняя попали под машину. У Флоиньки были щенята, и она плакала, умирая. Джэк бедный опаршивел, и его В<ероника> К<арловна> усыпила. Из моих кошек он любил Периколу и находил, что у нее очень особенный, не кошачий характер. Юрочка курил только дорогие папиросы.

31/X <1954>. Воскресенье

Юра из художников особенно любил Федотова. Его погибшие «фрагменты» к жизни «поручика Федотова» были чудесны, и я, не любя его прозы, особенно из-за несколько тяжеловатого и «длиннотянущегося» слога, думаю, что это было бы капитальным произведением, с Большой Буквы.

Он питал обожание к Микель-Анджело, иронически

относился к Рафаэлю, нежно к Боттичелли, без особой страсти к Леонардо. Любил Беноццо Гоццоли; Бронзино; обожал нашу кранаховскую Венеру{279}. Очень любил Ватто; у Рембрандта — только рисунки; из французов сильно предпочитал Фламинка Дерену; понимал Пикассо (я не понимаю), нравились ему Дюфи, Вертэс; видел «мрак» в Анри Руссо, безнадежность фабричного поселка… Любил Ван Гога; Хогарта; Ходовецкого; в Э. Мане чуял немецкое (!) происхождение. Очень любил Бердслея. Из современников любил очень Сапунова (из старшего поколения: Рябушкина, — моск<овские> дворики Поленова, — и — очень сильно — крепкого Сурикова). Говорил, что Судейкин ревновал его к Сомову, уверяя, что он сам не хуже. Ларионова Ю. ставил много выше Гончаровой. Большими художниками считая двух евреев: Шагала и Тышлера, но вообще считал, что евр<ейская> нация — исполнительская и актерская — и гениальных художников-творцов у них очень мало. Частые споры были у нас из-за Дега и Ренуара. Я первого считала сухим, а он говорил, что у второго ватные тела, и купальщицы сидят в воздухе, а не на земле на своих попках. Он не слишком любил Врубеля, но считал гениальной его «Сирень»{280}.

3/XI <1954>, ночь

Юрочка очень любил и собирал Гиса, а также Сёра. В музыке его кумиром был Моцарт, и он мог плакать от его музыки. Бетховена он считал протестантом! «Понимал» гений в Мусоргском, а Чайковского считал типичным выразителем 80-х годов, т. е. видел в нем налет безвкусицы и слащавости. Большим гением считал Бизе и очень любил Дебюсси. Его очаровал Стравинский (*ритм* под дириж<ированием> Ансермэ в «Весне священной»). Вкусы в музыке у него очень сходились со вкусами Кузмина, но он сам был очень музыкален и имел свое мнение во всем. Как и К., любил очень Вебера; к Шуману был равнодушен, Верди считал довольно дурного тона (шарманочным), Вагнера — гением, очень любил Россини. Любил Делиба (любимая ария — Надира{281}).

16/XII <19>54, ночь

К съезду писателей{282}. О Ю. никто не вспомнит. У многих соврем<енных> поэтов (кто получше) — нечто, усвоенное от Гумилёва. «Горят великим *напряжением* миндалевидные глаза…»

Юра относился к Г<умилёву> очень отрицательно, не только как к сопернику (из-за меня); но, скорее, как к идеологическому сопернику. Он считал дубинистым его стих (перешедший в «гвозди» у Тихонова{283}), и «под Буало», никчемным, желание все систематизировать, и все его «поэтики». Самое лучшее, по мнению Юры, в Г<умилёве> было «мальчишеское» начало — жажда экзотики у мальчишки, начитавшегося Майн Рида и Ф. Купера. Я думаю, у них было много общего: что-то повелительное, организаторское, режиссерское; очень доброе отношение к своему «клану» (восхищение Г<умилёва> Мандельштамом, Юр<ы> — к «найденному» им Басманову, — отчасти Костей — вообще у Юры удивительное умение «распознавать» таланты и доброжелательное до беспредельности отношение к чужой одаренности — признак высокой души и таланта личного). Я назову Хармса третьим в этой категории людей, с его отношением к Введенскому и умению создавать «кружок». Юра рассказывал о злобном взгляде Г<умилёва> на него, когда он (Юра) имел большой успех в «Собаке», и Юра понимал это не как зависть, а как единоборство в каком-то разном понимании… чего? — вероятно, высокого понимания искусства, т. е. самого дорогого для обоих. Юра говорил, что до меня было соперничество из-за других женщин — легкое, конечно, — из-за Татьяны Адамович и Ларисы Рейснер, — но основная причина была другая. Я думаю, это как большев<ики> и меньшев<ики>, какое-то «разночтение» одного и того же.

У Юры было потрясающее количество идей — и сюжетов, — но он создавал мало, т. е. писал много, но все это было раскидано на клочках, и вся его литературная (и философская) *система* и работа сгорела — а я слишком мало смыслю в философии; я не слишком поняла слова Г<умилёва> о беспечном зверьке (?), Пикассо, идолах чернокожих и… бессмертии, — как недопонимала Юрины рассуждения; он был, по-моему, все же убежденным католиком, а Г<умилёв>а обвинял в черной магии, хотя, конечно, Г<умилёв> смиренно вымолил у Бога свои «чернокнижные» грехи…

…Юра признавался мне, что обижался до слез в юности (после стал спокойнее) на Кузмина, который (гениально, как Моцарт, — говорил Юра) крал, где плохо лежит, чужие сюжеты и идеи и претворял их — по-своему совершенно иначе, — но срезая на корню интерес к «первоисточнику» идеи мастерством своего изложения и сюжета: так было и с Нероном, фигурой, с которой Юра «носился» много лет. Он его сравнивал с Лермонтовым, и, вообще, конечно, это было бы во *всем* отличное от кузминского «Нерона»{284} произведение. Другой «сюжет» его был «роман

литературы» (Тургенев, Некрасов, Григорович) — и он (тут, правда, без всякого раздражения, но констатируя: «идеи носятся в воздухе») читал «роман оперы» (Верди и Вагнер)[285]. Также его «идеей» были поэтические биографии, так великолепно сделанные у Кузмина: «Калиостро» и «Вергилий»[286]. Он носился с Суворовым (когда имя С<уворова> было предано забвению, и его церковь походную превратили в раздевалку для галош на катке)[287]. У него были очень интересные портреты Суворова.

За много-много лет он напророчил и реабилитацию Грозного как большого государя, очищенного от атрибутов сплошного злодейства. Он напророчил славу Сталина сразу после его речи на смерть Ленина, — как речь Августа над гробом Цезаря, — он сказал, это был огромный политич<еский> шаг Сталина. Юра угадывал не только талант, но и «характер» таланта и в какой-то степени будущее. Напр<имер>, в отношении Ахматовой. Он *хотел* быть не m-me de Тэб, а чтобы интуиция шла от ума, от знания; он очень восхищался моей интуицией, но находил ее женского рода, близкой к природе и надлежащей именно женщине; для себя он хотел иного порядка интуиции и, безусловно, ею обладал.

Его складывающийся роман «Туман за решеткой»[288] был очень раскиданным, но зато «Поручик Федотов» был — в его раздрызганной форме балетного либретто — удивительно цельным и монолитным. Некоторые отрывки из разных рассказов и романов были очень острыми, с философскими (всегда) рассуждениями и живой речью (тоже «скрадено» Кузминым во «Вторнике Мэри» — разноголосица уличной толпы) персонажей, почти драматизированной… Он обрадовался Хемингуэю, как брату.

…Он всегда крепко верил в Бога.

6/I 1955 г<ода>. (Сочельник)

Юрочка очень любил одну из моих картинок — длинноватый картон с очень светлым пейзажем: белый солнечный день, светлые деревья, забор, домик — Юра звал ее «дом Артура Рембо»… Почему?..

Самые любимые из моих картинок были: три девочки в саду — <19>30 г<ода>, другие 3 девочки — тоже <19>30 г<ода>, (вечерняя), <нрзб> (две девочки, яркия, красные тона — <19>33 г<ода>), «Сентябрь»: дама с девочкой — <18>70-е годы (<19>35), большой пейзаж, маленькия «показывают зайчика» (акв<арель> на полотне), парикмахерская

(конец <19>34 г<ода>), масло: три девочки у окна и один из пляжей. Это все было в папке в Эрмитаже. И еще мой его портрет в виде «сумасшедшего» <19>24 г<ода> (впечатление от Фейдта, с которым у него было легкое сходство, — в «Калигари»).

Из своих он любил даму в желтом на улице среди мужчин — «зверюшек» (есть фотография). Из «чужих» (все это пропало) любимые были гравюра «черная Лима», «голая дама с арфой», (цветная — эта была любимой и у В. Брюсова, но у того была черная; Юрочка гордился, что у него цветная!) — потом акварель «[…]» улица (есть фото, — небо розовато-желтоватое, будто китайское, — вымоченное в чаю)… и голубоватая «смерть жены» — Ю. думал, что это Гофман.

Мих. Ал. считал, что он сам ничего не придумывает, но что у Юрочки, как у Гофмана, огромная фантазия и тысяча тем. Это свойство М. Ал. очень ценил.

24/III <19>56 г<ода>

Католическая Лазарева Суббота.

В наш чистый понедельник (19/6 марта) были именины Юрочки, я заболела и не была в церкви. Мы все трое часто говорили о Бердсли, которого все очень любили и которого так смешно ненавидел В. Лебедев. То, что я не сказала тогда о нем (о Бердсли) и о Юрочке, разница в них, вот она: рисунки Юрочки все в движении и в воздухе, — как листья, носящиеся по ветрам; они дневные, в них много света. Вся глубина и мрачность Юриных эмоций ушла в его глубокомысленную и тяжеловесную литературу. Живопись его — в эфире и эфирна, будто вовсе невесома: игра зайчиков, переливы радужных брызг, веселые, весенние миражи, танцующие — гротесковые или лирические — воплощенные в фигурок, чувства человеческие, сматериализовавшиеся в вербных чертиков — «мечты управхоза», — в современных нимф — «мечты художника», — огромный светлый рой очень реальных нереальных существ, которых никак нельзя назвать «нечистью», потому что они по-сверхземному чисты и, несмотря на вечные плутни и будни, почти непорочны.

М. А. Кузмин (?). Портрет Юрия Юркуна. 1920-е гг. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме

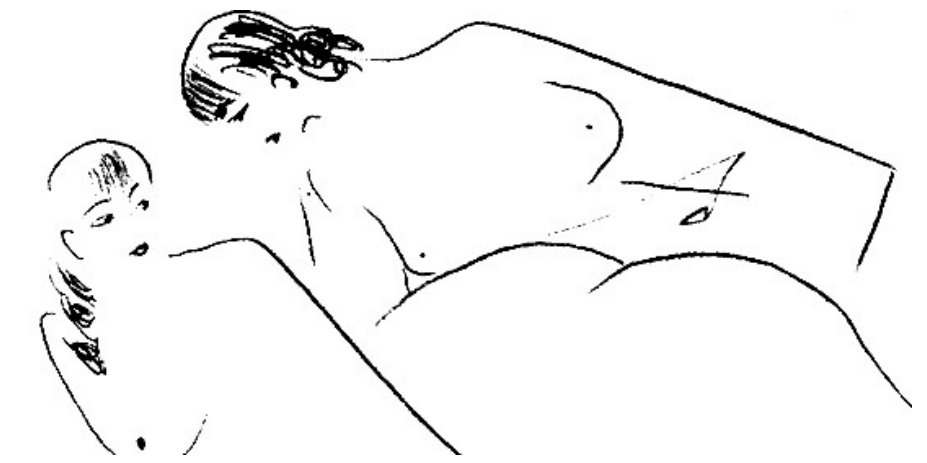


Рисунок Ю. Юркуна. 1920–1930-е гг. Собрание А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург)

А Бердсли? Тут мир совсем другой — это вне жизни и движения улицы и воздуха весны; это ритуально-театральный мир, мир больших страстей, тяжелый запах зрелых роз и густой пудры, настоящее inferno[146].

И потому, несмотря на то, что это маленькие графические рисунки, это производит впечатление больших, как Рубенс и венецианцы, полотен, — и даже фресок.

Через альковный 18 век преломленная эллинистическая культура, первобытные и жестокие культы каким-то божествам сладострастия, сохраняющиеся в орнаменте пудрениц и флаконов. Восточная Астарта или Кибела, а м<ожет> б<ыть>, какая-то Венера Атлантиды, передавшая через мавров испанскому католицизму черные кружева и жестокое изящество, — недаром религиозный Обри хотел сжечь перед смертью свои работы[289].

16/IX <19>75 <года>

В день рождения Юрочки надо вспомнить о нем лично, а не обо мне. Юра не часто говорил о прошлом; мне кажется, автобиографические сведения из «Шведских перчаток»[290] имеют какой-то более сентиментальный, «светло-русый» оттенок — все было более рваным, темным (хотя у детей — тем более детей физически здоровых — особой трагичности быть не может).

Странный характер носили отношения отца и матери — вернее, его понимание этих отношений. У матери Юры было страшное упрямство, и <у> Юры — в минуты ссор и даже очень резких выпадов отца против матери — была реакция заступаться за обиженную мать — но впоследствии он переключился на защиту отца (или памяти отца), поскольку он начинал понимать, что отец был прав…

Мать Юры отдала его в какой-то иезуитский пансион, где во главе этого училища стоял очень суровый патер, лицом похожий на режиссера Грифитза[291], который считал Юру безумно строптивым и упрямым и применял жестокие меры (потом — Юра считал — это даже стало импонировать Юре), но вся процедура этого «ученья» была какая-то диккенсовская… Мать Юры вскоре после смерти отца вышла замуж во второй раз и хотела, чтобы Юра стал священником и молился… за других детей, кот<орые> уже умерли! — Юра убежал из «монастыря» и перешел на военный строй…

Тут у него был (совсем другой, чем дядя Бонифаций[292], только чем-то немного похожий) какой-то вроде унтера, очень точный, подтянутый, но добрый — он учил Юру одевать сперва носок на левую ногу, — и подобные вещи, — Юра любил его, но тоже сбежал, и начались его странствования, — одна из «остановок» после Вильны была — Киев.

Я не помню, когда у Юры произошли встречи с некоторыми

людьми (до или после Киева, значит, если он снова возвращался в Вильну — *перед* Петербургом). Его подружки детства — Маня и Варя, к<оторые> носят в «Шв<едских> перчатках» польские имена[293], и их знакомая — Лясковская; а также «дама» Ирма — почти вдохновляющее на литературу воспоминание; а потом другая — «Ирина Э.»[294](«Малолетняя»).

Когда втиснуть приключения с Колей Кирьяновым, когда они красили заборы в Киеве? И когда Юра стал актером с нелепым псевдонимом «Монгандри»? — и когда он видел в антологии портрет моего папы (декламаторы?) — и он ему понравился? Было ли это мимолетно или более длительно — это его актерское призвание? Оч<ень> много читал, одно время увлекался толстовством, — и где ему понравился Уайльд и стихи Кузмина? Помню, в Киеве он видел за кулисами Лину Кавальери, и она ему показалась такой симпатичной и обаятельной, что он даже не заметил ее великой красоты? — Я всю хронологию не помню и не очень расспрашивала — только читала в дневниках и по его рассказам.

26/27/IX < 1975 года >

Как началась его линия поведения, дававшая право считать его анормальным? — я этого не замечала никогда. По его рассказам, он был темпераментный мальчик, и на него одновременно произвели одинаковое впечатление — довольно рано — какие-то отношения с взрослой тетей и знакомым студентом. Ни то, ни другое не было увлечением. А так, «что-то». Идеалом его была авантюристка из америк<анского> кино — Грэс Дармонд — которая соскакивает с лошади, переодеваясь на ходу в бальное платье, — а по душе — очень близкая сестра. Но у него не было сестер — только умершие братья — и двоюродные <сестры> — уехавшая в Америку или Канаду Саломея (уже взрослой) и маленькая Эмилия, которая очень любила Юрочку и была кроткой и очень рано умерла.

В Киеве у него было знакомство с Тарновским[295] — этот был другом Баттистини. Юра, повторяю, увлекался Уайльдом — но я не видела, чтоб он имел какие-то ненормальные вкусы и пристрастия. Кузмина он считал гениальным, сердился, когда его не понимают и любят кого-то другого из поэтов больше[296], — в окружении К. было что-то вроде культа — мне стихи К. очень нравились, и я охотно шла на такой культ — в свою очередь, К. очень высоко ставил талант Юры и даже на меня обижался за мой холод к «прозе» — и то, что мы оба отходили от литературы к

живописи, — но мне стиль Юры (близкий к булгаковскому) казался тяжелым — а от Жироду у него не было ничего, — а его живопись мне казалась и очень талантливой, и какой-то зажигающей: хочется самой рисовать.

Меня очень порадовала польская выставка гобеленов — ничего не было так похоже на маленькие Юрины рисунки, как эти громадные гобелены — как увеличенные тела — темно-пестрые матерчатые картины — ковры — не то современные улицы, не то «поклонения волхвов» — больше всего похоже на Вавилон. Разница роста фигур и зданий — а м<ожет> б<ыть>, в польских яслях тоже был этот давний Вавилонский *Исход?*..

15/9 <19>77 <года>

Читая «Мельмот-скиталец» Метьюрина, вспоминаю то ужасно сильное впечатление этой книги на Юру (в старом и плохом переводе{297}), он даже не велел мне ее читать. Я понимаю теперь, что на него неприятное впечатление мог произвести иезуитский ужас{298} и какая-то аналогия (хотя в совсем другом смысле, чем тут) — с его матерью.

Бедный Юрочка!.. И как он мог потом прощать «своему» иезуиту? Или он его оценивал за его «высокую» оценку Юры, хотя бы только в понимании его строптивости? К матери в «мое время» он относился неплохо, но, по-моему, никакого пиетета у него не было. Перед К<узминым> он (особенно) позднее, когда тот заболел всерьез, он считал себя виноватым — да и был, конечно, а может быть, тут его судьба и одновременно — в отношении к Юре — страшная уступчивость. Внешне все было довольно спокойно. Я только раз видела крайнюю грубость со стороны Юры. Вероятно, его нервы сдали. Я лично всегда старалась держать себя в руках, п<отому> ч<то> после придется просить прощения, а это как-то унизительно. Я скорее готова была допускать сцены Юры со мной, п<отому> ч<то> мне казалось, ему всего легче просить прощения у меня.

У меня как-то была бурная сцена (не от ревности) — а ссора из-за Шиллера; я соглашалась, что Гёте величайший гений, но и Шиллера назвала гением (он — любимец папы); Юра протестовал и вел себя бурно, я рассердилась и потащила его под трамвай (на Литейном, угол Жуковской). Трамвай не шел, Юра позвал меня к «Норду»{299} (как, не помню!) есть пирожные. Я смягчилась, и мы пошли туда.

17/9 <1977 года>

Мне кажется, Юра очень сильно верил в Бога, так же, как и Гумилёв. По-настоящему был религиозен К. А. Варламов{300} и, кажется, мой папа. Для таких людей и смерть легче.

Мы с Юрой много бегали по окраинам. «Дети побежали на свои помойки», — М. А. смеялся, когда спрашивали его о нас. Мы бегали в край Болотной, на Охту, на В<асильевский> остров. Залив по дороге в б<ывшую> Юрочкину тюрьму (Дерябинския казармы) был серо-голубой, дымчатый, красивый. Бегали и на Петровские места. Я и без Юрочки изредка туда бегала, после него. Теперь все там изменилось.

19/X <19>77 <года>

Юра был удивлен видом моего бывшего двора (Лит<ейный>, 15). Особенно вторым — длинным. Высокая ограда, за ней черный сад, вдоль ограды аллея тополей; асфальт двора — серый, перед подъездами (там жили одно время Дашковы) на аллейке была скамейка, где сидела сестра Маруся, пока я бегала, и вязала или читала.

Но Юру удивил колорит. Он сказал: «Так вот откуда у Вас такой французский колорит!» — Тополей больше нет.

Юра был удивлен, когда я нарисовала картинку (и она есть) — совершенно похожая на «Орани», где он бывал в детстве, в бытность свою на «полувоенном» учении. На карте это название «Орани»{301} было.

А. А. Осмеркин удивлялся, как у Юры (не учившегося нигде) такая правильная и живая линия. Юра ему: «Я ведь не на трупах учился».

Я вспоминаю, как он «оттачивал» Милашевского. Полу с юмором, полувсерьез. Но без издевательств, очень мягко. Он считал М<илашевского> талантливым, но примитивом (как человека).

Он, как к младшему, относился (любовно) к Косте. Даже совал ему папиросы (и, м<ожет> б<ыть>, деньги) в «хорошие» свои минуты. К Жене хорошо, но с легкой иронией. Мне «разрешалось» приглашать Женю для флирта. Женя органически опаздывал. Юра говорил: «Приду в… (час)». Женя приходил, но времени для «прелюдий» — конечно, не было.

К Лёвушке он относился хорошо, но тоже с иронией. После того, как он женился на Наташе и под ее влиянием отошел от своего безделия и стал «молоть» что-то в тон современности, Юра смеялся: «Дайте попке сахару». Но я понимала и Лёвушку. Он не был так талантлив, как Юра, и должен был выказать себя как

личность. После его принимали всерьез, как очень значительного человека. И он вел себя героично. Я очень люблю до сих пор Лёвушку. Но и Костя (как художник), и Лёвушка (как личность) вступили в Мир ярче, чем мой бедный Юра.

Д<окто>р Раздольский гадал Юре по руке — что он весь принадлежит будущему, а мы (М. Ал. и я) наполовину прошлому, наполовину будущему.

21/X < 1977 года>

Юра хорошо плавал. Переплывал Днепр. Когда он «спасал» Алексу (или «Лешку») Христиаки <?>, казалось бы, Мойка тут узкая, но она вся была в водорослях, которые тянули ко дну, — Лешу бросилась спасать ее мать, но девочка вцепилась и в нее, и в Юру, когда он потащил обеих, и мешала плыть.

Еще я вспоминаю, как-то нельзя было (ему) попасть к себе домой — парадная была закрыта изнутри и ворота на цепи. Ворота высокие. Юра сразу влез, как обезьяна, на ворота и перелез через узкий проход вверху.

Что касается «обезьяньей» ловкости, то Елизавета Дмитр<иевна> (мать Льва Л<ьвовича>) как-то мне сказала, когда мы были у них в гостях: «Я иногда думаю, что Ю. И. может вдруг влезть на стенку, как обезьяна!»

Бедный мальчик, он, вероятно, очень меня любил. Когда я болела (самой непоэтичной болезнью, дизентерией) (1925 г<од>), — он меня брал на руки и выносил в комнату. Я и не помню. Я лежала в крайней комнате, и у меня в ногах все время спала Мупса, моя старшая кошка. Д<окто>р не велел пускать ее, но она уходила так тихо, не трогая меня, и возвращалась очень тихо, и так всю мою болезнь. А зато младшая, Кутя, когда мне ее принесли, вывернулась и прыгнула прочь через две комнаты. Меня долго держали на диете, и когда вместо черничного киселя разрешили сперва рыбный бульон, а потом куриный, и я ела два дня подряд эти бульоны, и Юра, кормя меня с ложечки, начинал плакать от радости — крупные слезы текли по лицу. Я потому не была на юбилее М. Ал. — в группе Юра сидит на полу с Введенским[302].

Другая моя болезнь (скарлатина) была весной <19>26 г<ода>. Увезла меня мама, врач ночью велел меня отправить в клинику. У нас гостили дети — Таня и Алеша[303]. Юра узнал на другое утро и потом долго бегал в Боткинские бараки. Сперва не пускали — потом разрешили видеться на большом расстоянии, через комнату. Когда маме надо было

уехать, она говорила с зав<едующей> отделением. Та успокаивала маму: «Вы можете ехать спокойно. Муж вашей дочери любит ее не как муж и даже не как отец — он любит ее как мать».

Я думаю, мама не расстроилась прозванием «мужа» Юры{304} и любила его до последних минут жизни, считая, что он мне очень нужен. Я для него и для нее была каким-то беспомощным существом!

Юра любил «меняться». То с Лебедевым, то с Верейским, Митрохиным, Басмановым (ему очень нравился), Воиновым, Дядьковским, Михайловым. Других сразу не вспомню.

Когда они «менялись», лицо у Юры каменело. А мне это ожесточение очень нравилось.

Ходить в гости без «меня» ему казалось скучным. И меня неохотно пускал. Он говорил, что ему не так долго быть со мной. И напророчил!..

Он был ревнивый. Даже к кошке. Когда умерли Муся и Кутя, и Виолетта, и Вася — и появилась Перикола — он ее любил как «искреннюю» кошку — он все равно хватал ее за шиворот, когда я брала ее на руки, и вышвыривал за дверь.

И также не любил, чтобы я рвала цветы, отрываясь от разговора, — а у меня была страсть рвать цветы. Зато он часто приносил мне «платные» цветы.

Из женщин ему нравились (внешне) остроумная и немного жесткая В. Ходасевич; балерина эстрадная Спокойская, несколько схожая с ней белобрысая Полотнова (уч<ени>ца С. Радлова); Леонарда Ходотова — подруга О. Черемшановой.

Из киноактрис — и очень — Луиза Брукс. Это была «челочная» актриса, и она нравилась очень и В. Лебедеву, и Жене Кр<шижановскому>, но только Женя нашел у меня сходство. Я очень приревновала Юру, но он объяснил, что она типичная «карманьола» и этого у меня нет! Этого нет, конечно.

Св<етлый> Четверг — 27.4 <19>78 г<ода>

Мой бедный Мальчик,
Ты стал мне Сыном,
Неясным смыслом
Прощальных дней.
А был мне Братом,
Во тьме — Вергилием
Не знавшей счастья
Любви моей.

Часть II

Письмо к Ю. И. Юркуну

13 февраля 1946 г.

Юрочка мой, пишу Вам, потому что думаю, что долго не проживу. Я люблю Вас, верила в Вас и ждала Вас — много лет. Теперь силы мои иссякли. Я больше не жду нашей встречи. Больше всего хочу я узнать, что Вы живы — и умереть. Будьте счастливы. Постарайтесь добиться славы. Вспоминайте меня. Не браните. Я сделала все, что могла, — мне удалось спасти очень многое из наших писем, рисунков, рукописей — дневник Михаила Алексеевича — его ноты — мои портреты — (Ваши работы) — наши любимые коллекционные «номера».

Л. Д. Блок сказала мне как-то: «Я восхищаюсь Вашей энергией, Олечка! Я не ожидала ее от Вас. Я думала, что Вы только Сильфида…»

Почти все наши друзья умерли, Юрочка. Ваша мама умерла весной 38 года. Она была без памяти. Похоронили ее на Волковом, на «Католической» дорожке. На похоронах было много народу. Père Florant{305}, прекрасный доминиканец, приехал исповедовать ее за несколько дней до ея смерти. Отпевали ее в костеле на Ковенском. Ей положили в гроб букет сирени, стоявший в Алтаре перед Мадонной. Старенькая панна Каролина сказала мне: «Она очень, очень довольна». Комнату опечатали. Ек<атерина> Конст<антиновна> помогла мне вынести вещи — тарелки, скатерти, белье. В хлопотах по похоронам помогли мне Тося и отец Шадрина Матвей Алексеевич.

Самым лучшим другом оказался Алексей А. Степанов. Хорошим другом был для меня Всеволод Петров. Катя и Дмитрий Прокоф. Гоголицын. Богинский. Очень помогли мне в Союзе драмат<ических> писателей. Было довольно много денег. Чудное воспоминание у меня о Хармсе. Он внутренне напоминал мне Вас — во многом. Я полюбила очень его жену Марину и ея кузин Ольгу и Марину{306}. Сколько раз мы пили за Ваше здоровье! В моем большом горе бывало иногда весело!

Встречалась с Радловыми, с Голлербахом, с Левитиным Гришей. Позднее — с Костей и Женей. Писали мне все время Маврина и Кузьмин.

Я думала о Вас все время. Я боялась и запретила воображать себе реальную жизнь, реальную встречу. Но я молилась о Вас, вспоминала Ваше гадание — и свой и Ваш гороскоп — меня утешали друзья, верившие в Вас и Вашу внутреннюю силу, — и готовилась к встрече, не думая о ней. Мама продала пианино и купила для Вас отрез Вашего любимого коричневого оттенка. Я

перештопала все Ваши носки и накупила новых: целый чемодан. Картон для кепок. Купила для Вас чудный темно-красный плед, от которого пришел в восторг Жак Израилевич. Синюю пижаму. Много всяких фотографий — Русской провинции — старообрядцев — купцов, — книжных иллюстраций — чтобы повеселить Вас чем-то новым! Мама сварила варенье: черную смородину и ананас. Милый книжник (я забыла его имя) принес Ваши книги с надписями — это было почти что чудо! Откуда они прибыли? Было сперва очень страшное время. Всех забирали. Я стояла часами в тюрьмах, у прокуроров. Правда, мне никто никогда не нагрубил и не оскорбил меня — это тоже было удивительно.

Близким человеком стала мне женщина, которая потом сделала самое злое дело, сделала то, что мне расхотелось жить — и даже дожить до встречи с Вами. А я поверила ей, как родной старшей сестре. Это мать Шадрина, Екатерина Николаевна. Вместе с нею мы бегали в тюрьмы, ходили в церковь, гадали. Три года я видела от нее только доброе и сама старалась помочь ей во всем. Очень полюбила я дядю Шадрина — Ник. Ник. Вариханова, у которого было что-то в манерах — исключив гениальность и темперамент француза и поэта — от Михаила Алексеевича. Он жил близко от меня, и это был последний человек, которого я навестила перед своим отъездом из Ленинграда в мае 41 года. От него шло какое-то спокойствие, нужное мне. У меня было много новых знакомых через Хармса и Шадриных. Очень полюбилась мне Маша, шадринская прислуга, очень смешная престарелая волжанка. Я часто мысленно беседовала с Михаилом Алекс<еевичем>, как с живым, рассказывая ему длинные истории о старообрядческих волжских и московских предках Ник<олая> Ник<олаевича> и передавая пресмешныя выражения милой Маши. Эта Маша становилась за меня с ночи в очередь в пересыльной тюрьме, а потом — в финскую войну, в морозы, выстаивала очереди за маслом и сахаром. Пришло время и стали возвращаться «оттуда». Милый Лев Львович{307}, Жак{308}, Пуцилло{309} (который мне вечно объяснялся в любви), Борис Мордовии{310} — много народу. Наконец, Алексей Шадрин{311}.

Но тем временем другие люди умирали. Покаюсь в единственном реальном сильном впечатлении за все эти годы. Это был Рыбаков, которого я встретила на Пасху у Анны Радловой в 38 году. Мы остались одни на несколько минут, и он осыпал меня словами восхищения, как цветами. Анна менялась с ним: фарфор на стекло — он ушел, напряженный и сильный, как Самсон; я не решилась на вторую встречу с ним, потому что не смела позволить себе радость, когда Вы в таком горе. Летом я

узнала, что его забрали. В тот же день и раз я узнала о самоубийстве Корнилия Павловича. Мне сказала Наташа Султанова, на Невском. К<орнилий> П<авлович> повесился в Москве, когда Анна была в Сочи с Сережей[312].

Еще позже я узнала, что он — Рыбаков — умер в тюрьме[313]. Я видала сны про Вас (или вернее, про человека с именем Иосиф) и про смерть и про кладбище — когда он умер, я утешала себя тем, что другой Иосиф умер вместо Вас — а похоронили его как раз там, где мне приснилось (а я даже не знала, что там есть кладбище)… После умерла Любовь Дм. Блок, дня за два до смерти окончившая свою книгу о балете, которую он<а> считала делом своей жизни[314]. В самые страшные дни, когда я узнала о Вашей высылке и шла конфискация, — заболела Лина Ивановна. Она поправилась, но стала совсем дурочкой. Правда, очень кроткой и доброй, как барашек. Я не могла смотреть на нее без слез. О Вас она молилась и кормила голубей, приговаривая: «Птички, птички, принесите нам весть о Юрочке!..»

Огромное зло сделала нам всем Линца. Она мучила Лину Ивановну, оскорбляла маму, била своего чудного кроткого ребенка, изводила меня. А после обокрала нас, уничтожила все в квартире, сделала невозможным мое возвращенье в Ленинград. Сестра уговорила меня поехать с мамой к ней в Тагил на 2 месяца[315]. Она убеждала меня долго, говоря о мамином здоровье. Я решилась поехать. Это было за месяц до войны. О моей жизни в Тагиле, в Тавде, в Ирбите, в Каменске, в Свердловске — Вы узнаете из моего дневника и писем. Моя Лина Ивановна умерла без меня в начале октября 41 года, до самого большого голода.

Умерли Матвей Ал. Шадрин, Ник. Ник. Вариханов, Маша, Влад. Соловьев, Алексей Александр. Успенский (которого я встречала тоже «без Вас» и который говорил мне, что считает меня гениальной художницей), — Вас. Вас. Гундобин[316], художник, который всегда гадал мне под Крещенье и утешал тем, что Вы живы!.. — К. А. Гольст, инженер, похожий на более мужественного Головина, — Ник. Радлов, умерший в Москве, Тырса, умерший в Ленинграде, — Голлербах[317]. — Введенский, который умер не знаю где и как[318]. (Его я встречала у Хармса.) Наконец, Дмитрий Прокофьевич, убитый на улице, и Алексей Алексеевич, умерший от разрыва сердца. Его письма я получала все время — они прорывались даже через блокаду…

Его мама и брат тоже умерли[319]. Погибла, вероятно, моя маленькая Марина, жена Хармса. Хармс умер в тюрьме, в первый год войны[320]. Марина — на Кавказе попала в плен или была убита немцами[321]. Сергей и Анна ушли с немцами, и судьба их неизвестна. Но я не верю, чтоб они могли быть предателями[322]. В

мире стало так пусто — как после потопа.

…Погибли, вероятно, и еще два человека, которые приезжали навещать меня в Ленинград: это Милеев, живший в Бологом, и Андрей Н. Егунов, живший в Новгороде{323}. А также Вас. Вас. Мухин{324}, живший в Малой Вишере, и Эмма Як. Шмидт, которая в последнее время поселилась где-то под Ленинградом; и славная Анна Ив. Вальдман, портниха, которая жила в Павловске. Я написала о людях, желавших Вам и мне добра, и которые должны были погибнуть во время войны. Наконец, звери: шадринские кошки: Мур, Химена, Нора, похожая на Мупсу; и моя дорогая, бесконечно утешавшая меня всегда, любимая Перикола.

Ек. Ник. Шадриной я доверила перед отъездом чемоданы: один с отрезами, лучшими Вашими и моими вещами — там были и Ваши галстуки, и кашне, и костюмы, и голубая скатерть (которая лежала на столе, когда Вероника Карловна принимала последнее причастие) — и мои лучшие вещички, и серебро, и новый голубой халат, и белая вуаль, которую я хранила с детства, и веселый галстук, белый с красным — последний подарок Михаила Ал<ексеевича>! — но, главное, *другой.* Там были самые лучшие рисунки, мои и Ваши, мои фанерки, Ваши лучшие письма, — самые любимые Ваши литографии, мои самые любимые моды. — Бакст. — Дневник Мих<аила>Ал<ексеевича>, самые дорогие фотографии нас всех, моего папы и мамы, и Натали Пушкиной, и мои, и Ваши, и королевы Александры, и обложки и гравюрки Ходовецкого, виды Старою Петербурга, записки Бахрушина и письма Гумилёва, Ваши документы: всё! Она знала, что мне и Вам это ужасно дорого, что тут и деньги и прошлое, — будущее и радость: мне кажется, что в наших письмах и в наших картинках — наша кровь, — живая и горячая, — мне кажется, что если бы я дотронулась до них, увидала их, мне стало бы сразу тепло и весело, и захотелось бы жить, — как матери, которой дали бы в руки ребенка, которого она считала погибшим. Но Ек<атерина> Ник<олаевна> украла и растратила все наши вещи, — а этот чемодан бросила на произвол судьбы. Все это погибло. Я знаю, что в Ленинграде ели собственных детей, сходили с ума от голода, были безразличны к жизни и смерти. Но после она эвакуировалась, поправилась, приехала в Ленинград, стала зарабатывать деньги. Она перестала мне писать и не сделала ничего, чтобы попытаться разыскать то, что, может быть, уцелело — очень немногое, конечно, — помочь мне вернуться, попросить прощения, дать мне совет. Я когда-то написала вместо нее Алексею, бывшему на курорте в Западной Украине, — о самоубийстве его невесты Киры Кизеветтер, потому что для нее было невыносимо тяжело писать об этом. Она любила

эту девушку и считала своего сына в какой-то степени виновным в ея смерти; я старалась сделать все, что могу, для него, в благодарность за то сочувствие и помощь, которые он выказал мне и Вашей маме за 10 дней — от Вашего и до его ареста; — я делилась с ним деньгами и верила ей и ему, как родным.

Я написала так подробно, потому что все мои дневники — за всю жизнь — погибли; если бы до Вас они дошли когда-нибудь, Вы бы узнали, как много я думала о Вас, плакала о Вас, верила в Вас. Вы бы поняли, что я не могла не верить этой женщине. Она страдала за своего сына, как я страдала за Вас. Она знала, что я хочу сберечь это все — для Вас — как утешение, как трофей, как нечто живое, как символ и залог жизни. Она знала, как я одинока. Она должна была понимать, что молодость моя уходит, а я одна, без родины, без своего искусства. Моя бедная мама умерла мучительной смертью в голодный, страшный год. Мама очень любила Вас, ждала Вашего возвращения больше всего на свете. Самыми последними сознательными ее словами были, уже в агонии, — слова о тысяче рублей, которые она велела мне спрятать от всех — на дорогу к Вам. Мама не верила в предательство Шадриной: она считала ее погибшей.

…Сейчас у меня нет никого и ничего. Никаких надежд и даже никаких желаний. Рисовать я больше не [буду][147] могу. Без Вас исчез мой талант. Мои родные — хорошие люди, но далекие мне. Из двух людей, с которыми я подружилась на Урале, один{325} был убит потом под Сталинградом, другой — и сейчас здесь, но он так опустился, поблек и поглупел, что стал для меня как запылившийся и вылинявший галстук. Я спасла щенка, подобрав его в лесу; назвала его Гвидоном; это был чудный черненький щеночек, но он погиб, пока мы были в Свердловске. После смерти моей мамы у меня нет никакого долга ни перед кем. А Вам, мне кажется, будет без меня легче. Я ничего, ничего больше не могу дать Вам. Всю жизненную силу, всю волю я отдала на спасение и сохранение наших картинок, наших писем. Мы — умрем, но это бы могло жить века, и в этом была моя и Ваша душа, — мое и Ваше сердце, моя и Ваша кровь, быть может (?), Ваш и мой гений. Я, наверное, сумасшедшая: но мне кажется, что эта женщина выбросила в огонь (или в окно, или в воду, или под пулеметы) нашего ребенка. Живого, единственного ребенка. Который оставался со мной. Которого Вы хотите видеть. О котором думаете. Которого я берегла для Вас еще больше, чем для себя. Которым я гордилась. Которого я доверила ей, как сестре; ей, которая потеряла и нашла вновь своего сына, — и которая моего, нашего — выбросила, как хлам, как труп, выбросила живого на — смерть. Я думаю об этом, и не могу, и не хочу, и не смею больше

жить.

Из дневников (1945–1978)

16 сентября <1945>

Господи, тоска какая! Но как мне жить реальной жизнью? Юрочка — только мечта. Но я не могла никак «выдумывать» себе героя… Я всегда брала реального человека и о нем думала. У меня Ал<ексанр> Блок был черноволосым, кронпринц понимал в поэзии, Де Голль — в живописи, а мой последний маршал — дворянин.

Что мне надо? Чтобы человек, любящий меня больше всего на свете, был на очень высоком посту. Чтобы перед ним преклонялись толпы… Александр Македонский, повелитель мира, — Демон, Архангел… В жизни все странно; я была рада, что Гумилёв был председателем Союза поэтов{326}. Мне льстили. За мной бегали. Гумилёв вел себя <нрзб>, выказывая почтительную страсть. Я была девочкой, взрослые люди говорили со мной, как с дамой.

Сейчас салют в Москве, приказ Сталина по радио — последний раз трубит Левитан… Как-то судьба моего Юрочки?..

Бедного моего мальчика, моего брата-лебедя, младшего из братьев Элизы из сказки Андерсена…

Плачу, плачу — скоро не станет и слез…

17 сент<ября>, понед<ельник>.

<…>

Счастливы девушки: Биче Портинари и Симтекка Веспуччи — умерли так рано… Если в жизни нет ничего, за что ее можно было бы любить, по-моему, лучше не жить. <…>

<нрзб> окт<ября>.

Мне всегда нравились сказки про принцесс и фей. А среди фей мне хотелось быть королевой. В нашем веке, наверное, мало перед кем так часто и много становились на колени. Я видела на коленях перед собой поэтов и художников, профессоров и мальчиков, и даже девушек. И на руках меня носили много.

Правда, меня баловали, если не всегда серьезно любили. И называли меня лилией и мимозой (даже учителя в гимназии), ландышем и розой, — Мадонной и Сильфидой, Венерой и Гебой, — но чаще всего — Психеей.

И вот жизнь отлетела. И все, все что было радостного и хорошего, отлетело навеки.

Счастья не было никогда.

Всегда что-то мешало.

Может быть, я любила бы еще больше, еще вернее Юру, если бы я была с ним счастлива. Но судьба не давала мне счастья никогда. Действительно, я была Психеей; у меня были свои вещи, свои коллекции, свои рисунки, но у меня был не мой, и только «почти» мой — мамочкин Дом{327}. А у Юры тоже не свой{328}. Как у детей. А теперь у нас обоих (если он жив) нет *ничего.* Но он говорил, что я для него беспредельное счастье.

Как о возвращении молодости — говорил обо мне Бахрушин{329}. А Гумилёв говорил, что я как неиссякаемый мед — источник вечного счастья. Поэтому так страшно меня лишиться. <…>

19(6) марта 1946. Ночь.

Юрочки моего день именин. Читала о К. Леонтьеве.

<…>

Господи! Я виновата перед Юрой за мои фантазии. Ему, бедному, не удалось сделать меня художницей — заставить полюбить свое искусство.

Я думаю, что я могла бы любить больше всего на сцене только балет, если бы была балериной. Я обожаю живопись, но мне мои портреты (Юрочкины) так же, как стихи обо мне Мандельштама, — казались более выражением меня и моей души, чем мои картинки. Я их обожала тоже, но конкретной, я бы сказала *материальной,* почти животной любовью — как мать своих детей, как кошка своих детенышей. Их гибель для меня трагична — ужасна, непоправима. Я любовалась на них, как на здоровых, смешных, очаровательных детей — они (когда я рисовала, в те дни и периоды) — оздоравливали меня саму, как <нрзб> лекарство, горный воздух или морская вода — для меня было радостью жизни знать, что они *существуют* — для меня было бы великим утешением перед смертью *узнать,* что они спасены, — но все-таки они — *не я,* а мои *дети.* Я спасалась от горестей жизни, рисуя — боль моих вынужденных разлук я переносила в почти веселые серии девушек в бальных платьях и

танцующих детей — но показать миру саму себя я не сумела в живописи — это сделали лучше меня самой Юрочка в моих портретах и Осип М<андельштам> в посвященных мне стихах. Мои картины — это я в детстве; в раннем детстве. И в них была сила, которой нет во мне — которая растаяла перед первым ветром жизни — как дым.

21 мар <та>.

…Я пережила свою смерть по ошибке. И мне не жалко жизни — такой бледной, такой отвлеченной.

Гумилёв говорил, что он не встречал девушки, которая бы так умела радоваться, как я. Но это было до революции, до октября. После я погасла. Было уже не то горение. И не та радость. <…>

28 мар<та>, четверг.

…Какая великолепная вещь — дружба, творческая дружба! Читая письма Гёте и Шиллера, этот трезвый критический разбор вместе с восторженным преклонением одной высокой души перед другой, благородной, видишь, как много хорошего бывает и может быть в этом мире, таком злом для меня. Дружба Мих<аила> Ал<ексеевича> и Юры всегда была понимаема и ценима мной очень высоко. Мучила и терзала меня мазохистская зависимость моего Юрочки, — злая его судьба, поставившая его в подневольность — хотя бы и одного из лучших людей… Это было одной из главных причин, не давших мне стать счастливой с Юрой… <…>

6 апр<еля>.

Господи! За что сгубили моего Юрочку? Кто ответит за это зло? Почему судят немцев в Нюрнберге — разве Освенцим и Майданек хуже, чем то, что делалось в Советской России — над русскими невинными людьми? За что? По какому праву? И никто не вступается!.. Все молчат! Весь мир молчит! И вся кровь войны ничего не смыла, все горе войны ничего не поправило…

Счастливы умершие — в этой стране нет места для жизни. Надо умирать — уйти от позора страшной неволи. Господи! Избавь моего Юрочку от рабства, если только он жив! Дай ему свободу! Выведи его как-нибудь в другую страну, где он мог бы

возродиться для новой жизни! Пусть он только иногда с нежностью вспоминает свою бедную любовь…

9 апр<еля>.

Письмо от Мавриной (с картинкой). Кузьмин увлекается Овидием. Даран несчастлив в браке. Нового у них ничего. Ночь. Вчера по радио был В. Чернявский *из Москвы.* Где-то *живут* люди. А меня уже *нет* на свете. <…>

14 апреля, в<оскре>с<енье>.

<…>

Кто научил меня смотреть на себя, как на драгоценность? Школьные подруги? Влюбленные в меня мужчины? Нет! Мне кажется, Бог вложил в меня такой талант, который даже выражается не в живописи, и, может быть, и не в балете, но этот талант только мерцал, как бриллианты через тьму тысячи покрывал, и блеск которого видали (или подозревали) только немногие, но который бы раскрылся весь, сверкая и ликуя, — если бы его освободили, — сверкая на весь мир и на все века!..

Я, наверное, сумасшедшая… <…>

Каменск. 1946, июль — август. 17 июля <1946>

Подумала о Юрочке и о Бердсли. Последний гораздо «макабристей», у него «ночная эротика», легкий мир на грани трагедии. У Юры — очень точная радость Бытия, Греция «Прекрасной Елены», дневная эротика, фигуры скользят цветными солнечными зайчиками — и ни у одной нет тени. И ни у одной нет понятия о грехе. Странно, что с его тягой к Гоголю (в литературе), с его трагической жизнью и с его глубокой любовью ко мне получалось такое легкое, бездумное, светлое творчество. Я сказала ему как-то, что его место между греческими вазами и Вертэсом.

Каменск. 14 апреля <1947>. П<о>н<едельник>.

Очень стало холодно. Во сне какая-то девица выступала на эстраде, не имея никакого успеха, а я не могла ее поддержать; у

нее было новое голубое пальто, я оставила по рассеянности чемодан, и она должна была его поберечь. Какая-то дорога… В жизни головокружения… В письмах Мавриной нет никаких обещаний, никаких утешений; оне очень милы, но и только.

Вчера веч<ером> был Полонский. Мне было плохо, но мы очень смеялись, я к слову рассказала легенду Козимо Сильвы <нрзб> — и он переиначил конец в смешном виде.

Голодно. Дорого. Помощи ждать — неоткуда.

Умер еще один человек, о кот<ором> я фантазировала, собирала его портреты, — Генри Форд.

18 апр<еля>, пятница.

Во сне ездила куда-то — вагон, перрон, дорожные вещи. Потом — забыла. А, еще потом кто-то сильный и высокий, на котор<ом> я висну, как повилика, — он любит меня, и мне можно быть больной и слабой… Мне можно довериться его воле, и он меня сбережет; это вечное счастье.

В газете о награждении литовских граждан, награжден какой-то Юркунас{330}, директор худ<ожественного> музея в Вильно. Сейчас передача Россини. Сколько раз Мих<аил> Ал<ексеевич> играл «Итальянку в Алжире», «Сороку-воровку», «Моисея»{331}… А я рисовала.

Мне надо умереть. Мне надо умереть. Ни о чем другом не надо думать; ничего другого нельзя хотеть. Я потеряла молодость и талант. Я никому не нужна. Неудивительно, что здесь со мной обращаются пренебрежительно. У меня нет хлебной карточки, у меня нет ни копейки денег. Мечтать о выигрыше или о посылках то же, что и о браке с Де Голлем или… Если даже Юра жив, то я и ему буду в тягость. Мертвую он будет любить меня до гроба; живую меня он разлюбит. Откуда я возьму силу, чтобы возродиться? Или нет такой силы — молодость невозвратима? Юрочка обещал мне вечную молодость, но он ошибся — во всем ошибся бедный Юрочка! И в своей судьбе, и в моей судьбе. И все наше творчество погибло — и не будет посмертной славы.

19 апр<еля>.

Во сне был Н. Д. Богинский. Я забыла написать, что Н. В. Кузьмин прислал мне книгу — Лесков с его илл<юстрация>ми — и были письма от Сони, от Кати и от Зиновия. Очень мило. Была в бане на Трубном. «Лью апрельские

слезы», но апрельского Солнца нет! Если бы был здесь человек, похожий на Н. Н. Вариханова — простенький, живой и хороший, может быть, не без русского лукавства при всей «святости», — которая, будучи почти гротескной, никогда не была ханжеской. Он так успокаивал меня в минуты страха и горя, — в его дружественной любезности была подлинная благодать.

…Юрочка мой! Как мне бы хотелось рассказать Вам о нем и познакомить. А Алексей Алексеевич — «Датский ангел», красивый и верный, насмешливый и стремительный. — Господи, прими его душу!.. Вспоминаю и Митрохина, и Кузмина, конечно.

«И вот я встретил Вас — единственную во вселенной…»

Больше никогда! Больше никогда! Звенел Май, струился Апрель — все это было когда-то; больше не будет никогда ничего, как у леди Гамильтон в картине{332}.

Я не воспользовалась возм<ожнос>тями вырваться на «вольную волю» из огромного концлагеря, в который попала с первых лет юности. Я не послушалась голосов во мне, призывавших к спасению. Мне было жалко оставлять маму и Лину. И Юрочку. Но вот все потеряны, все погибли. Мамина смерть была мучительной, но она была на глазах у меня, и я ее похоронила. А Лина Ивановна умерла одна и, может быть, звала меня в бреду — и упрекала. И я не знаю ее могилы. А Юрочка исчез бесследно из жизни — и все его письма и рисунки погибли, и друзья забыли о них обоих. И никто не помогает ни мне, ни ему. Что мне делать, чтоб убить себя? Может быть, узнав о моей смерти, люди одумаются и пожалеют, и начнут его разыскивать и ему помогут. Вал<ентина> Ходасевич говорила, что мои девочки, как петарды{333}; а я до сих пор, несмотря на конец Лины Ивановны, на судьбу Юрочки и Пети Гагарина, несмотря на Освенцим и Майданек, не могу извериться в *Смысле Мироздания.* Не может, не может, не может исчезнуть из мира великая сила, творческая сила, Светлая Сила. Она должна взорвать могилу. Она должна пробиться из мрака. Она должна победить смерть.

…Сегодня закрывают двери Алтаря. Кончается пасхальная неделя. Неужели я такая грешница, что не достойна услышать «Христос Воскресе» перед смертью?..

Светлейший праздник в году — такая серость здесь! Идет дождь, промозгло. Да, ведь здесь была (уже давно) гроза…

Я много лет не слыхала запаха жасмина. Лучшие на свете цветы!.. Помню розы Серг<ея> Серг<еевича> Познякова, гиацинты Бахрушина{334} и Юрочкины альпийские фиалки.

Господи! Может ли быть утешение? Может ли быть счастье?..

Всю жизнь мою в горькие минуты приходило какое-то утешение. Хотя бы *знак.* Но после смерти мамы этого не стало.

Беспросветно все…

22 апр<еля>. Вторник.

Переписываю роли к колхозной пьесе со «страстями». Во сне (забываю много) <…> вчера — улицы Ленинграда, квартира Катиной подруги (вроде Валерии), но в районе конца Офицерской или Садовой, — еще какая-то улица, которую пересекает набережная Фонтанки; улицы — широкие, как в Ленинграде, но в домах и дворах — зеленая затененность Москвы. А у Фонтанки высоченный берег, скорее, как у Невы, — и громадные стоят, морские корабли. Вчера зря ходила брать билет для Мар<уси> на «Крейсер Варяг»{335} (билеты были проданы) — зашла к Стрелковой; разговор о гастрольной поездке и о дурацких колхозных выставках. Обвиняет Ваню. Приходил веч<ером> Полонский. Он зло остроумный, м<ожет> б<ыть>, несколько однообразный — некоторые вещи рассказывает много раз — хвастает и подвирает (про свое богатое житье в детстве) — но все же это человек с каким-то индивидуальным миросозерцанием и с какой-то честью, которую Юра любил называть каторжной. В воскр<есенье> весь день шел дождь и снег. Есть хочется. Плитка шоколада опять стала райской мечтой. А финики? А ананасы?.. Противно смотреть в зеркало. Надо бы как маркиза Кастильоне{336} — не смотреть совсем. Но она могла запереться от мира в темной квартире.

Писем нет. Ни Наташа, ни Валерия, ни Всеволод{337} — как сговорились. — Что же мне делать? Нигде и никому я не нужна. Но надо быть последовательной. Я никогда не интересовалась быть «человеком». Если я была «нравственной», то это потому, что я боялась, что Юра меня изувечит, а также боялась огорчать маму. Но у меня всегда были эстетические, а не этические каноны, и я хотела быть *женщиной* и *творческой Силой,* а отнюдь не «человеком». Жаль мне было животных и людей голодных. Больше всего я жалела Лину Ивановну. И вот она-то умерла без меня, и я ей не помогла. И Перикола погибла без меня, не знаю как.

Для Бога я дурной и грешный человек, но для людей у меня переизбыток нравственных качеств, и нечего было их культивировать. Но женщиной я перестала быть, художницей — тоже, так что вывод ясен; для чего я нужна на свете?..

Мне следует умереть. Мне надо только об этом думать. Ведь Ал<ександр> Блок довел себя до смерти сам.

Мне не подобает мечтать о глупостях, как будто мне только

15 лет.

25 апреля. Пятница.

Вчера стала нездорова. Во сне оч<ень> много, но помню только спутника в какой-то дороге вроде Маневича; какая-то дощатая уборная… В <нрзб> видна площадь с ярмаркой.

Была на «Крейсер Варяг». Мне нравится, я люблю море, шаги на палубе, морскую форму, старые ордена… Зражевский, как всегда, очень хорош (какого мужа выбрала себе хорошего Лида Трей!) — Ливанов актерничает немного, но очень уж внешне хорош. <…>

Вчера по Би-би-си о том, что Сталин дает прощальный банкет конференции, а в Кингстауне дают прощальный банкет королевской семье.

Иден произнес речь в шекспировскую годовщину. «Где-то», «что-то», — в «міре» — там — далеко! <…>

30 апреля. Среда. Вечер.

Эти дни погода была, как в Ашхабаде. Но как плохо мне… У нас очень холодно, и Ваня смотрит недовольно, как я ем. И правда, я не вру, это так и есть. <нрзб> все время голодный, и вечно разговоры, что ему надо всего больше, а ведь у меня нет карточек уже давно. <…>

Голод, одиночество, скука. Вот все, что может быть, а ведь я была терпелива. Я всю жизнь ждала чуда. Если я не всегда верила в Бога, я верила крепко в счастливую свою звезду. Но какая может быть будущность у женщины, которая уже не молода, у художницы, которая уже не рисует, у человека, не имеющего дома, не имеющего профессии, не имеющего *никаких* друзей?

А ведь это все так. На всем свете единственная Катя{338}меня жалеет, но Катя сама еще старше и несчастнее меня. И ведь она тоже решительно не может мне помочь.

<…> А то, что я стала думать о другом человеке — но ведь у меня нет другого утешения, и эти глупые фантазии помогают мне немного нести свой крест, не плакать дни и ночи. А о Юрочке я уже не смею думать, как о живом.

…Во сне вчера шумела Литва — как высокое поле с колосящейся рожью — людей не было видно — потом Литве дали какой-то приз за полевые работы — я, Лина Ивановна и Сталин ели суп из литовских зерен и овощей, — я думала: и что-то

Юрочка? Как помочь ему?.. А потом было, как конец повести или роман, — и героиня этой повести встретила близкого человека, он взял ее на руки, понес — м<ожет> б<ыть>, это была повесть обо мне. Сегодня под утро уж другой человек подошел ко мне, я клала в коробочку рассыпанный бисер от бисерных бус. Скоро день рожд<ени>я мамы, ей было бы 78 лет.

Господи! Пожалей меня! Помоги мне!..

Каменск. 1947 г. Май.

<…> 4 мая <1947>. Воскресенье.

День рождения мамы. В воде березки и зеленые ветки молодого тополя. Письмо от Всеволода Ник<олаевича>. Ек<атерина> К<онстантиновна> и Ольга Ник. в Рыбинске. О моих вещах он ничего не пишет (их нет, конечно!).

Вернулся Зиновий. Ко мне не зашел, хотя был в театре. Я с ним не желаю встречаться. Но это пустяки. Смысл не в этом. Он вроде мухи. «Вернее» всех злоязычный Полонский. Во сне были: <нрзб>, здешние люди; Радловы и Корнилий{339}, Лина Ив<ановна>; Анна бранила своих мужей за то, что они не купили вовремя сахар по дешевой цене.

В жизни: болеет Куся. Вчера ему было 4 года, но он температурил и ничего не ест. Как мне все и всё надоело! Всеволод пишет, что Ек<атерина> К<онстантиновна> все такая же (в августе прошлого года была прелестной и веселой). Она уже давно уехала с Урала. Проклятый Урал — ставший маминой могилой, он меня погребает заживо. Я всегда ненавидела Урал, никогда мне не хотелось даже видеть ни Урала, ни Сибири. Зачем меня загнала сюда судьба?.. И мне не вырваться! Не вырваться! <…>

8 мая. Ночь. Четверг.

Вчера во сне опять был Сталин; Лина Ивановна; я старалась объяснить Сталину про мои картины, про Юру, про всё. Вчера был и долго сидел Полонский. Поговорили о Мгеброве с Комиссаржевской (он в чтении обратил внимание на некоторые занятные детали), — перед уходом стал говорить о любви и всяких уклонах и причудах, — и, вроде как по Шекспиру, иносказательно, объяснился в любви.

Конечно, он мне после снился.

Сегодня пошла на «Каменный цветок»[340]. Перед тем была хроника — похороны Вахрушева — и там был он. Высокий, почти как Де Голль, постаревший, некрасивый. Но я будто вижу первый пирамидальный тополь по дороге к югу, — или куст роз весь в цвету, — или небо, полное самых сверкающих звезд… у меня сердце прыгает и — падает. А мне скоро полвека. Мои подруги в гимназии говорили, что я буду всю жизнь Психеей, ищущей своего Эрота…

Отчего я не такая, как Катя из «Каменного цветка» или из «Двух капитанов» — Катя?.. Я люблю Юру, но я не могу быть верной. И нет мне счастья… <…>

20 мая. Вечер. Вторник.

Был дождь. Плохо слышно радио (история английской муз<ыки>). Сны забываю. Самое страшное то, что у меня сохранилась душа (и все связанные с ней мечты) 15-<летн>ей девочки; и когда я смотрюсь в зеркало, я пугаюсь. Это что-то страшное; с прошлого лета. Скоро год. Я не смею, я не должна мечтать о чем-то *хорошем* в этой жизни. Если бы я умела все эти глупости претворять в искусстве, это имело бы смысл и цель (для других, для будущего века — не для меня самой). Но сейчас бессмысленно так жить, терпеть унижения и мешать другим. Правда, почему другие должны недоедать хлеб и картошку, чтобы отдавать их мне? Понятно, что они часто сердятся. Но что мне делать?

* * *

Я боюсь, боюсь, боюсь Ленинграда — встречи с самым большим горем — известием о смерти Юры. Тогда уж совсем все пропало. У меня еще надежды, — пока он жив — что что-то спасется из нашей жизни — что он сможет, сумеет — что-то сделать, — я говорю о прошлом, о творчестве, о посмертной памяти нашей… если он меня не увидит, он будет вспоминать во мне большую свою любовь.

21 мая. Среда.

<…>

…Смотрю на Юрочкин (мой) портрет в черно-белом пальто с

темными волосами{341}. Если бы у меня были деньги, я бы выкрасилась в черный цвет, как бабушка Михаила Алексеевича (после 40 лет). Она еще перешла из католичества в православие (надоела исповедь).

Смешная кулинарная книга <18>64 г. у Вали Пономаревой. Невозможные рецепты! Горы яиц и все варят в вине… <…>

24 мая. Суббота. Ночь.

Во сне (под пятницу) — я была чем-то вроде полководца — а до того, под четверг — любовно говорила с каким-то интересным директором, сидя в чудном «европейском» кресле. Сегодня — какая-то толпа (женская); потом слухи, что Берэ сшила себе очень дорогое коричн<евое> платье, а потом, что она же покончила с собой.

Смотрела (вчера) «Солистку балета». Приятно видеть невскую воду и окна нашей школы, но картина плохая; хотя Наташа{342} мила, несмотря на некрасивость, — очень хорошо и естественно говорит.

Опять встретила (днем) Полонского, посплетничали.

По Би-би-си — о лейбористских дебатах. Как отнеслись бы Мих<аил> Ал<ексеевич> и Юра к гениальной (по-моему) балетной музыке Хачатуряна? <…>

Пропал Черный. Очень я любила этого пса. Пожалуй, больше всех здесь.

27 мая.

<…>

Все смотрю Юрины и мои рисунки. «Перед смертью»… смерть стала уже конкретностью; а жизнь отхлынула совсем…

28 мая.

Сегодня во сне мама, ленинградские друзья, весело улыбающийся Алексей Алексеевич{343} с большим букетом, еще какой-то незнакомый, любящий меня человек; а после Черный, кот<орый> бросается ко мне, и я его глажу и обнимаю, хотя у него шерсть в пыли.

Черного нашли зарезанным во дворе Горсовета. Он уже разлагался, а шкуру забрала какая-то сторожиха. Вероятно, его

убили в ту же ночь, когда обокрали 21 магазин. Это была его территория. Никогда больше не увижу милую собаку, которая так громко и радостно лаяла, видя меня на улице, и мчалась навстречу… <…> Я ее очень любила. Да, все погибли: Женя, Гвидон, Бемби и Черный. Бедные мои звери…

Очень холодно. Вчера был 31 год моей первой встречи с Гумилёвым. Би-би-си описывает лейбористские конференции и выставки цветов.

29 мая.

Все еще стоит и киснет еда для Черного. Я не сержусь на других собак за то, что они живы и бегают; я их жалею; но внутри что-то оторвалось, большая брешь… еще недавно Черный лежал на земле, у крыльца, на солнце, вытянув свои лапы. Смерть останется тайной. Юра сказал после похорон Блока: «Теперь началась легенда…» Легенда… Илиада… Брехня?!

В журналах о смерти Ив<ана> Ив<ановича> Соллертинского (уже давно), — но я не знала.

Мих<аил> Ал<ексеевич> осуждал меня за пристрастие к Солл<ертинскому> и Мовшензону. Он говорил, что это люди, которые всегда хотят быть в курсе всего, и им лестно поддерживать хвалебные разговоры знающих людей о ком угодно и потом передавать комплименты.

Но я была очень довольна слышать похвалы от авторитетов и сохранила благодарную память о людях, сделавших мне удовольствие. Мне и во сне приснился Солл<ертинский>, а еще — я забыла — но что-то интересное!

Странно, что Ал<ексей> Ал<ексеевич> мне снился часто (и снится) одновременно с собаками. Он был настоящим другом. Если бы «не перебил» дороги некрасивый Б<ахрушин>[{344}], может быть, я бы влюбилась в Ал<ексея> Ал<ексеевича>.

Куда девался его силуэт с меня[{345}]? Я была очень мила на силуэте, похожа на мою любимую прусскую королеву Луизу. Ал<ексей> Ал<ексеевич> тоже *никогда* не сказал ни одного слова, не сделал ни одного жеста или поступка, хоть слегка неприятного мне. Как я помню его скользяще-размашистые движения навстречу, его громадный букет гладиолусов (я люблю эти цветы без запаха), его всегда интересный разговор.

Пожалуй, я немного «заделась» его насмешками над Рыбаковым, но, с др<угой> стороны, и не обиделась, п<отому> ч<то> усмотрела в насмешках оттенок ревности.

Очень стало холодно. Вчера купили водки к обеду; но денег

совсем нет. Маруся все снимает с книжки.

Да, в музык<альном> журнале (за <19>46 г.) упоминается фамилия Б<ахрушина>, на каком-то обсуждении. Значит, жив. Как будто и его я видала во сне сегодня.

Очень хорошая статья Сергея Прокофьева, умная и веселая. И сам он мил чрезвычайно, хотя стал совсем старым и некрасивым. А у гения — Хачатуряна очень незначительное лицо на карточках.

…Что, я умерла уже? И это сейчас и есть «весна после смерти»?..

31 мая. Суббота.

Вчера во сне было что-то неинтересное, здешние люди… <… > — было и хорошее, — «нездешнее». Я держала на руках мал<енькую> собачку с волнистой шерстью. Поезда, вечера, платформы… Разные времена года — как в музыкальных картинках. И он — мой любимый. Он взял меня на руки, поднял высоко… Так меня в юности носили всегда на руках любившие меня — да и не любившие, а просто так; я была легкая. В школе на мне мальчики учились носить.

…Все прошлое. Счастья не было, но были радости. Теперь нет ничего, и не будет ничего.

Завтра Троицын День. Вот и кончается Весна. Погода ужасная: холодно и проливной дождь.

Я чего-то вспомнила свои стихи. Почти ничего не помню…

«Мы как толпа на сборе винограда —
Наш древний зной…»

«И тополей стройные пальмы,
Такой красивый, узкий ряд…
Орнаменты на башнях Альмы
О Вас, далеком, говорят.
Где сны Эллады и Востока,
Чаруя всех, переплелись,
Мечты о Вас, по воле рока,
В душе, как птицы, пронеслись» (о Никсе).

«Играли на рояли
Хоралы надменные старого Баха».

«И что-то в этот миг как будто раскололось,
И новая зажглась и взволновала тема…

„Приду“ ответила на вкрадчивый я голос,
На голос бархатный — его — <нрзб>»
(о Лёне[346]).

«Все повторяется на свете,
Я очень радостно отмечу:
Я вновь услышу о поэте,
А м<ожет> б<ыть>, его я встречу…
Ведь надо следовать примеру
Богов и вечно-юных граций?
Играю резвую Неэру[347],
И вы мой пламенный Гораций»
(о Гумилёве).

«…Не жизнь, а странствие по сказке.
Китай, Неаполь и Версаль.
А на лицо надеты маски:
То страсть, то ревность, то печаль».

«Словно в заросли малинника,
Я в любовь твою вошла…»

«Его любила я в серебряном апреле,
И вспоминаю я в червонном сентябре…»
(о Коле[348])

«В столице северной свирепствовал январь,
Помощник яростный бушующих ветров.
И я, как некогда бездомная Агарь,
Беззвучно таяла…»

«Она войдет в твою палатку, Авраам —
Открылась Библия на пагубных словах».

Это Гумилёв гадал обо мне по Библии, и такая вышла фраза. И после он сжег мое единственное злое письмо. Это было в Вогезах[349].

«Имя одно при крещеньи
Им нарекли; золотое,
Твердое —? имя —
Мне на вечерней молитве,
Как <нрзб>, поминать…»
«Вернутся тогда корабли

Из дальних, весенних стран.
И ты из чужой земли
Вернешься в родимый стан.
Ты путь свой направишь к ней…
О, радость нежданных встреч!
А мне — весь остаток дней
Тоску по тебе беречь».
«Лишь смуглый юноша, чья прелесть ядовита…»{350}

Все очень давно.
<…>

2 июня. Понедельник.

Духов день. Вчера видела во сне Березарка — но у него было не его <лицо> (м. б., довольно красивое, но обрюзгшее и дегенеративное лицо, а хорошее и некрасивое лицо Щукина, на кот<орого> он немного похож). Сегодня — Радловых, Анну и Сергея, за столом; после Анна давала мне объяснения по поводу моих книг, бывших у нее, — они не пропали, а где-то замурованы; она мне показала фотографию с коридорами, вроде публичной би<блиоте>ки, где они должны быть. <…>

6 июня. Пятница.

Письмо от Ек<атерины> Конст<антиновны>. Вчера во сне улица, вроде Саперного, но проще и «дачнее», дом; вдали консерватория; толпы женщин… <…>

Ходили с Мар<усей> на «Золушку»{351}. В хронике Монтгомери. Оч<ень> мил принц. Декорация Акимова, текст Евг<ения> Шварца — Антон говорил, что я ему очень нравилась когда-то. Увы! Он нагадал мне счастливую жизнь!

Ек<атерина> К<онстантиновна> пишет о Радловых: они живы, хотя Анна очень плоха{352}. Их видала Ольга (?). Марина{353} жива! Маленькая моя! Она нашла свою мать. Как дика жизнь! Эта мать бросила ребенка — Маришу и теперь подбирает взрослую женщину.

<…>

Е<катерина> К<онстантиновна> советует мне вернуться. Она была в Л<енингра>де. Видела Ахматову, Глебову, Люшу{354}. У Ек<атерины> были романы. Еще в прошлом году… И

преданность Всеволода безгранична.

Ек<атерина> плачет о молодости. Господи! Это главное в жизни — молодость, которую гадили, коверкали, отравляли. И которой больше нет…

…Ночь. Дождь идет. Ольга Агеева оказалась мерзавкой. Вал. Мол. умирает. Голлербах исчез с лица земли[355]. А Лев Льв<ович> «в чинах»[356].

<…>

15 июня. Воскресенье.

<…>

Когда доходит до ссор, особенно чувствуешь свое одиночество. Получит ли Е<катерина> Н<иколаевна>[357] мое письмо? Хотя она немного старше меня, у нее есть связи с жизнью — из-за Алексея — а у меня никакой. Впрочем, это как раз наименее меня печалит (отсутствие детей). Я не вижу ни счастья, ни даже утешения в детях — мне в другое существо не переключиться, это не «моя судьба». Из всех знакомых людей на земле самая непонятная и чуждая мне бестужевская Воронова.

16 июня. Понедельник.

Переписываю рецепты оладьев. По Би-би-си о голубых диких гиацинтах на пути к Оксфорду и смешные описания девиц из Рус<ского> Клуба.

У нас жизнь тяжелая, как у шахтеров в петровские времена. <…>

24 июня.

<…> Письмо от Екатерины Николаевны. Бедная! Ея судьба ужасна![358] Почти все мои работы погибли безвозвратно, но я хоть рада, что она оказалась не дурной. <…>

25 июня. Ночь.

Пришла с вечера Антона Шварца. Моя маленькая Марина[359] в Париже! А Серг<ей> Эрн<естович> не в Москве, а в лагере[360], Ольга стала работать администратором, а Евгения[361]

перевели на немецкий и ставят в Германии. У Володи Ч. умерла жена. И про бедного Введенского верно{362}.

…Антон был со мной очень ласков и почтителен, наговорил комплиментов и великолепно читал «Шампанское» Чехова, «Незнакомку» и «Королеву Британии» (это мой заказ). Но З. вел себя по-дурацки, я пришла в ужас.

А Полонский по дороге устроил мне сцену при всех. Это очень нелепо тоже, разве он не понимает, что З. мне только мешал? Юрочка мой! Вот, судьба Марины как из мелодрамы, а у меня — серость дыма…

1947 г. Свердловск. Каменск.

29 м<арта> <1947>.

Завтра день именин Ал<ексея> Ал<ексеевича>{363}. «Алексей — с гор вода»{364}. Всегда вспоминаю. Ночь. Суббота. Стала нездорова с 27 на 28. Под пятн<ицу> снов не помню.

Ходила смотреть «Dir Frau meine traume»[148], где играет вовсе не Ева Браун, а Марика Рокк. Сенсация! Мне лично безумно нравится испанский танец. Ругают Пастернака. <…>. Тает. «И только madame никак не может вспомнить свою собственную смерть»… <…>

30 марта. Воскресенье. Вечер.

Да! «Никак не может вспомнить…» М<ихаил> Ал<ексеевич> заплакал, когда я прочла ему записанный сон: и Всеволод Петров тоже. Говорят, на Украине большой голод. В Англии всякие ужасы после наводнений, хотя все на месте — и дерби <*sic! — Н. П.* >, и выставки, и балеты.

У Над<ежды> Павлович в стихах весьма нелестные строчки о Гумилёве… но, как ни странно, напечатано все же — ведь его фамилия одна должна нагонять страх. А какие чудесные строки его памяти у Багрицкого!{365} Я за них полюбила Багрицкого. <… >

4 апреля. Пятница.

<…>

Это плохо, что я так умею мечтать, что это по силе заменяет

гашиш, эфир, опиум. Если бы я это претворила в искусстве, как в дни моего рисования! — есть ли связь с мертвыми? Или я не стою, чтобы мне помогли?

А с живыми? Юра, верно, перестал меня любить, если он жив. Я не чувствую его помощи, его руководящей и спасительной силы. Верно, он отрекся от меня после моего романа с Зинкой. Стоило падать так низко! И я ведь что-то переживала — как-то его и любила. Но это такой ужас — одиночество — цепляешься за соломинку — ведь бедный Зинка — именно соломинка — глупый и слабый, самовлюбленный и беззащитный. Я его не кляну — это моя собственная вина, моя глупая слабость. Я удерживалась от Володи{366}, от Бахрушина — а тут не сумела. Если бы Юра знал все точно, он бы простил. Это гораздо меньше, чем Этот. Этого я люблю, как любят счастье. А по Би-би-си об очередной речи Де Голля, к которому во Франции относятся так почтительно.

13 апр. Пасха.

Живите, Юрочка мой! А я…

Стало очень холодно. В четверг, «алым ударит в ставни»{367}, было теплым-тепло, весеннее солнце. В пятницу стала портиться погода. Едва набрали денег на Пасху. Маруся купила «Чудо», а печь нечего. <…>

Пишет мне Маврина — а из Лен<инграда> ничего! У меня нет конверта, и я не могу ответить. Снов не помню.

<…>

Сдуру купила белое блюдечко — вместо моркови — за 7 руб.

Читаю Мгеброва{368} — чепушисто, как он сам, — и о Комиссаржевской просто бред. Он выставляет ее симулянткой, как Австрийская Елизавета, — мама говорила, что она была очень простой и приятной, хотя испорченной (или, вернее, хитрой). Вспоминаю Мейерхольда и Колю{369}, Евреинова и Анну{370}. Живы ли они?

Господи! Что-то могила мамы? И где-то умру я?

18 сент<ября> <1947>. Четверг. Ночь. Каменск.

Во вторник был день рождения моего Юрочки. Мне удалось съездить на кладбище и зайти в церковь — зажечь за упокой и за здравие. Выехали в Каменск. Приехали ночью под проливным дождем. В дороге говорила с новым актером Корсунским, который видел в Париже Иду Рубинштейн, Карсавину в жемчугах

и мумию Кшесинской в панбархате и бриллиантах. Он учился с Чабукиани, был женат на Людмиле <нрзб>сковой, в Москве встречался с Юрием Б<ахрушиным> (с бородой), знает Пантелеймонову… Что еще?

<…> Вчера вечером была с Марусей на картине «Побег с каторги»{371}. Печальный конец… «Ты будешь писать?» — «Нет». Шел дождь — очень темно на улицах.

Нет ни писем, ни выигрышей. Я забыла написать, что в Св<ердловске> была на выставке. Понравилась мне только одна картина (Корнев или Руднев?..) — «Свердловск строится». <…>

Сегодня во сне была большая ива. Я сказала, что из всех цветов (красок) на свете больше всего люблю цвет ивы — серебристо-светло-зеленый. А потом прибавила, что еще больше люблю еще один — розовато-чайный, блестящий — цвет веселого заката в апреле в Ленинграде — Авроры, Спящей Красавицы… <…>

Господи! Помоги моему Юрочке! Послезавтра девять лет, как его увезли. И может быть, конечно, его уже давно нет на земле…

…Да, еще забыла написать, что я покрасилась; самый темный цвет, какой только можно, — как на некоторых Юрочкиных портретах — «полу»-моих… <…>

Нас опять сильно обворовали без нас. У меня украли ремень от Юрочкиного термоза, кот<оры>й Митя принял за собачий намордник.

20 сент.

Вот и девять лет, как увезли моего Юрочку — а может быть, и убили. <…>

21 сент.

Кузнецов уехал. У меня и Маруси повыш<енная> температура, не могли проводить. Я пожалела даже. Когда мы приехали с мамой в Тагил, он и Вера были очень приветливы, он даже немного ухаживал — за спиной у Зиновия. Дня через два едут Полонский и Тольский с Чайкой.

У нас перегорели все спирали, едва готовим на чужих плитках, а что еще хуже — испортился приемник! Чинить его очень дорого и трудно.

Во сне огромная корзина цветов, черная мануфактура, Зиновий. Этот приходил, объяснял про свою ненавистную жену и

пр. Полонский правильно про него сказал, что он «страшный» человек, — Юра даже говорил, что безответственные и пустые люди опаснее и хуже всяких негодяев.

…Заходили Чагины, мои вечерние разговоры с Полонским менее интересны, чем всегда, — (он ночует в Марусиной комнате) — он устал и нервничает, я с температурой, даже трудно поверить.

Воскресенье, 12 ч. ночи.

Жив ли Юрочка? О чем думает?..

Как Боря здесь расшатал весь коллектив, медленно «взорвал» его, так кто-то злобный и хитрый изгадил всю нашу жизнь. Мы бесправные рабы — и солнце для нас не светит и весна не сияет. Не смерть страшна, грустно от того, что жизнь такая тихая.

23 сент.

Вчера у меня новое горе, которого я не ожидала. Полонский, сидя у меня ночью (у меня температура) и долго говоря на разные темы, сказал мне ужасную вещь — будто прибил, или еще хуже. Будто бы Алексеева{372} на моем месте сумела бы узнать адрес Юры и поехала за ним… Я скорее позвала Марусю, заговорила на другие темы, будто это не главное, — иначе я бы заплакала и закричала на весь дом.

Он извинился. Но сегодня как ни в чем, — завтра он уезжает. Мне безумно больно. <…>

Господи, как все плохо… Ходила в магазин за черносливом.

(Ночь).

П<олонский> мрачен, не извиняется, даже, кажется, на меня обижен. Сидит у Веры, которая за ним безумно ухаживает, — после его хамства в отношении ея… Но это ея дело. Ходили с Марусей на «Зигмунд Колоссовский»{373}. Ужасно плохой звук. Почти ничего не понять. Главный исполнитель хороший актер, мне вообще нравится. В хронике очень красивые меховые шубки — у нас в Ленинграде. В «Огоньке» портрет Луи Арагона и Эльзы Триоле — моей почти знаменитой сверстницы…

(позже) Во сне было многоярусное здание — вроде громадной гостиницы, построенной как театр — с очень сложной

системой переходов; такой сон снится мне очень часто. <…>

Как мне настроиться на похоронный лад — окончательно, бесповоротно отрешиться от всяких мыслей и фантазий, *понять всем существом,* что я уже не молода и что чудес на свете не бывает.

Как мне желать не только умом, а сердцем тоже — смерти, и только смерти?

Господи, помоги мне!..

24 сент.

Во сне был Гумилёв. Был и Юрочка — но Г. был очень ясно. То насмешливый, то ласковый — как во время наших ссор… Я летела по комнатам, по верандам — какие-то помпейские краски…

«Твое крылатое, слепое, неудержимое»[374]…
Моя молодость! Счастье мое…

25 сент. Четверг.

Все ушли на Трубный. Одна. Сон красивый: я была женой грузинского царя. Он меня любил и баловал. Огромная прямая боскетная аллея вела от дворца в бесконечность. Ежедневно по утрам искали змей в парке, чтобы я могла валяться на траве на любой лужайке, — пионы и розы росли, как в <нрзб>, на этих лужайках среди слегка подкошенной травы…

…Желтые листья. Осень. Паучки… (здесь пауков бесконечно много). Тяжесть на душе. Денег никаких. Никаких перемен… Господи Боже!

20 окт<ября>. Понедельник. Ночь.

Стала нездорова. Я боюсь даже верить — так мне этого хочется!.. Вчера была премьера «Младшей сестры». Как все-таки противно ставить и играть такие скверныя пьесы! Сегодня ходила на картину «Подвиг разведчика»[375], — восторг детей. Починила приемник. Опять кусочек <нрзб> и дорогая Оффенбаховская баркарола… Во сне (на днях) Лина Ив<ановна> давала мне на прощание лимонные шелковые кусочки для цветов, но она была высокая и худая, как помреж Грачева.

У Ханжонковой великолепно сверкают бриллианты на руке и в ушах, и очень модные платья. Я слегка завидую. Мне хотелось всегда носить бриллианты — очень стыдно — но это мой любимый камень.

Сегодня во сне остановка трамвая на Марсовом поле (или вроде) — теплый ветер — легкая бурность весны или осенней оттепели… Прощаюсь — будто бы и с Юрочкой — мельком он, но живой.

Стоят теплые дни, только к ночи холодно. Но я все эти дни все по хозяйству. Писем нет. Что совершенно прелестно — это оттенок неба вечером, который бывает иногда и здесь: перламутрово-серый и очень светло-лимонный, — с легким блеском, — и арабеском тонких черных веточек…

23 окт<ября>. Четверг. Ночь.

Заходил тут Корсунский и звал очень к себе: «свой» человек — говорит о Юрьеве и о Блоке, о Тиме и <нрзб> — но у него неприятная суетливость и нервность, все перекашивает… Писем нет. Снов не запоминаю. Сама не пишу. Порю пальто Марусе, рынок, дома, магазин.

Погода была хорошая. Очень поздно. Октябрь — счастливый для меня месяц (по гороскопу Бахрушина). Но счастья нет. И разве есть счастье для старых женщин?..{376}

Мне — в удел: только смерть, утраты и слезы…

24 окт. Пятница. День.

Во сне (или между снов) — Ливанов — мы играем — я в костюме Шамаханской царицы… Л<иванов> мне нравится лицом и особенно фигурой и голосом. Говорят, он глупый. Ничего не успеваю. Писем нет.

25 окт. Суб. Ночь.

Писем нет. Нездоровится. Стало холоднее. Пожалуй, мне (если бы я стала богатой) надо сделаться эфироманкой или курить опиум — я никогда не хотела этого — но ведь реальные радости мне уже недоступны, а я такая же фантазерка, какой была в 14 лет…

…И вдруг реально, до слез вспоминаются детали прошлой

жизни — стекла американского папиного шкафа, золотые полоски на маминых венчальных свечах из киота, баночка из-под варенья М<ихаила> Ал<ексеевича>, которую я взяла под цветы (белую с синим), бахрушинская фарфоровая собачка, которая несколько лет подряд, как живая, берегла мой сон…

29 окт. Ночь. Среда.

<…> Я, как считала, считаю раскаяние пороком… Я не люблю вспоминать — или вернее, всякое воспоминание для меня трамплин, прыжок в будущее… Увы! Только в мечте!..

Но ведь теперь «действовать» уже нельзя. Уже ни к чему. Я все не привыкну… Господи!.. Как это я не привыкну — *реально* думать о смерти, готовиться к ней, — как Кира Кизеветтер готовилась к самоубийству… У меня все глупости на уме, пустота, — как тогда, когда я была маленькой девочкой и радовалась комплиментам, говоримым мне на Невском назойливыми прохожими… Эгоцентризм? Вероятно. Юрочка говорил, что если я буду ему верна, я дождусь времени, когда влюблюсь в себя сама: буду с восхищением смотреться в зеркало. Но я была верна — но этого не будет никогда… Я всегда была не так одета, и у меня не было счастливой гордости — ведь я даже не была замужем… А теперь я состарилась. <…>

13 ноября. Четверг.

Ужасный свет. Болят глаза. Переписываю роли.<…> Вот, мои крашеные волосы кончились: седина пробилась опять. <…> Только мудрости. Мыслей о смерти. «О душе». Не делать зла… Успокаивать себя. Не мстить (в мыслях). Не мечтать… Вот, опять это простое, умное и надменное лицо…

Возможно, он бы мне *абсолютно* не понравился — как Александр Блок. Не мой тип. И все. Может быть, даже рассмешил… И хорошо бы! Говорят, у Серовой вроде брака с Рокоссовск<им>{377} (говорит Корсунский — но, м<ожет> б<ыть>, у него застарелые сведения).

Самое ужасное, самое страшное — это старость. Ведь смерть страшит только потому, что плохо жила. «Не использовала» всех радостей и прелестей дорогой моей зеленой Земли…

Может быть, я зря не верила Гумилёву и не спасла его — не спаслась сама — не уехала с ним. М<ожет> б<ыть>, я зря пожалела Юрочку и не обвенчалась с Бахрушиным. Но вот и все

мои «шансы»… Сердечные. Ведь по расчету я не поступила бы, живи вторично. Не умею. Не умею. О Козл<инском> и о Леб<едеве> я не жалею. Бедные они оба — Володи — хоть и заслуженные, — но этого мало, конечно.

Господи!.. Вся моя жизнь была отравлена моим позором. Я верила в любовь Юрочки, он меня понимал, и я стала рисовать, и все восхищались мной. Но его прошлое и его положение не давали мне покою. Никогда я не была счастливой… По-настоящему! Ни на лужайках Павловска, полных цветов, ни в наших комнатах, усеянных фанерками и листками, — несмотря на настоящее Искусство и настоящую Любовь…

А теперь поздно, поздно, поздно. Его нет, он погиб, все сроки кончились. И на что ему я — такая? <…>

15 ноября. Суббота. Ночь.

<…> Ношу воду. Ношу тяжести с рынка. <…>

21 ноября.

День имени Михаила Алексеевича. Погиб ли бесповоротно его дневник{378}? Исчезла ли с лица земли его могила?

…Опять скользко, мокро и грязно. А во сне… Я нарисовала картинку (среди пропавших была похожая по колориту, с зажженными ранним вечером фонарями за Невой — «стеклянная» акварель). На заднем плане были фабрики, мрачные высокие дома — за рекой — даль такая — но в прозрачной дымке — а на этом берегу реки, вблизи, экзотическая райская рощица. <…>

…В газетах возрасты кандидатов. Все наши градоправители моложе меня; 1905, 1906, 1908 г. и т. д. Как скучно жить в такой «нетрадиционной» стране — и в то же время без творческих фантазий! Вчера по американскому> радио Николай Набоков фатовато говорил о необходимости свободы творчества. <…>

(ночь) <…> И разве правда, что все зависит от себя самой? Я научилась готовить, но я разучилась рисовать. К кому обратиться? Кто меня пожалеет?

1948<?> 2 дек. Вторник.

Опять катастрофа — не отоваривают <нрзб>, и говорят, не принимают денег: девальвация. Неожиданно, как и все. Я в ужасе,

у меня 400 руб. маминых денег — подарок Юре — священные деньги, я притрагивалась к ним осторожно и нарушала только ввиду крайности.

Всем нам жутко не везет. Но перед Юрой я просто преступница. Я обязана бы была в курсе всего — не спать<?>. Но я так затуркана и несчастна, что боюсь даже говорить о чем-то важном, — будто несчастья посыпались на меня со всех сторон — только задам вопрос, не только сделаю шаг. Господи! Мам, помоги мне!.. Даже если я преступная дрянь, даже если мне нет прощения!..

4 дек.

Я взволновалась из-за денег, вчера разменяла мамины четыре сотни, пустила их на долг Марусе, бегала весь день, отоваривалась — наши опять из-за скупости прошляпили <нрзб>, но все это померкло, когда по радио ночью услышала о смерти Дмитриева{379}.

Бедный В. В.!.. И вспомнила его балетные увлечения. <…> Достоевщина, покаянные исповеди, карьеризм, м. б., нехороший — и чудесный талант, с русской лиричностью и детской мешковатостью подчас… Бедный В. В., трижды лауреат!..

«…М<ожет> б<ыть>, через живопись О<льга> Н<иколаевна> покажет, что она за Личность!» И в театре, когда они пришли ко мне в уборную с К. Державиным, я кому-то сказала: «В. В. нашел меня хорошенькой». Он, довольно грубо: «Я сказал: красивая». Я была в траурном наряде, с букетом белых лилий и в светлых локонах. Молодость моя!..

Я очень плачу о Дмитриеве, хотя я сто лет его не видала, и он вряд ли бы пожалел теперь обо мне.

Мих<аил> Ал<ексеевич> написал о нем много стихов.

Далекая зима… тоже очень холодная. Алек Скрыдлов, Мадлэна, Борис Эрбштейн с сапфировыми глазами. Молодость моя! Бедный В. В., где вы теперь?..

Каменск-Уральский

25 дек<абря> 1948<?>

Вот и новое Солнце! Была с Мар<усей> в кино на «Марате». Я все вспоминала Юрочку: пейзажи и костелы его Литвы…

Мар<уся> с Зиной нашли мне какую-то «ночную» службу.

Не знаю, что будет. <…>

28 дек<абря>.

Служба, увы, неподходящая — жуткие условия, хотя жалованье хорошее (выпускающий в газете). Сег<одня> вечером был страшный сон про Юрочку. Сперва — будто он нагрубил еврейке Черномордик{380} и она на него жаловалась, а потом о нем было дурно сказано где-то в печати — потом оказалось, что это сон, — но наяву читала пьесу, современную, и там его фамилия фигурировала, как врага. Я взбесилась и закричала… Сон в руку — я знала — но если ему будет худо, я за него готова убить весь мир — и даже, если я влюблюсь, как кошка, в другого мужчину, я и его готова убить. <…>

31 дек<абря>.

Пурга в окне. Утро. Еще был сон такой: на Бассейной встретила Аню Энгельгардт. Она была линялая, но довольно молодая. Я спросила про Леночку, она отвечала неохотно: будто та работает на бойне в бухгалтерии. Я подумала что это не дело для дочери Гумилёва{381}. О дочери Ани Галине — приблудной — я и спросить не хотела. <…>

…Пурга в окне…

23 мая <1952>.

Во сне флирт с Всеволодом (!)… Какие-то комнаты; я расставляю мебель — в угол письм<енный> стол. Вчера зашла после службы в Рус<ский> музей к Савинову. Он был очень любезен, но ничего, конечно, не мог обещать.

17 июня.

Вчера меня горько опечалила весть о смерти Анны Ахматовой{382}. М<ожет> б<ыть>, и неверно, но скорее правда. Елиз. Анне звонила Марианна Евг., просила узнать у Всеволода, но он не знал ничего и очень взгрустнул. Помню, как я ей подарила на Литейном розу и как после они с Радловой «отбивали» меня друг от друга. А еще после она хотела придти

утешать меня, когда узнала об участи Юрочки. Юрочка не любил ее — ни стихов, ни ее саму, считая очень неискренней. И он обиделся, что она не была на похоронах М<ихаила>А<лексеевича>. Пунин был и сказал, что она больна. Гумилёв со смехом рассказывал мне часто (тоже) о ея притворствах. Но все же в ней была большая сила — «нет на земле твоего короля…».

Она в чем-то говорила за всех женщин. <…>

Да, во сне видала Маврину, Милаш<евского> и Кузьмина, все были много моложе, на какой-то постели; особ<енно> нежно говорила я с Кузьминым (когда-то другие меня к нему приревновали, я и переписывалась с ним больше всего). Сейчас <…> писала Дарану. <…>

Если бы Юрочка был жив! Бедный мой дорогой мальчик! Какая гнусная эпоха! Омерзительно все, кроме цветов.

9 июля.

<…> У меня странная нервность от телефонов. Верно, после известия о Юрочке.

…Как хорошо бы иметь длинный отпуск! Какая гадость — служба! И есть люди, кто ее любит. Я ненавижу всякое ярмо — даже любовь (тираническая всегда) иногда тяготит. Как у мамы, Юры, теперь у Юли{383}.

26 июля. Суббота. Ильинское.

Частые грозы, чувст<вую> себя не очень хорошо. <…> В Москве повидала Митрохина, он грустный, говорит о смерти. Комнатка уютная, совсем похожа на его ленинградскую. Много книг. (Ларионов в Париже занят продажей старины…) С Дараном сердечно поговорили по телефону, <…> а Маврина меня неприятно поразила. Правда, звала на дачу, но вообще нелепо как-то говорила. Даран очень ее ругает. <…> В музеи не попала. <…>

Плохой сон с бедной Линой Ив<ановной> — она, молодая, где-то повисла в воздухе, а я бегала по этажам за помощью и никак не дозванивалась… А сегодня сон был приятный: в меня влюбился Ал<ексей> Толстой. Случилось как-то нечаянно, но после он прислал шоколад для Куси и золотой слиток мне и рубиновый браслет и еще что-то. Говорили, что он был влюблен в юную девку, после он *жалел* хорошенькую секретаршу, нарядную

(тоже бывший роман). Я была близка к обмороку, но знала, что он полюбил меня.

1952. Ленинград. 8 августа.

Вчера был день смерти Блока. Я второй день на службе. О Москве; была у Милаш<евского> в день его рождения, — у Дарана и у Золот.[384] на другой день. К Митр<охину> вторично не попала.

<…>

25 авг<уста>

Вчера весь день просидела дома, лежала, разбирала остатки мод[385] (57 листов из огромного собрания!!! И нет *самого любимого!!)*. Только вечером вышла в аптеку. <…> противно здесь сидеть; не умею я устраиваться!! Господи, я совершенно «бесполезная» тварь — «голубая кровь», как с восторгом говорит Юля. — Ветер и холодно; писем нет, что меня очень беспокоит. <…>

…Я всегда боюсь августа — месяц смерти папы и Гумилёва. Даже рождение Гёте не перевешивает этого чувства страха.

…Какая сейчас неинтересная жизнь, несмотря на похвальбу! Безобразная живопись; даже мои талантливые москвичи посерели и иссякли — от страха и отсутствия своб<одного> времени. И какая скучная литература! «Белая береза»[386], «Далеко от Москвы»[387] и пр. — просто неудобоваримое чтиво. А кому-то нравится. Неглупая Наташа А. уже плачет! Галя умиляется на кинокартинах…

…В такое время не хочется жить.

7 окт<ября>

Все мои мысли поглотил милый М<ихаил> Ал<ексеевич>. Я когда-то хотела бросить ему вслед в землю свои модные листы — как цветы… Теперь нет ни любимых листов, ни его могилы. Как у Моцарта?!!.. Вот время! Нет могил Гумилёва, Мандельштама, Кузмина… Боже мой, какая тяжелая книга у Ганса Фаллады («Каждый умирает в одиночку»[388]). Не так ли было и с Юрой? Зачем же судьба дает мне Юльку в преданные служанки? Чем я заслужила ее? <…>

2/XII

Всегда во сне бывают ландшафты; поля и дороги, ведущие к отдаленным селениям и городам; незнакомые города… <…>

11/III/<19>53

Я никогда не думала, что переживу Сталина. Ведь грузины многолетние.

<…> Всеволод очень огорчил меня, сказав о смерти С. Прокофьева{389}. Я не все далеко люблю в его музыке, но это было обаятельное искусство. Я не была знакома, к сожалению…

5 мая <1974>

<…> Во сне смотрела в окно с Чагиным — вид, похож на Сахалин — развесистое дерево (туя?) — на холмистой местности. Темно-зеленый цвет. Потом у меня зуб сломался (половинка?). Я не вздыхаю на Европейскую, нет — но боль тяготит. Отчего он{390} ушел в невозвратимость, не простясь со мной — не вспомнив, наверное? Это мне месть от Гумилёва, от Юрочки — или что?

Я, которая с веселой надеждой смотрела на план Москвы — дома и улицы — теперь через слезы гляжу на зеленый кусочек — Новодевичье кладбище — вот все!.. Гуляя по пл<ощади> Искусств, увидала дивно-красивую розовую голубку с изумрудной шейкой. Она пила из лужицы и больше не пела, как вторая голубка…

6 мая. Пон<едельник>

Прервала. Эту голубку я увидела сегодня — идя через Мих<айловский> сквер. Тогда она смотрела в лужицу, и я думала, что ее выкрасили злые люди (м<ожет> б<ыть>, из Мих<айловского> театра), и <она> удивляется своему виду! Потом она вспорхнула. На др<угой> день все подсохло, и я голубки этой не видала. А сегодня она паслась среди воробьев и голубей. Не смертельна ли для нее окраска? Когда я шла по Пантел<еймоновской>, лежала мертвая голубка около урны — окаменевшая, и зад в крови.

Вч<ера> во сне видала дикое: квартира с семьей Олениной. О. сама в костюме 30-х гг., маленькая, пожилая, и ее мать —

пасторша, выше и темнее. Я спрашиваю О., как называл ее Пушкин — Annette или А. А., — она усмехнулась. У нее помятое личико, небольшие светлые глаза (? «Ангел Рафаэля»), невыразительное, но симпатичное лицо. Я говорю: «Я бы взвилась от злости на месте Нат<альи> Ник<олаевны> на его стихи о Ваших ножках — после своего брака…» Улыбка. Юбка длинная, ножек не видно.

…Всё о себе. Я не могу привыкнуть, что этого нет на свете. Юрочка мой, может быть, было ошибкой, что вы не пустили меня в Москву за ним! И мама моя, добрая и тактичная, кричала почти, грубо и истерично, защищая Юрочку. А ведь этот был москвич… и выжил. И мог меня защитить… Столько лет, столько лет! А может быть, я бы сама разочаровалась и не хотела его вспоминать. А теперь… До смерти мучиться из-за его неверности, тянуться на «тот свет», где, может быть, не будет никогда никакой встречи.

<…>

<3 октября>

…Моей любви невспаханное поле…
Жизнь тянет вдаль, по чуждой воле
Там, за пределом гаснущей земли.

Эти дни было тепло и красиво. Лебеди в пруду Летнего сада и милая темная уточка; сиамская кошка с голубыми глазами, которую целовали дети; били фонтаны, бившие при Петре. Огненно-красное дерево на Марсовом поле стало бледнеть; в Бол. Мих. саду целая аллея бледно-желтая, над прудом желто-оранжевые деревья, но другие совсем зеленые; прелестные серебристо-зеленые ивы по бокам Инженерного проезда; гумилёвские каштаны буро-золотые. Что еще? <…> Неужели жизнь на земле может привязывать без любви?.. Как это Нат. Влад. радуется природе? Для меня природа, как музыка, — это очень много — но главное — любовь.

Воробьи взлетают и гонятся ветром, как листья. Листья плывут по Юрочкиной Мойке. А я, сидя на скамейке и склоняясь к воробьям, думаю (о Юрочке, и о других «бывших») — «не надо, не надо, не надо умирать» — тянет к живому…

На кладбищах страшно. Грабят и убивают.

Юля жалуется на боли. Я панически боюсь идти на Суворовский. Денег нет.

Моя «пенсионность» дает себя знать. <…> Что, кто меня

утешит?..

4 окт<ября>. Пятница.

Была на Тутанхамоне[391]. Мальчик-красавец, но устроена выставка омерзительно.

Глаза и рот Тутанхамона
И голос, бархатный, как ночь…
В петлице млела тубероза,
Но счастье отлетело прочь.

Конечно, счастью не служу я,
А он — предтеча страшных бед,
Но память, плача и тоскуя
Бросает вглубь бессмертный свет.

17 окт<ября>.

<…> Я вчера (без дождя) опять погуляла в Бол. Мих., теперь желтый цвет преобладает, но есть и зеленые пространства… прочла строки Ани… об осени. Читая ее стихи, вспомнила бедного Ник<олая> Ст<епановича>. Смею ли я после своего «побега»[392] называть его своим? Как странно все бывает в жизни… ведь я его любила… Его-то я любила…

А вот главное: вчера утром улетел во Фр<анцию> бедный Ефим Эткинд[393]. Осталась его мать 83 лет <…> и недавно умер младший брат. Остался один Марк… Не за что изгнали Ефима. Отпускают культуру… Что останется?

20 окт<ября>. Воскресенье.

Холод на улице. Внизу ремонт. Юля болеет от запаха краски. Во сне видела какую-то бабу — квартирохозяйку, с которой ругалась; в окно выпрыгнула кошка. Надо было уезжать. А вчера? Много кошек — верней, больших котят — мягких, серых и с охро-розовыми полосками, как зебры…

А до того — какие-то незнакомые кавалеры.

Савинов гов<орил> Нат. Вл., что Милаш<евский> серьезно болен. Страшно, такая давняя дружба!..

В стихах Ахм<атовой> — моя боль. То ревность к

Г<умилёву>, то злость на него — правда, я понимаю, что он был не «лебедь надменный»[394], а некрасивый настойчивый мальчик. Я на ее месте… Не знаю, что бы я?

Не Данте — ангел чернокнижный,
Он охранял меня во сне…
А в жизни — руки в час бессилья
Рука убийцы грела мне.

27(14) мая. Пон<едельник>.

58 лет назад я познакомилась с Гумилёвым!.. Алик[395] 2-й ходил к Льву Г<умилёву> спрашивать о М<андельштаме>. Тот, услыхав про меня (что Алик был у меня), улыбнулся — он, верно, думал, что я умерла. Сег<одня> был дождь.

9 июня (12).

<…> Печальней судьбы Юрочки трудно представить, а меня он стерег, как (да простит меня Бог!) собака свою кость.

11 июня. Вторник.

Вчера был Гриша и Ал. Ш.[396], которому я «предала» написанное мною о М<андельштаме>. Как это не то, зачем мне выступать в роли летописца? <…>

10 июля. Среда.

Гром, молния — сег<одня> ночью и к вечеру. Вчера странный день — неприятности с пенсией <…> и милая встреча с Мирой Невер.[397], из Третьяковки. Она интересная женщина и в парижском красивом платье. Наговорила мне много лестного о моих картинках и о моей наружности, что мне всегда приятно. Показала ей и Юрочкины рисунки, и ей очень понравились. А о моих портретах сказала: это целая поэма любви!.. Я сказала ей о польских гобеленах[398] и о своем желании направить их (рисунки Ю. Юркуна. — *Н. П.)* в Польшу.

<…> Да, в воскр<есенье> был Гриша Л<евитин>, взволновавший Юлю сведениями о выставке. Бедная Юля, все

мечтает о деньгах. Но — посмертная слава мне обеспечена (хоть и маленькая) — чужими стихами — и немного — моим творчеством; но денег никаких не будет{399}.

Вот этого я не умею «выбивать», даже пенсию зажуливают. Все мы под смертью ходим. <…>

20 дек<абря>.

Тр<етьего> дня пришло письмо от Алека, это дико, но это единственная вещь на свете, кот<орая> меня как-то поддерживает в жизни. <…>

Сейчас дни моего разрыва с Г<умилёвым> — это горе, горе моей жизни, крах моей жизни… Что я наделала? Или Юра был прав, вырывая меня, и тот не любил меня больше всего на свете, как говорил?

Господи! Я хочу умереть, я не могу одна, без помощи, — а вокруг друзья хуже врагов… Я не умею справиться! Я не умею жить!..

21 дек<абря>.

Да, идут печальные годовщины моей жизни. <…> Хочу ли я умереть? Скорей, хочу. Я не умею справиться даже с Юлей. И мое прошлое — сплошная вина. Нельзя быть радостью для всех. Я не королева. И мужчины хотят одного обладания. <…> А я хочу будущего. Будущее — на том свете. Простите меня, мои дорогие! Не проклинайте меня! Я не иду на кладбище, я не иду в церковь. Я ничего не могу! Сил нет! Таня Гаг. едет лечиться — Андрюша хочет от нее второго ребенка. Как я понимаю эти княжеские фанаберии. Ведь я глупая, несмотря на свой древний возраст! Господи!

30 дек<абря>.

Снов не помню. У Юли была громадная температура. Начались морозы. Вчера была Галя, все хлопотала: звонил Гриша. Я сег<одня> позвонила на обе мои службы и похвастала Третьяковкой. Скорее для них, чем для себя. <…>

Вероятно, надо искупать какие-то грехи? «Исполнение давних желаний». Какие это желания в жизни? Ахматова назвала старческую любовь — «похотью». Какое мерзкое слово! Лёва{400}

сердился на мать за то, что она подписала какое-то любовное стихотворение тем числом, когда его, Лёву, сажали снова в тюрьму. Да, матери похожи на Гертруду из Гамлета! Кто из дам Г<умилёва> вел себя всего достойнее? Куда делась Елена? Все — рекламистки! А что меня лично так связало с этим человеком?.. Ощущение счастья — каких-то вершин — один взлет фейерверка — а потом — только довольно прочное чувство того, что надо (при всех недостатках времени). Но я не могу себе представить вечности с отсутствием этого человека!..

Юрочка мой, я в *жизни* вам-то была верна. Все превозмогла ради Вас. Простите мне мою память о Г<умилёве> и… мои устремления к счастью. Это — грех?

Читаю англ<ийскую> книгу. Такие образцовые рыцари — Ланселот и Тристрам — и грешные королевы — капризная Гвиневера и жестокая Изольда. <…>

19/10 <1978>. Четверг.

<…>

Сейчас по радио — Лицей Пушкина. Много вранья, но вызывает слезы. <…>

Все что-то хотят от меня, а мне «ни к чему». Я могу дельное только дать рисунками. Это — я. А всё другое? Бесплатное обслуживание желаний других. Даже обидно!

По радио тут было чудно о Ронсаре. И музыка великолепная <нрзб>. А о Ронсаре — мой первый диалог на улице с Гумилёвым… <…>

Лучше обстругать все прошлое, сохранить как можно меньше — главное. Вот так поступила Ахматова — и в жизни и в стихах — это выгодно для славы и для памяти…

Но меня жизнь растаскивала во все стороны, и теперь так трудно одной.

Приложение
Стихи из альбома Гильдебрандт-Арбениной

Альбом О. Н. Гильдебрандт-Арбениной в настоящее время хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме. В эту подборку включены избранные стихи, автографы которых находятся в этом альбоме, — в том числе все, тематически связанные с творчеством О. Гильдебрандт. Тексты подготовлены к публикации А. Дмитренко и Н. Плунгян.

Михаил Кузмин
«Сколько лет тебе, скажи, Психея?..»

О. Н. Арбениной-Гильдебрандт

Сколько лет тебе, скажи, Психея?
Псюхэ милая, зачем считать?
Всё равно ты будешь, молодея,
В золотые рощи прилетать.

В этих рощах воздух не прозрачный,
Испарений и туманов полн,
И заливы спят под тучей мрачной
В неподвижности тяжелых волн.

Там пустые, темные квартиры,
Где мерцает беловатый пол,
Или ночи северной Пальмиры,
Иль невиданный, пустынный мол.

У заборов девочки-подружки
Ожидают, выстроившись в ряд,
Или смотрят, позабыв игрушки,
На чужой и недоступный сад.

Там играют в сумерках Шопена.
Тот, кого зовут, еще в мечтах,
Но соперничество и измена
Уж видны в приподнятых глазах.

Там по царским дням в парадной ложе
Восседает Смольный институт,
А со сцены, на туман похожи,
Лебеди волшебные плывут.

Но, сквозь пар и сумрак розовея,
Золотая роща нам видна,
И пути к ней, юная Психея,
Знаешь, молодея, ты одна.

11 января 1930

Бенедикт Лившиц
«Что это: заумная Флорида?..»

О. Н. Арбениной-Гильдебрандт

Что это: заумная Флорида?
Сон, приснившийся Анри Руссо? —
Край, куда ведет нас, вместо гида,
Девочка, катящая серсо.

Слишком зыбок профиль пальмы тонкой,
Розоватый воздух слишком тих,
Слишком хрупки эти квартеронки,
Чтобы мы могли поверить в них.

На каком земном меридиане,
Под какой земною широтой
Есть такая легкость очертаний
И такой немыслимый покой?

Знаю, знаю: с каждым днем возможней
Видимого мира передел,
Если контрабанды на таможне
Сам Руссо и тот не разглядел!

Если обруч девочки, с разгона
Выскользнув за грань заумных Анд,
Новым спектром вспыхнул беззаконно
В живописи Ольги Гильдебрандт!

12. XII.1931

О. И. Арбенина — Гильдебрандту

Что это: задумчивый ребенок?
Сон, пригрезившийся Вере Фуше? —
Край, куда ведет шоссе, синеет гора,
Девочка, катящая серсо...

Слишком ярок профиль нежный тонкий,
Розоватый воздух слишком тих,
Слишком кружева на кварцевом песке,
Чтоб нам сказки говорили о них.

Не какая земная печаль,
Не какой земной недуг
Ей такие метнет на плечи
И такой нежности холст?

Знаю, знаю: с каждым днем возможней
Видимых мира перемен,
Чем ближайшая из них
Сон Фуше и твой не разгонит!

Если образ девочки, с фасона
Англезовых 90-х годов,
Новая смешная вещица
В твоем Ольге Гильдебрандт!

Вячеслав Иванов

12. XII. 1931.

Эрих Голлербах
«Мазок широкий и небрежный…»

О. И. Арбениной-Гильдебрандт

Мазок широкий и небрежный,
Неторопливо-прихотлив,
Грядою гравия прибрежной
Обвел лазоревый залив.

Недоговаривая чаще,
Чем намекая на деталь,
Он сумраком окутал чащи
И нежно отуманил даль.

Потом в углу пустой гостиной
Фигуры тушью проложив,
Промчал по клавишам старинный
Обворожительный мотив.

С ним вместе возникают сразу,
Подобно звукам в тишине,
Свечей огнистые топазы
В лучистом шубертовском сне.

И снова отплываем в даль мы,
В тот край, куда дороги нет,
Где яхты, кактусы и пальмы
Фатально просятся в сонет.

Как легок он и как прозрачен,
В лорнет увиденный мирок!
Как незаметно труд затрачен
На увлекательный урок!..

Мелькают дамы, гейши, дети
В колористическом бреду —
То на бульваре, то в балете,
То в будуаре, то в саду.

Они безмолвны и безлики,
Но их слепой, упорный взгляд —

Как цепкий стебель повилики,
Как белладонны сладкий яд.

Чуть угловатые движенья
Прямых и тонких рук и ног
Таят невинное томленье
И неопознанный порок.

Такого зыбкого каприза,
Таких отроковичьих сцен
Нет ни у Константина Гиза,
Ни у Марии Лорансен.

Возможно ли найти названье
Благословенному вину,
Влекущему воспоминанья
От Альтенберга к Кузмину?

…В осеннем парке ждет карета.
Ждут в море ветра паруса.
Ждет сердце вещее привета
И жадно верит в чудеса.

В плену расплывчатых заметок
Я без конца глядеть готов
На кроткий мир марионеток
И экзотических садов. —

Весь этот край обетованный,
Куда *Вожатый* нас ведет,
Возник не в тот ли час туманный,
Когда *Форель разбила лёд*?

16 окт. 40 г.

Рюрик Ивнев
«Под золотым и синим сводом…»

Под золотым и синим сводом,
Как будто силясь жизнь отнять,
Огни большого парохода
Глядели долго на меня.

Я отвечал им долгим взглядом
Волненья, горя не тая,
И плыли мы как будто рядом,
Хоть плыли в разные края.

И словно волн и звезд движенье,
Никто не мог остановить
Боль настоящего мгновенья
И горечь будущей любви.

9 дек. 1932 г.

Алексей Шадрин
«Писать без умолку…»

Писать без умолку,
Писать взасос,
Писать, как если б не было начала
Ни в жизни, ни в стихе.
Так с первых дней,
Так с первых строк,
Очнувшись под рекою,
Зеркальным осмосом вникаешь в связи
Вещей, и сумерек, и гулкого вопроса,
И радости бездумного руля.

6 апр. 1937 г.

Владимир Эльснер
Закат на море

Словно куски заката,
Или фрагменты плаката —
Алые паруса.
У борта фрегата —
Синяя полоса.
Сонный день вечереет,
Чайка последняя реет.
Солнца следы,
Как обломки слюды,
То широ́ки, то дробны
Грани неба в дымном огне…
И о́тсветам подобны
На твоем полотне.

Андрей Егунов
На один из моментов живописи Ольги Гильдебранд

Остановилась умная Анюта
Среди лилового пустынного уюта.
А на стене белесоватый след
Вещает: тетей много, мамы нет.
Ее уста по-взрослому твердят
Забытых поздравлений ряд,
Но панталончики висят
Благовоспитанно-уныло,
Как парусов далеких тлен
Над этой местностию милой.

И незаполнено лицо Анюты,
Через него чредой безликой,
С прелестной тайною, по-своему великой,
Века проходят и минуты.

3.1.1933

Иллюстрации

Ольга Гильдебрандт — гимназистка. 1910-е гг.

Сестры Ольга и Мария Гильдебрандт с кормилицей. 1900-е гг.

Справа налево: М. Саламатина (сестра О. Гильдебрандт), ее

дочь Т. Саламатина, О. Гильдебрандт; выше: сестра мужа М. Саламатиной. Николаев. Август 1929 г.

Леонид Каннегисер. 1916

Дом, где жила семья Каннегисеров. Санкт-Петербург, Саперный пер., 10. Современное фото

Анна Энгельгардт с братьями Александром и Николаем. Около 1915 г.

Рюрик Ивнев, Владимир Чернявский, Сергей Есенин. Петроград. Март 1915 г.

Анна Энгельгардт (Гумилёва). 1920-е гг.

Николай Гумилёв. 1921. Фото М. Наппельбаума

Ольга Гильдебрандт. Начало 1920-х гг. Фото М. Наппельбаума

Ольга Гильдебрандт. 1922. Фото М. Наппельбаума

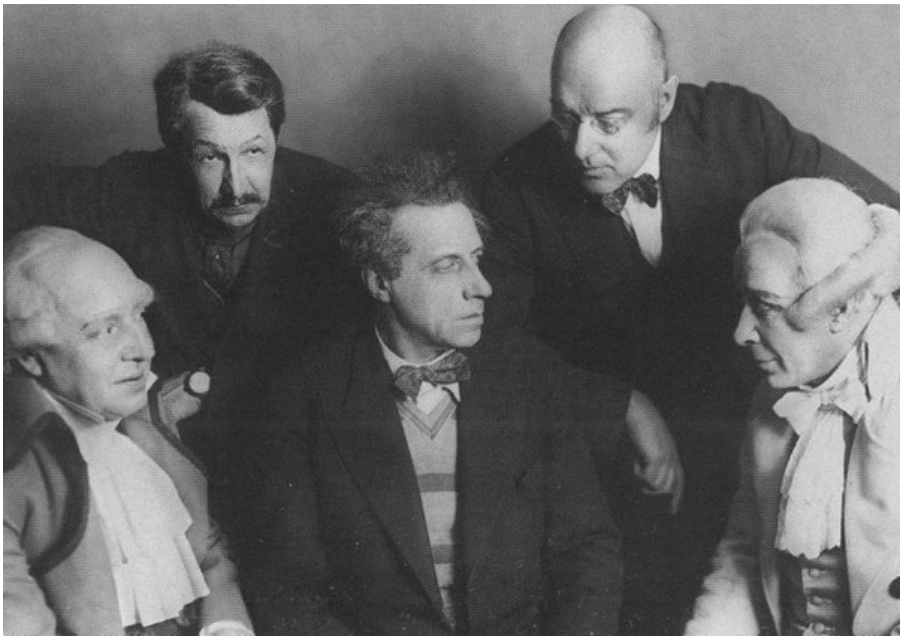
Осип Мандельштам. 1929. Фото М. Наппельбаума

Юрий Юркун. Около 1914 г.

Ольга Глебова-Судейкина. 1910-е гг.

Всеволод Князев. Начало 1910-х гг.

Ирина Одоевцева. Начало 1920-х гг.



Всеволод Мейерхольд (в центре) с актерами Александринского театра (второй слева — искусствовед Левкий Жевержеев). Петроград. Начало 1920-х гг.

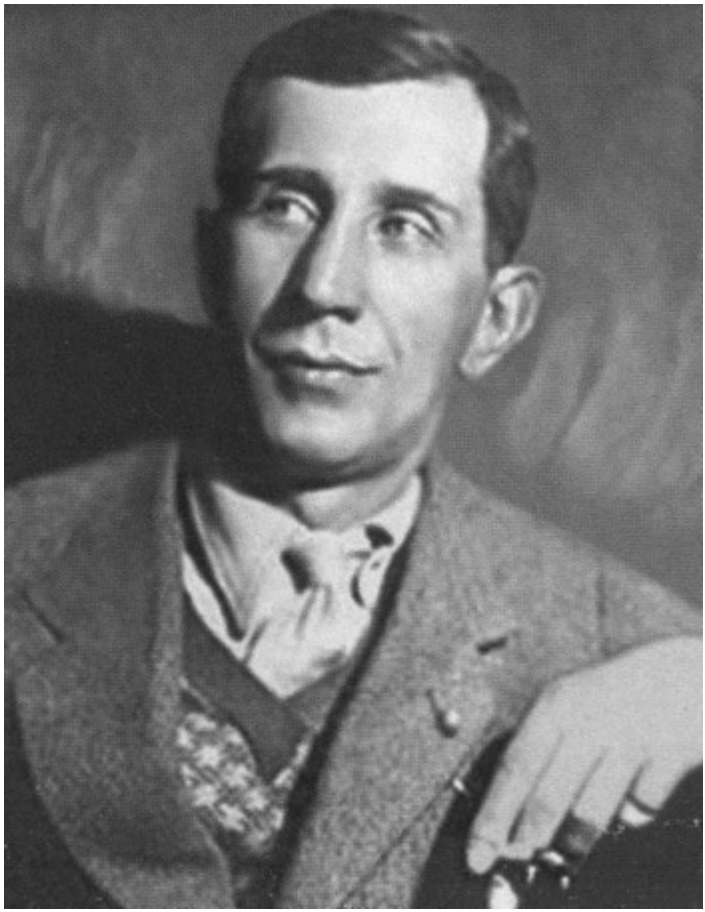
Александр Блок. Последний портрет. 1921. Фото М. Наппельбаума

Андрей Гоголицын. 1930-е гг.

Похороны Александра Блока на Смоленском кладбище. Петроград. 10 августа 1921 г.

Юрий Юркун. Портрет работы С. Судейкина. 1910-е гг.

Эрих Голлербах. 1910-е гг. Фото для публикации предоставлено Е. А. Голлербахом

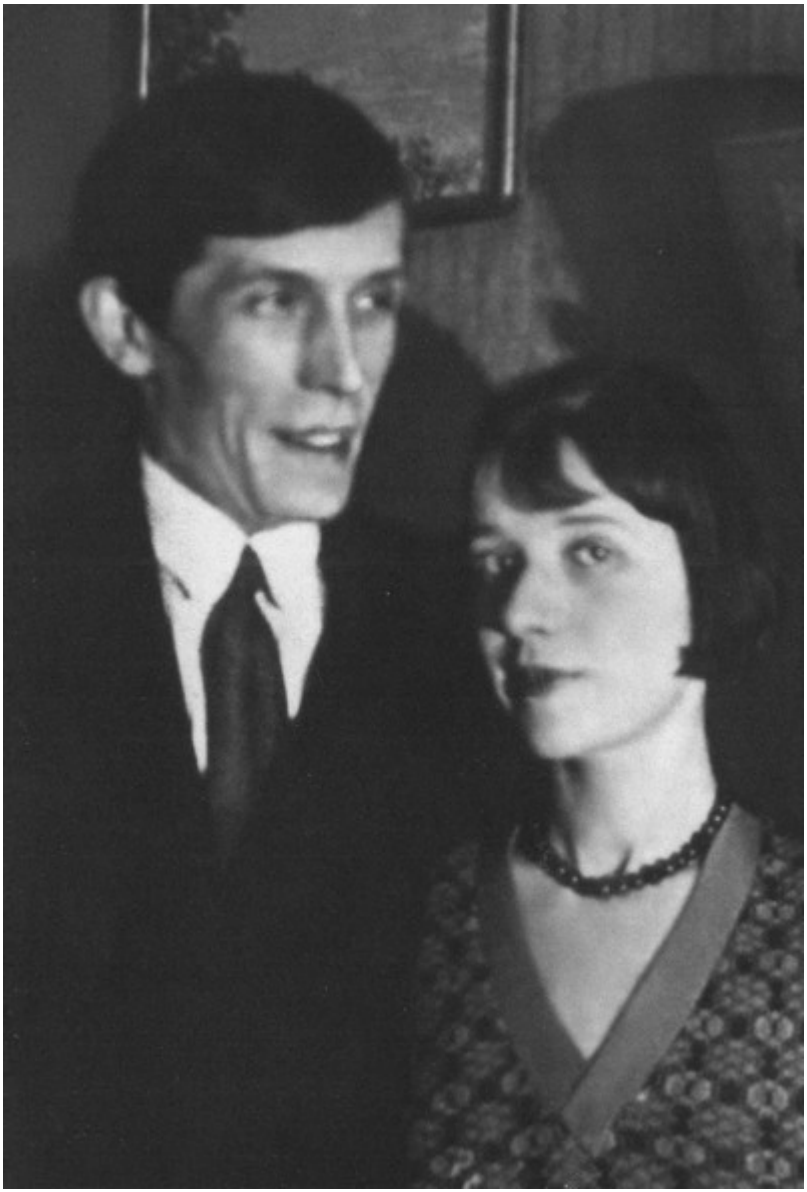


Юрий Бахрушин. 1920-е гг. Фото М. Наппельбаума

Михаил Кузмин и Юрий Юркун. Середина 1910-х гг.

Юрий Юркун рисует. В квартире на улице Рылеева, д. 17/19.Около 1930 г. Ленинград

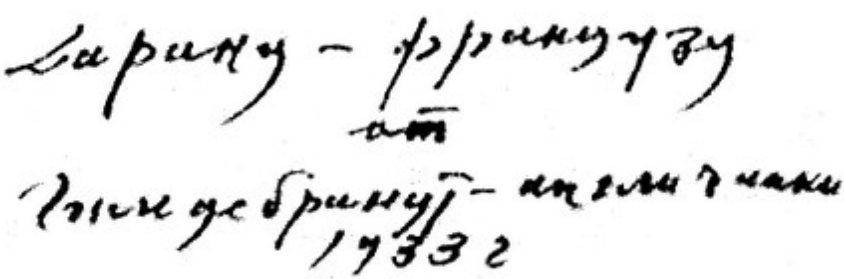
Слева направо: Е. Кршижановская, О. Гильдебрандт, А. Савинов, Н. Васильева (?), Т. Саламатина, Ю. Юркун, А. Гоголицын, К. Козьмин, М. Кузмин, Е. Чернова, П. Богданова-Бельская (?), Г. Панова. Ленинград. 8 декабря 1933 г. Фото Ю. Бахрушина. Из архива Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме



Юрий Юркун и Ольга Гильдебрандт. 1930-е гг. Фрагмент фото

Ольга Гильдебрандт. Начало 1930-х гг.

Даниил Даран. 1930-е гг.



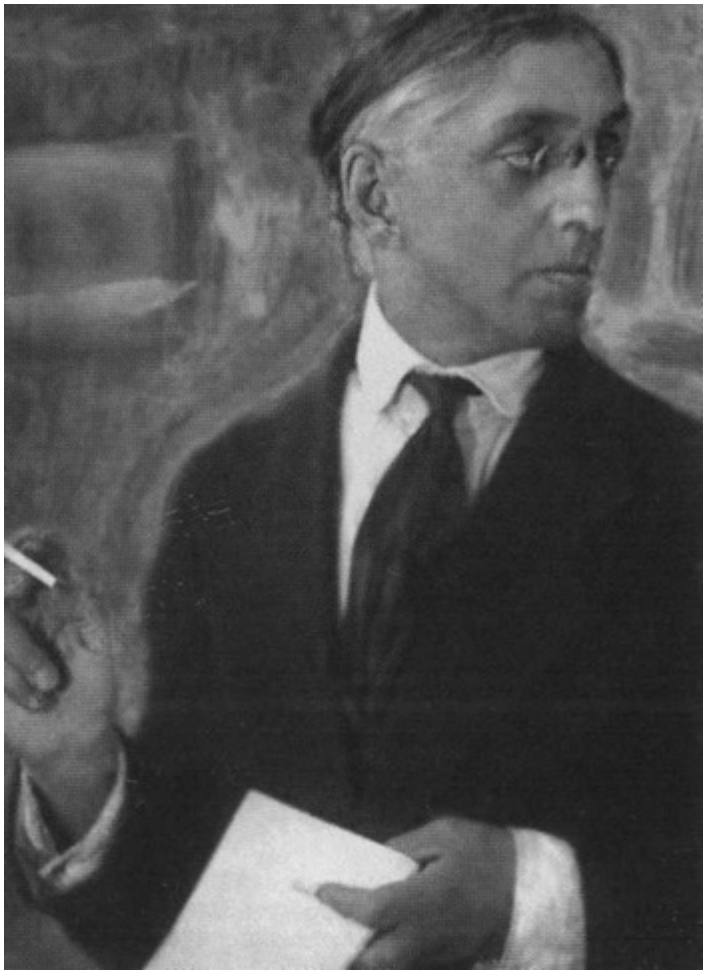
Дарственная надпись О. Гильдебрандт Д. Дарану на акварели 1933 года. Собрание В. Г. Иванюка (Москва)

На открытии первой выставки группы «13». Москва. Февраль 1929 г.

Ольга Гильдебрандт. 1930-е гг.

Юрий Юркун, Владимир Милашевский и Ольга Гильдебрандт в Новогирееве под Москвой. Весна 1937 г.

Дмитрий Митрохин. 1933



Михаил Кузмин. 1924. Фото М. Наппельбаума

Юрий Юркун у Крестового моста в Китайской деревне. Детское Село. 1934. Дарственная надпись: «Эриху Федоровичу Голлербаху от новоиспеченного царскосела. 1935 г. Январь. Юр. Юркун». Фото предоставлено для публикации Е. А. Голлербахом

ФОТОГРАФИИ НЕСОХРАНИВШИХСЯ РАБОТ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ ГИЛЬДЕБРАНДТ 1920–1930-х годов.

Из собрания Рюрика Борисовича Попова (Санкт-Петербург)

У окна. 1920-е гг. Фанера, масло

Мавританский пейзаж. 1920-е гг. Фанера, масло

Девочки на берегу моря. 1920-е гг. Фанера, масло

Слева направо: М. Кузмин, Ф. Наппельбаум, О. Грудцова (Наппельбаум), С. Спасский, С. Спасская-Каплун, выше — Каплун (ее племянник), Ю. Юркун, О. Гильдебрандт. Ленинград. Конец 1920-х гг. Фото М. Наппельбаума

Екатерина Лившиц (жена Б. Лившица). 1928. Фото М. Наппельбаума

Дом купца Елисеева. В 1919 году в нем разместился Дом искусств. Петербург. Фото 1910-х гг.

Анна Радлова. 1920-е гг. Фото М. Наппельбаума

Празднование 20-летия литературной деятельности Михаила Кузмина. В центре: А. Радлова, М. Кузмин, В. Рождественский; выше А. Ахматова, справа от нее М. Лозинский; на ковре второй справа А. Введенский, третий — Ю. Юркун, Ленинград. 11 октября 1925 г. Фото М. Наппельбаума

Костел Святой Екатерины на Невском проспекте. В левой арке костела находилась комната О. Гильдебрандт в 1950–1970-е годы. Современное фото

Ольга Гильдебрандт (в центре), Юлия Полаймо (справа). Около 1960 г.

Комната Ольги Гильдебрандт в левой арке костела Святой Екатерины (Невский пр., 32/35, кв. 108). На стене виден театральный эскиз С. Вирсаладзе. Фото 1970-х гг.

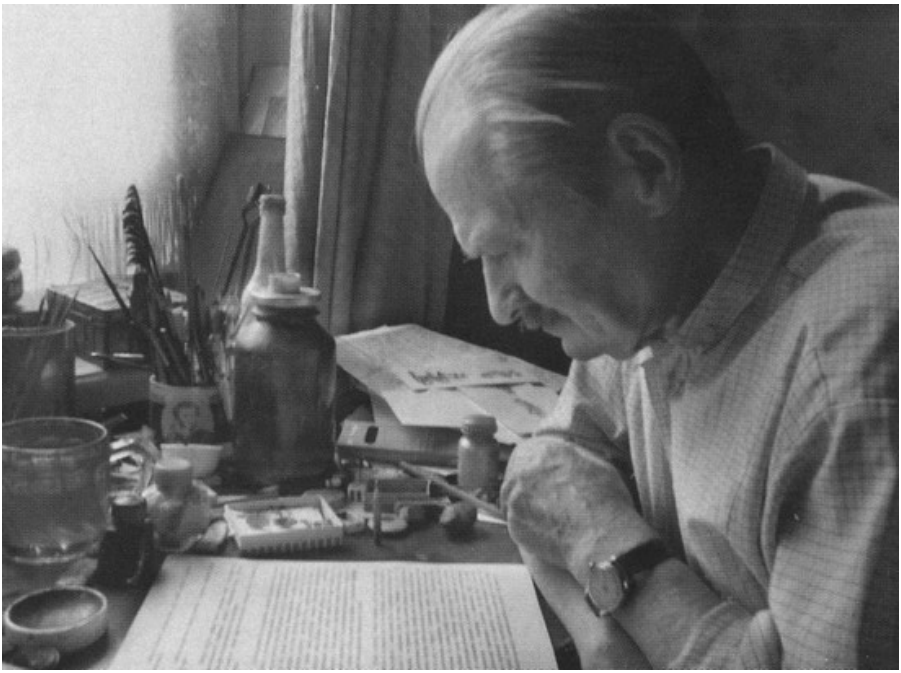
Ольга Гильдебрандт. 1950-е гг.

Николай Кузьмин и Татьяна Маврина в Абрамцеве.1963

О. Н. Гильдебрандт. Одалиска. 1932. Бумага, акварель. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

О. Н. Гильдебрандт. Крестовский остров. 27 июня 1932 г. Бумага, акварель. Собрание А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург)

Ольга Гильдебрандт на даче в Юкках под Ленинградом. 1970-е гг.



Рюрик Попов. Санкт-Петербург. 2006. Фото Н. Плунгян

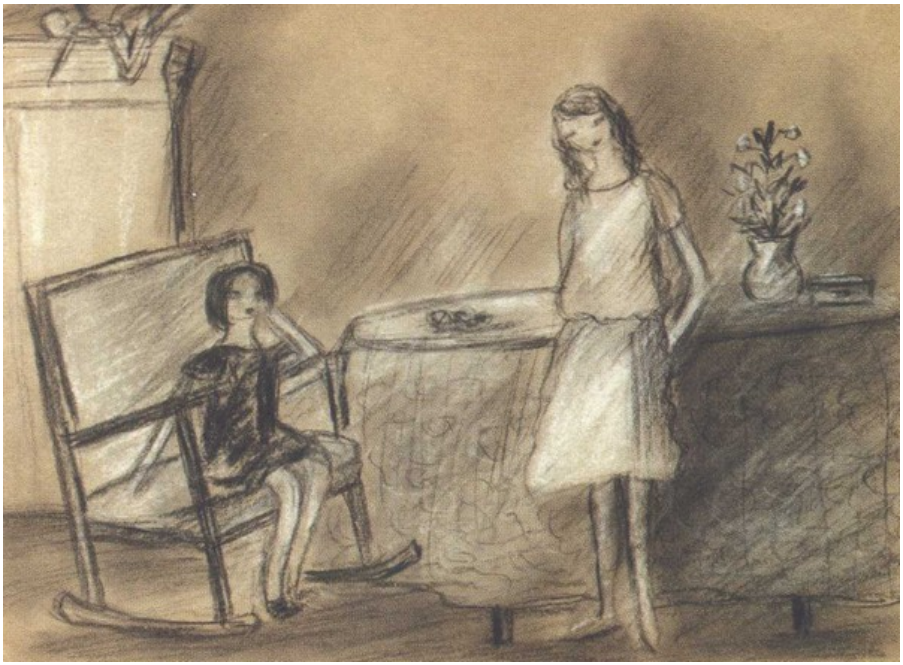
О. Н. Гильдебрандт. Девочка с кошкой. 1928. Фанера, масло. Надпись на обороте: «7 апреля 1928. Юрочке, чтоб не сердился. Оля. 1935 г., 22 октября». Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

О. Н. Гильдебрандт. Прогулка. 1935. Бумага, акварель. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

О. Н. Гильдебрандт. Каир. Бумага, акварель. 1930-е гг. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

О. Н. Гильдебрандт. Девочка в саду. 1930-е гг. Бумага, тушь, акварель. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

О. Н. Гильдебрандт. Девочка в черной шляпе. 1928–1929. Фанера, масло. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)



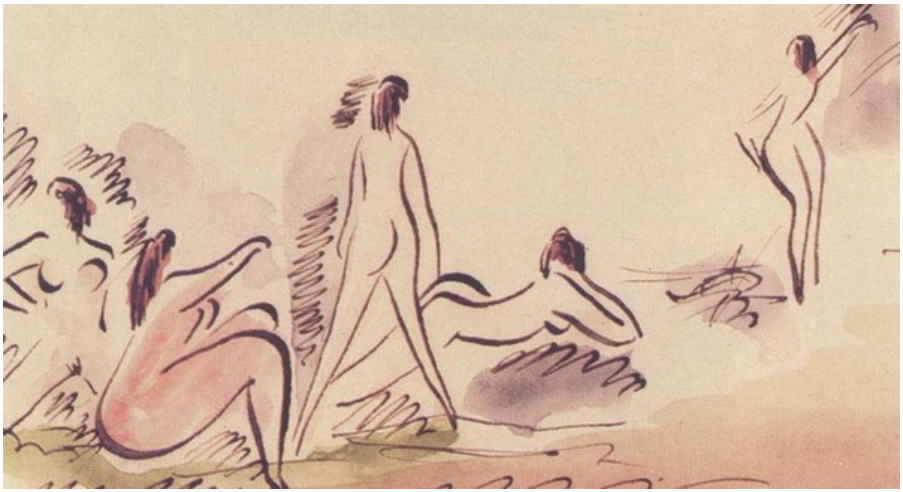
О. Н. Гильдебрандт. Сестры. 1930-е гг. Бумага, уголь, мел. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

О. И. Гильдебрандт. Сцена в таверне. 1920-е гг. Фанера,

масло. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме

О. Н. Гильдебрандт. Портрет Юрия Юркуна. Бумага, карандаш, акварель. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме

Ю. И. Юркун. Портрет Ольги Гильдебрандт. Бумага, акварель, тушь, карандаш. 1930-е гг. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме



Ю. И. Юркун. Пляж. Фрагмент. Бумага, акварель, тушь. 1930-е гг. Собрание А. В. Петрова (Москва)

Ю. И. Юркун. Ольга Гильдебрандт на прогулке с собакой Файкой. Бумага, акварель, тушь. 1930-е гг. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

О. Н. Гильдебрандт. Дамы в кринолинах. 1933. Бумага, акварель. Работа была подарена автором Д. Б. Дарану. На полях надпись: «Дарану-французу от Гильдебрандт-англичанки. 1933 г.». Собрание В. Г. Иванюка (Москва)

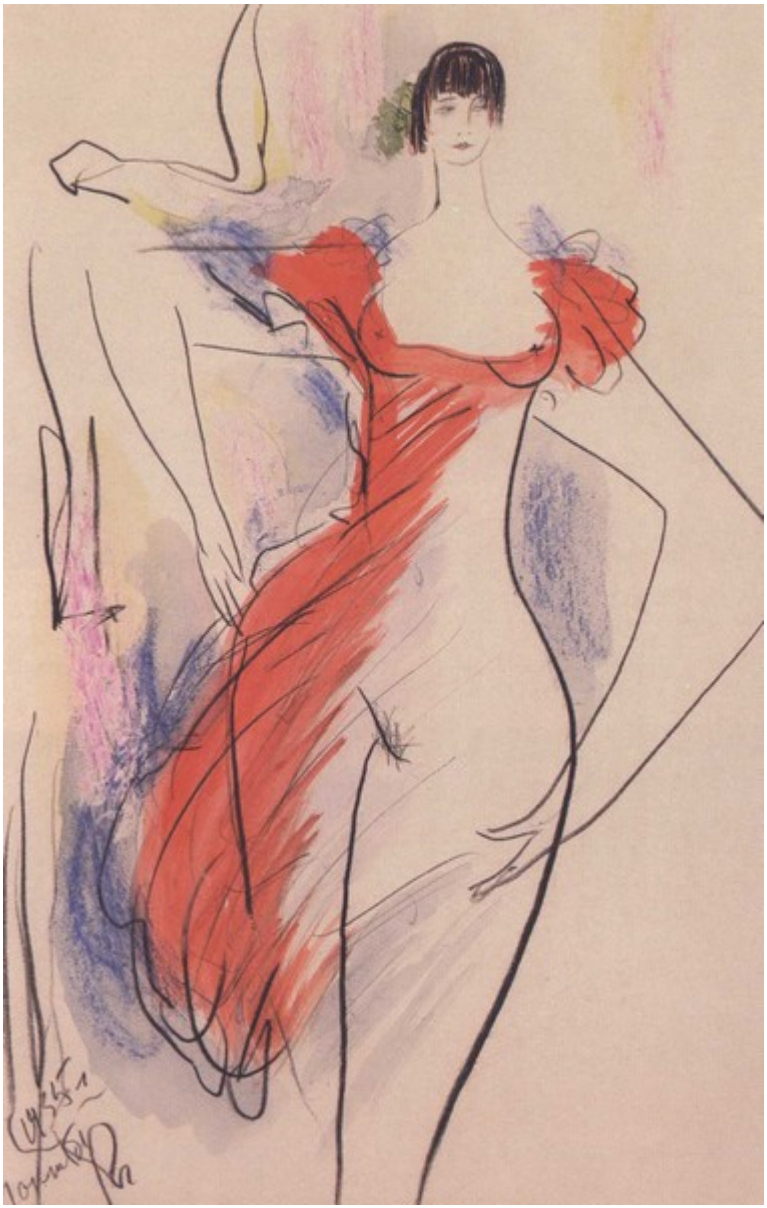
О. Н. Гильдебрандт. Дом у озера. 1950–1960-е гг. Бумага, тушь, акварель. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

О. Н. Гильдебрандт. Девушка у стены. Август 1949 г. Бумага, акварель. Собрание А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург)

О. Н. Гильдебрандт. Матрос на прогулке. Фотоснимок акварели 1930 г., раскрашенный автором 8 июля 1951 г. Собрание А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург). Акварель 1930 года — в Государственном Русском музее

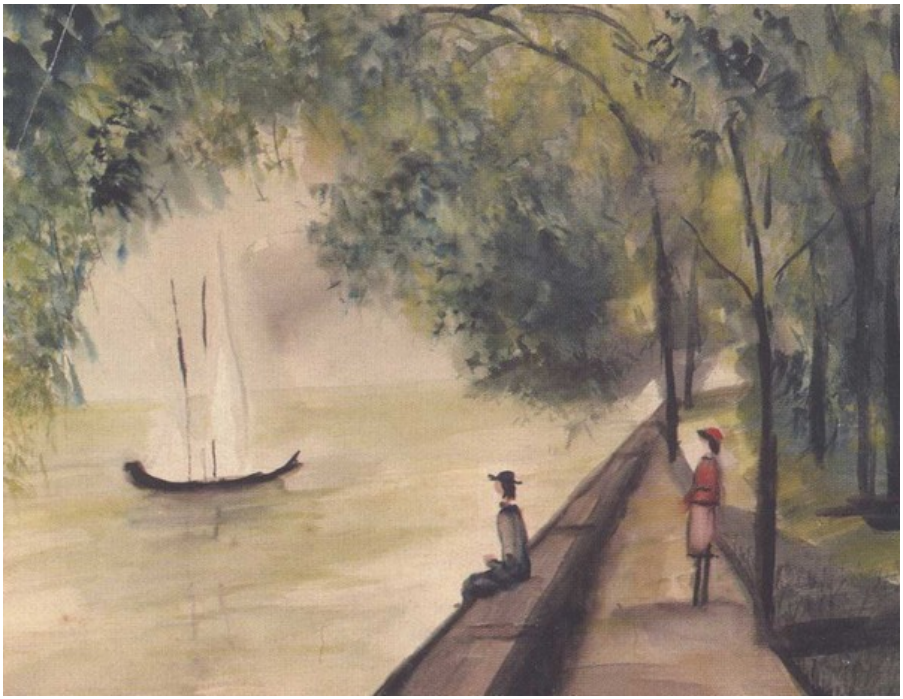
Ю. И. Юркун. Сценка в парке (дамы с зонтами). 1930-е гг. Бумага, акварель, карандаш, тушь. Собрание А. В. Петрова (Москва)

Ю. И. Юркун. Две дамы в кринолинах. 1934. Бумага, акварель, карандаш, тушь. Собрание А. В. Петрова (Москва)



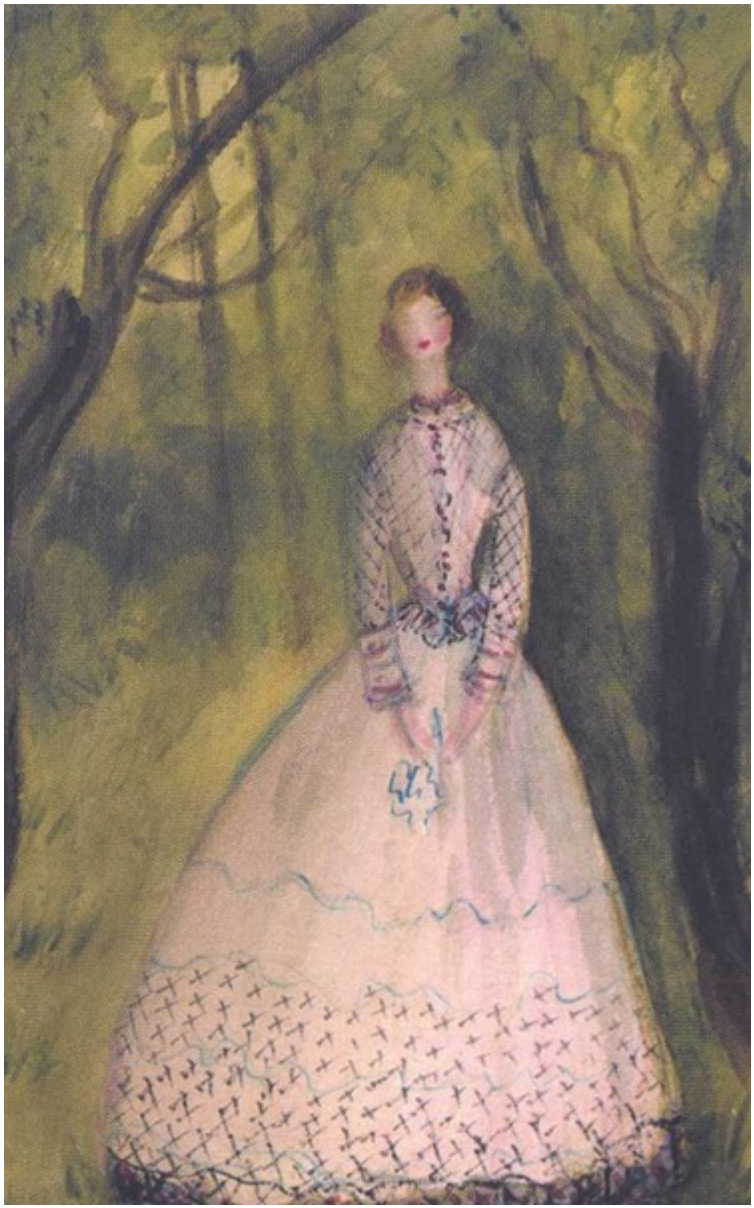
Ю. И. Юркун. Ольга Гильдебрандт. 4 октября 1935 г. Бумага, акварель, карандаш, тушь. Собрание А. В. Петрова (Москва)

О. Н. Гильдебрандт. На островах. 17 августа 1930 г. Бумага, акварель, карандаш, тушь. Собрание А. В. Петрова (Москва)



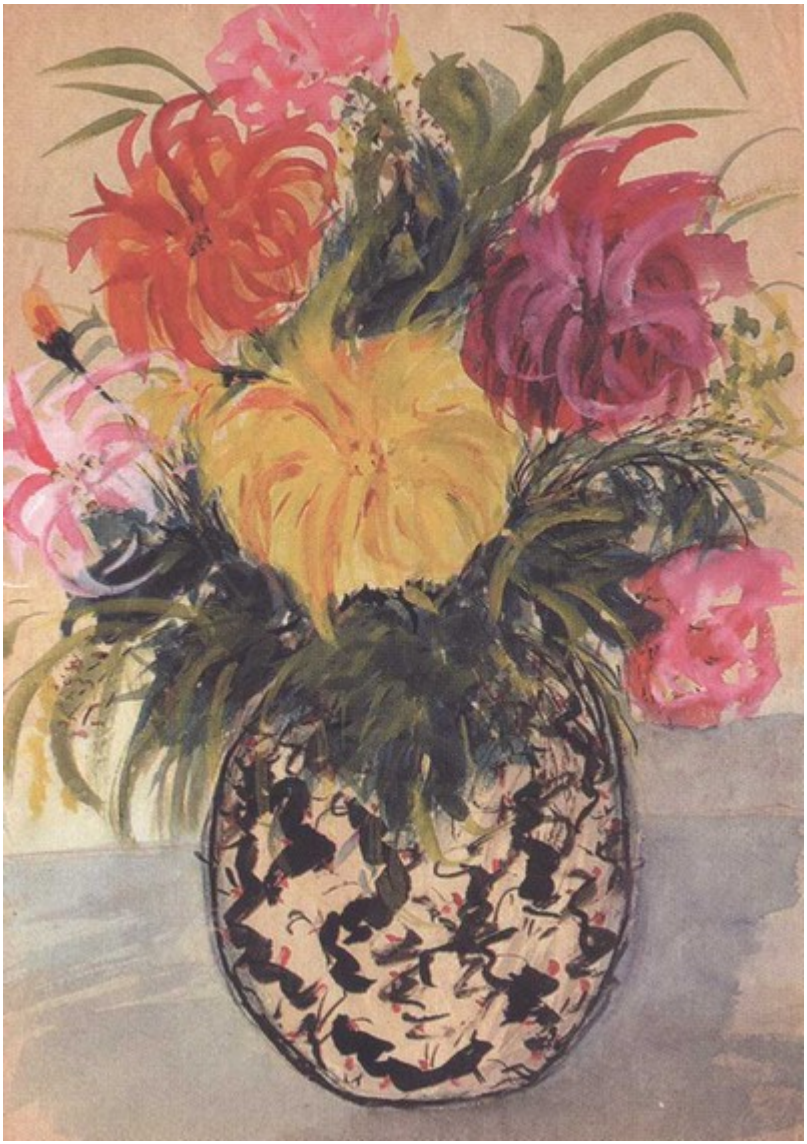
О. Н. Гильдебрандт. На набережной. 1932. Бумага, акварель. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

О. Н. Гильдебрандт. Пейзаж с деревьями. 1950–1960-е гг. Бумага, акварель. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)



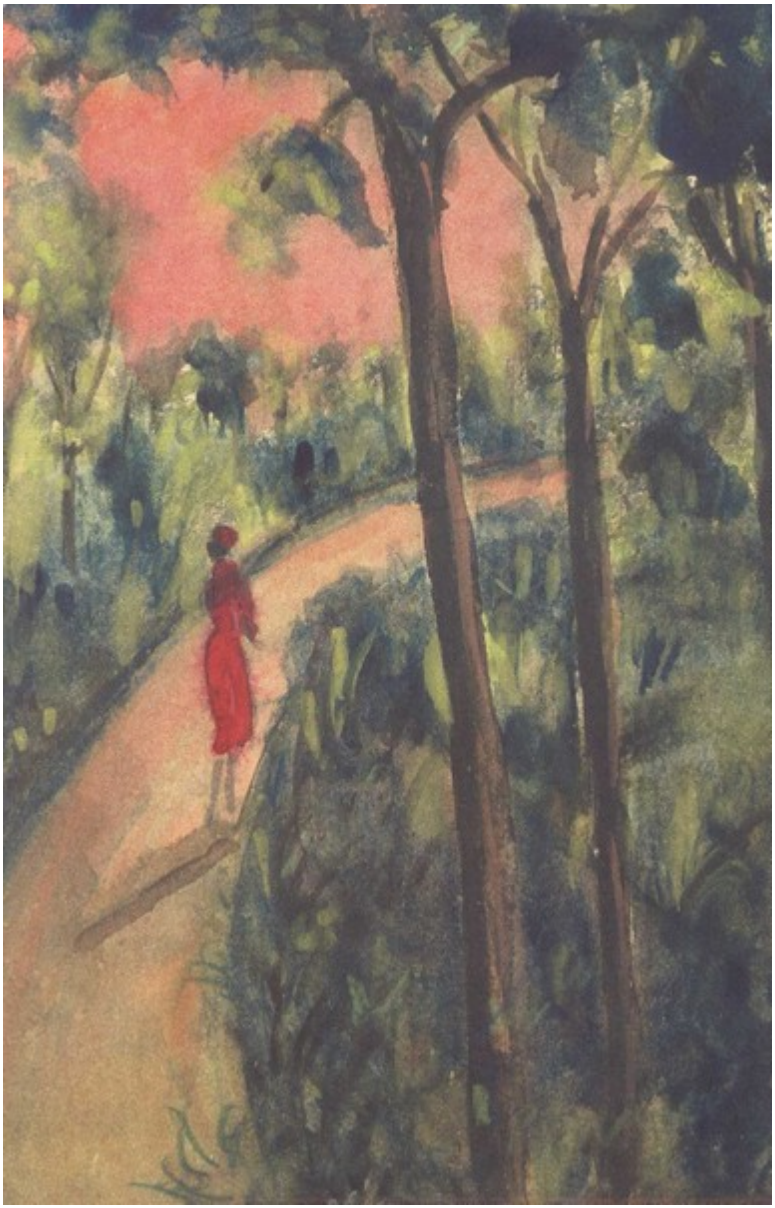
О. Н. Гильдебрандт. Девушка в парке. 1 февраля 1957 г. Бумага, акварель. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

О. Н. Гильдебрандт. В бамбуковом лесу. 22 февраля 1957 г. Бумага, акварель. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)



О. Н. Гильдебрандт. Букет. 1960-е гг. Бумага, акварель. Этот лист долгое время висел на двери в комнате автора. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

О. Н. Гильдебрандт. Африканская хижина. Август 1928 г. Фанера, масло. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)



О. Н. Гильдебрандт. Дорога. 1957. Бумага, акварель. Собрание Р. Б. Попова (Санкт-Петербург)

Комментарии

Авторы примечаний указаны в конце каждого раздела.

В примечаниях приняты сокращения:

Дело Юркуна — Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело № П—31 221 (Ю. И. Юркун).

Кофейня — Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама / Публ. Т. Л. Никольской, Р. Д. Тименчика, А. Г. Меца. Stanford, 1997 (Stanford Slavic Studies. Vol. 12).

НБП — Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб., 1995 (Новая библиотека поэта).

РГИА СПб. — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

ЦГА СПб. — Центральный государственный архив (Санкт-Петербург).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Санкт-Петербург), ф. 436, оп. 1.

Часть I

Немного о себе

Впервые — Художники группы «Тринадцать»: (Из истории художественной жизни 1920–1930-х гг.) / Сост., вступ. статья М. А. Немировской. М., 1986. С. 152–153. Печатается по тексту этой публикации. Первый из представленных текстов — фрагмент из письма к М. А. Немировской, второй — был написан вскоре по ее просьбе специально для указанного сборника «Художники группы „Тринадцать“». Именно второй текст имеет авторский заголовок «Немного о себе». В настоящем издании под этим заголовком объединены оба текста.

А. Дмитренко

Мама. Папа. Лина Ивановна

Публикуется впервые по автографу — *ЦГАЛИ,* ед. хр. 28. Текст подготовлен к печати Н. Плунгян.

Н. Плунгян

Воспоминание о белизне (Д. Митрохин)

Впервые — Книга о Митрохине: Статьи. Письма. Воспоминания / Сост. Л. В. Чага. Л., 1986. С. 378–381 (под названием «Воспоминания о белизне»). Печ. по машинописи из собрания Р. Б. Попова.

Это первый опубликованный мемуарный текст О. Н. Гильдебрандт-Арбениной. На машинописи, по которой осуществляется публикация, имеется рукописное примечание Р. Б. Попова: «Название придумано не Ольгой Ник<олаевной>, и, хотя не очень ей нравилось, она его оставила. Придумал Харджиев». Сохранился отзыв искусствоведа А. Н. Савинова, познакомившегося с воспоминаниями в рукописи: «…прочитал то, что Вы написали о Дмитрии Исидоровиче. Это — очень хорошо, очень душевно, и, кроме того, в этих двух страничках так чувствуется Ваша речь, Ваша личность, что точно слышишь Ваш голос» (из письма к О. Н. Гильдебрандт от 19 января 1976 г., архив Р. Б. Попова).

А. Дмитренко

«Тринадцать»

Фрагменты, посвященные отдельным художникам, были напечатаны в книге: Художники группы «Тринадцать»: (Из истории художественной жизни 1920–1930-х гг.)/Сост., вступ. статья М. А. Немировской. М., 1986. С. 161–162 (Даран), 171–172 (Кузьмин), 175 (Маврина), 183–184 (Милашевский), 191 (Рыбченков), 201–202 (Юркун). Полный текст печатается впервые по автографу из собрания Р. Б. Попова (Санкт-Петербург). Еще один экземпляр этого текста хранится в отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 200, № 285.

А. Дмитренко

Мейерхольд

Впервые опубликовано М. В. Толмачевым в его книге «Бутылка в море» (М., 2002. С. 164–168). Печатается по этой публикации. Согласно примечанию публикатора, текст подготовлен им по рукописи при жизни автора.

А. Дмитренко

Саперный, 10

Впервые — в составе публикации Г. А. Морева «Из истории русской литературы 1910-х годов: К биографии Леонида Каннегисера» (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 16. М.; СПб., 1994. С. 124–131). Текст подготовлен Г. А. Моревым по рукописи, хранящейся в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Для настоящей публикации комментарии были уточнены и дополнены. Их автор благодарит за помощь Е. В. Евдокимова, Б. И. Колоницкого, Р. Б. Попова, Р. Д. Тименчика и М. В. Толмачева.

Встреча с Леонидом Каннегисером — видимо, первое «литературное» знакомство О. Н. Гильдебрандт (из тех, о которых она оставила воспоминания) — произошла до ее знакомства с Н. С. Гумилёвым в 1916 году, О. Э. Мандельштамом, Ю. И. Юркуном и М. А. Кузминым в 1920 году. Сверстники, они встретились в 1914-м — через год после окончания Леонидом гимназии и поступления в Политехнический институт и в год поступления О. Н. Гильдебрандт на Женские педагогические курсы новых языков М. А. Лохвицкой-Скалон.

Сохранившийся дневник девятнадцатилетней Ольги

Гильдебрандт доносит до нас некоторые — впрочем, весьма скупые — подробности их отношений: «11 сентября, день <1916>. <…> А год тому назад, как раз, я вступила в „влюбленность“ с Лёней! Ах, и это — тогда яркое — померкло перед страстной лживостью его слов!»; «8 окт<ября 1916>. …Вот Сергей К<аннегисер> все еще влюблен в Мими. Его брат изменчивей. (Но что мне до его брата?)»; «17 окт<ября 1916>. Ел<ена> Арнольдовна видела третьего дня Лёню в трамвае. Он „облазил <?> весь город, чтоб достать бутылку шампанского“. „Облазил“. — (Какой-нибудь даме?) — Сказал: „Я так давно не видел Олечку А.!.. Что она?“ Сказал, что у меня слабый голос для сцены, — и что я хорошенькая» *(ЦГАЛИ,* ед. хр. 5, л. 7, 19 об., 21. Об упомянутых в записях С. И. Каннегисере, Мими Черновой и Е. А. Левенстерн см. ниже).

Через тридцать лет О. Н. Гильдебрандт вновь упомянет имя Каннегисера в дневниковой записи: «22 янв<аря 1946>. Неужели я несу гибель тем, кого я люблю, и кто меня любит? <…> Погибли Гумилёв и Лёня. Сошел с ума и умер Никс <Бальмонт>. <…> Погиб Мандельштам. <…> Я приношу несчастие, я, которой говорили, что я символ счастья и любви» *(ЦГАЛИ,* ед. хр. 11, л. 25 об. О Н. К. Бальмонте см. ниже). Эта запись, как и написанное вскоре трагическое письмо «на тот свет» Ю. И. Юркуну, о расстреле которого в 1938 году О. Н. Гильдебрандт долгое время не знала, надеясь на его спасение в десятилетнем заключении «без права переписки», объявленном в приговоре, — отразили всю глубину постигшей ее человеческой трагедии, когда казалось, что «жизнь ушла… Кончилась… больше (в реальной жизни?!) ничего не будет… Только смерть <…>» (запись от 11 февраля 1946 года; там же, л. 31 об.).

Обращение к прошлому, к годам молодости, освященным памятью о Н. Гумилёве, Л. Каннегисере, М. Кузмине, Ю. Юркуне и многих других, в чьих судьбах О. Гильдебрандт, по ее собственным словам, «осталась тенью» (наст. изд.), постоянно в ее дневниках. Несмотря на непреходящее ощущение, что «вспоминать <…> прошлое очень печально», она утверждала, что «таинственного и запретного ничего нет» (наст. изд.) и в последние годы жизни, идя навстречу уговорам и расспросам друзей, стала записывать свои воспоминания.

Существенно уточняя наши сведения об окружении Л. Каннегисера и, в более общем плане, расширяя персоналии «людей 1910-х годов», воспоминания О. Н. Гильдебрандт (как это свойственно и другим ее мемуарным текстам, представленным в этой книге) отталкиваются от уже известных свидетельств. В

данном случае такой «основой» служит «Нездешний вечер» (1936) Марины Цветаевой.

Г. Морев

Гумилёв

Впервые опубликовано М. В. Толмачевым в кн.: Николай Гумилёв: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 428–465. Печатается по этой публикации. Рукопись хранится в *ЦГАЛИ*.

О. Н. Гильдебрандт посвящены стихотворения Н. С. Гумилёва «Телефон» (1916), «Ольга» (1920), «Сентиментальное путешествие» (1920). Сохранились также два письма к ней, опубликованные в кн.: *Гумилёв Н.* Неизданное и несобранное. Paris, 1986. С. 132; *Гумилёв Н.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 563–564.

Т. Никольская

Похороны Александра Блока

Впервые опубликовано Г. А. Моревым: Русская мысль. 1991. 9 августа. № 3891. С. 13. Печатается по этой публикации.

Г. Морев

О. А. Глебова-Судейкина

Впервые опубликовано М. В. Толмачевым в его книге «Бутылка в море» (М., 2002. С. 148–156). Печатается по этой публикации. Согласно примечанию публикатора, текст подготовлен по рукописи при жизни автора.

А. Дмитренко

О Мандельштаме

Впервые опубликовано А. Г. Мецом и Р. Д. Тименчиком в кн.: Тыняновский сборник. Шестые — Седьмые — Восьмые Тыняновские чтения. Вып. 10. М., 1998. С. 548–559. Печатается по автографу воспоминаний, который хранится у А. Г. Меца (Гатчина).

О. Э. Мандельштам в 1920 году был влюблен в

О. Н. Гильдебрандт-Арбенину и обратил к ней ряд стихотворений: «Когда Психея-жизнь спускается к теням…», «Я слово позабыл, что я хотел сказать…», «В Петербурге мы сойдемся снова…», «Чуть мерцает призрачная сцена…», «Возьми на радость из моих ладоней…», «За то, что я руки твои не сумел удержать…», «Мне жалко, что теперь зима…», «Я наравне с другими…», «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг…». Арбенина взаимностью не отвечала: то было время ее близких отношений с Н. С. Гумилёвым. В конце 1920 года она «ушла» от Гумилёва к Юрию Юркуну.

В воспоминаниях О. Н. Гильдебрандт-Арбениной о Н. С. Гумилёве (см. наст, изд.) ряд эпизодов совпадает с содержащимися в публикуемом тексте почти полностью; эти совпадения мы в примечаниях регистрируем не всюду. В примечаниях приводятся записи бесед с автором 1974 года (А. Г. Меца) и 1972 года (Р. Д. Тименчика). Записи 1972 года начинаются фразой: «С О. М. у меня „романа“ не было».

А. Мец, Р. Тименчик

М. А. Кузмин

Впервые — Лица. Биографический альманах. Вып. 1. СПб., 1992. Публ. и подгот. текста М. В. Толмачева. Коммент. Г. А. Морева. Текст воспоминаний и примечания печатаются по публикации Г. А. Морева в кн.: *Кузмин М.* Дневник 1934 года. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 148–155. Источником текста является копия, снятая М. В. Толмачевым в конце 1970-х годов с авторской рукописи.

Г. Морев

О Юрочке

Впервые — в составе книги: *Юркун Юр.* Дурная компания / Сост., подг. текста и коммент. П. В. Дмитриева и Г. А. Морева. СПб., 1995. Печатается по публикации в кн.: *Кузмин М.* Дневник 1934 года. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 157–167. Рукопись хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

А. Дмитренко, Г.Морев

Часть II

Письмо к Ю. И. Юркуну

Текст впервые опубликован Г. А. Моревым по автографу *(ЦГАЛИ,* ед. хр. 27) в сборнике «Михаил Кузмин и русская культура» (Л., 1990. С. 244–256). Печатается по изданию: *Кузмин М.* Дневник 1934 года. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 168–173.

Ко времени написания публикуемого письма Ю. И. Юркуна не было в живых почти восемь лет. Сообщенные в 1989 году Ленинградским управлением КГБ СССР данные впервые позволили документально восстановить обстоятельства его гибели:

> Юркун Осип (Юрий) Иванович, рождения 17 сентября 1895 года, уроженец бывш. Виленской губернии, Гелванской волости, дер. Седунцы, литовец, б/п, образование низшее, литератор, проживал в г. Ленинграде, ул. Рылеева, дом 17, кв. 9. Арестован 3 февраля 1938 года. По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20 сентября 1938 года «за участие в антисоветской право-троцкистской террористической и диверсионно-вредительской организации», якобы действовавшей среди писателей г. Ленинграда, был осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 21 сентября 1938 года. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 22 марта 1958 года Юркун О. И. по данному делу реабилитирован.

Материалы следственного дела Юркуна подтверждают эти данные.

Протокол закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР.

20 сентября[Здесь и далее курсивом передан рукописный и машинописный текст.] 1938 года. Город *Ленинград.*

Председательствующий — Армвоенюрист *Ульрих.*

Члены — Бригвоенюристы Алексеев и Колпаков.

Секретарь военный юрист 3 ранга *Юдин.*

Заседание открыто в 14 час. 45 мин.

Председательствующий объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению *Юркун<а> Осипа-Юрия Ивановича*

в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58–8 и 58–11.

Секретарь доложил, что *подсудимый* в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого и спрашивает его, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил *утвердительно.* Подсудимому разъяснены его права на суде и объявлен состав суда.

Подсудимый *никаких ходатайств не имеет и отвода составу суда не заявил.*

По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение.

Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что *виновным себя признает. Показания, данные им на предварительном следствии, подтвердил и пояснил, что в а/с право-троцкистскую организацию он был вовлечен в 1936 году ЛИВШИЦЕМ.*

Больше ничем судебное следствие подсудимый не дополнил, и оно было объявлено законченным.

Подсудимому предоставлено последнее слово, в котором он сказал, что просит суд судить его только за те преступления, которые он совершил.

Суд удалился на совещание, по возвращении с которого председательствующий огласил приговор.

В 15 ч. 00 м. заседание закрыто.

Председательствующий: Ульрих.

Секретарь: А. Юдин.

Приговор.

Именем Союза Советских Социалистических Республик выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР <…> рассмотрела дело по обвинению: *Юркун<а> Осип<а> (Юрий) Иванович<а>* <…> Предварительным и судебным следствием установлено, что *Юркун с 1936 г. являлся активным участником а/с право-троцкистской террористической и диверсионно-вредительской организации, действовавшей среди писателей г. Ленинграда, был организационно связан с одним из руководящих участников этой организации Лившиц<ем>, по заданию которого вербовал новых лиц, неоднократно присутствовал на нелегальных сборищах организации, на которых обсуждались вопросы борьбы с Советской властью и вырабатывались конкретные планы подготовки*

совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского Правительства.

Признавая Юркуна виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58–8 и 58–11 У. К. РСФСР, Военная коллегия <…> приговорила Юркуна Осипа (Юрия) Ивановича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества.

Приговор на основании постановления СНК СССР от 1/XIII—34 г. подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий: Ульрих.

Члены: Колпаков. Алексеев.

Справка. Секретно.

Приговор о расстреле Юркун<а> Осипа *(Юрия) Ивановича* приведен в исполнение в гор. Ленинграде 21/IX 1938 г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР том № 9, дело № 472.

Нач. 12 отд. 1 спецотдела НКВД СССР, лейтенант Госбезопасности

Шевелев.

(Дело Юркуна. Л. 72–74).

Похоронен Ю. И. Юркун, по-видимому, на Левашевской пустоши, вместе с другими расстрелянными в 1937–1938 годах узниками (см.: Русская литература. 1993. № 2. С. 218).

Днем исполнения приговора, 21 сентября 1938 года, начался для О. Н. Гильдебрандт, Е. К. Лившиц, Л. Д. Стенич-Большинцовой и А. И. Зоргенфрей — жен расстрелянных вместе с Юркуном Б. К. Лившица (арестован 25 октября 1937 года), В. О. Стенича (арестован 14 ноября 1937 года) и В. А. Зоргенфрея (арестован 4 января 1938 года) — отсчет «десяти лет заключения в дальних лагерях без права переписки» — срока, предусмотренного официально объявленным приговором (подробнее см. наш комментарий в кн.: *Кузмин М.* Дневник 1934 года. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 379–381).

Расстрел Юркуна, Лившица, Стенича и Зоргенфрея — звено в цепи «ленинградского писательского дела» 1937–1938 годов. Среди арестованных в конце 1937-го — начале 1938 года — ленинградские писатели Н. А. Заболоцкий, Ю. С. Берзин, Д. С. Выгодский, Г. О. Куклин и др. Все они обвинялись в участии в «контрреволюционной писательской организации».

После исполнения приговора родственникам было объявлено о «высылке» и была проведена конфискация имущества. В январе 1940 года Военная прокуратура Ленинграда «оставила без удовлетворения» жалобу О. Н. Гильдебрандт «о пересмотре дела в

отношении ее мужа Юркун<а> Осипа Ивановича». В годовщину гибели Юркуна, 21 сентября 1945 года, Гильдебрандт отмечает в дневнике: «Вчера было 7 лет, как не знаю о Юрочке точно, жив он или погиб» *(ЦГАЛИ,* ед. хр. 11, л. 8 об.).

Через полгода было написано публикуемое письмо.

Г. Морев

Из дневников (1945–1978)

Печатается впервые по автографу: *ЦГАЛИ,* ед. хр. 11–13, 18, 25. Текст подготовлен к публикации Н. Плунгян.

О. Гильдебрандт вела дневник почти без перерыва всю свою жизнь; к несчастью литературоведов, записи 1920–1930-х годов (где, должно быть, шла речь о М. Кузмине, Ю. Юркуне, О. Мандельштаме, Д. Хармсе и о знакомствах с ленинградскими и московскими художниками) целиком были утрачены во время блокады. Исключение — сохранившаяся тонкая тетрадь 1916 года, где сбивчиво изложены обстоятельства первого знакомства с Н. Гумилёвым и возникновения «треугольника» с участием его будущей жены Анны Энгельгардт *(ЦГАЛИ,* ед. хр. 5). Небольшая выдержка из этой действительно любопытной тетради опубликована в статье К. М. Азадовского и А. В. Лаврова (Анна Энгельгардт — жена Гумилёва // Николай Гумилёв: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 362–364).

Хранящиеся в *ЦГАЛИ* другие двадцать шесть тетрадей относятся к 1940–1978 годам. Реконструируя события более раннего времени, О. Гильдебрандт, не имея возможности свериться со своими старыми дневниками, часто писала о своем существовании как о «жизни после смерти».

Действительно, со времени ареста Ю. Юркуна начался один из самых тяжелых периодов ее жизни. Война, отъезд в Нижний Тагил вслед за сестрой, нищета и одиночество в чуждой среде; почти сразу — смерть матери и оставшейся в Ленинграде няни, Л. И. Тамм. Аресты и гибель, одного за другим, ленинградских друзей и знакомых. Наконец, постоянная — на протяжении почти восьми лет — тревога за судьбу Ю. Юркуна и мучительное ожидание известия о его смерти. Пропажа в блокадном Ленинграде большей части дневников, архива и коллекций Юркуна, живописных работ и рисунков Гильдебрандт стала для нее утратой последнего воспоминания о насыщенной событиями довоенной жизни, которая казалась уже невозвратимой. Что говорить о том, что к 1940 году она пережила почти всех «своих»

поэтов, а те, кто остался жив, были слишком далеко, и связь с ними совершенно прервалась.

В это, по ее словам, «далекое от живописи уральское бытие» единственным средством выплеснуть эмоции оставался дневник. Почти в каждой записи сквозит безнадежность военного существования, отчаяние от приближающейся старости, близость к самоубийству; и день за днем — бесконечное переосмысление прошлого, словно части чужой биографии. Эти записи способны сильно изменить отношение к О. Гильдебрандт как к легкомысленной красавице, которое иногда возникает после прочтения ее поздних мемуарных заметок.

Гнет горя и одиночества, казалось, делал невозможным творчество. И было бы некорректным оценивать этот дневник как литературное произведение, если бы он не включал, помимо описания житейских событий, совершенно автономную часть. Эта часть — записи снов.

Как будто бы и не самая значительная, даже немного наивная «девическая» привычка записывать сны постепенно разделяет существование на две равноправные части, пережитые одинаково остро. В снах — Гумилёв, Юркун, Радловы; иногда путешествия, ленинградские квартиры и знакомые пейзажи. В жизни — странные, непривычные, фантастические обстоятельства (голод, война, «проклятый Урал»). И напротив, убедительные и яркие картины сновидений уводят из унылой действительности в мечты, словно в сюжеты погибших довоенных «фанерок» и акварелей («Поезда, вечера, платформы… Разные времена года — как в музыкальных картинках. И он — мой любимый»… «Я была женой грузинского царя. Он меня любил и баловал. Огромная прямая боскетная аллея вела от дворца в бесконечность. Ежедневно по утрам искали змей в парке, чтобы я могла валяться на траве на любой лужайке»).

Записи снов не были специальной особенностью послевоенных дневников, они есть и в тетради 1916 года. Тем не менее, думается, что для Ольги Гильдебрандт они могли стать сознательным эстетическим принципом под влиянием длительного общения с М. Кузминым, который также всю жизнь вел дневник. Вел дневник и Ю. Юркун; по свидетельствам самого Кузмина и по отдельным воспоминаниям Гильдебрандт, эти дневники читали вслух, часто в присутствии друзей, и записям сновидений придавалось особое мистическое значение («М<ихаил> Ал<ексеевич> заплакал, когда я прочла ему записанный сон: и Всеволод Петров тоже»). Мистическое истолкование сна иногда становилось для Кузмина творческим импульсом. В этой связи характерна запись в его дневнике за

1926 год «страшного сна», послужившего основой «Второго вступления» к поэме «Форель разбивает лед» (см.: *Богомолов Н. А.* Вокруг «Форели» // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990). Вообще, мотив соотнесения сна и яви можно назвать одним из самых значимых для поэтов круга Кузмина, начиная от К. Вагинова и заканчивая А. Введенским и А. Шадриным. Смутные картины иллюзорного мира то вели в искусство, то отвлекали от его аполлонической строгости, открывая «путешествие в хаос».

Эта слитность физики и метафизики в сочетании со знаменитой «наивностью слога» Гильдебрандт создавала непрерывный мысленный диалог с поэтикой Кузмина. Однако, в отличие от Кузмина, Гильдебрандт в своих мемуарах была далека от идеи эстетизации повседневности. Также, в отличие от Ахматовой, она чувствовала себя неспособной «шлифовать» свои воспоминания.

Может быть, как раз поэтому Кузмин, восхищавшийся ее живописью, иронично относился к ее поэтическим экспериментам: «…будто пятилетняя писала. Смешно, но даже не оскорбительно» (*Кузмин М.* Дневник 1921 года / Публ. Н. А. Богомолова, С. В. Шумихина // Минувшее: исторический альманах. Вып. 12. С. 468). Однако вырванная из привычного круга, из теплицы кузминского окружения, где расцвел ее талант художника, она смогла — может быть, и безотчетно — сохранить главные принципы воспринятого ею тогда отношения к искусству.

Особенную интонацию в поэзии Гильдебрандт отмечал и Гумилёв. «Он сказал, что если я достигну мастерства „говорить стихами“, вряд ли буду иметь такой успех, как Ахматова, — она говорит о чувствах всех решительно женщин, а у меня было что-то совсем свое и непонятное. Я думаю, ему чуть не „экзотикой“ казалась моя правдивость. Женщины всегда любят носить маску. Я бы „сумела“, конечно, наговорить что угодно, но мне это было скучно!» (наст. изд.). И мы не случайно включили в публикацию фрагменты дневника, где Ольга Гильдебрандт вспоминает некоторые свои стихи. Нет сомнения, что по образному строю и даже в какой-то мере по средствам выражения они очень близки ее живописи и даже дополняют ее.

Конечно, о их литературной ценности можно спорить. Кто-то наверняка увидит здесь только известную литературность романтической эмоции, кто-то — подражание Гумилёву, кто-то — «женскую интонацию». Неоспоримо одно: еще в самом начале 1920-х искусство Ольги Гильдебрандт обладало узнаваемыми и индивидуальными чертами. И этот дневник — первое свидетельство того, что вплоть до 1970-х (!) годов она смогла сохранить себя как художника, не утратив остроты восприятия

природы и способности «мечтать».

Дневник Ольги Гильдебрандт никогда не публиковался полностью. В ряде публикаций о Кузмине, Мандельштаме и Гумилёве можно встретить его фрагменты, но они играют вспомогательную роль и, как правило, не могут дать цельного впечатления. К сожалению, формат издания пока не позволяет и нам привести полный текст дневника (хотя нет никаких сомнений, что в будущем он должен быть расшифрован и напечатан). Для настоящей публикации выбраны наиболее интересные фрагменты, позволяющие «пунктиром» обозначить основные темы дневника.

При составлении выборки я руководствовалась больше логикой искусствоведа, чем литературоведа, стараясь обратить внимание читателя на поэтическую наблюдательность Ольги Гильдебрандт; по некоторым записям можно представить, как сочинялись сюжеты ее акварелей. Вошли сюда и ее размышления об искусстве, которые существенно дополняют ранее опубликованные воспоминания, и суждения о современной живописи и литературе. Кроме того, хотелось особенно выделить фигуру Ю. Юркуна, вне сомнений оказавшего на Гильдебрандт большое влияние, и положить, таким образом, начало изучению его художественного наследия.

Приношу благодарность за неоценимую помощь в составлении комментария А. Ю. и М. В. Русаковым, Р. Б. Попову, а также Я. Фрухтману, проверившему немецкие цитаты.

Н. Плунгян

Указатель имен [149]

Адамович Георгий Викторович (1892–1972), поэт, литературный критик. Участник второго Цеха поэтов (1918), ученик Н. Гумилёва. С 1924 г. в эмиграции. В середине 1920-х гг. основатель и лидер литературного течения «Парижская нота» (Б. Поплавский, Л. Червинская, А. Штейгер, И. Чиннов, П. Ставров и др.), просуществовавшего до конца 1950-х гг. 267

Адамович Татиана Викторовна (в замужестве Высоцкая; 1892–1970), сестра Г. Адамовича, балерина, мемуарист, педагог. Была одним из романтических увлечений Н. Гумилёва, который познакомился с ней в январе 1914 г.; ей посвящена его книга стихов «Колчан» (1916) 120, 132, 135, 186

Акимов Николай Павлович (1901–1968), режиссер, художник театра и кино. В 1915–1919 гг. учился в художественной мастерской под руководством М. Добужинского, А. Яковлева, В. Шухаева в Петрограде. В 1935–1949 гг. художественный руководитель Ленинградского театра комедии. С 1951 г. главный режиссер Ленинградского театра им. Ленсовета. С 1955 г. преподавал в Ленинградском театральном институте 223

Александр II (1818–1881), российский император с 1855 г. 52–53

Алперс Вера, жена М. Долинова 86, 107, 132

Алексей Алексеевич, см. Степанов А. А

Амбразевич (Амброзевич) Вероника Карловна (1868–1938), мать Ю. Юркуна 93, 178, 180, 184, 191, 193–194, 200, 205, 266, 290

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938), писатель, публицист, критик, общественный деятель. В 1891–1899 гг. публиковался в газете А. Суворина «Новое время». В 1904–1916 гг. жил в эмиграции, издавал в Париже журнал «Красное знамя» (1906–1907). По возвращении в Петроград за цикл «Этюды» сослан в Иркутск, вернулся в 1917 г. С 1921 г. в эмиграции. Автор цикла романов «Концы и начала» (1907–1931), теоретической работы «Литература в изгнании» (1929) 38, 56

Андерсен Ханс Кристиан (Andersen; 1805–1875), датский писатель и поэт 207

Андреева Мария Федоровна (наст. фамилия Юрковская; 1872–1953), актриса и общественная деятельница; в 1910–1920-х гг. гражданская жена М. Горького. Вместе с М. Горьким и А. Блоком участвовала в создании Большого драматического театра (Петроград, 1919), до 1926 г. актриса этого театра. Издатель большевистской газеты «Новая жизнь» (1905). Комиссар театров и

зрелищ Петрограда (1918–1921). В 1931–1948 гг. директор московского Дома ученых 129

Андреева-Дельмас Любовь Александровна (урожд. Тишинская; сценический псевдоним Дельмас; 1884–1969), оперная артистка, камерная певица, педагог. В 1910–1911 и 1913 гг. выступала в Петербургском Народном доме, с 1912 г. участвовала в «Русских сезонах» в Монте-Карло. Солистка Театра музыкальной драмы под рук. И. Лапицкого (1913–1919). В 1914–1920-х гг. была романтическим увлечением А. Блока, который посвятил ей цикл стихов «Кармен» (1914). Преподавала в Ленинградской консерватории (1934–1951) 151

Анна Ивановна, см. Бекенская А. И.

Анна Николаевна, бабка А. Н. Энгельгардт 108

Анненков Юрий Павлович (1889–1974), график, живописец, портретист (автор портретов А. Ахматовой, Ф. Сологуба, Г. Иванова, В. Ходасевича, В. Маяковского, К. Чуковского, А. Луначарского и др.), художник театра и кино, мемуарист. С 1924 г. в эмиграции 84, 112, 143, 262

Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909), поэт, переводчик античных трагедий, критик. В 1896–1905 гг. директор Николаевской мужской гимназии в Царском Селе, где учился Н. Гумилёв 150

Аннушка, прислуга в доме семьи Гильдебрандт 47, 57, 178

Ансерме Эрнест (1883–1969), швейцарский дирижер, музыкальный руководитель труппы «Русский балет С. Дягилева» (1915–1923) 185

Аполлонский Роман Борисович (1865–1928), артист, в 1919–1920 гг. управляющий Александринского театра 123

Арапов Анатолий Афанасьевич (1876–1949), живописец, театральный художник. В 1910 г. вместе с Н. Сапуновым оформил постановку водевиля М. Кузмина «Голландка Лиза» в «Доме интермедий» 66, 170

Арбенин Н. Ф., см. Гильдебрандт Н. Ф.

Ариадна, см. Милашевская А. И.

Аста Нильсен (1881–1972), датская киноактриса 171

Ауслендер Надежда Александровна, актриса, жена С. Ауслендера 143

Ауслендер Сергей Абрамович (1886/87–1937), писатель, племянник М. Кузмина 178–179

Ахматова Анна Андреевна (наст. фамилия Горенко; 1889–1966), поэт, переводчик 101, 103, 111, 118, 121, 124, 129–130, 132–133, 142, 146, 150, 153, 155–156, 158, 166, 174, 187, 224, 236–237, 245–246, 268, 276–277, 279, 282, 284–285, 289–290, 308–309

Ахшарумова Мария, знакомая Н. Гумилёва 97–98, 122

Багрицкий Эдуард Георгиевич (наст. фамилия Дзюбин; 1895–1934), поэт 226, 307

Бакст Лев Самойлович (наст. фамилия Розенберг; 1866–1924), живописец, график, театральный художник 46, 172, 204

Бальзак Оноре де (Balzac; 1799–1850), французский писатель 66, 140, 162, 261

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт 56, 104, 108, 110, 130, 259, 265

Бальмонт Николай Константинович (1891–1926), сын К. Бальмонта от первого брака с Л. Гарелиной, поэт, пианист, композитор-дилетант 22, 56, 92–93, 96, 100–101, 108–110, 135, 137, 148, 263, 269, 306

Банцер Стефа, первая жена К. Ляндау 96

Барнай Людвиг (Barnay; 1842–1924), немецкий актер и театральный деятель. Участвовал в создании Немецкого театра в Берлине. Прославился в трагедиях У. Шекспира, Ф. Шиллера 54

Барышников Михаил Николаевич (р. 1948), балетный танцор, хореограф 150

Басманов Павел Иванович (1906–1993), акварелист, книжный график, рисовальщик. Родился на Алтае, учился в Барнаульских художественных мастерских; в 1922 г. переехал в Петроград, поступив в художественно-промышленный техникум. Работал в детской редакции Госиздата у В. Лебедева, посещал мастерскую П. Мансурова. По сообщению Р. Б. Попова, в середине 1920-х познакомился с Ю. Юркуном в букинистическом магазине и подарил ему свой рисунок; впоследствии бывал в доме М. Кузмина (с. 197 наст. изд.). После войны, наряду с В. Стерлиговым и П. Кондратьевым, Басманов оставался одной из центральных фигур «ленинградского модернизма» 29, 83, 186, 197

Баттистини Маттиа (1857–1928), итальянский оперный певец 192

Батюшков Константин Николаевич (1787–1855), поэт 171, 183

Бахрушин Юрий Алексеевич (1896–1973), сын А. Бахрушина, основателя Театрального музея в Москве; историк литературы и театра, педагог. Служил в Петроградском Измайловском полку, воевал в Красной армии; в 1919–1924 гг. заведующий постановочной частью Большого театра, в 1924–1938 гг. заведующий постановочной и литературной частью Оперной студии имени К. С. Станиславского. Преподавал в Московском хореографическом училище и ГИТИСе, был членом комиссии «Старая Москва» и Общества изучения русской усадьбы 148–149,

175, 204, 208, 212, 220, 227, 231–233, 239–240, 304–305, 309

Бекенская Анна Ивановна, соседка О. Гильдебрандт в Ленинграде 260

Белый Андрей (наст. имя Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934), поэт, писатель, критик, стиховед 127, 151

Берберова Нина Николаевна (1901–1993), поэт, прозаик. С 1922 г. в эмиграции; уехала вместе с В. Ходасевичем, чьей женой была до 1932 г. Автор воспоминаний «Курсив мой» (1972) 146 147, 151

Берг Альбан (1885–1935), австрийский композитор, корреспондент Кузмина 170

Бердслей Обри Винсент (Бердсли, Beardsley; 1872–1898), английский поэт и график-символист, оказал большое влияние на художников объединения «Мир искусства», его эстетикой увлекался и М. Кузмин. Сравнение Ю. Юркуна и Бердсли часто встречается в текстах Кузмина и, возможно, от него было воспринято О. Гильдебрандт (напр., в стихотворении «Приглашение» из цикла «Параболы» (1921–1922) 83, 184, 188–190, 210, 293

Березарк Илья Борисович (наст. фамилия Рысс; 1897–1981), журналист, театральный критик. В начале 1930-х гг. вместе с В. А. Милашевским, Д. Дараном, С. Расторгуевым и Н. Кузьминым (будущие художники группы «13») работал в редакции газеты «Гудок»; в статье о первой выставке группы «13» отметил: выставка «несомненно знаменует высокую культуру советского рисунка, что является неожиданностью даже для некоторых знатоков» (*Березарк И.* Выставка рисунков и акварелей в Доме Печати // Гудок. 1929. 21 марта). Автор воспоминаний «Память рассказывает» (1972) и «Штрихи и встречи» (1982) 223

Бестер (Бастер) Китон (Keaton; 1896–1966), американский киноактер, один из блистательных комиков немого кино, предшественник Ч. Чаплина 171, 183

Беюл Иван Павлович, знакомый О. Гильдебрандт; возможно, брат ленинградской актрисы Ольги Павловны Беюл (1901–1985) 116

Билибин Виктор Викторович (1859–1908), писатель-юморист, драматург 55, 259

Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт 72, 91, 93, 103–104, 111–112, 126, 139–140, 146, 156, 166, 172, 206, 215, 220, 231, 233, 264, 280, 282

Блок Любовь Дмитриевна (урожд. Менделеева; 1881–1939), дочь знаменитого химика Д. Менделеева, жена А. Блока. Актриса, историк балета, педагог 151, 176, 200, 203

Богданова-Бельская Палладия (Паллада) Олимповна

(Олимпиевна) (урожд. Старынкевич, в замужествах Пэдди-Кабецкая, Богданова-Бельская, Дерюжинская, Гросс; 1885–1968), яркая фигура петербургской богемы 1910-х гг., ученица драматической студии Н. Евреинова, поэтесса; славилась экстравагантностью. Адресат стихотворений М. Кузмина, Б. Садовского, И. Северянина; а также известных строк Г. Иванова (1923): «Январский день. На берегу Невы / Несется ветер, разрушеньем вея. / Где Олечка Судейкина, увы, / Ахматова, Паллада, Саломея? / Те, кто блистал в тринадцатом году — / Лишь призраки на петербургском льду» 98, 109, 130, 157, 276–277

Богинский Николай Дмитриевич, инженер, библиофил, коллекционер, знакомый М. Кузмина и сослуживец К. Покровского 201, 212

Богуславская-Пуни Ксения Леонидовна (1893–1972), художница 33, 115

Бодлер Шарль (Baudelaire; 1821–1867), французский поэт и литературный критик 135

Божерянов Александр Иванович (1882–1961), живописец, график. Оформил обложки сборника М. Кузмина «Глиняные голубки» (СПб., 1914) и его собрания сочинений (в изд. М. Семенова. Пг., 1914–1918. Т. 1–9). Ему посвящен рассказ Кузмина «Серенада Гретри» (1914). С 1925 г. в эмиграции 66, 83, 167

Боттичелли Сандро (Алессандро ди Мариано Филипепи, Filipepi; 1445–1510), итальянский живописец эпохи Раннего Возрождения 10, 172, 184

Брак Жорж (Braque; 1882–1963), французский художник, график, скульптор и декоратор; наряду с Пикассо создатель кубизма 83

Брейгель Питер, Старший (Brueghel de Oude; ок. 1525–1569), фламандский живописец и график 83

Бронзино Анджело (Bronzino; 1503–1572), итальянский живописец 83, 184

Брукс Луиза (Brooks; 1906–1985), американская киноактриса 197

Брускетти Алиса Яковлевна (1872–1942), скульптор, педагог. Жена Д. Митрохина. В 1902–1905 гг. работала в керамической мастерской С. Мамонтова, затем в керамических мастерских школы Общества поощрения художеств в Петербурге (1908–1915). Преподавала в Художественно-промышленной школе Н. Фандер-Флита (Псков, 1915–1919). Выполнила ряд фигурок для Государственного фарфорового завода (1918–1940) 66

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), поэт. В 1890-х гг. один из руководителей издательства «Скорпион» и журнала

«Весы» 10, 99, 104, 124, 150, 188, 277–278

В. В., см. Дмитриев В. В.

Вагинов Константин Константинович (1899–1934), поэт. Входил в круг эмоционалистов; участник альманаха «Абраксас» (вып. 1–3) 28, 148, 183, 281, 303

Вагнер Рихард (Wagner, 1813–1883), немецкий композитор 112,185,187

Ваксель Ольга Александровна (1903–1932), актриса театра и кино, критик, поэт. В 1924–1925 гг. училась в ФЭКСе (Фабрика эксцентрического актера). Ок. 1924 г. познакомилась с О. Мандельштамом, который посвятил ей ряд стихотворений: «Я буду метаться по табору улицы темной…», «Жизнь упала, как зарница…» и др. В 1932 г. уехала в Осло с мужем, вице-консулом Норвегии, где через месяц покончила с собой 144, 164, 285

Вальдман Анна Ивановна, портниха О. Гильдебрандт 204

Вальзер Гуго (1884–1923/24), немецкий живописец и график 172

Ваня, см. Саламатин И. А.

Вариханов Николай Николаевич, дядя А. Шадрина 202–203, 212

Варламов Константин Александрович (1848–1915), актер Александринского театра, сын композитора А. Е. Варламова. Крестный отец О. Гильдебрандт. В 1875–1915 гг. играл в труппе Александринского театра. Прославился в амплуа опереточного комика, простака в водевилях и комедиях; сыграл около 30 ролей в пьесах А. Островского. Одна из последних знаменитых ролей — Сганарель в «Дон Жуане» В. Мейерхольда (1910) 32–33, 44, 56–57, 171, 194, 293

Ватто Антуан (Watteau; 1684–1721), французский живописец и рисовальщик, основоположник стиля рококо 83, 130, 184

Ватсон Мария Валентиновна (1848(53?)—1932), поэт, переводчик, историк литературы 121

Вахрушев Василий Васильевич (1902–1947), в 1946 г. нарком угольной промышленности западных районов СССР. Похоронен в Кремлевской стене 217

Введенский Александр Иванович (1905–1941), поэт, детский писатель, член ОБЭРИУ (1927–1930), близкий друг Д. Хармса 28, 172, 186, 196, 203, 299, 303,307

Веласкес Диего Родригес де Сильва (Velásquez; 1599–1660), испанский живописец 83

Венециано Доменико (наст. имя Доменико ди Бартоломео; 1405?–1461), итальянский живописец 168

Вергилий, Марон Публий (Vergilius; 70–19 гг. до н. э.), римский

поэт, автор героического эпоса «Энеида» 186, 198, 292

Верди Джузеппе Фортунино Франческо (Verdi; 1813–1901), итальянский композитор 185, 187, 292

Верейский Георгий Семенович (1886–1962), график; в 1921–1930 гг. — хранитель отделения гравюр Эрмитажа. Автор портрета М. Кузмина (1929; см. наст. изд.) 33–34, 66, 83, 174, 197

Вертэс Марсель (1895—?), венгерский и французский живописец, график и театральный декоратор 83,211

Верфель Франц (1890–1945), австрийский писатель 172, 292

Верховская Ольга Николаевна (1906–1964), двоюродная сестра М. Малич 201

Веселовский Александр Николаевич (1838–1906), филолог, литературовед, историк. Автор общей теории развития поэтики, основоположник сравнительно-исторического литературоведения. Занимался средневековой литературой, исследовал восточные и византийские корни европейского фольклора 39

Веспуччи Симонетта (1454–1477), флорентийская красавица, возлюбленная Сандро Боттичелли. После ее ранней гибели Боттичелли написал картину «Весна», затем возвращался к образу Симонетты почти в каждом полотне («Рождение Венеры», «Марс и Венера» и др.); завещал похоронить себя у ее ног. Известен также ее портрет кисти Пьеро ди Козимо (ок. 1500, музей Конде) 164, 207, 285

Вивьен Леонид Сергеевич (1887–1966), актер, затем режиссер Александринского театра 114, 285

Вильгельм Гогенцоллерн (1882—?), кронпринц; сын германского императора и прусского короля с 1888 по 1918 г. Вильгельма II 103, 206, 278

Вламинк Морис де (1876–1958), французский живописец, представитель фовизма 184

Воинов Всеволод Владимирович (1880–1945), график, в 1922–1932 гг. возглавлял отдел рисунков и гравюр Эрмитажа 33–34, 66, 83, 86, 174, 197

Волков Алексей, актер 88

Волконский Сергей Михайлович (1860–1937), князь, искусствовед, театральный деятель, писатель, внук декабриста С. Волконского и М. Волконской. С 1889 г. директор императорских театров. С 1921 г. в эмиграции 55, 259

Волынский Аким Львович (наст. фамилия Флексер; 1863–1926), литературный критик, искусствовед 126

Воронцова Елизавета Ксаверьевна (урожд. графиня Браницкая; 1792–1880), жена графа М. С. Воронцова, статс-дама (1838). Возлюбленная А. Пушкина, который познакомился с ней в Одессе в конце 1823 г.; адресат многих его стихотворений 77

Врангель Антон Константинович (1890–1916), барон; племянник В. Комиссаржевской. Покончил с собой в октябре 1916 г. 95 265

Врубель Михаил Александрович (1856–1910), живописец-символист, график, скульптор 172, 185, 292

Всеволод Николаевич, Всеволод, см. Петров В. Н.

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878), князь, поэт, литературный критик, государственный деятель 183

Габриэль, первая жена поэта Г. Иванова 132

Гагарин Петр Андреевич (1904–1938), сын князя А. Г. Гагарина, ректора Политехнического института в Санкт-Петербурге. В 1930-е гг. инженер-механик, старший проектировщик института Гипрошахт. Знакомый М. Кузмина. В 1937 г. арестован органами НКВД, в 1938 г. расстрелян. В 1965 г. посмертно реабилитирован 213

Гайдаров Владимир Георгиевич (1893–1976), актер. В 1920–1932 гг. гастролировал и снимался за рубежом 65

Гальперн Саломея Николаевна (урожд. княжна Андроникова; встреч. также Андреева, Андроникова-Гальперн; 1888–1982), «петербургская красавица», адресат ряда стихотворений О. Мандельштама. С 1919 г. в эмиграции. Сохранилась обширная переписка С. Гальперн с М. Цветаевой 1930-х гг. 160

Гарелина Лариса Михайловна, первая жена К. Бальмонта 56, 108, 137, 279

Гвоздев Алексей Александрович (1887–1939), театровед, литературовед, критик, с 1920 г. сотрудник Государственного института истории искусств в Ленинграде (ГИИИ) 180

Ге Григорий Григорьевич (1867–1942), драматург, актер 56, 259

Гейнике И. Г., см. Одоевцева И. В.

Гёте Иоганн Вольфганг, фон (Goethe; 1749–1832) — немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель 95, 120, 135, 162, 171, 182, 194, 209, 262, 280, 288, 291

Гибшман Константин Эдуардович (1884–1942?), артист эстрады, конферансье; знакомый М. Кузмина с 1910-х гг. 176

Гиз (Гис; Guys) Константин (1802/5–1892), французский живописец и график 20, 34, 83, 172, 185, 253

Гиз Генрих (1550–1588), герцог Лотарингии 104

Гильдебрандт Мария Николаевна (в замужестве Саламатина, 1891–1959), сестра О. Гильдебрандт; актриса и режиссер театров Красноярска, Саратова, Воронежа, Нижнего Тагила, Свердловска. В 1940-е гг. работала в Нижне-Тагильском театре вместе с мужем, режиссером И. Саламатиным, уговорила О. Гильдебрандт уехать из Ленинграда к ней 32, 38, 42, 44–45, 50–51, 53–54, 59, 91, 214,

220, 223, 227–229, 231, 234–235, 293

Гильдебрандт Николай Федорович (сценический псевдоним Арбенин; 1863–1906), отец О. Гильдебрандт; актер московского Малого (1885–1895) и Александринского (с 1895 г.) театров, театральный критик, переводчик; автор сборника переводов «Западный театр» (СПб., 1906). Один из создателей Союза музыкальных и драматических писателей 48, 52–57, 119–120, 137, 152, 159, 194, 259, 283

Глебова — возможно, *Глебова Татьяна Николаевна* (1900–1985), живописец, график, ученица П. Филонова 224

Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна (1885–1945), актриса, танцовщица, художник, скульптор, переводчик. В 1910–1920-х гг. подруга и муза многих поэтов (М. Кузмина, А. Ахматовой, Ф. Сологуба, В. Князева, И. Северянина, Г. Иванова, Вс. Рождественского). В 1905–1906 гг. играла в труппе Александринского театра; затем в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской (Берта в «Гедде Габлер» Г. Ибсена, монахиня в «Сестре Беатрисе» М. Метерлинка). С 1907 г. жена С. Судейкина. В 1910 г. принята в труппу Малого театра в Петербурге. Выступала в спектаклях по музыкальным сочинениям М. Кузмина (оперетта «Забава дев» и комическая опера «Возвращение Одиссея, или Женская верность»). С 1924 г. в эмиграции 79, 130, 152–158, 282

Глинка Михаил Иванович (1804–1857), композитор, основоположник русской композиторской школы 78, 86

Гнедич Петр Петрович (1855–1925), драматург, переводчик, историк искусства, двоюродный племянник писателя Н. Гнедича 114, 279

Гоголицын Дмитрий Прокофьевич, знакомый М. Кузмина 176, 181, 201, 203

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель 171, 182, 211

Гойя-и-Лусиентес Франсиско Хосе, де (Goya y Lucientes; 1746–1828), испанский живописец, гравер, рисовальщик 83

Голлербах Эрих Федорович (1895–1942), литератор, искусствовед, коллекционер. Близкий друг М. Кузмина и Ю. Юркуна [см.: М. А. Кузмин в дневниках Э. Ф. Голлербаха / Предисл. и публ. Е. А. Голлербаха // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Сост. и ред. Г. А. Морева. Л., 1990. С. 220–236; Письмо Голлербаха к Юркуну от 5 марта 1936 года (там же. С. 236–238]. Поклонник группы «13», в 1930-х гг. — корреспондент Т. Мавриной, Н. Кузьмина, В. Милашевского 10, 34, 145, 176, 201, 203, 224, 252–253, 290, 299

Головин Александр Яковлевич (1863–1930), художник, сценограф, живописец, график; участник объединения «Мир искусства». С 1902 г. главный художник императорских театров; знаменит оформлением спектаклей В. Мейерхольда 1910-х гг. («Орфей и Эвридика» К. В. Глюка, 1911, в Мариинском театре; «Гроза» А. Островского, 1916, и Маскарад М. Лермонтова, 1917, в Александринском театре и др.). Работал для антрепризы С. Дягилева в Париже («Жар-птица» И. Стравинского, 1910) 10, 33–34, 86, 88–89, 156, 173, 203, 258

Гончарова Наталья Николаевна (в замужестве Пушкина, во втором Ланская; 1812–1863), в 1830–1837 гг. жена А. Пушкина 102, 137, 162, 204, 240

Гончарова Наталия Сергеевна (1881–1962), живописец, график, книжный иллюстратор. С 1914 г. в эмиграции. Одна из центральных фигур русского авангарда. Жена М. Ларионова 83, 184

Гораций (Квинт Гораций Флакк, Horatius; 65–8 до н. э.), поэт золотого века римской литературы 150, 222

Горев Федор Петрович (1850–1910), актер Александринского (1880) и московского Малого (до 1810 г.) театров. Более эмоциональный, нежели виртуозный актер, имел большой успех в провинции, прославился в ролях Василия («Каширская старина» Д. Аверкиева), Григория («Плоды просвещения» Л. Толстого) и др., а также в многочисленных ролях в пьесах Ф. Шиллера 39

Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967), поэт, один из создателей Цеха поэтов, автор оперных либретто 96, 166, 264

Горький Максим (наст. имя Алексей Максимович Пешков; 1868–1936), писатель, драматург, поэт 176, 183, 275, 280

Гоццолли Беноццо (1420–1497), итальянский живописец 82, 172, 184

Грачев Пантелеймон Владимирович (1889–1966), музыковед. В 1924 г. окончил ГИИИ, в 1935–1940 гг. преподаватель Ленинградской консерватории 167

Гретри Андре Эрнест Модест (1741–1813), французский композитор 170

Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899), писатель 187

Гриффит Дэвид Уорк (Griffith; 1875–1948), американский кинорежиссер 171, 191,288

Гриша, см. Левитин Г. М.

Грушко Наталья Васильевна (1891–1974), поэтесса 126

Гумилёв Лев Николаевич (1912–1992), историк-этнолог, географ, поэт, переводчик. Сын Н. Гумилёва и А. Ахматовой 123, 136,147, 245, 310

Гун Николай Васильевич (1878–1902), товарищ А. Блока по

Введенской гимназии 151, 282

Гундобин Василий Васильевич (1874–1942?), художник, коллекционер, один из основателей Самарского художественного музея и его первый заведующий 203, 299

Д'Аннунцио Габриэле (D'Annuzio; 1863–1938), итальянский писатель 42, 104, 172

Данечка, сын В. Милашевского от первого брака 82

Данилова Александра Дионисьевна (1904–1997), балерина, с 1924 г. в эмиграции 116, 291

Даран Даниил Борисович (наст. фамилия Райхман; 1894–1964), акварелист, рисовальщик, книжный иллюстратор. Один из организаторов и участник группы «13» (1929–1931). Сформулировал вместе с В. Милашевским и Н. Кузьминым принцип «темпа» в рисунке, своеобразнее всех выразил его в своих сериях быстрых натурных зарисовок на темы цирка и балета. Близкий друг Ю. Юркуна и О. Гильдебрандт; в 1940–1960-е гг. состоял с последней в переписке 20, 33, 74–76, 210, 237–238, 261

Дармонд Грес (Darmond; 1898–1963), американская киноактриса 120, 183, 192

Дебуше (Дюбуше) Елена Карловна (в замужестве Ловель), возлюбленная Н. Гумилёва, адресат его стихотворений. Их знакомство состоялось в 1916 г. в Петрограде; в 1917 г. они вновь встретились в Париже, где Гумилёв преподнес ей рукописный альбом со своими стихами 103–104, 106,132,245, 278

Дебюсси Клод (Debussy, 1862–1918), французский композитор, пианист, дирижер, музыкальный критик. Основоположник музыкального импрессионизма 84, 162, 170,185

Дега Эдгар (Degas; 1834–1917), французский живописец, одна из центральных фигур импрессионизма 83, 185

Де Голль Шарль (de Gaulle; 1890–1970), первый президент Пятой Французской республики (1959–1969). Во время Второй мировой войны был символом французского Сопротивления 206, 212, 217, 226

Делиб Клеман Филибер Лео (Delibes; 1836–1891), французский композитор 170,185

Дельмас, см. Андреева-Дельмас Л. А.

Диккенс Чарлз (Dickens; 1812–1870), английский писатель 84, 171, 182, 191

Дмитриев Владимир Владимирович (1900–1948), театральный художник, автор статей по театрально-декорационному искусству. В 1918–1921 гг. ученик К. Петрова-Водкина в Свободных художественно-учебных мастерских. В 1918 г.

слушатель Курсов мастерства сценических постановок В. Мейерхольда (КУРМАСЦЕП), оформил его спектакль «Зори» по Э. Верхарну (1920). Примыкал к эмоционалистам; был художником в постановке С. Радлова на музыку М. Кузмина пьесы Э. Толлера «Эуген Несчастный» в Академическом театре драмы (1922), подписал «Приветствие художникам молодой Германии от группы эмоционалистов» (Жизнь искусства. 1923. № 10). В 1920–1930-х гг. работал в театрах Ленинграда; с 1928 г. во МХАТе, где с 1941 г. главный художник. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1944) 10, 34,83, 167, 174, 176, 235, 308

Дмитрий Прокофьевич, см. Гоголицын Д. П.

Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957), график, живописец, театральный художник, педагог, книжный иллюстратор. Деятельный участник объединения «Мир искусства». Оформлял спектакли Старинного театра и Театра В. Ф. Комиссаржевской (1907–1908); с 1909 г. в МХТ. С 1924 г. в эмиграции 10, 20, 34, 66, 80, 83

Долгорукова (Долгорукая) Екатерина Михайловна (1847–1922), вторая жена императора Александра II. После венчания получила титул светлейшей княгини Юрьевской. Издала в Париже книгу «Александр II. Неизвестные подробности личной жизни и смерти» (1881), укрывшись под именем Виктора Лаферте (французский журналист, помогавший в работе и издании книги) 52

Долинов Михаил Анатольевич (1892–1936), поэт, режиссер, сын актера и режиссера Александринского театра А. Котляра (получившего Высочайшее разрешение носить в качестве фамилии сценический псевдоним Долинов). В рецензии на его сборник «Радуга» (1915) Н. Гумилёв отмечал: «М. Долинов бесспорно культурен, умеет писать стихи, но он какой-то Епиходов поэзии, и неудача — она такая же крылатая, как ее сестра, удача — преследует его на каждом шагу, заставляя совершать ряд неловкостей». С 1920-х гг. в эмиграции 86, 107, 122, 132, 154, 264, 278

Долинова Елена Анатольевна, сестра М. Долинова 97–98, 122

Домбровский Павел Казимирович (1912—?), график; по определению О. Гильдебрандт, «один из Юриных „менял“. Художник. Работал „около цирка“» *(Кузмин М.* Дневник 1934 г. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 198) 174

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель 171, 182

Дузе Элеонора (Duze-Checchi; 1858–1924), итальянская актриса 32, 39

Дурбин Дина (наст. имя Эдна Мей Дурбин, Durbin; р. 1921),

американская киноактриса, звезда Голливуда 1940-х гг. 107

Дю Белле Жоакен (1522–1560), французский поэт, теоретик «Плеяды» 103

Дюфи Рауль (1877–1953), французский живописец, график, театральный художник 83, 172, 184

Дядьковский, знакомый Ю. Юркуна, коллекционер 175, 197

Евреинов Николай Николаевич (1879–1953), режиссер, литератор, драматург, критик, историк и теоретик театра, композитор. Совместно с историком и деятелем театра бароном Н. В. Дризеном создал Старинный театр (1907–1908, 1911–1912), занимался реконструкцией спектаклей Средневековья и испанского Возрождения. Работал в театре В. Ф. Комиссаржевской, в театре А. Кугеля «Кривое зеркало». С 1908 по 1911 г. руководил драматической студией «Театр будущего». Автор теоретических работ о театре «Введение в монодраму» (1909), «Театр как таковой» (1913), «Театр для себя» (1915), труда по истории телесных наказаний в России. С 1925 г. в эмиграции, сотрудничал с «Русской оперой» в Париже 5, 53, 155, 167, 227

Евреинова Наталья Николаевна, сестра Н. Евреинова; в 1920-е гг. член Ленинградской городской коллегии защитников 167

Егунов Андрей Николаевич (псевдоним Николев, 1895–1968), филолог-классик, переводчик, поэт, прозаик. В 1930-х входил в круг М. Кузмина, был другом Ю. Юркуна, который высоко ценил его как писателя; в 1921–1931 гг. преподавал русский и немецкий язык на рабфаке Горного института, в 1931–1933 гг. немецкий в Военно-морском инженерном училище им. Ф. Дзержинского. В 1933 г. был арестован по т. н. «делу Иванова-Разумника» и выслан на три года в Западную Сибирь. О нем см. также в коммент. Г. Морева на с. 300–301 28, 175, 204, 257

Екатерина Константиновна, см. Лившиц Е. К.

Екатерина Николаевна, см. Шадрина Е. Н.

Елена, см. Дюбуше Е. К.

Ельшин Владимир Александрович, с 1925 г. муж О. Черемшановой, инженер 168, 179

Ермолова Мария Николаевна (1853–1928), актриса московского Малого театра. Прославилась в амплуа романтической героини (Лауренсия в «Овечьем источнике» Лопе де Вега, Жанна д'Арк в «Орлеанской деве» Ф. Шиллера и др.), блистала в пьесах А. Островского 32, 37–40, 53–54

Есенин Сергей Александрович (1895–1925), поэт 96, 268–270

Жак, см. Израилевич Я. И.

Женя, см. Кршижановский Е. И.

Жильбер Жан (наст. имя Макс Винтерфельд, 1879–1942), французский композитор и дирижер 171

Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971), литературовед, критик, переводчик, лингвист. В 1916 г., по возвращении с фронта, сотрудничал с журналом В. Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам», принимал участие в работе Союза деятелей искусств, читал доклады на заседаниях Общества изучения современной поэзии при журнале «Аполлон» и Пушкинского общества при Петроградском университете. С 1919 г. профессор Петроградского университета. В 1935–1950 гг заведующий западным отделом Института русской литературы (Пушкинский Дом), в 1957–1971 гг. заведующий сектором индоевропейских языков Ленинградского отделения Института языкознания 109, 297

Жироду Жан (Giraudoux; 1882–1944), французский драматург и романист 193

Жорж, см. Иванов Г. В.

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт 126

Журавлев Дмитрий Николаевич (1900–1991), чтец-декламатор 92, 97, 162

З., Зиновий, знакомый О. Гильдебрандт 212, 216, 225–226,228,235

Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. фамилия Радомысльский; 1883–1936), советский партийный деятель. С декабря 1917 г. председатель Петроградского Совета 146, 275

Забелин Иван Егорович (1820–1908), историк, археолог, коллекционер. Автор знаменитых трудов «Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв.» (1862) и «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII вв.» (1869) 37

Зельманова (Чудовская) Анна Михайловна (1891–1952), художник, автор портретов А. Ахматовой и О. Мандельштама (1914) 160, 284

Зив Ольга Максимовна (наст. фамилия Вихман; 1904–1963), журналист, писатель. До 1923 г. жена О. Тизенгаузена. Начинала в поэтической студии Н. Гумилёва; с 1924 г. работала редактором в ряде газет, позднее занималась литературой 174

Зив Саша, коллекционер, знакомый О. Гильдебрандт 112–114

Зилоти Александр Ильич (1863–1945), пианист, дирижер, музыкальный деятель, педагог После Февральской революции был избран управляющим труппой Мариинского театра. С 1919 г. в эмиграции 114

Зощенко Михаил Михайлович (1894–1958), писатель 172, 261

Зражевский Александр Иванович (1886–1950), актер ленинградских театров. Лауреат Государственных премий СССР в 1941, 1942, 1946 и 1947 гг (последняя — за роль командира Беляева в фильме «Крейсер „Варяг“»). Народный артист СССР (1949) 215

Зудерман Герман (1857–1928), немецкий драматург и романист 88, 262

Иванов Александр Александрович (1872(?)—1929), отец балерины Л. Ивановой; главный механик завода «Светлана»; предположительно — одноклассник М. Кузмина 171

Иванов Георгий Владимирович (1894–1958), поэт, ученик Н. Гумилёва; с 1922 г. в эмиграции. В 1928 г. в Париже опубликовал свои воспоминания «Петербургские зимы», которые вызвали негативное отношение А. Ахматовой как «бульварные»; на них ссылается и О. Гильдебрандт 96, 138, 149, 161, 167, 269, 281

Иванова Лидия Александровна (1903–1924), балерина; артистка ГАТОБа с 1921 г. 171,288

Ивнев Рюрик (наст. имя Михаил Александрович Ковалев; 1891–1981), поэт 96, 254, 264, 269–270

Иден Антони (1897–1977), британский дипломат, член палаты общин (1923–1957), министр иностранных дел (1935–1938, 1940–1945, 1951–1955). С 1955 по 1956 г. премьер-министр Великобритании 215

Израилевич Жак (Яков) Львович (1887–1953), торговец антиквариатом, в 1920-х гг. секретарь комиссара ТЕО Наркомпроса М. Ф. Андреевой. В 1932–1936 гг. художник-консультант Дома писателей, с 1936 г. консультант ЛенИЗО 201–202, 276, 296–297

Истомина Евдокия Ильинична (1799–1848), танцовщица Санкт-Петербургского балета, воспитанница театрального училища. Ученица Ш.-Л. Дидло, воспетая А. Пушкиным в «Евгении Онегине» 78

Калиостро Алессандро (наст. имя Джузеппе Бальсамо; Cagliostro; 1743–1795), итальянский алхимик и авантюрист 187

Калугин Игорь, актер Александринского театра 114

Кальдерон Педро де ла Барка (Calderon; 1600–1681), испанский драматург и поэт 34, 88, 258

Каннегисеры, семья 91–99

Каннегисер Елизавета Иоакимовна (1897–1943), сестра Л. Каннегисера. Эмигрировала предположительно в 1924 г. Погибла в Освенциме 92, 94, 97–99, 122, 274, 306

Каннегисер Иоаким Самуилович (1860–1930), инженер-путеец, дворянин с 1883 г., с 1917 г. коллежский советник, директор правления Русского акционерного общества «Металлизатор»; отец Леонида, Елизаветы и Сергея Каннегисеров. Эмигрировал вместе с семьей предположительно в 1924 г. 98–99, 122

Каннегисер Леонид Иоакимович (1897–1918), поэт 91–99, 109, 111, 115, 122, 222, 242–243, 262–277, 288–289, 306

Каннегисер Роза Львовна (урожд. Сакер; 1863–1946), жена И. Каннегисера, врач 99, 122, 277

Каннегисер Сергей Иоакимович (1894–1917), старший брат Л. Каннегисера 92, 94, 122, 263

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, писатель, литературный деятель. Основоположник русского сентиментализма 77

Карсавина Тамара Платоновна (1885–1978), балерина, педагог. Прославилась в постановках М. Фокина; в балетах «Призрак розы» и «Петрушка» танцевала в дуэте с В. Нижинским; работала и с академическим репертуаром. С 1918 г., выйдя замуж за английского дипломата Г. Брюса, жила в Лондоне. В 1909–1929 гг. гастролировала с труппой С. Дягилева. Оставила сцену в 1931 г. В 1930–1935 гг. вице-президент английской Королевской академии танца. Автор учебных пособий по классическому танцу, воспоминаний «Театральная улица» (Л., 1971) 130, 155, 168, 171, 179–180, 227, 286, 291

Кастаньо Андреа дель (ок. 1421–1457), итальянский живописец 172

Кастильоне de (Virginia Oldoini, comtesse de Castiglione, 1837–1899), маркиза, итальянская аристократка эпохи Second Empire. В 1856–1857 гг. фаворитка Наполеона III 214, 305

Кафафова Лилия, актриса 89

Кашина Надежда Васильевна (1896–1977), живописец, график. В 1929 г. участвовала в первой выставке группы «13» 12, 261

Кашина-Евреинова Анна Александровна (1899–1981), жена Н. Н. Евреинова с 1921 г.; автор книги «Николай Евреинов и мировой театр XX века» (Париж, 1964) 134, 167, 227, 307

Кетчер Николай Христофорович (1809–1886), врач, переводчик, начальник Московского врачебного управления. Известен переводом драматических сочинений У. Шекспира, «Разбойников» Ф. Шиллера, «Кота Мурра» Гофмана и переводом с французского «Философического письма» П. Чаадаева 37

Кизеветтер Кира, невеста А. Шадрина 205,232

Клюев Николай Алексеевич (1884–1937), поэт 96, 183

Князев Всеволод Гаврилович (1861–1913), поэт 157–158

Козлинский Владимир Иванович (1891–1967), график,

книжный иллюстратор, театральный художник, педагог. Автор исследований «Русский костюм (1750–1917 гг.)», «Художник и театр». Оформлял спектакли в театрах Москвы и Ленинграда; возглавлял кафедру рисунка в Московском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухиной. Известен как мастер сатирического рисунка 33, 61, 114–115, 128, 142, 226, 233

Козьмин Константин Сергеевич (1906–1988), график, друг М. Кузмина и Ю. Юркуна 83, 174–176, 186

Кокошкин Федор Федорович (1871–1918), один из лидеров кадетской партии 140, 281

Комаровский Василий Алексеевич (1881–1914), поэт, прозаик, живописец, сын графа А. Е. Комаровского. С Н. Гумилёвым и А. Ахматовой познакомился в Царском Селе, где жил после 1906 г.; высоко оценен участниками первого Цеха поэтов, испытал влияние И. Анненского. Страдая наследственным психическим расстройством, после начала Первой мировой войны был помещен в психиатрическую больницу, где скончался: большая часть его наследия не сохранилась 130

Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910), драматическая и трагедийная актриса, прозванная «русской Дузе», режиссер. Участвовала в любительских спектаклях К. Станиславского. В 1896–1902 гг. состояла в труппе Александринского театра; в 1904 г. открыла собственный Театр В. Ф. Комиссаржевской. Экспериментировала с новыми художественными формами, сыграла около тысячи ролей в классических и современных пьесах, в том числе роль Нины в первой постановке «Чайки» А. Чехова 44, 89, 217, 227, 262

Константиновский Александр Иосифович (1906–1958), театральный художник, график, книжный иллюстратор. В 1930–1935 гг. работал в свердловских театрах 176

Корде д'Армон Шарлотта (Corday d'Armont; 1768–1793), французская дворянка, убийца Жана Поля Марата 122

Корчагина-Александровская Екатерина Павловна (сценический псевдоним Ольгина; 1874–1951), актриса театра и кино, жена актера В. Александровского. В 1904–1907 гг. на сцене Театра В. Ф. Комиссаржевской; с 1915 г. в труппе Александринского театра. В 1930-х гг. прославилась в ролях женщин-патриоток; была также известной комедийной актрисой 116

Корсун Алексей Иванович (1907–1963), переводчик, знакомый М. Кузмина. В 1931–1934 гг. заведующий художественной библиотекой Русского музея, с 1934 г. библиотекарь Эрмитажа 175, 178

Костенко Константин Евтихиевич (1879–1956), график,

акварелист, ксилограф, в 1930-х гг. сотрудник Русского музея 83, 174

Коханский Орест, актер, знакомый О. Гильдебрандт 88

Кранах Лукас, Старший (Cranach; 1472–1553), немецкий живописец и график эпохи Ренессанса 83, 184, 292

Красовская Вера Михайловна (р. 1915), историк балета, критик 180

Краус Вернер (1884–1959), немецкий актер, исполнитель роли Калигари в фильме «Кабинет доктора Калигари» 171

Кривелли Карло (Crivelli; 1430/35–1495), итальянский живописец 172

Кроленко Александр Александрович (1889–1970), книговед, редактор, руководитель издательства «Academia» в 1921–1929 гг. 170

Кршижановская Елена Ивановна (Люля; 1909–1988), график, детская писательница. Жена К. Козьмина 174–176, 224 (?)

Кршижановский Евгений Иванович (1903–1972), график, акварелист, книжный иллюстратор, театральный художник. Автор портрета М. Кузмина (1931). Ему принадлежит рисунок в альбоме О. Гильдебрандт (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме) 83, 174–176, 195, 197, 201

Ксендзовский Михаил Давыдович (1886–1963), артист оперетты, с 1919 г. выступал в Театре музыкальной комедии 171

Кугель Александр Рафаилович (1864–1928), журналист, театральный критик, руководитель театра «Кривое зеркало» 55

Кузнецов Павел Варфоломеевич (1878–1968), живописец, график, театральный художник 19–20, 174, 279

Кузьмин Николай Васильевич (1890–1987), график, иллюстратор, писатель. Иллюстрировал журналы «Весы» (1909), «Аполлон» (1910), «Новый Сатирикон» (1913–1914). После долгого пребывания на фронте (1914–1922) в 1924 г. переехал в Москву; художник книги в издательствах «Academia», «Художественная литература» и др. В конце 1920-х гг. под влиянием В. Милашевского сформулировал принцип «быстрого рисования», которое позволяло отойти от академических клише; воплотил его в иллюстрациях к «Евгению Онегину» (1933). Вместе с В. Милашевским и Д. Дараном возглавил «комитет» группы «13» (1929–1931). Автор статьи об искусстве О. Гильдебрандт (Ольга Гильдебрандт // *Кузьмин И. В.* Давно и недавно. М., 1982. С. 376) и книги воспоминаний *(Кузьмин Н. В.* Страницы былого. М., 1984) 10–12, 20, 33, 35, 66, 76–79, 83, 174, 201,210,212, 237, 261

Курдюмов Всеволод Валерьянович (1892–1956), поэт, член Цеха поэтов 100, 102, 115–116

Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927), русский

живописец, график 78

Кшесинская Матильда (Мария) Феликсовна (наст. фамилия Кржесинская; 1872–1971), в 1890–1917 гг. ведущая балерина Мариинского театра. В противоположность М. Фокину, настаивала на классической основе балета. В юности возлюбленная будущего императора Николая II, затем великого князя Сергея Михайловича; в 1921 г. стала женой великого князя Андрея Владимировича, получив титул великой княгини Красинской-Романовской. С 1920 г. в эмиграции, в 1929 г. открыла балетную студию в Париже 55, 227

Купер Джеймс Фенимор (Cooper; 1789–1851), американский романист 186

Кэт, см. Шалонская Кэт

Ланкло Нинон (Анна) de (Lenclos; 1616–1706), знаменитая французская куртизанка эпохи Louis XIV. Существует легенда, как она отказала кардиналу Ришелье со словами: «Я отдаюсь, но не продаюсь» 56

Ланской Петр Петрович (1799–1877), генерал-адъютант, второй муж Н. Пушкиной 102

Ларионов Михаил Федорович (1881–1964), живописец, график, книжный иллюстратор. Один из основоположников русского авангарда. С 1914 г. в эмиграции 83, 184, 237

Лебедев Владимир Васильевич (1891–1967), живописец, график, иллюстратор, плакатист. Член общества «Четыре искусства». Сотрудничал в журналах «Сатирикон», «Новый Сатирикон». Один из организаторов «Окон РОСТА» в Петрограде, художник детской книги («Слоненок» Р. Киплинга, 1926; «Цирк» С. Маршака, 1925 и др.), автор графических серий «Панель революции» (1922), «Новый быт» (1924), «Любовь шпаны» (1926–1927) 10, 12, 33–35, 66, 83, 86, 115, 176, 188, 197, 226, 233,307

Лебедева Сарра Дмитриевна (урожд. Дармолатова; 1892–1967), скульптор, жена В. В. Лебедева, сестра А. Радловой. Автор скульптурных портретов А. Эфроса (1927), С. Михоэлса, В. Мухиной (оба 1939), В. Татлина (1943–1944) и др., а также надгробия Б. Пастернака (1965) 33, 115, 176

Лев Львович, см. Раков Л. Л.

Лёва, см. Гумилёв Л. Н.

Левенстерн, знакомые семьи Гильдебрандт 9, 91, 183, 264, 292

Левитан Исаак Ильич (1860–1900), живописец, театральный художник, пейзажист, член Товарищества передвижных художественных выставок, педагог 39

Левитан Юрий Борисович (1914–1983), диктор Всесоюзного

радио с 1931 г. 207

Левитин Григорий Моисеевич (1914–1982), врач, коллекционер, искусствовед 176 201, 243–244, 309

Лена, дочь Н. Гумилёва и А. Энгельгардт 115, 147–148, 236, 308

Ленин Владимир Ильич (наст. фамилия Ульянов; 1870–1924), в 1917–1924 гг. глава Советского государства 146, 148, 167, 179, 187, 271

Леонардо да Винчи (da Vinci, 1452–1519), итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый и инженер эпохи Ренессанса 74, 111, 184

Леонидов Леонид Миронович (наст. фамилия Вольфензон; 1873–1941), актер, педагог. С 1903 г. работал во МХАТе, снимался в кино («Крылья холопа», 1926, «Гобсек», 1937 и др.). В 1935–1941 гг. педагог и художественный руководитель Государственного института театрального искусства им. А. Луначарского 171

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891), философ, писатель, дипломат 208

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт 54, 92, 142, 171, 176, 187, 262

Лешковская Елена Константиновна (наст. фамилия Ляшковская; 1864–1925), с 1888 г. актриса московского Малого театра. В юности вдохновила исполнением роли Иоланты («Дочь короля Рене» Андерсена, 1888) П. И. Чайковского на создание оперы «Иоланта». Позднее известна как яркая комедийная актриса в пьесах А. Н. Островского, однако ей удавались и лирические образы, такие как Нюта («Цепи» А. Сумбатова, 1888). С 1920 г. до конца жизни преподавала в Студии им. Ермоловой 38–39

Ливанов Борис Николаевич (1904–1972), актер театра и кино. С 1924 г. снимался в кино и выступал во МХАТе, с 1950-х гг. театральный режиссер. Лауреат пяти Сталинских премий (1941, 1942, 1947, 1949, 1950) и Государственной премии СССР (1970) 215, 231

Лившиц Екатерина Константиновна (урожд. Скачкова-Гуриновская; 1902–1987), балерина, ученица Брониславы Нижинской; позже переводчик. С 1921 г. жена Б. Лившица 163, 178, 200, 212, 216–217, 223–224, 296, 306

Лившиц Бенедикт Константинович (1886–1939), поэт 18, 163, 250–251, 296

Лилина Мария Петровна (наст. фамилия Перевощикова, по мужу Алексеева; 1866–1943), актриса МХТ, народная артистка РСФСР (1933). С 1899 г. жена К. Станиславского (Алексеева) 41

Лина Ивановна, см. Тамм Л. И.

Лияссо (Лидж-Иясу), император Эфиопии в 1913–1916 гг. 140

Ллойд Гарольд (Lloyd; 1893–1971), американский киноактер, один из ярчайших комиков немого кино 171, 183

Лозинский Михаил Леонидович (1886–1955), поэт, переводчик 113, 130, 135–136, 150, 159, 259

Лотрис Джой (1901–1984), американская киноактриса 171

Луис Пьер (1870–1925), французский поэт 162, 285

Лурье Артур Сергеевич (1893–1966), композитор, адресат ряда стихотворений А. Ахматовой. В 1921–1922 гг. вместе с А. Ахматовой и О. Глебовой-Судейкиной жил в квартире Судейкиной на Фонтанке, 18. Комиссар музыкального отдела Наркомпроса. С 1922 г. в эмиграции 146, 155–156

Любош А. С., актер Александринского театра 129

Ляндау Константин Юлианович (1890–1969), поэт. С 1920 г. в эмиграции 9, 91. 96, 265, 267, 268, 275

Лясковская, знакомая Ю. Юркуна 191–192

Маврина Татьяна Алексеевна (наст. фамилия Лебедева; 1902–1996), живописец, график, иллюстратор книг, театральный художник. Училась в Москве во ВХУТЕМАСе у Р. Фалька (1922–1929). В 1929–1931 гг. входила в группу «13». Автор графической серии «По старым русским городам» (1942–1968), иллюстраций к фольклору и сказкам А. Пушкина. Создала жанр авторских книг-альбомов, восходящих к русскому лубку: «Сказочные звери» (1965), «Пути-дороги» (1980) и др. Автор нескольких портретов О. Гильдебрандт; в 1940–1970-х гг. состояла с ней в переписке 33, 66, 77–79, 201, 210–211,227,237, 261

Май Мия, см. Мэй Миа

Майн Рид Томас (Mayne Reid; 1818–1883), английский писатель, автор приключенческих романов 120, 186

Маковский Сергей Константинович (1877–1962), поэт, искусствовед, в 1909–1917 гг. редактор журнала «Аполлон», издатель журнала «Русская икона». Автор мемуаров «Портреты современников» (1955), «На Парнасе „Серебряного века“» (1962). С 1920 г. в эмиграции 112–113, 279

Малич Марина Владимировна (в замужестве Дурново; 1905–2002), в 1934–1941 гг. жена Д. Хармса. Подробнее о ней см. в прим. Г. Морева на с. 299–300 8, 201, 203, 223, 225, 296, 306, 307

Мама, см. Панова Г. В.

Мандельштам Надежда Яковлевна (урожд. Хазина; 1899–1980), писатель, общественный деятель. С 1922 г. — жена О. Мандельштама 30, 160, 163–165, 175, 284, 285, 290

Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938), поэт 5, 8, 15, 96, 131–

132, 137–138, 140, 142–143, 158–166, 183, 208–209, 239, 243, 263,270, 281,283–285, 302

Мане Эдуар (Manet, Edouard; 1832–1883), французский живописец и график, один из основоположников импрессионизма 172, 184

Марджанов Константин Александрович (Марджанишвили Котэ; 1872–1933), грузинский режиссер, народный артист Грузии (1931). Реформатор грузинского театра. На сцене с 1893 г.; с 1897 г. в русских театрах, в том числе в МХТ. С 1922 г. в Грузинском театре им. Руставели (Тбилиси). В 1928 г. создал драматический театр в Кутаиси, ныне Грузинский театр им. Марджанишвили (Тбилиси) 80, 280

Марина, Мариночка, см. Малич М. В.

Маруся, см. Гильдебрандт М. Н.

Маруся, см. Мейерхольд М. В.

Матисс Анри (Matisse; 1869–1954), французский живописец, график, скульптор, основоположник фовизма 74, 78, 83

Маша, прислуга в доме Шадриных 49, 65, 202–203

Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930), поэт 84, 108, 156, 159, 278–279, 281

Мгебров Александр Авельевич (1884–1966), актер, режиссер. В 1907 г. играл в МХТ, в 1908–1909 гг. в Театре В. Ф. Комиссаржевской 127–128, 217, 227, 307

Медведева Надежда Михайловна (в замужестве Гайнукова; 1832–1899), актриса московского Малого театра, дочь московской актрисы А. Медведевой. Прославилась в пьесах А. Островского, который писал некоторые роли для нее (Гурмыжская — «Лес», Мурзавецкая — «Волки и овцы»). Руководила первыми театральными опытами М. Ермоловой 37–39,41

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940), театральный режиссер, актер. В 1915 г. О. Гильдебрандт участвовала в его постановке «Стойкого принца» Кальдерона в Александринском театре 33, 53, 84, 86–90, 108–109, 156, 160, 165, 168,227, 258, 262, 278–279

Мейерхольд Мария Всеволодовна (1897–1929), дочь В. Мейерхольда 86

Менцель Адольф фон (1815–1905), немецкий живописец и график 83, 172

Метьюрин (Матюрин) Чарлз Роберт (Maturin; 1780–1824), английский писатель 293

Мец Александр Григорьевич, историк литературы 243–244, 309

Микеланджело Буонарроти (Michelangelo di Lodovico Buonarroti Simoni, 1475–1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт, мыслитель эпохи Возрождения 74,

80

Милашевская Ариадна Ипполитовна, последняя жена В. Милашевского 76

Милашевский Владимир Алексеевич (1893–1976), рисовальщик, акварелист, живописец, иллюстратор. Познакомился с М. Кузминым и Ю. Юркуном, работая в «Новой художественной мастерской» М. Добужинского, Е. Лансере и А. Яковлева, с О. Гильдебрандт — в 1920 г., на бале в особняке Зубова. В 1921 г. иллюстрировал «Занавешенные картинки» М. Кузмина. С осени 1924 г. жил в Москве; в 1927 г. выступил организатором группы «13», вместе с Д. Дараном и Н. Кузьминым учредил ее комитет. По его приглашению в выставках группы участвовали Ю. Юркун и О. Гильдебрандт. Автор книги воспоминаний «Вчера, позавчера…» (Л., 1972) и ряда мемуарных очерков 11–12, 15, 20, 33, 74–76, 79–85, 126, 138, 174, 195, 237–238, 261, 280, 287, 292, 309

Милеев, знакомый О. Гильдебрандт 204

Мими, сестра Е. А. Черновой, подруга О. Гильдебрандт 91–92, 94–95, 181,263

Митрохин Дмитрий Исидорович (1883–1973), график, офортист, гравер, иллюстратор, теоретик книжной графики. С 1910 г. участвовал в выставках «Мира искусства», в 1912–1913 гг. создал серию детских книг в издательстве И. Кнебеля. В 1920-х гг. сотрудничал с Госиздатом, вырабатывая особый тип серийной обложки. Один из инициаторов создания Общества любителей художественной книги (1922) и Петроградского общества экслибрисов; с 1916 г. работал в Русском музее, в 1919–1923 гг. хранитель отдела рисунков и гравюр. С 1924 г. преподавал в Академии художеств. Автор обложки сборника М. Кузмина «Новый Гуль» (1924). В 1930–1942 гг. работал в издательстве «Academia», автор серии резцовых гравюр; после войны обратился к акварели и рисунку цветным карандашом, став новатором и в этой области 10, 33,65–66, 83, 167, 174, 197, 212, 237–238, 260

Михайлов В. М., художник-дилетант, коллекционер, знакомый Ю. Юркуна 83, 175, 197

Михальцева-Соболева Ольга Иоанновна (1896–1981), жена писателя Леонида Соболева 168

Мовшенсон Александр Григорьевич (Мовшензон, 1895–1956), переводчик, искусствовед, театровед, преподаватель, брат поэтессы Елизаветы Полонской, входившей в объединение «Серапионовы братья». В 1920-х гг. оставил юридический факультет ЛГУ и перешел на Курсы мастерства сценических постановок В. Мейерхольда (КУРМАСЦЕП), где учился режиссуре и играл на сцене; многие лекции и доклады Мейерхольда

известны в записях Мовшенсона (В. Э. Мейерхольд. Лекции: 1918–1919. М., 2001. С. 162–167). В 1920-е гг. преподавал в Институте сценических искусств 97, 118, 220

Модерзон-Беккер Паула (Modersohn-Becker; 1876–1907), немецкая художница, представительница раннего экспрессионизма 21

Молчанов Анатолий Евграфович, председатель Общества русского пароходства, третий (гражданский) муж М. Савиной (с 1910 г.), вице-президент Театрального общества, один из инициаторов создания «Убежища для престарелых театральных деятелей» 55, 57, 259

Моне Клод (Monet, 1840–1926), французский художник, основоположник импрессионизма 172

Мопассан Ги, де (Guy de Maupassant, 1850–1893), французский писатель 102, 132, 135, 281

Мордовин Борис Михайлович (1898—?), см. прим. Г. Морева на с. 297 202

Моцарт Вольфганг Амадей (Mozart; 1756–1791), австрийский композитор 84, 140, 154, 166, 170, 185–186, 239, 288

Мудрова Дина, актриса, знакомая О. Гильдебрандт 129

Мусина-Озаровская Дарья Михайловна, драматическая актриса, артистка Александринского театра 56–57

Мусоргский Модест Петрович (1839–1881), композитор 84, 170, 185

Мухин Василий Васильевич (1879—?), муж Т. Карсавиной (1907–1917); служащий Кредитной канцелярии Министерства финансов (1904–1916), в 1920-х — начале 1930-х гг. бухгалтер Ленгосбанка. бюро Государственного гидрологического института, старший экономист финансового отдела Ижорского завода. О его судьбе см. коммент. Г. Морева на с. 301 168, 180, 204

Мэй Миа (урожд. Пфлегер; 1884–1980), немецкая киноактриса, жена режиссера Дж. Мэя 260

Набоков Константин Дмитриевич, дипломат, свояк дяди писателя В. В. Набокова — Василия Ивановича Рукавишникова 119

Набоков Николай Дмитриевич (1903–1978), композитор, двоюродный брат писателя В. Набокова 234

Надсон Семен Яковлевич (1862–1887), поэт 121

Наппельбаум Ида Моисеевна (1900–1992), дочь фотографа М. Наппельбаума, поэт, участница литературной студии Н. Гумилёва и кружка «Звучащая раковина» 134, 147, 280–281

Наталья Николаевна, см. Ланская Н. Н.

Недбайло Михаил (1901–1943), живописец, график, рисовальщик, плакатист, книжный иллюстратор, педагог. Один из организаторов группы «Рост» (1928–1930). В 1929 г. вместе с женой Ниной Кашиной входил в группу «13» (1929–1931) 12, 261

Немировская Мирра Абрамовна (1928–1992), искусствовед. В 1970-х гг. работала над книгой о группе «13» (1929–1931); по рекомендации В. Милашевского познакомилась с О. Гильдебрандт, состояла с ней в долгой переписке, несколько раз посетила ее квартиру на Невском. Среди бумаг М. Немировской сохранилось ее воспоминание об одном визите; «Для описания внешности, всего облика этой женщины (О. Гильдебрандт. — *Н. П.)* слова найти трудно. Стройная, изящная, несмотря на возраст, с лицом, которое буквально останавливает выражением благородства, кроткой нежности» (ОР ГТГ. Ф. 200. № 30. Л. 26) 6, 33, 243, 261, 310

Никитин Иван Саввич (1824–1861), поэт 63

Никитина Ренэ Ароновна, жена писателя Н. Никитина (1895–1963) 178

Николай Михайлович Романов (1859–1919), великий князь, внук Николая I, старший сын великого князя Михаила Николаевича, младшего брата Александра II 97, 122

Никс, см. Бальмонт Н. К.

Никулина Надежда Алексеевна (1845–1923), актриса, на сцене Малого театра исполняла комедийные роли. Играла с М. Щепкиным в мелодраме «Помешанная» и драматическом водевиле «Матрос». А. Островский, покоренный ее игрой, написал для нее роль Верочки в пьесе «Шутники» (1864), а позднее — целый ряд ролей, называя актрису «совсем мое создание». С 1914 г. значилась «на покое по болезни», но за заслуги числилась в труппе до конца жизни 39

Одоевцева Ирина Владимировна (наст. имя Ираида Густавовна Гейнике; 1901–1990), поэтесса, прозаик, участница Цеха поэтов, ученица Н. Гумилёва, жена Г. Иванова. В 1923–1987 гг. жила в эмиграции, затем вернулась в Россию. Автор воспоминаний «На берегах Невы» (1967) и «На берегах Сены» (1978–1981) 6, 30, 110, 115, 120, 123, 127–128, 132, 137, 141–142, 144–147, 149, 163, 175, 280–281, 284, 290

Оленина Анна Александровна (1808–1888), дочь А. Н. Оленина, директора Академии художеств и Публичной библиотеки. Адресат ряда стихотворений А. С. Пушкина; в 1828 г. поэт сделал ей предложение, но получил отказ. В 1929 г. вписал в ее альбом знаменитое «Я вас любил…» 8, 240 *Ольга Николаевна Романова* (1895–1918), великая княжна, старшая дочь императора

Николая II 101

Ольгина Ольга Михайловна (1889–1968), актриса. Упомянута в связи с постановкой А. Феона оперетты Кальмана (Театр музыкальной комедии, 1923) 171

Ольхина Зоя, знакомая Н. Гумилёва 128, 160, 284

Орлова Любовь Петровна (1902–1975), советская актриса театра и кино в 1930–1950-х гг. 74

Оцуп Николай Авдиевич (1894–1958), поэт, литературовед, мемуарист. С 1922 г. в эмиграции, редактор журнала «Числа» в Париже 96, 127, 143

Осмеркин Александр Александрович (1892–1953), живописец, член объединений «Бубновый валет», «Общество Московских Художников» (ОМХ). Автор рисунка в альбоме О. Гильдебрандт (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме) 66, 84, 174, 176–178, 195

Островский Александр Николаевич (1823–1886), русский драматург 37

Павлович Надежда Александровна (1895–1980), поэт, переводчик, в 1920–1930-х гг. детская писательница. Принимала деятельное участие в создании Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов (1920–1922), в связи с чем Ирина Одоевцева в мемуарах приводит эпизод ее столкновения с Н. Гумилёвым (*Одоевцева И. В.* На берегах Невы. М., 1888. С. 7) 226, 284

Панова Глафира Викторовна (1869–1943), мать О. Гильдебрандт; актриса Малого (1887–1895) и Александринского (1896–1907) театров 32, 35–52, 55–57, 59, 86, 90, 99, 153, 180, 196–197, 203, 205, 213–214,216, 227,259

Папаригопуло Борис Владимирович (1899–1951), писатель, драматург. Входил в группу эмоционалистов 149

Папаригопуло Сергей Владимирович, литератор, художник, брат Б. В. Папаригопуло. Служил по военному ведомству 181–182

Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), поэт 95, 163, 172, 268, 285

Пастухов В. Л. (1894–1957), пианист, поэт 109

Петров Всеволод Николаевич (1912–1978), искусствовед, писатель, автор воспоминаний, в том числе о М. Кузмине (Панорама искусств. Вып. 3. М., 1980) и Д. Хармсе (Панорама искусств. Вып. 13. М.,1980) 6, 51, 149, 167, 170, 175, 179, 201, 214, 216–217, 224, 226, 236, 239, 280, 290–291, 306

Петрова Аня, подруга О. Гильдебрандт 114

Персиц Тамара Михайловна (?— 1955), владелица издательства «Странствующий энтузиаст», издатель романа

М. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (1919) 155–156

Пикассо Пабло (Picasso; 1881–1973), испанский художник, скульптор, график, керамист и дизайнер, основоположник кубизма 83, 184, 186

Пиросманишвили Николай Асланович (Нико Пиросмани; 1862–1918), грузинский художник-самоучка. С 1912 г. известен благодаря художнику М. Ле-Дантю и поэту И. Зданевичу, впервые написавшим о нем и показавшим его произведения в Москве, Петербурге и Париже. В 1913 г. участвовал в выставке «Мишень» 84, 162

По Эдгар Аллан (Poe; 1809–1849), американский писатель, поэт и литературный критик 135

Позняков Сергей Сергеевич (1889–1945?), литератор-дилетант, в 1908–1909 гг. студент Петербургского университета. Близкий друг М. Кузмина, посвятившего ему роман «Нежный Иосиф» (1909) и несколько стихотворений; по протекции Кузмина публиковался в «Весах» (Диалоги. 1909. № 2) 116, 213

Покровский Корнилий Павлович (1893–1973), гражданский муж А. Радловой; выпускник Тенишевского училища (1911) и Института гражданских инженеров (1914); в 1914–1917 гг. поручик лейб-гвардии конно-гренадерского полка; в 1920-х инженер завода «Гидравлика» 168–170, 202, 216, 287, 297–299, 306

Полаймо Юлия Казимировна, в 1950–1970-х гг. соседка О. Гильдебрандт по квартире на Невском; помогала ей по хозяйству 95, 237–239, 241, 244–245, 268, 308

Поленов Василий Дмитриевич (1844–1927), художник, деятель театра, член Товарищества передвижных художественных выставок 78, 184

Полонский, знакомый О. Гильдебрандт 211, 214, 216, 219, 225, 228–229

Полотнова, артистка 197

Поля, прислуга в доме семьи Гильдебрандт 54, 57

Пономарева Валя, знакомая О. Гильдебрандт 218

Портинари Беатриче (Portinari, 1265–1290), возлюбленная итальянского поэта Данте Алигьери, героиня его «Новой жизни» *(La vita Nuova,* 1293) и «Божественной комедии» *(La Divina Comedia,* 1291) 164, 207

Правдин Осип Андреевич (наст. имя и фамилия Оскар Августович Трейлебен; 1849–1921), чтец, актер, педагог. В 1875 г. дебютировал в Александринском театре; с 1878 г. — в труппе Малого театра. Сын обрусевшего немца, прославился как исполнитель ролей «русских немцев»: Шааф («Месяц в деревне»

И. Тургенева), Остергаузен («Джентльмен» А. Сумбатова). С 1889 г. заведовал драматическими классами Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества, в 1888–1893 гг. преподавал на драматических курсах Московского театрального училища. С 1883 г. организовывал поездки актеров Малого театра по провинции, способствуя подъему провинциального театра. В 1917 г. стал управляющим Малым театром, затем вошел в состав дирекции 38

Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953), композитор, пианист, дирижер. Лауреат четырех Сталинских премий (1943, 1946, 1947, 1951) 170, 221,239, 309

Пруст Марсель (Proust, 1871–1922), французский писатель 93

Пуни Иван (Жан) Альбертович (1894–1956), русский и французский художник, представитель петроградского художественного авангарда. С 1919 г. в эмиграции 33, 115

Пунин Николай Николаевич (1888–1953), искусствовед, художественный критик, в 1924–1938 гг. муж А. Ахматовой 114, 178, 237, 279

Пуцилло Лев Вячеславович (1878—?), скульптор-керамист. В 1926–1930 гг. жил в Средней Азии. В 1931 г. вернулся в Ленинград, работал в горкоме ИЗО. Подробнее о нем см. в прим. Г. Морева на с. 297 202

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт 45, 50, 77, 83, 95, 126, 170, 171, 182, 240, 245, 261, 265, 267, 268, 291

Пшибышевский Станислав (1868–1927), польский прозаик и драматург, представитель польского модернизма. Автор декадентских романов «Заупокойная месса» (1893), «Дети сатаны» (1897), «Homo sapiens» (1895–1898) 56

Радлов Сергей Эрнестович (1892–1958), режиссер, драматург, теоретик и историк театра, сын философа Э. Л. Радлова. Теоретик античного театра; руководитель Курсов мастерства сценических постановок (КУРМАСЦЕП). Вместе с В. Соловьевым создатель Театра народной комедии; руководитель Театрально-исследовательской мастерской С. Радлова (с 1922 г.). В 1930-е гг. возглавлял ленинградскую Академическую оперу, затем — Академическую драму (1936–1938). Организатор Молодого театра (1929–1935); позже Театра-студии под руководством Радлова (1935–1939), с 1939 г. Театра им. Ленсовета. Работал в Москве — в Государственном еврейском театре (ГОСЕТ) и Малом театре. О судьбе С. Радлова см. также в коммент. Г. Морева на с. 300 170, 181, 197, 201–202, 204, 216, 223, 284, 287, 289, 290, 297–299

Радлова Анна Дмитриевна (урожд. Дармолатова; 1891–1949),

поэт, драматург, переводчик; с 1914 г. жена С. Радлова. Адресат ряда стихотворений М. Кузмина; ей посвящен также цикл «Форель разбивает лед» (1927) 108, 116, 126, 160, 166, 168–170, 174–175, 181, 201–202, 204, 216, 223, 284, 287, 289–290, 297–299

Раздольский Иван Яковлевич (1890–1962), врач-невропатолог, знакомый М. Кузмина 195

Разумовский Алексей Григорьевич (1709–1771), граф, генерал-фельдмаршал, камергер. Из пастухов был взят в придворные певчие, затем стал фаворитом Елизаветы Петровны и сыграл значительную роль в дворцовом перевороте 1741 г. После вступления Елизаветы на престол тайно с ней обвенчался (1742) 38

Райх Зинаида Николаевна (1894–1939), актриса Государственного театра им. Мейерхольда (1923–1938). С 1922 г. была женой В. Мейерхольда, играла центральные роли в его спектаклях этого периода 90, 262

Раков Лев Львович (1904–1970), историк, поэт, писатель, музейный работник; сын революционера Л. В. Теслера. Близкий друг М. Кузмина, посвятившего ему сборник «Новый Гуль» (1924). С 1931 г. научный сотрудник Эрмитажа, преподаватель античной истории в ЛГУ и Пединституте им. Герцена (с 1932 г.). В 1945–1947 гг. создатель Музея обороны Ленинграда 49, 171, 174, 176, 178, 195–196, 202, 224, 287, 306

Ракова Елизавета Дмитриевна (1874–1933), мать Л. Ракова 176, 196

Расторгуев Сергей Николаевич (1896–1943), живописец, график, иллюстратор. В 1929 г. принимал участие в выставке группы «13» 16, 261

Рафаэль Санти (Sanzio; 1483–1520), итальянский живописец, график, архитектор эпохи Возрождения 80, 184

Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943), композитор, пианист, дирижер. В 1904–1906 гг. дирижер Большого театра. После 1917 г. эмигрировал, с 1918 г. жил в США 39

Рашевская Наталия Сергеевна (1893–1962), актриса Академического театра драмы им. Пушкина, режиссер 180

Рейснер Лариса Михайловна (1895–1926), писатель, общественный деятель. Принимала участие в университетском «Кружке поэтов» наряду с Л. Никулиным, О. Мандельштамом, В. Рождественским. В 1916 г. возлюбленная Н. Гумилёва. После революции комиссар Балтфлота и Волжской флотилии, жена командующего Волжской флотилией и замнаркома по морским делам Ф. Раскольникова; в 1920 г. участница успешной энзелийской кампании на Каспии. Автор документально-публицистических книг «Фронт» (1924), «Афганистан» (1925) и

др. С 1925 г. гражданская жена Карла Радека. В возрасте 30 лет внезапно умерла от брюшного тифа 8, 140, 165–166, 186

Рембо Жан Никола Артюр (Rimbaud; 1854–1891), французский поэт, один из основоположников символизма 183,188

Рембрандт Харменс ван Рейн (Rembrandt Harmensz van Rijn; 1606–1669), голландский живописец, офортист и рисовальщик 83, 184

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), писатель. С 1921 г. в эмиграции 167, 172

Ренуар Пьер Огюст (Renoir; 1841–1919), французский живописец, график, скульптор, один из основоположников импрессионизма 83, 185

Репин Илья Ефимович (1844–1930), живописец, портретист. С 1894 г. деятельный участник Товарищества передвижных художественных выставок 83, 166

Рильке Райнер Мария (Rilke; 1875–1926), австрийский поэт 21, 95, 172, 268

Рихтер Пауль (1895–1961), исполнитель роли Гуля в фильме «Доктор Мабузе — игрок» 171, 287

Рождественский Всеволод Александрович (1895–1977), поэт 125, 127, 178, 290

Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968), Маршал Советского Союза (1944), маршал Польши (1949), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В 1956–1962 гг. — заместитель министра обороны СССР 233, 308

Романов Н. М., см. Николай Михайлович Романов

Романова О. Н., см. Ольга Николаевна Романова

Ромашков И. Ф., друг семьи Гильдебрандт 57, 59

Ронсар Пьер (1524–1585), французский поэт, глава «Плеяды» 103, 246

Рославлева Любовь Андреевна (1874–1904), балерина императорских московских театров. В 1892–1904 гг. в труппе Большого театра. Исполнительница Авроры в первой постановке «Спящей красавицы» П. Чайковского (1899). Жена известного актера Прова Садовского 37

Россетти Данте Габриэль (Rossetti; 1828–1882), английский живописец, поэт, переводчик итальянской поэзии. Основатель и глава «Братства прерафаэлитов» — школы в английском искусстве, выступившей против академизма и утверждавшей идеал чистоты, утраченный европейской живописью во времена Рафаэля 119

Рубинштейн Ида Львовна (1883–1960), танцовщица, драматическая актриса, ученица М. Фокина, участница первых

«Русских сезонов» в Париже С. Дягилева. Имела сенсационный успех в партиях Клеопатры («Клеопатра», 1909) и Зобеиды («Шехерезада», 1910). Впоследствии создала собственную балетную труппу, работавшую в Англии и Франции. Известен ее портрет кисти В. Серова (1910), вызвавший скандал на Всемирной выставке в Риме (1911) 97, 227

Руссо Анри (Rousseau; 1844–1910), французский живописец 5, 16, 83–85, 184, 250

Рыбаков Иосиф Израилевич (1880–1938), юрист, коллекционер. Подробнее о нем см. прим. Г. Морева на с. 299 202, 220

Рыбченков Борис Федорович (1899–1994), живописец, график, книжный иллюстратор, педагог. Учился в петербургской Академии художеств (1920–1921) и ВХУТЕМАСе (1921–1925). Член общества художников «Рост» (с 1928 г.). Входил в группу «13», участвовал во всех ее выставках (1929–1931). В послевоенное время пейзажист, автор тематических картин; в 1980-х, почти потеряв зрение, вернулся к ранней импрессионистической манере 16, 72, 261

Рыкова Надежда Януарьевна (1901–1996), литературовед, переводчик, поэт 175

Рябушкин Андрей Петрович (1861–1904), живописец, мастер красочных жанровых и исторических картин, воссоздающих московский быт XVII в. 78, 184

Савина Мария Гавриловна (урожд. Подраменцова, 1854–1915), актриса, с 1874 г. в труппе Александринского театра, где заняла ведущее положение. Имела шумный успех в роли Марьи Антоновны («Ревизор» Н. Гоголя); в пьесах А. Островского, Л. Толстого, А. Сумбатова и И. Тургенева, который называл ее своей музой. Одна из организаторов (1883–1984), затем председатель Русского (ныне Всероссийского) театрального общества. Входила в число инициаторов I Всероссийского съезда сценических деятелей (1897). Основательница «Убежища для престарелых театральных деятелей» (1896; ныне Дом ветеранов сцены Всероссийского театрального общества) 39, 43–44, 259, 264

Савинов Алексей Николаевич (1905–1976), искусствовед 95, 157, 236, 242, 260

Саврасов Алексей Кондратьевич (1830–1897), художник-пейзажист, один из членов-учредителей Товарищества передвижных художественных выставок 78

Саламатин Иван Алексеевич, муж М. Гильдебрандт, театральный режиссер 49, 214–215, 259, 293

Саломея, двоюродная сестра Ю. Юркуна 192

Саломея, см. Гальперн С. Н.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889), писатель 80

Сальвини Томмазо (Salvini; 1820–1915), итальянский актер, чье творчество считается вершиной сценического искусства XIX в. Прославился исполнением сильных, драматических характеров (Саул в «Сауле» Альфьери, Оросман в «Заире» Вольтера); в 1856 г. обратился к Шекспиру (Отелло), исполнял роли Гамлета, Яго, короля Лира, Макбета, Кориолана. С 1869 г. гастролировал в Европе и Америке; в 1880, 1882, 1885, 1900 и 1901 гг. выступал в России 39

Сандунов Сила Николаевич (Зандукели; 1756–1820), актер екатерининской эпохи, из грузинских дворян. В 1776 г. дебютировал в частном Московском театре (с 1780 г. в Петровском театре, театре Медокса), в 1783 г. принят на петербургскую придворную сцену. В 1791 г. вернулся в Петровский театр, с 1806 г. выступал в труппе Императорского Московского театра. Созданный им тип пройдохи-слуги, который умнее своих господ, напоминал образ Фигаро 36, 259

Саянов Виссарион Михайлович (наст. фамилия Махлин; 1903–1959), поэт, прозаик, литературный критик. В 1930-х гг. сотрудник редакций «Библиотеки поэта», журнала «Звезда», член правления Издательства писателей в Ленинграде 178, 290

Северский Николай Георгиевич (1875–1941), актер, знаменитый исполнитель цыганских романсов. Известен как режиссер и антрепренер. Возглавлял Екатерининский театр в Петербурге. Одновременно закончил авиационную школу, был инструктором Гатчинской авиационной школы. Во время Первой мировой войны прославился как выдающийся военный летчик. После 1917 г. в эмиграции 63

Семенова Елизавета (наст. фамилия Уранова; 1777–1826), актриса и певица, жена актера С. Сандунова, с которым позже разошлась 36, 259

Серова Валентина Васильевна (1917–1975), актриса театра и кино 233, 308

Синьорелли Лука (1445/50–1523?), итальянский живописец 82, 172

Сковорода Григорий Саввич (1722–1794), украинский философ, поэт, музыкант 182

Скрыдлов Алексей, композитор, автор и исполнитель романсов; внебрачный сын великого князя Алексея Александровича. Воспитывался в семье матери, жены адмирала Н. Скрыдлова. С 1926 г. в эмиграции 175, 235

Слонимский Михаил Леонидович (1897–1972), писатель, в

1920-х гг. член группы «Серапионовы братья» 178, 261

Смирнова Елена Александровна (1888–1934), балерина, с 1906 г. в Мариинском театре. С 1921 г. за границей; возглавляла (вместе с мужем танцовщиком и хореографом Б. Романовым) «Русский романтический театр» в Берлине (1921–1926). С 1928 г. преподавала в Буэнос-Айресе 171

Соболев Леонид Сергеевич (1898–1971), писатель. Подробнее о нем см. в прим. Г. Морева на с. 286 168

Содома (Sodoma; наст. имя Джованни Антонио Бацци; 1477–1549), итальянский живописец 82

Соллертинский Иван Иванович (1902–1944), историк театра, музыковед, литературовед, педагог, музыкальный и театральный критик. С 1929 г. лектор и консультант, а позднее художественный руководитель и заведующий репертуарной частью Ленинградской филармонии. В 1936–1941 гг. преподаватель Ленинградской консерватории 220

Соловьев Владимир Николаевич (1887–1941), режиссер, театральный критик 203

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, богослов; сын историка С. М. Соловьева. В 1877 г. член Ученого комитета при Министерстве народного просвещения; преподавал в Петербургском университете, где в 1880 г. защитил докторскую диссертацию. В 1881 г., после лекции, в которой призывал помиловать убийц Александра II, оставил преподавание. Автор трудов «История и будущность теократии» (1886), «Россия и Вселенская Церковь» (1889) и др. 39

Сологуб Федор Кузьмич (наст. фамилия Тетерников; 1863–1927), поэт, прозаик 153, 157, 167

Соломко Сергей Сергеевич (1855–1928), график, иллюстратор, плакатист. Известен как автор «салонно-декадентских» открыток и иллюстраций к журналу «Нива». С 1910 г. жил и работал в Париже 39

Сомов Константин Андреевич (1869–1939), живописец, график, член объединения «Мир искусства». С 1923 г. в эмиграции 18, 79, 83, 114, 166, 168, 172, 184, 293

Спасский Сергей Дмитриевич (1898–1956), поэт, прозаик, переводчик. С 1924 г. секретарь Центрального художественного совета при академических театрах, в 1945–1949 гг. редактор в издательствах. В 1951 г. арестован, приговорен к десяти годам лагерей, освобожден в 1954 г. Автор воспоминаний о В. Маяковском 178, 290

Спесивцева Ольга Александровна (1895–1991), балерина, в 1913–1923 гг. в Мариинском театре. Эмигрировала во Францию, с конца 1920-х гг. прима-балерина «Гранд-Опера». В 1916, 1926,

1927 и 1929 гг. принимала участие в «Русских сезонах» С. Дягилева. Танцевала в балетах Д. Баланчина и С. Лифаря («Жизель», «Пери», «Вакх и Ариадна»), работала с М. Фокиным в Аргентине, с В. Дандре в Австралии. Оставила сцену из-за душевной болезни, умерла в пансионате Фонда Льва Толстого в США 171, 288

Спокойская Людмила Аполлоновна (1902–1976), артистка эстрады, танцовщица 197

Сталин Иосиф Виссарионович (наст. фамилия Джугашвили; 1879–1953), в 1922–1953 гг. генеральный секретарь ЦК коммунистической партии и руководитель государства 174, 187, 207, 215–217, 239, 309

Станиславский Константин Сергеевич (наст. фамилия Алексеев; 1863–1938), театральный режиссер, актер, преподаватель, теоретик и реформатор театра. Вместе с В. Немировичем-Данченко основал Московский Художественный театр (МХТ, 1898) 10, 32, 35, 41

Стахова, предположительно Стахова Татьяна Дмитриевна (1900–1954), актриса 89

Стендаль (наст. имя Анри Мари Бейль; Stendhal; 1783–1842), французский писатель 93

Степанов Алексей Алексеевич (1903–1943), историк театра, знакомый М. Кузмина 49, 175, 201, 203, 212, 219–220, 225, 299, 306–307

Сторицын Петр Ильич (наст. фамилия Коган; 1894–1941), поэт, литератор. В 1920-х гг. сотрудник петроградской газеты «Жизнь искусства» 146, 288

Стравинский Игорь Федорович (1882–1971), композитор 84, 170, 185,288

Стрелкова, знакомая О. Гильдебрандт 214

Струве Михаил Александрович (1890–1948), племянник П. Струве; поэт, прозаик, литературный критик, участник второго Цеха поэтов (1916–1917). С 1920 г. в эмиграции, после 1921 г. в Париже; участник литературно-художественных объединений «Гатарапак» (1921–1922) и «Через» (1923–1924). Член Союза русских писателей и журналистов. С 1942 г. участник французского Сопротивления 96, 265, 268

Судейкин Сергей Юрьевич (1882–1946), живописец, график, иллюстратор, театральный художник. Один из создателей художественного объединения «Голубая роза» и организатор ее единственной выставки (1907). С 1911 г. постоянный участник выставок объединения «Мир искусства». Близкий друг М. Кузмина, иллюстратор его произведений и автор декораций к его оперетте «Забава дев» (1911). Оформлял спектакли в театрах

В. Мейерхольда, В. Комиссаржевской, А. Таирова, Н. Евреинова, участвовал в создании литературно-артистического кабаре «Бродячая собака», оформлял многие его спектакли и вечера. С 1920 г. в эмиграции, где сотрудничал с «Метрополитен-опера», балетными труппами Дж. Баланчина, М. Фокина 18, 79, 84, 114, 130, 142, 153–156, 167, 172, 184, 261

Султанова Наталья Владимировна (урожд. Шумкова, в первом браке Гвоздева; 1895–1976), искусствовед 167,174,178, 195,202, 214, 283

Суриков Василий Иванович (1848–1916), русский живописец, член Товарищества передвижных художественных выставок 184

Сутугина Вера Александровна (1892–1969), секретарь издательства «Всемирная литература» 156

Сухотина Ирина Александровна (в замужестве Горяинова; 1897–1980), пианистка 293

Таиров Александр Яковлевич (1885–1950), актер, режиссер. До 1913 г. играл в театрах Петербурга, Риги, Симбирска; в Передвижном театре П. П. Гайдебурова начал режиссерскую деятельность, поставив в 1908 г. спектакли «Гамлет» и «Дядя Ваня». В 1913 г. вступил в Свободный театр (руководитель К. Марджанов), через год вместе с Алисой Коонен и группой молодых актеров создал Камерный театр, с которым связал всю дальнейшую жизнь 47

Тамм Карл Иванович, брат Л. Тамм 58, 62–63

Тамм Лина Ивановна (1875?—1941), няня и воспитательница О. и М. Гильдебрандт, близкий друг семьи Гильдебрандт 46–48, 53–56, 58–65, 86, 96, 100, 111, 178, 180, 202, 213–214, 216, 231, 260, 304

Тамм Линца, дочь К. Тамма 61–65, 203, 260, 304

Теккерей Уильям Мейкпис (Thackeray; 1811–1863), английский писатель 171

Тизенгаузен Орест Дмитриевич, литератор, член Союза драматических писателей. В 1922 г., вместе с М. Кузминым, редактор журнала «Абраксас», где напечатал свою «Декларацию форм-либризма» 174

Тиме Елизавета Ивановна (1884—?), актриса, с 1908 г. в Александринском театре. С 1928 г. режиссер, преподаватель художественного слова; с 1913 г. преподавала в Школе сценического искусства А. П. Петровского (класс водевиля), с 1919 г. в Институте живого слова, затем в Государственных театральных студиях. С 1951 г. профессор Ленинградского театрального института 171, 231, 287

Тихонов Александр Николаевич (псевдоним Серебров; 1880–

1956), писатель, литературный деятель. После 1917 г. заведовал издательством «Всемирная литература», куда Н. Гумилёв из опасений сопровождал О. Гильдебрандт (см. «Гумилёв», с. 125); в 1930–1936 гг. Тихонов возглавлял издательство «Academia». Автор мемуаров «Время и люди. Воспоминания 1898–1905» (1949) 125

Тихонов Николай Семенович (1896–1979), поэт, писатель, общественный деятель 185, 292

Толстой Алексей Константинович (1817–1875), поэт, прозаик, драматург 45, 91

Толстой Алексей Николаевич (1882/83–1945), писатель 167, 170, 238

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), писатель 54, 56, 192, 259, 262

Тольский Анатолий Сергеевич (наст. фамилия Холфин; 1911—?) танцовщик, балетмейстер, брат балетмейстера Н. Холфина. В 1931–1938 гг. солист Московского художественного балета, в 1938–1965 гг. Театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, где имел успех в балетах Холфина как острохарактерный танцовщик. В 1967–1972 гг. балетмейстер-режиссер мастерской эстрадного танца Москонцерта 228

Тон Константин Андреевич (1794–1881), архитектор, представитель «русско-византийского» стиля. В 1854–1871 гг. ректор Академии художеств 60

Трей Лида, актриса, подруга О. Гильдебрандт 129, 215

Триоле Эльза Юрьевна (урожд. Каган; 1896–1970), писательница, переводчица, сестра Лили Брик. С 1920-х гг. жила во Франции, где в 1928 г. вышла замуж за французского поэта и писателя Луи Арагона. Переводила на французский язык произведения А. Чехова, Н. Гоголя, В. Маяковского, В. Хлебникова и др.; составила «Антологию русской поэзии XVIII–XX вв.»; автор воспоминаний о Маяковском и ряда прозаических произведений. В годы войны вместе с Л. Арагоном принимала участие в движении Сопротивления 229

Трусевич Александра Яковлевна, жена К. Ляндау с осени 1917 г., в 1918–1920 гг. играла с ним в труппах Театра экспериментальных постановок, Театра-студии и Малого драматического театра. С 1920 г. в эмиграции, где сотрудничала в «Русском балете Дягилева» 96

Тырса Николай Андреевич (1887–1942), живописец, график, акварелист, книжный иллюстратор; после войны заметная фигура ленинградской пейзажной школы и «тихого искусства». Преподавал в Свободных художественных мастерских — Высшем художественно-техническом институте (Вхутеин; 1918–1922) и

Институте гражданских инженеров (1924–1942) 10, 33, 114,203

Тышлер Александр Григорьевич (1898–1980), живописец, сценограф, скульптор, один из основателей Общества художников-станковистов (ОСТ; 1925–1932), в 1930-х гг. работал в театрах Москвы и Ленинграда 34, 83, 184

Тулуз-Лотрек Анри де, граф (de Toulouse-Lautrec; 1864–1901), французский живописец, представитель постимпрессионизма 66

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель 37, 45, 187

Тутанхамон, египетский фараон в 1333–1325 гг. до н. э., преемник Эхнатона, умер в 19-летнем возрасте. Стал знаменит после сенсационного открытия его гробницы в 1922 г. 99, 241–242,309

Тэб де (наст. имя Анна-Виктория Совари; 1865–1917), французская гадалка, популярная и в России (см., напр.: Война и предсказания госпожи де Тэб. Пг., 1914) 187

Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт 171

Уайльд Оскар (Wilde; 1854–1900), английский писатель 93, 172, 182, 192, 278–279, 281

Удальцова Надежда Андреевна (1886–1961), живописец, график. Одна из центральных фигур русского авангарда и послевоенного «тихого искусства». Вместе с Л. Поповой училась в Париже у Н. де Сегонзака и др.; по возвращении в Россию работала в мастерской В. Татлина. В 1915 г. примкнула к группе последователей К. Малевича «Супремус». После 1917 г. преподавала во ВХУТЕМАСе и Институте художественной культуры. Став женой художника А. Древина, отчасти под его влиянием вернулась к фигуративной живописи и свободному рисунку; в 1931 г. они оба приняли участие в выставке «13», где выставлялась и О. Гильдебрандт. В 1938 г. А. Древин был арестован и расстрелян; Удальцова спасла его работы от конфискации и уничтожения, выдав при обыске за свои 72

Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918), с марта 1918 г. председатель Петроградской чрезвычайной комиссии 265,271–276, 289

Урусов Александр Иванович, князь (1843–1900), адвокат, общественный деятель. Участвовал в нескольких громких процессах, в том числе в известном Нечаевском деле (1871) 39

Успенский Алексей Александрович (1882–1941), живописец, график, иллюстратор, дизайнер. Преподавал в Академии художеств и в Институте народов Севера 203

Утесов Леонид Осипович (наст. имя Лазарь Иосифович Вайсбейн; 1895–1982), артист эстрады, певец, киноактер. Один из основателей советского джаза 171, 287

Утрилло Морис (Utrillo; 1883–1955), французский живописец, представитель постимпрессионизма 83

Фаллада Ханс (Fallada; наст. имя Рудольф Дитцен, Rudolf Ditzen; 1893–1947), немецкий писатель 239, 309

Федотов Павел Андреевич (1815–1852), живописец, рисовальщик 83, 184,187

Федотова Гликерия Николаевна (Познякова; 1846–1925), актриса московского Малого театра 37, 40, 43

Фейдт Конрад (Veidt; 1893–1943), немецкий и американский киноактер. Прославился в немецких фильмах экспрессионистического направления: в ролях сомнамбулы Чезаре («Кабинет доктора Калигари», 1920), Пианиста («Руки Орлака», 1924, в советском прокате «Пляска нервов»), Ивана Грозного («Кабинет восковых фигур», 1925). В 1933 г. покинул Германию, работал в Англии и США. Снялся в фильмах «Багдадский вор» (1940), «Мужчины в ее жизни» (1941, в советском прокате «Балерина»), «Касабланка» (1943) 62, 171, 183, 188, 260

Феона Алексей Николаевич (1879–1949), актер и режиссер оперетты. В 1919–1929 гг. работал в Театре музыкальной комедии. В 1919–1927 гг. также режиссер Малого оперного театра. В 1929–1931 и 1934–1936 гг. художественный руководитель Театра музыкальной комедии 171

Фламинк, см. Вламинк Морис

Флоран Кловис, священник 200, 296

Фокин Михаил Михайлович (1880–1942), артист балета, балетмейстер, с 1898 г. в Мариинском театре, в 1909–1912 гг. и в 1914 г. возглавлял балетную труппу «Русских сезонов» в Париже. С 1918 г. жил за границей, преимущественно в США 171

Форш Ольга Дмитриевна (1873–1961), писательница, автор исторических романов 128, 151

Франс Анатоль (France; наст. имя и фамилия Jacques Anatole François Thibault; 1844–1924), французский романист и литературный критик 172, 182, 281, 292

Франциск Ассизский (1182–1226), святой 93

Фроман Михаил Александрович (наст. фамилия Фракман; 1891–1940), поэт, прозаик, переводчик; в 1920-х гг. секретарь ленинградского Союза поэтов 128

Хазина Н. Я., см. Мандельштам Н. Я.

Хармс Даниил Иванович (наст. фамилия Ювачев; 1905–1942), поэт, основатель литературного объединения ОБЭРИУ (Объединение Реального Искусства). Подробнее о нем см. прим.

Г. Морева на с. 299–300 49, 172, 183, 186, 201–203, 296, 302

Хачатурян Арам Ильич (1903–1978), армянский советский композитор, дирижер. Прославился в конце 1930-х гг. («Концерт для скрипки с оркестром», «Вторая симфония»). Во время Второй мировой войны работал на Всесоюзном радио, писал патриотические песни и марши. Создал первый армянский балет «Счастье» (1939), балет «Спартак» (1945; премьера в 1956 г.). После войны писал музыку для театра и кино; автор романсов, концертных арий 219, 221

Хлебников Велимир (наст. имя Виктор Владимирович; 1885–1922), поэт 182, 292

Ходасевич Валентина Михайловна (1894–1970), живописец, график, театральный художник (см.: Валентина Ходасевич: Статьи М. Кузмина, Сергея Радлова, С. Мокульского, А. Мовшенсона. Л., 1927 // Современные театральные художники. Вып. 1). С 1910 г. училась в Мюнхене и Париже. Участвовала в выставках объединения «Мир искусства» и «Художественного бюро» Н. Добычиной. В 1932–1936 гг. главный художник Театра оперы и балета им. Кирова в Ленинграде. Оформила обложку последней книги М. Кузмина «Форель разбивает лед» (1929) 82–83, 174, 197, 213

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939), поэт, критик, мемуарист. С 1922 г. в эмиграции 80, 261

Хогарт Уильям (Hogarth; 1697–1764), английский художник, иллюстратор, гравер, теоретик искусства 184

Ходовецкий Даниэль Николаус (Chodowiezky; 1726–1801), немецкий график и живописец 21, 27, 172, 184, 204, 288

Ходотов Николай Николаевич (1878–1931), актер Александринского театра (1898–1929). Прославился в начале XX в. «демократическими» образами Пети Трофимова («Вишневый сад» А. Чехова), Беляева («Месяц в деревне» И. Тургенева), Жадова («Доходное место» А. Островского), созданными под влиянием В. Комиссаржевской, и др. Выступал на эстраде в жанре мелодекламации. Организатор благотворительных концертов и вечеров. Автор воспоминаний (Близкое-далекое. Л.; М., 1962) 57, 63

Ходотова Леонарда Яновна (урожд. Дубицкая), актриса, с 1926 г. жена Н. Ходотова 197

Хохлов Павел Акинфиевич (1854–1919), оперный певец Большого театра (1879–1900). Прославился исполнением партий Онегина («Евгений Онегин» П. Чайковского) и Демона («Демон» А. Рубинштейна) 56

Цветаева Марина Ивановна (1892–1941), поэт, писатель.

Среди ее мемуаров рассказ-воспоминание памяти М. Кузмина «Нездешний вечер» (1936), на который ссылается О. Гильдебрандт 6, 90–98, 160, 263, 265, 267–268, 270–271, 276, 288–289

Цесарская Наталия Ивановна, жена С. Каннегисера 94, 267

Цирель-Спринсон Соломон Давидович (1900–1988), инженер-геолог; в 1920-е гг. один из устроителей музея в квартире А. Пушкина на Мойке, 12 в Ленинграде 179

Цявловский Мстислав Александрович (1883–1947), литературовед, пушкинист, редактор и комментатор многих собраний сочинений поэта (в том числе академического издания 1937–1959 гг.) 77

Чабукиани Вахтанг Михайлович (1910–1992), грузинский танцовщик и балетмейстер, реформатор мужского классического танца. До войны работал в Театре оперы и балета им. Кирова, с 1941 г. ведущий танцовщик и руководитель балетной труппы Театра оперы и балета им. Палиашвили (Тбилиси). С 1965 г. художественный руководитель балетмейстерского отделения Театрального института им. Руставели 227

Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор, дирижер, педагог, общественный деятель 43, 84, 170, 173, 185

Чайковский Модест Ильич (1850–1916), драматург, либреттист, музыкальный критик; брат П. И. Чайковского 38, 43

Чаплин Чарлз Спенсер (Chaplin; 1889–1977), американский актер, режиссер и сценарист 171, 183

Чарская Лидия Алексеевна (наст. фамилия Чурилова, урожд. Воронова; 1875/78–1937), детская писательница. С 1898 по 1924 г. актриса Александринского Императорского театра, где выступала под сценическим псевдонимом Чарская. Как вспоминает О. Н. Гильдебрандт, в 1920-х гг. они не раз встречались в театре и даже часто «халтурили» вместе (см. «Гумилев», с. 128). В 1901 г. детский журнал «Задушевное слово» напечатал первую повесть Чарской «Записки институтки», которая принесла ей невероятную славу. Однако уже в 1912 г. проза Чарской подверглась резкой критике К. Чуковского, который осудил экзальтированность ее героев и обилие сентиментальных штампов; после революции книги Чарской попали в инструкцию Наркомпроса и были изъяты из общественных библиотек как вредные для советских детей 16, 128, 259

Чистяков Павел Петрович (1832–1919), художник и педагог, мастер исторической, жанровой и портретной живописи 12

Чекан Виктория Владимировна, актриса, жена А. Мгеброва 127–128

Чекан Костя (1913–1922), сын В. Чекан 127–128

Черемшанова Ольга Александровна (Ельшина-Черемшанова; наст. фамилия Чижова; 1904–1970), поэт, актриса, чтец-декламатор. М. Кузмин посвятил ей цикл «Пальцы дней» (1925) в сборнике «Форель разбивает лед» и стихотворение «Был бы я художник, написал бы…» (1927) 168, 174, 178–179, 197

Чернявский Владимир Степанович (1889–1948), поэт. Участник студии В. Мейерхольда, чтец, позднее актер в Театре экспериментальных постановок С. Радлова (1918), Малом драматическом театре (1919–1920), театре Народной комедии (1919–1920) 91–92, 94, 97, 110–111, 116, 210, 225, 264–265, 269–270

Чернова Екатерина Александровна (?—1966), жена Д. Гоголицына 176,201,267

Честертон Гилберт Кийт (Chesterton; 1874–1936), английский писатель, литературовед, богослов 113

Чуковский Николай Корнеевич (1904–1965), писатель, поэт, литературный критик 134

Чуковский Корней Иванович (наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969), писатель, критик 119, 121, 166, 261, 283

Шадрин Алексей Матвеевич (1911–1983), переводчик, литературовед, коллекционер, поэт; литературное наследие не издано (ЦГАЛИ. СПб. Ф. 435); см. его стихи, посвященные О. Гильдебрандт, в наст. изд., с. 255. С 1932 г. входил в литературное объединение поэтов ШПРОТ (Шадрин, Петров, Рудаков, Обломиевский, Томашевский; см. в коммент. А. Меца, Е. Тоддеса и О. Лекманова к публикации: О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене: 1935–1936 // Ежегодник на 1993 год). Принадлежал к кругу поэтов, близких М. Кузмину, и часто бывал у него («забрел <…> верный Шадрин, вот по-настоящему верный человек» — М. Кузмин. Дневник 1934 года. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1907. С. 102). С 1931 г. преподавал иностранные языки в вузах Ленинграда. В 1950–1970-х гг. постоянно бывал у О. Гильдебрандт; часть материалов из ее фонда в ЦГАЛИ (СПб.) поступила из его собрания 28, 175, 202, 205, 224, 243, 255, 297, 303, 309

Шадрин Матвей Алексеевич (1874–1942), инженер, отец А. Шадрина 200, 203

Шадрина Екатерина Николаевна (1887–1970), мать А. Шадрина 49, 65, 201, 204–206, 224, 259, 307

Шалонская Кэт, знакомая О. Гильдебрандт 110, 162

Шапорин Юрий Александрович (1887–1966), композитор, в 1919–1928 гг. заведующий музыкальной частью Большого

драматического театра (в 1919–1924 гг. делил этот пост с М. Кузминым и Б. Асафьевым) 170

Шварц Антон Исаакович (1896–1954), актер, мастер художественного слова, заслуженный артист России (1947). С 1929 г. выступал на эстраде с литературными композициями («Мертвые души» по Н. Гоголю, «Пиковая дама» по А. Пушкину), читал произведения Н. Асеева, Э. Багрицкого, В. Маяковского и др. 93, 223, 225

Шварц Евгений Львович (1896–1958), писатель, драматург. С 1924 г. работал в Госиздате под руководством С. Маршака, тогда же сблизился с членами ОБЭРИУ. После 1929 г. начал писать пьесы; наиболее известные — «Голый король» (1934), «Красная Шапочка» (1936), «Снежная королева» (1938), «Тень» (1940), «Дракон» (1944) и «Обыкновенное чудо» (1956) 223,225, 306

Шведе, см. Шведе-Радлова Н. К.

Шведе-Радлова Надежда Константиновна (1894–1944), художница, жена художника Н. Радлова 83, 131, 174, 280

Швейцер Виктория Александровна, литературовед, исследовательница творчества М. Цветаевой 90, 264

Шекспир Уильям (Shakespeare, 1564–1616), английский драматург и поэт 45, 120, 140, 171, 173, 215, 217, 280, 281,291

Шенфельд (Краснопольская) Татьяна Генриховна, писательница 143

Шилейко Владимир Казимирович (1891–1930), поэт, ассириолог. В 1918–1922 гг. муж А. Ахматовой 130

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (von Schiller; 1759–1805), немецкий поэт, философ, историк и драматург 46, 54, 124, 194, 209

Шиллинг Вера Артуровна (урожд. Де Боссе, в замужестве Судейкина, Стравинская; 1888–1982), актриса немого кино, художница, танцовщица. О ее жизни с С. Судейкиным см.: *Судейкина В. А.* Дневник 1917–1919 (Петроград — Крым— Тифлис). М., 2 006 154–155

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918), один из лидеров кадетской партии 140, 281

Шишкин Иван Иванович (1832–1898), художник-пейзажист, рисовальщик и гравер. В 1894–1895 гг. руководитель пейзажной мастерской Академии художеств. Член-учредитель Товарищества передвижных художественных выставок 83

Шкапская Мария Михайловна (1891–1952), поэт. Ряд ее стихотворений 1920-х гг. посвящен темам потери девственности, зачатия и деторождения 124

Шмаков Геннадий Григорьевич (1940–1988), литературовед, переводчик 150, 158

Шмидт Август Карлович, суфлер Академического театра драмы 62

Шмидт Эмма Яковлевна, жена А. Шмидта 204

Шоу Джордж Бернард (Shaw; 1856–1950), английский драматург 172

Штейн Сергей Владимирович фон (1882–1955), с 1904 г. муж сестры А. Ахматовой Инны Андреевны Горенко (1885–1906) 150

Штрогейм Эрик фон (1885–1957), американский режиссер, актер, сценарист и писатель 171

Шубинский Сергей Николаевич (1834–1913), журналист, историк, специалист по XVIII в. В 1875–1879 гг. редактировал основанный по его инициативе журнал «Древняя и Новая Россия»; в 1880–1917 гг. редактор «Исторического вестника» 38–39, 45

Щербаков Николай Александрович (1898—?), актер, ученик студии В. Мейерхольда 88, 156, 165, 227, 306, 307

Щукин Дмитрий Иванович (1855–1932), собиратель западноевропейской живописи; брат Петра и Сергея Щукиных из знаменитой московской купеческой семьи 223

Эберс Георг (1837–1898), египтолог, автор исторических романов 120, 280

Эльснер Владимир Юрьевич (1886–1964), поэт, составитель «Антологии современной поэзии» (1909)256

Энгельгардт Анна Николаевна (1895–1942), дочь Н. Энгельгардта и Л. Гарелиной, гимназическая подруга О. Гильдебрандт; с 1918 г. жена Н. Гумилёва 56, 92–93, 99–152, 162, 236, 242, 281, 285, 302, 308

Эрбштейн Борис Михайлович (1901–1964), театральный художник, график. В 1920-х гг. оформлял спектакли ленинградских театров. Арестован по делу Детского сектора Госиздата (1932), обвинен в антисоветской агитации и пропаганде и вместе с Д. Хармсом, Е. Сафоновой и С. Гершовым сослан в Борисоглебск. В 1936 г. получил разрешение вернуться в Ленинград. В 1941 г. повторно арестован по обвинению в шпионаже в пользу Германии (по ст. 58–6 получил десять лет лагерей), отправлен в Сиблаг. Освобожден в 1947 г., жил в Сталиногорске, затем в Куйбышеве (с 1954 г.), где работал художником Театра оперы и балета. В 1958 г. реабилитирован. В 1964 г. покончил с собой 83, 167, 235

Эткинд Ефим Григорьевич (1918–1999), критик, историк литературы, переводчик, преподаватель. Автор книг и статей по истории и теории русского стихотворного перевода. С 1974 г. в эмиграции; преподавал в Париже, Женеве, Барселоне. Автор

книги воспоминаний «Записки незаговорщика» (1977). Подробнее см. прим. Н. Плунгян на с. 309 242

Эфрос Абрам Маркович (1882–1954), искусствовед, художественный критик 10

Южин Александр Иванович (наст. фамилия Сумбатов; 1857–1927), актер, драматург, теоретик сценического искусства, театральный деятель. В 1882–1927 гг. актер Малого театра. Яркий артист героико-романтического амплуа, во многих спектаклях был партнером М. Ермоловой. Знаменит своими трагическими монологами (Уриэль Акоста, Эгмонт); был сторонником «эпически-монументального» театра, но настаивал на жизненной убедительности в комедии и сыграл около двадцати ролей в пьесах А. Островского. С 1877 г. автор множества пьес в жанре высокой трагедии, проникнутых либеральными идеями («Листья шелестят», 1881; «Соколы и вороны», совместно с В. Немировичем-Данченко, 1885; «Арказановы», 1986; «Цепи», 1888). С 1909 г. управляющий труппой Малого театра, затем председатель совета (1818), председатель дирекции (с 1919 г.), директор Малого театра (с 1923 г.), почетный директор (с 1926 г.). После революции активно участвовал в работе Театрального отдела Наркомпроса и других театральных организаций 39, 259

Юля, см. Полаймо Ю. К.

Юрьев Сергей Андреевич (1821–1888), астроном, литератор, переводчик, общественный деятель. С 1853 г. астроном-наблюдатель при обсерватории Московского университета, автор труда «О солнечной системе». Из-за болезни глаз оставил астрономию, учился в Европе; в 1860-х гг. основал в своем имении народное училище и крестьянский театр, занялся переводами Кальдерона, Лопе де Вега (изданы в 1877 г. в кн. «Испанский театр цветущего периода XVI и XVII веков») и Шекспира. Основатель журналов «Беседа» (1871–1872), «Русская мысль» (1880), председатель Общества любителей российской словесности (с 1878 г.); после смерти А. Островского председатель Общества русских драматических писателей 39, 56

Юрьев Юрий Михайлович (1872–1948), актер Александринского театра (с 1893 г.). В 1910-х гг., наряду с Н. Коваленской, Е. Тиме, Н. Ходотовым, занимал центральное место в постановках В. Мейерхольда в Александринском театре. В 1919 г. вместе с М. Горьким, А. Луначарским, А. Блоком и М. Андреевой принимал деятельное участие в создании Большого драматического театра 86, 88, 231

Юрьевская, см. Долгорукова Е. М.

Яблочкина Александра Александровна (1866–1964), актриса; дочь режиссера А. А. Яблочкина и актрисы Александринского и Малого театров С. Яблочкиной. Ученица Г. Федотовой. В 1885 г. играла в Тифлисском театре русской драмы; в 1886–1888 гг. в московском Театре Корша, затем в Малом театре. В первые годы на этой сцене Яблочкина часто выступала в образах молодых героинь, о чем и вспоминает Г. Панова, которая служила в Малом театре в 1887–1895 гг. В 1915 г. возглавила Русское театральное общество, была его председателем до 1964 г. 40

Яковлев Кондрат Николаевич (1864–1928), актер Александринского театра 171

Яннингс Эмиль (1884–1959), немецкий актер театра и кино, исполнитель роли Нерона в фильме «Камо грядеши» (1925) 65, 171, 260

Lenclos N. de, см. Ланкло Н. де.

Loulou, см. Каннегисер Е. И.

Составила Н. Плунгян

notes

Примечания

1

Из письма О. Н. Гильдебрандт к М. А. Немировской от 31 января 1979 года (настоящее издание, с. 33).

2

«Его патетические фразы я тогда же сообщил письмом Ольге Николаевне в Ленинград — ей, начинающей художнице, отзыв знаменитого критика был, разумеется, не безразличен. Память сохранила мне его поэтическую метафору в применении к творчеству О. Гильдебрандт: „белая лебедь“. В устах Эфроса, всегда казавшегося человеком мефистофельской складки, этот пафос был необычен» *(Кузьмин Н.* Ольга Гильдебрандт // Художники группы «Тринадцать»: (Из истории художественной жизни 1920–1930-х гг.) / Сост., вступ. ст. М. А. Немировской. М., 1986. С. 154).

3

Интересно, например, свидетельство Э. Голлербаха: «Мне помнится, что Боттичелли был среди тех фотографий с картин Ренессанса, которые висели <…> в кабинете Кузмина (до тех пор, пока их не вытеснили бесчисленные акварели Гильдебрандт). Это очень показательно». (М. А. Кузмин в дневниках Э. Ф. Голлербаха // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 220).

4

Настоящее издание.

5

Выставка рисунков 13: Ассоциация художников графиков при Доме печати. М., 1929; 13: Выставка картин. М., 1931. Выставка 1930 года не состоялась из-за раскола в группе, но каталог (Вторая выставка 13. М., 1930) также включает работы О. Гильдебрандт.

6

Из письма В. А. Милашевского Э. Ф. Голлербаху (1937) // Художники группы «Тринадцать». С. 177.

Милашевский В. О выставке рисунков «13» // Художники группы «Тринадцать». С. 142.

8

Подробнее о группе «13» рассказывается в воспоминаниях О. Гильдебрандт в настоящем издании и в примечаниях к ним, а также в указанной книге «Художники группы „Тринадцать“».

9

Настоящее издание.

10

Настоящее издание.

11

Подробнее о теме детства у художников «Голубой Розы» см.: *Гофман И.* Голубая Роза. М., 2000; *Коган Д.* Сергей Судейкин. М., 1974; *Русакова А.* Павел Кузнецов. Л., 1977.

Кочетов Н. Художественные выставки // Московский листок. 1907. 14 апреля.

Коган Д. Сергей Судейкин. М., 1974. С. 25.

Русакова А. Павел Кузнецов. Л., 1977. С. 56.

Милашевский В. О. Гильдебрандт// Художники группы «Тринадцать». С. 154.

Здесь и далее: если местонахождение работы не указано, она хранится в собрании Р. Б. Попова (Санкт-Петербург).

17

Настоящее издание.

Так, в частных собраниях находится ряд фотографий работ О. Н. Гильдебрандт, раскрашенных автором в манере, немного отличной от оригинала. Яркий пример — черно-белый снимок акварели 1930 года «Матрос на прогулке», раскрашенный от руки 8 июля 1951 года (собрание А. Л. Дмитренко; оригинал акварели 1930 года хранится в Государственном Русском музее).

Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб., 1998. С. 71.

20

Там же.

21

См. об этом, в частности: *Шиндина О. В.* Несколько замечаний к проблеме «Вагинов и Гумилёв» // Гумилёв и русский Парнас: Материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 года. СПб., 1992. С. 84–91.

22

Павел Иванович Басманов. 1906–1993: Каталог выставки. СПб, 1996. С. 5.

Богомолов Н. А. Неизданный Кузмин из частного архива // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 279.

24

Имеются в виду художники, входившие в группу «13». — *Прим. ред.*

25

Маруся здесь и далее — М. Н. Саламатина, сестра О. Н. Гильдебрандт. — *Прим. ред.*

26

В честь мадам Пановой, нашей очаровательной ласточки *(фр.)*.

Юрочка, Юра здесь и далее — Ю. И. Юркун. — *Прим. ред.*

28

Мечтой папы (неосуществившейся) была поездка с нами по Рейну. Как одно из самых ранних слов, я помню, звучит это слово «Рейн»…

29

Старая дама *(нем.)*.

30

Малютка Лина *(нем)*.

31

Фройляйн Маруся непременно выйдет замуж за графа, но фройляйн Олли съест даже герцога (нем.).

32

Этот смешной господин Шраммашкоф *(нем.)*. По всей видимости, имеется в виду упомянутый выше И. Ф. Ромашков. — *Прим. Н. П.*

33

Жена профессора Берекирского *(нем.)*.

Какие знакомые у фрау Тамм! *(искаж. нем.)*.

Чепцы *(нем.)*.

36

Наш господин обязательно станет министром *(нем.)*.

37

Но Лина, господские дети… *(нем.)*.

38

Заниматься гимнастикой *(нем.)*.

39

Костер на Иванов День *(нем.)*.

40

Букв.: «Мундирчик и бушлатик, сапожки на крючочках» *(нем.)*.

41

Букв.: «Ласточкины глаза» *(нем)*.

Кружочками *(нем.)*.

Я падаю стеблем надрубленным,
Надрубленным серпом искусственным,
Я не любим моим возлюбленным,
Но не хочу казаться грустным…

(Прим. О. Н. Гильдебрандт).

44

Я думаю, Гумилёв спрашивал про меня не у Никса, у кого-то другого; я Никса в этот вечер не помню. — *Здесь и далее примечания О. Н. Гильдебрандт.*

Впрочем, этого я точно не знаю. Где они увидались, не знаю.

Из стихов Курдюмова:

Славянских девушек и рек
Неторопливая краса,
Ленивый на поле разбег,
Тугие — к морю — паруса…
А девушка берет челнок,

К другому берегу пристанет.
Пойдет искать себе ночлег
Под крепкой кровлею резною…
Чураться надо мне весною
Славянских девушек и рек.

47

Я помню, что я не могла надеть зеленый костюм, и от холода носила синее осеннее пальто и шляпу серую с синим.

Из прочитанных им «старых» стихов мне больше всего понравилось «и закаты в небе пылали, как твои кровавые губы…»[Цитата из стихотворения Н. Гумилёва «К ***», опубликованного в его посмертном сборнике «Стихотворения» (Пг., 1922).].

Я прочла их в 1918 г. — в сб. «Костер»… А насчет альбома Елены он рассказал позже, в 20-м. Я, конечно, не унижалась спрашивать причины. Он сам довольно много рассказал.

Он, враг немцев, как-то хорошо относился к кронпринцу[Кронпринц — Вильгельм Гогенцоллерн, сын немецкого императора Вильгельма II.]. Как и я. Вероятно, у кронпринца, как у Гумилёва, была какая-то легкая дегенерация.

51

Вероятно, я имела в виду французскую традицию «королей поэтов».

52

Когда я стояла в роли пажа на сцене Михайловского театра, в пьесе «Генрих III и его двор» [Пьеса А. Дюма-отца «Генрих III и его двор» в 1918 году шла в Михайловском театре.], в лиловом трико, и слыхала имя Гиза, герцога Лотарингского, я вспоминала… И даже пожалела, когда меня «повысили», и уже в качестве пажа короля (в белом с голубым) становилась первой от публики из девочек за троном короля.

В дали, от зноя помертвелой,
Себе и солнцу буйно рада,
О самой нежной, о самой белой
Звенит немолчная цикада…
Увижу ль пены прибрежной
Серебряное полыханье,
О самой милой, о самой нежной
Поет мое воспоминанье…

[Цитата из стихотворения Н. Гумилёва «Юг» в книге «Костер».]

(Он сказал в 1920 г. на лестнице, при Ане, что эти стихи обо мне.)

Я со смехом вспоминаю теперь, как ходила окруженная своими кавалерами! Вся панель Невского была запружена. Похоже, как в кинокартине «Сестра его дворецкого»[Фильм американского режиссера Фрэнка Борзеджа (1893–1962).] с Диной Дурбин, т. е. человек 11–12. И ведь каждому надо было что-то сказать!

Но веселые воспоминания сменились образом голубого Пьеро из «Маскарада» (худеньким черноволосым мальчиком в жизни), о котором можно сказать стихами Гумилёва «в черных глазах томленье, как у восточных пленниц…»[Цитата из стихотворения Н. Гумилёва «Дева-птица» из книги «Огненный столп» (Пг., 1921).].

55

Вайю (полинезийское «ветер») — прозвище К. Д. Бальмонта.

Вероятно, сестра Саломея [О. Гильдебрандт приводит несуществующее мужское имя «Саломей» в качестве гипотетической параллели странному женскому имени «Клеомена», образованному от мужского «Клеомен», которое носили несколько спартанских царей.].

57

Молодой человек из очень богатой купеческой семьи; потом женился.

Познакомилась с ней на английских курсах.

59

Имеется в виду Ирина Одоевцева, урожденная Ираида (отсюда Рада) Густавовна Гейнике. — *Прим. ред.*

60

Сборник «Чужое небо» был у меня дома — собственность В. Чернявского (после я вернула ему). Он играл «Дон Жуана» в домашнем спектакле. — Там были автографы: Никса, Лёвы Каннегисера и других. Меня «тогда» мама в дом Каннегисеров не пускала!

61

Совершенно случайно на Ленфильме мне одна знакомая принесла письмо (водяные знаки?), сказав, что это письмо Ахматовой к Гумилёву. Я в изумлении увидела знакомый почерк! Подпись «Анна», письмо на «ты», тон — Мадонны. Кроткий-кроткий. Она уговаривала его не возвращаться в СССР, радовалась, что он собирает коллекцию икон (?). Из знакомых было мало напоминаний. Жизнь свою изображала очень печальной. Это был конец 1917 г. (или?..). «Надо бы мне говорить о тебе на языке Серафимов» [Цитата из стихотворения Н. Гумилёва «Канцона первая» из книги «Костер».].

62

Саша был первый «коллекционер» из моих знакомых. Он подарил мне рисунок Ю. Анненкова с какой-то выставки. Кажется, это была иллюстрация к «Дурной компании» Юркуна, довольно рискованная. Она у меня пропала. Я его много лет не видала. Он был убит на войне.

Как будто, стоял какой-то мольберт с картиной.

Среди моих увлечений (с детства) были балет — Греция — Грузия — русалки и (чтоб не ударяться слишком в стороны) Вагнер. Меня возили на «Нибелунгов». Я потом делала доклад по германской мифологии в гимназии (хвалили!!!). Я не без грусти потом думала о себе и Ане, что она, как Гудруна, отвела Зигфрида от Брунгильды. Никогда я об этом не сказала ни ей, ни ему. Никому.

65

Актер.

66

В Академии художеств было собрание. Там «принимали» Лебедев, как будто Левин… Не помню, ведь Академия «перестраивалась».

Козлинский потом неоднократно появлялся в моей жизни и от Гумилёва и от Юры получил «патент на благородство». Да, в этом деятельном и вполне деловом человеке были какие-то рыцарские качества. Он был талантлив, мог, что хотел, но, к сожалению, ограничил свои возможности, работая «за деньги». Он был сын помещика и генерала, до Академии художеств учился в кадетском корпусе. Привык к хорошей жизни и работал крайне легко. Жаль, что не сделал большего при его возможностях.

Я думаю, не будь Козлинского, я бы гораздо трагичней перенесла слухи о судьбе Лёвы Каннегисера [О судьбе Л. Каннегисера см. в наст. изд.] (пытки, смерть), среди «заложников» был и Юра, моя мама волновалась, что могут взять меня… Вероятно, мой телефон не был записан в телефонной книжке Лёвы. Хотя, к концу 18-го г. мамы в Ленинграде не было, поэтому я так «вольно» бегала с Козлинским.

Все письма и В. Чернявского, и Курдюмова пропали.

Из стихов В. Чернявского помню только две строчки (я решила, что он, как человек, подражал Ставрогину):

Мой легкий свет, летящий в метеоре,
Ты камнем ляжешь на моей заре…

Этот подарил мне книгу стихов Кузмина с надписью, в красном переплете. Она пропала.

71

Сергей Сергеевич Позняков. Помню смешной выкрик Анны Радловой об этом человеке (я случайно услыхала): «Как такой умный человек, как С. С., гоняется за хвостом такой дуры?..» (Конечно, не в Александринке, а в другом театре, где я играла по «совместительству», — 1919 г.)

Еще одна моя невольная победа: бедный Иван Павлович Беюл, который писал мне смешные письма: «My dear! Сравнивать вас с вашими подружками, это все равно, что сравнивать бриллиант со стекляшками». Он, бедный, заболел и умер. Я хотела пойти на похороны, но его сестра остановила меня, сказав, что он звал меня в предсмертном бреду и родителям неприятно будет меня видеть. Вот чего я не могла предположить! Даже флирта не было!

Я выступала (будучи в школе) в сценах маскарада (2-я картина), а потом на балу (8-я картина) в «барышнях», но тут мне дали на балу заменить Данилову в виде жены английского посла. На высоких каблуках: Данилова была высокая.

Стиль «Трамвая» не допускал «Оленьки». Потом меня называли «Олечкой». Потом он признался, что… Корней Чуковский советовал «Машеньку», как 18-й век! Я сразу поняла, что в «Трамвае» было что-то от истории Гринева и «капитанской дочки».

Неужели он мог свое поведение этих лет называть «*любовью*»? Все это было тяжело. Я люблю северную весну с ее медленными переходами. Но ведь главное человеческая судьба, а не наша воля. Мне хотелось верить, хотя казалось неправдоподобно. А еще, будто это все и не реально.

Говорили, что когда в трамвае Мовшензон обратился к незнакомому с ним Гумилёву с каким-то вопросом: «Николай Степанович». — Гумилёв сказал кондуктору: «Объясните гражданину то, о чем он спрашивает». Я была потом в хороших отношениях с Мовшензоном. (Как будто его не унизила реплика Гумилёва.)

Моя любовь к тебе не лебедь белый,
У лебедей змеиные головки;
Не серна гор она — у серны,
Как у дьявола, раздвоены копыта…

Я только должна сказать, что ни он, ни я никогда не говорили выспренным или сентиментальным языком. Говорили просто, а потом вдруг переходило в другое.

На аллее около Инженерного замка теперь каштановая аллея.

Статьи в «Аполлоне» очень светские, в них есть что-то английское — они мне всегда нравились и казались абсолютом оценок! Даже лучше, тоже прелестных, критик Кузмина.

81

А кто бы готовил?

82

Если бы я пела, я на сцене предпочла бы роль Дездемоны Джульетте. В ее любви к Мавру есть какой-то бред. Джульетта более обыкновенная девочка. Но неужели он хотел быть глупым красавцем, в которого влюбляется умная красавица?

83

К чему я особенно ревновала, это к стихам к Т. В. Адамович:

Но мне, увы, неведомы слова,
Землетрясенья, громы, водопады,
Чтобы по смерти ты была жива,
Как юноши и девушки Эллады.

[Цитата из стихотворения Н. Гумилёва «Канцоны» (2) в книге «Колчан» (Пг., 1916).]

У меня в детстве были самые похожие вкусы с Кузминым — Эбере (у него «Император», у меня «Уарда»[«Уарда» (1877), «Император» (1881) — романы Г. М. Эберса.]), Античность, Ренессанс (15-й в.). У Юры — Шерлок Холмс и Америка. Кино американское с приключениями (актриса Грэс Дармонд).

85

М. В. Ватсон — подруга и, кажется, невеста Надсона. Это была старая, полненькая дама.

Гумилёв как-то поспорил с кем-то, кто (может быть, относительно пайков или другой «реальности») поставил на более видное место, как писателя, кого-то. Он же сказал, что переводчик «Дон Кихота» стоит больше, чем очередной писатель из современной жизни.

Мария Валентиновна «отплатила» (об этом споре о ней она не знала) — уже после расстрела Гумилёва, набросившись с гневом на К. Чуковского: «Это вы, это вы его погубили!» (верно, были плохие слухи о Чуковском).

Сестра М. Долинова.

87

Мой красавец Леонид — даже во сне он являлся мне Ангелом с темными крыльями, будто ограждая от бед. Он очень хорошо относился к Юре, и это отношение склоняло меня в пользу Юры. Но сам Юра (как пострадавший) не так уж любил Лёву, ведь его могли расстрелять «через десятого» в тюрьме. Говорил: «Шарлотта Кордэ». Великий князь Николай Михайлович восхищался мужеством и геройством Лёвы. Говорила мне Loulou, сестра Лёвы. Они все сидели в тюрьме. Но в 20-м г. были уже дома. Лёва и его отец были очень красивые, Сергей (брат) — средне, но мать и Loulou красотой не отличались. Это трагический дом (где люди говорили весело и меня все любили).

88

Полное имя — Елизавета.

89

И. Одоевцева была всегда со мной очень любезна, он с ней — «никакой».

90

Стихи «У цыган» [Стихотворение Н. Гумилёва «У цыган» вошло в книгу «Огненный столп» (Пг., 1921).] одни из первых в ту зиму, — начало 20-го г.

91

Я никогда не «пускала» Гумилёва к себе домой. Также в театр, за кулисы, он ко мне не приходил. Я как-то отмежевалась душой от театра и видела в нем «формальную» службу.

Конечно, не все всегда было так тихо и мирно. Изредка я чего-то хотела и требовала (пустяков), и лицо у него хмурилось. Но всегда «расхмуривалось» (милый!), а я никогда не спускала (мерзавка).

Я думаю, ему чуть ли не «экзотикой» казалась моя правдивость. Женщины всегда любят носить маску. Я бы «сумела», конечно, наговорить все, что угодно, но мне это было скучно! Я говорила и то, что не в «моем» стиле.

Я думаю, надо было «уберечь» от очень опасного Дон Жуана — интересного, хотя рябого, Тихонова.

Весной 20-го г. Гумилёв познакомил меня с Кузминым и Юрой. — На Спасской площади (еще зимний вид города). Потом Юра рассказал (или дал прочитать в дневнике): «Как странно, мне стала нравиться жена Гумилёва. Мне она раньше никогда не нравилась». Страннее всего, что такой приметчивый Кузмин не заметил разницы между мной и Аней.

95

Я не была тщеславна за себя — никогда! Но у меня было желание, чтоб мой избранник был «во главе».

Позже, уже после смерти и Блока, и Гумилёва, я в дневнике Блока прочла несколько грустную фразу Блока об этом событии! [См.: *Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 504.] Увы! и спустя годы, у меня было немного злорадное чувство… Гумилёв не был способен по характеру — на интриги… но… мне это было скорее приятно. (Безобразно, конечно, веселиться из-за грусти Блока. Но Гумилёв был «свое».)

97

В мемуарах Милашевского [Имеются в виду неопубликованные воспоминания Милашевского «Один год моей жизни».] рассказ, как Кузмин странно прыгал перед Блоком! Правда, какое-то странное движение у Кузмина было (я заметила — Милашевского я тогда не знала). Я подумала, что он очень растроган речью Блока или что-то по другому поводу, но вывод Милашевского — «Пушкин и Жуковский» — не имел никакого смысла. Кузмин признавал Блока, но не любил, а тем более не превозносил.

Вспомнила, как на Черном море во время качки и всеобщих скандалов я бодро бегала по палубе и заходила в кают-компанию нюхать букет тубероз. Капитан похвалил меня: «Старый морской волк!»

99

В дневнике (мемуарах) Одоевцевой — знакомство с Белым у Гумилёва. Она, Оцуп и Рождественский (?) читали свои стихи Белому [См.: *Одоевцева И.* На берегах Невы. М., 1989. С. 83–88.]. Одно время, но другой день недели.

100

У Мгебровых я взорвалась. Чекан, Виктория, которая знала Аню давно (Гумилёв отошел куда-то, был народ), полюбовалась на нее и сказала: «Ваш муж, наверное, вас на руках носит?» — Аня: «Хи-хи…» Интересно, если б Чекан сказала это при нем, как бы он вывернулся?..

Это тот самый мальчик, который был потом убит, и Чекан на его похоронах рыдала артистически: «Мой маленький коммунар!» Этот мальчик похоронен на Марсовом поле, и над его могилой читают лекции пионерам.

Спустя несколько лет, у Фромана, ко мне подошла О. Форш и сказала, что записала в своем дневнике такое мое описание: «Стройная девушка в белом платье, в большой шляпе, с зеленоватыми глазами, а рядом — Рада Одоевцева, как рыжая лисица».

Очень мило — такая Диана с лисицей на поводке?

Другая писательница, Л. Чарская, которую я обожала в детстве и с которой я теперь часто «халтурила», хотела писать обо мне детский роман и глаза видала, как «лиловатые» (?).

Одоевцева описывает себя в большой летней шляпе с цветами в руках. Я не помню ее в таком виде. Я с детства таскала цветы и прутики зимой и кланялась лошадям. Поклоны она ввела в стихи, а цветочки приписала себе в мемуарах. Эти цветы возмущали Юру, который говорил: «Бросьте рвать — я вам куплю», — но ведь вся радость была в том, чтобы рвать самой!

103

Мы с Любошем часто говорили о литературе. Он был начитанный и остроумный. Помню, на какой-то халтуре, стоя за кулисами перед выходом, он шугнул: «Отойдите, сатана. Я не могу слышать эти ваши свирельные взвизги!».

Сейчас могила Любоша близко от А. Блока, на Литературных мостках. (Его сын — архитектор.) Выглядит почтенно, куда лучше заброшенной могилы Кузмина и… несуществующей могилы Гумилёва.

Юра, не зная близко Ахматову в быту, точно так объяснял ее сущность и поведение. Но Юру злила ее неблагодарность к Кузмину, написавшему к ее сборнику такое замечательное предисловие [М. Кузмин написал предисловие к первому сборнику стихотворений А. Ахматовой «Вечер» (Пб., 1912). Ср. отзыв Ахматовой о Кузмине в дневниках П. Лукницкого (Наше наследие. 1988. № 6. С. 69).]. Она Кузмина не только не любила, но как-то почти ненавидела, хотя была очень любезна.

105

Картина «Отплытье на остров Цитеру» принадлежит кисти французского художника Антуана Ватто (1684–1721). Возможно, речь идет о копии или вариации на тему, выполненной С. Судейкиным. — *Прим. ред.*

106

Я не совсем понимаю, что могло у Гумилёва вызвать образ Гондлы. Кроме его очень некрасивого лица (к которому я привыкла быстро, и оно мне нравилось), у него была стройная фигура, как сосна, — гладкая кожа и прямо стерильная чистота. А ведь «Гондла» появился при мне! В 16-м году!.. Что его мучило?.. У меня с ним связан, скорее, образ птицы, чем зверя. Большой птицы. Он был легкий.

А я «гремела»:

Она войдет в твою палатку, Авраам —
Открылась Библия на пагубных словах…
…В столице северной свирепствовал январь,
Погонщик яростный бушующих ветров…
И я, как некогда бездомная Агарь…

(Конечно, не помню!)

Вот, как и я!.. То-то он вписал ей в альбом и те стихи, что он сочинил для меня! Вероятно, новых не хватало — для ее полного обольщения. Об ее «особой» красоте он, конечно, не смел мне и заикнуться (даже если она и была очень красивой).

Об «английской» любви вообще не говорил; только рассказывал, что в чопорном Лондоне целуются гораздо чаще, чем в бойком Париже.

110

«Ты дышишь солнцем» [Цитата из стихотворения А. Ахматовой «Не будем пить из одного стакана…» из книги «Четки».] (Ахматова).

111

Он, чем дальше, тем чаще, говорил о разводе с Аней и женитьбе. Об Ане — он понял, конечно! ее глупость, — и даже ненормальность. Но ведь и я была в житейском смысле глупа! Может быть, ему хотелось бы более серьезную девушку? Хотела ли я этой женитьбы? Скорее, нет. Ведь жизнь бы усложнилась. Остыл бы он ко мне, как к Ане? Это главное. И потом, развод с Ахматовой — сенсация!! А с Аней?!

После его смерти Аня говорила мне (не раз), что он говорил с ней о разводе. Но не представляю себе, в какой форме он мог это делать. Я не могла ее расспрашивать. Мне казались всякие разговоры о прошлом изменой Юре.

112

Никс Бальмонт (по словам Ани) был очень недоволен ее замужеству с Гумилёвым. Он потом уехал в Москву. Не пожелал ехать с отцом за границу. Умер в 1926 г., когда я лежала в Боткинских бараках, у меня была скарлатина. Помню, Юра мне рассказал.

113

Странно было ведь сравнивать красавца и пошляка Bel-Ami — с ним, а активную, бойкую француженку Клотильду — сверхреальное существо — со мной.

То же самое я спросила позже у Юры. И тот ответил: «С Бодлером?..» Относительно Ани Гумилёв ответил: «Эдгар По, „Аннабель Ли“».

115

Смею ли я угадать какие-то свои черты из «Девы-птицы» [«Дева-птица» из книги Н. Гумилёва «Огненный столп».], хотя это было после меня и птица была с бледным лицом и черными глазами. Но я будто слышу себя: «Но всего мне жальче, хоть и всего дороже…» Нет, это, наверное, — моя печальная фантазия…

(Разве у него было впечатление, что я — язычница?) Я думала, что он и жениться если хочет на мне по обряду, потому что знает, что я верующая, и если я дам клятву перед алтарем, то буду «держаться». Но, помимо прочего, я очень боялась, что мне тогда не избежать ребенка, — да непременно бы сделал это, — ведь я его знала… Мне только хотелось быть любящей старшей сестрой для Лёвы, которого мне было как-то жалко. Он мог сдержать меня от многого.

117

Т. е. Лозинский поздравил со стихотворением как с «именинами».

В противовес моей «балетной» бабушке, матери мамы, нравственной, как игуменья, моя «дворянская» бабушка, мать папы, говорят, была легкомысленной, и ей приписывали роман с каким-то кн. Голицыным; эти слухи в свое время распространяла мать Никса Бальмонта и Ани Гумилёвой, Лариса Михайловна, которой в свою очередь приписывали увлечение моим папой.

Сошлись знаменитый поэт Гумилёв
И юный грузин Мандельштам.
Зачем Гумилёв головою поник?
Чем мог Мандельштам досадить?
Он в спальню к красавице тайно проник,
Чтоб вымолвить слово «любить»

[Неточная цитата из «Баллады о дуэли» Г. Иванова.].

Одоевцева приводит конец [См.: *Одоевцева И.* На берегах Невы. С. 144.], который я забыла; причину не приводит, потому что она не хотела, верно, писать обо мне в связи с Гумилёвым.

Все это на совести Мандельштама.

А слова Гумилёва — точные.

Разговор о черной магии мог быть и в другой день. Почему-то бедный цыпленок вызвал у меня ужас! А причем тут внешний вид? Искусства? или смерти?

123

Он говорил мне об императоре Лияссо. Лияссо похож (я видела потом) на темнокожего юного Блока. Он был давно убит.

Я вспомнила, что не пошла слушать «Гондлу» и стихи 16-го г. по разным причинам (и, может быть, это испортило и мою, и его жизнь), но, среди прочего, у меня не было нового платья (в светло-синем уже ему показывалась). — Я как-то сказала. У него было самое искреннее удивление на лице: «Неужели вы могли подумать, что я смотрел на ваше платье, когда вижу вас?» Вопрос был такой искренний, как будто он видел меня в лучах!..

Я никогда не говорила (что хвалю в себе) ничего вредного для Ани; я держала в секрете ее секреты. Ей многое могло бы повредить. Но коварная подружка сочиняла про меня некоторые вещи навыворот; думаю, Гумилёв не верил ей, когда я объясняла. (Но это пустяки.)

Я думаю, он чего-то не сказал, как джентльмен. То же самое скажу про Юру, очень тактичного в разговорах о Гумилёве.

Вспоминаю, Гумилёв предлагал мне пойти с ним на панихиду по Лермонтову (?). Я не могла — он тогда взял Одоевцеву. В ее мемуарах — очень молитвенное настроение Гумилёва [См.: *Одоевцева И.* На берегах Невы. С. 106–108.].

Он мне сказал, что нужны были деньги для Бежецка, и он продал картину. Потом заменит ее в этой раме.

Это было похоже на сцену из «Красной лилии» [Роман А. Франса (1894).], которую я читала потом. «Только не этот! Только не этот!».

Это я говорю теперь. Тогда мне в голову бы не пришло, что можно меня бить.

Разве можно было поверить, что веселая встреча в мае 1916 г. да окончится таким бесстыдным разрывом в эту новогоднюю ночь? Что меня можно будет увести, как глупую сучку, как женщину, бросающую свой народ, свой полк, свою веру?..

Кузмин (потом я узнала) уговаривал Юру: «Что вы делаете!!» Он жалел меня. «Она хорошая молодая девушка. Это вам не Надина Ауслендер, не Татьяна Шенфельдт. Она собирается выходить за Гумилёва». «Она его не любит» (?..). «Вы же не можете на ней жениться. Что вы делаете?»

А я… выпустила из рук — на волю ко всем четырем ветрам — на охоту за другими девушками, на тюрьму, на смерть — своего Гумилёва.

131

Конечно, в моем «побеге» было и что-то веселое, и легкое. И увлечение Юрочкой. Вначале я не так понимала — чем все это может кончиться?..

Вероятно, ужас был у меня только после того, как я увидела лицо Гумилёва.

Тут было не до стихов, не до ревности или кокетства. Как будто я была виновна в физической жестокости, когда безжалостно избивали негров. Я не понимаю, как это могло случиться.

У Одоевцевой какие-то другие слова и у Кузмина (не те, слащавые), — и не «женщина» — он не читал моралей.

Тут я видела — прямо у ног между нами, так близко — бездонную щель, непроходимую черту… Ведь я не могла сказать: «Коля, я никогда не смеюсь над вами. Я была рада, что задели Одоевцеву». Он бы сказал: — «Дорогая, здесь не место. Идем ко мне»… Но для этого был конец.

Большей глупости нельзя было и придумать! Я не видела никакой разницы с собою.

Его мать не верила в расстрел, и мне говорили, что она думала, что он скрылся на Мадагаскаре. Я вспоминала… через 7 лет, а уже после войны разглядывала план и гравюры — виды Мадагаскара.

138

Петр Сторицын, сплетник.

139

54 года назад, а я помню, как живое почти, и больно, и очень стыдно.

В жизни все так течет, и многое «отбрасывается» из чувств и почти забывается в своем течении… но, сколько ни живи, остается во мне какая-то подземная, подводная память — и неистребимая верность (у меня, неверной!) памяти этого, неверного, человека.

Значит, выходит, я виновата в этой трагедии?.. Еще сказала: «Вы бы уехали за границу, как Ходасевич с Берберовой, и ты могла в Париже стать m-me Рекамье, как ты мечтала». (Я не думаю, что он мог бы поступить, как Ходасевич, бросить детей. И разве могла бы я?.. пожалуй, нет.)

Я не думала о разводе, не делала ничего, будто и не хотела. Я всегда полагалась на судьбу. А нужна была мне любовь (и стихи), а не брак с «готовкой».

Я не была (думаю теперь) совсем такой, какой была ему нужна для брака, и даже такая в «то время». Многого я не собиралась менять в себе. И, правда, нужна была с его стороны только любовь ко мне, если он собирался разводиться и жениться.

А иногда я думала, что он страдал от самолюбия! А отчасти был рад «освободиться». Влюбляйся в кого хочешь. Ведь у него был какой-то долг передо мной. Аня его не стесняла больше.

И Аня, и Леночка умерли во время блокады. У Лёвы я не спросила ничего о них обеих.

Фанты (*фр.)*.

Задумчивая принцесса (*фр.)*.

Записано М. В. Толмачевым.

Ад *(итал.)*.

147

Зачеркнуто.

148

«Женщина моих грез» (1944) — «трофейный» немецкий фильм Георга Якоби с Марикой Рокк (Рёкк), любимой актрисой Гитлера, в главной роли; в советском прокате — «Девушка моей мечты». — *Прим. Н. П.*

При составлении комментариев к указателю преимущество отдавалось лицам, связанным с О. Н. Гильдебрандт или ее близкими. В отношении более известных фигур пояснения даны в случаях, когда этого требует контекст. Имена Николая Степановича Гумилёва (1886–1921), Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) и Юрия Ивановича Юркуна (1895–1938) в указатель не включены как встречающиеся постоянно. Не вошли в указатель также имена авторов вступительных статей и примечаний. — *Прим. Н. П.*

Комментарии

1

Драма П. Кальдерона «Стойкий принц» была поставлена в Петрограде в Александрийском театре в 1915 году (реж. В. Э. Мейерхольд, художник А. Я. Головин).

2

Возможно, Христофор Аладжалов, отец театрального художника М. Х. Аладжалова.

3

Комета — предположительно актриса и певица Е. С. Сандунова, жена актера С. Н. Сандунова, с которым они позже разошлись.

4

Речь идет об эпизоде из повести Лидии Чарской «Люда Влассовская» (1906), где героиня встречает императора.

5

«Цепи» (1888) — пьеса А. И. Южина-Сумбатова.

6

«Сельская честь» («Cavalleria rusticana», 1890) — опера П. Масканьи, либретто Дж. Тарджони-Тоццетти и Г. Менаши. В России была поставлена на итальянском языке в 1891 году в Москве, затем — на русском — в 1893-м, в Мариинском театре (пер. М. Иванова). Опера входила в репертуар Мариинского театра до 1905 года.

7

«Собака садовника» (El perro del hortelano, 1618) — комедия Лопе де Веги в переводе Н. Пятницкого («Отечественные записки», 1851–1854), более известная в переводе М. Лозинского (1938) как «Собака на сене».

8

Очевидно, здесь и далее идет речь о братьях Г. В. Пановой.

9

Вероятно, имеется в виду Петербургское общество камерной музыки (1872–1915).

«Западный Театр» (СПб., 1906), сборник переводов Н. Ф. Арбенина.

Е. Н. Шадрина.

И. Саламатин, муж сестры О. Н. Гильдебрандт.

С. М. Волконский.

14

Союз драматических и музыкальных писателей был основан в 1903 году в Санкт-Петербурге (среди инициаторов его создания — Н. Ф. Арбенин, В. В. Билибин, Г. Г. Ге, В. О. Трахтенберг и др.). Целью его деятельности была охрана авторских прав драматургов и композиторов. В 1920-е годы был переименован в Петроградское (Ленинградское) общество драматических писателей и композиторов.

15

Катюша Маслова — главная героиня романа Л. Н. Толстого «Воскресение» (1899).

16

Подробнее об этом эпизоде в жизни К. Д. Бальмонта см.: *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. М., 1997.

17

Речь идет о конфликте, возникшем осенью 1904 года между Арбениным и драматургом Г. Г. Ге по поводу переделки для сцены романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Арбенин привлек Ге к судебной ответственности за клевету (об этом см., например: Московский листок. 1904. 31 октября).

18

См. прим. 10.

19

«Убежище для престарелых театральных деятелей» (современный Дом ветеранов сцены Всероссийского театрального общества им. М. Г. Савиной (СПб., Петровский пр., 13) основано М. Г. Савиной в 1896 году. По завещанию М. Г. Савиной она была похоронена в ограде парка, возле «Савинского» корпуса; позднее рядом с ней был похоронен и ее муж А. Е. Молчанов.

20

Dorpat — Дерпт, немецкое название города Юрьев (теперь — Тарту).

21

Эмбах — река в Эстонии (эстонское название — Эмайыги).

22

См. прим. 19.

23

Ср. в дневнике М. А. Кузмина: «Тогда многие делали зароки до окончания войны. Как Лина Ив<ановна> до сих пор не ест сигов» *(Кузмин М.* Дневник 1934 года. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 55).

24

Линца Тамм — дочь К. И. Тамма, брата Лины Ивановны. По всей видимости, «внучка Людочка» — ее дочь, так как у Л. И. Тамм не было детей.

25

Ю. И. Юркун был арестован в 1938 году.

26

«Индийская гробница» (1921) — фильм Дж. Мэя, где Фейдт снялся в роли князя Эшнапура.

27

См. в письме О. Н. Гильдебрандт Ю. И. Юркуну: «Огромное зло сделала нам всем Линца. Она мучила Лину Ивановну, оскорбляла маму, била своего чудного кроткого ребенка, изводила меня. А после обокрала нас, уничтожила все в квартире, сделала невозможным мое возвращение в Ленинград» (наст. изд.).

28

Возможно, имеется в виду стихотворение А. Кольцова «Песня» («Говорил мне друг, прощаючись…», 1839), последняя строфа которого начинается строкой «Ну, Господь с тобой, мой милый друг».

29

«Каширская старина» (1872) — пьеса Д. В. Аверкиева.

30

Анна Ивановна Бекенская — соседка О. Н. Гильдебрандт.

Е. Н. Шадрина.

32

См. письмо Ю. И. Юркуну 1946 года (наст. изд.).

33

Перикола — кошка О. Н. Гильдебрандт.

34

«Трагедия любви» («Tragödie der Liebe», 1923) — немецкий фильм режиссера Дж. Мэя; в ролях: М. Дитрих, Э. Яннингс, М. Мэй.

35

«Тринадцать» (1927–1932) — группа художников-графиков, названная по первоначальному числу участников. Ядро группы составили Н. Кузьмин, В. Милашевский, Д. Даран и С. Расторгуев; позднее к ним присоединились Л. Зевин, Над. Кашина, Нина Кашина (Н. Памятных), Т. Лебедева (Маврина), М. Недбайло, Б. Рыбченков, а также саратовский художник В. Юстицкий и ленинградцы О. Гильдебрандт и Ю. Юркун. Группа подготовила три выставки (февраль 1929, весна 1930 (не была открыта из-за конфликта среди участников), весна 1931). В целом творческая платформа основывалась на стремлении уйти от канонов академического рисования к непосредственности выразительного наброска, от композиционной заданности к утонченной свободе передачи образа. Подробнее см. во вступительной статье Н. Плунгян к настоящей книге.

36

Анри де Марсе — один из героев цикла О. де Бальзака «История Тринадцати» (1834).

37

Согласно комментарию М. А. Немировской, местонахождение картины *«Сухарева башня»* («Утро на Садовой») неизвестно. Первоначальный эскиз хранился у дочери художника.

38

Даран жил в те годы в Гагаринском переулке (ныне улица Рылеева).

39

«Но мы, безумные Ансельмы, — / Фантасты и секретари!» — заключительные строки стихотворения М. Кузмина «Прогулка (Картина С. Судейкина)» («Оставлен мирный переулок…», 1912), посвященного С. Судейкину. *Ансельм* — герой повести Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок».

40

Имеются в виду иллюстрации Т. Мавриной к сказке А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», изданные в 1960 году.

41

О собрании икон Н. В. Кузьмина и Т. А. Мавриной см.: *Маврина Т. А.* Наша коллекция // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1980. С. 391–408.

42

Ср. у В. Ф. Ходасевича в очерке «Диск» (1937): «…художник Милашевский, обладавший классическими гусарскими штанами, не менее знаменитыми, чем „пясты“, и столь же гусарским успехом у прекрасного пола…» (цит. по: *Ходасевич В.* Колеблемый треножник: Избранное. М., 1991. С. 420). О. Гильдебрандт, возможно, была знакома с этим очерком Ходасевича по его книге «Литературные статьи и воспоминания» (Нью-Йорк, 1954). Другие высказывания Ходасевича о Милашевском неизвестны.

43

Холомки — бывшая усадьба князя А. Г. Гагарина, расположенная в 17 километрах к юго-востоку от Порхова Псковской области. В 1920–1921 годах в Холомках и соседнем с ним имении Бельское Устье была организована художественная колония, для поддержания голодающей в Петрограде творческой интеллигенции. В Холомках жили и работали К. И. Чуковский, Е. И. Замятин, В. Ф. Ходасевич, Г. С. Верейский, М. М. Зощенко, М. Л. Слонимский и другие писатели и художники.

44

«Dichtung und Wahrheit» («Поэзия и правда») — автобиография И. В. Гёте, содержащая историю детства и юности поэта.

45

Имеется в виду Н. Пиросманишвили.

Повесть Ю. И. Юркуна «*Дурная компания*» была издана с рисунками Ю. П. Анненкова в Петрограде в 1917 году.

47

«Der Querschnitt» — иллюстрированный художественно-литературный журнал, выходивший в Германии в 1924–1933 годах.

48

Премьера «Маскарада» по пьесе М. Ю. Лермонтова состоялась на сцене Александринского театра 25 февраля 1917 года.

49

В. Э. Мейерхольд инсценировал легенду Л. Н. Толстого «Петр Хлебник» на сцене Александринского театра в 1918 году.

50

Спектакль «Горе уму» по пьесе А. С. Грибоедова «Горе от ума» в Театре В. Э. Мейерхольда был поставлен в 1928 году.

51

См. комм. 1 к тексту «Немного о себе» (наст. изд.).

52

Имеются в виду героини пьес популярного в конце XIX века немецкого драматурга Германа Зудермана (1857–1928). В середине 1890-х годов в антрепризе К. Н. Незлобина В. Ф. Комиссаржевская играла роли в двух пьесах Зудермана: Рози («Бой бабочек») и Клерхен («Гибель Содома»).

53

«Сестра Беатриса» М. Метерлинка была поставлена В. Э. Мейерхольдом на сцене Петербургского Театра Комиссаржевской в 1906 году. В. Ф. Комиссаржевская исполняла роль Беатрисы.

54

Доктор Дапертутто — литературный псевдоним В. Э. Мейерхольда в период его работы в петербургских императорских театрах (1908–1917). Заимствован у Э. Т. А. Гофмана.

55

Вскоре после ареста В. Э. Мейерхольда З. Н. Райх была убита в своей московской квартире в Брюсовом переулке. Она скончалась 20 июня 1939 года от многочисленных ножевых ранений; тайна ее смерти остается до сих пор окончательно невыясненной.

Имеется в виду Виктория Александровна Швейцер.

57

Дом номер 10 по Саперному переулку был построен в 1839–1840 годах архитектором А. П. Гемилианом, в 1900–1901 годах перестроен (с надстройкой трех верхних этажей) по проекту А. Н. Веретенникова и приобрел свой нынешний вид. Семья Каннегисеров, согласно воспоминаниям Нины Николаевны Каннегисер (1909–1982), двоюродной сестры Леонида, жила «в соединенных сквозным переходом квартирах 4 и 5» (рукопись в собрании М. С. Лесмана). В 1904–1905 годах в этом доме, владельцем которого был Н. А. Тиран, размешалась редакция журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни».

58

Имеются в виду: Елена Арнольдовна *Левенстерн* — преподаватель по классу рояля — и ее сестра Зельма Арнольдовна *Левенстерн* — заведующая в Школе драмы и музыки Н. И. Кранца и В. В. Покровского, помещавшейся в 1912–1913 годах в доме на углу Литейного пр. и Симеоновской ул. (№ 45/8), с 1914 года — владелицы частной музыкальной студии, до 1916 года располагавшейся по тому же адресу.

59

«Ярым поклонником Блока» назван В. С. Чернявский и в воспоминаниях Рюрика Ивнева (см. его «Избранное» [М., 1988. С. 308]). Блок, между прочим, участвовал в составленном Чернявским (совместно с М. А. Долиновым) сборнике «Зеленый цветок» (П., 1915), объединившем, как и изданный ранее при участии Чернявского сборник «Шестой гимназии ее ученики» (СПб., 1912), в основном бывших воспитанников петербургской 6-й гимназии (стихотворения некоторых участников «Зеленого цветка» см. также в издававшемся учениками 6-й гимназии в 1911–1914 годах «на правах рукописи» журнале «Северное сияние», который с 1913 года редактировался И. Оксеновым).

По нашему предположению, речь идет о домашней постановке «Балаганчика» А. А. Блока (1906), осуществленной в конце 1910 года и позднее описанной одним из ее участников, Вас. В. Гиппиусом, в его воспоминаниях о Блоке (впервые опубл.: Ленинград. 1941. № 3. С. 18–20). Несмотря на то, что 14-летний Леонид Каннегисер не имел непосредственного отношения к этой постановке, разыгранной его старшими друзьями в доме, где творческий (и, в частности, театральный) дух культивировался его отцом (см. письмо И. С. Каннегисера к М. Г. Савиной от 24 февраля 1910 г.: РГАЛИ. Ф. 853. Оп. 2. Ед. хр. 627), понятно, что по цензурным условиям 1941 года всякое упоминание о *семье* Каннегисеров было невозможно. Рассказывая о своей встрече с А. Блоком у С. Городецкого «в конце зимы 1910 г.» [судя по письмам Городецкого Блоку (Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 50–51), встреча произошла в первые дни 1911 г.], Гиппиус ограничивается в тексте воспоминаний глухим намеком на реальные обстоятельства постановки: «Незадолго до этого *в одном семействе* был домашний маскарад, на котором представлен был „Балаганчик“. Постановка была задумана без сцены, среди публики, собрание мистиков происходило в углу у камина, а наверху камина сидел Пьеро; затем актеры выходили на середину комнаты, окруженные кольцом зрителей. Я рассказал Блоку об этом вечере, сказал, что пригласить его мы не решились, хотя и очень хотели. Блок был очень заинтересован и расспрашивал об исполнителях. Я сказал, что среди нас, дилетантов, выделялся один. Я имел в виду исполнителя роли Пьеро В. С. Чернявского» [пит. по: *Гиппиус В. В.* От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 333–334, выделено нами; при перепечатке воспоминаний В. В. Гиппиуса в сб. «А. Блок в воспоминаниях современников» (М., 1980. Т. 2. С. 76–85) комментатор — В. Н. Орлов — указывал, что «сведениями об этом представлении не располагает» (Там же. С. 434)]. С Чернявским, как и с другими близкими Каннегисеру людьми и, возможно, также участниками домашней постановки «Балаганчика» — А. К. Врангелем, М. А. Струве — В. В. Гиппиус был знаком и/или дружен с гимназических лет: все они были сверстниками и выпускниками петербургской 6-й гимназии (В. В. Гиппиус закончил ее годом раньше остальных — в 1908-м, несмотря на то, что В. С. Чернявский был годом старше его). Упоминаемый далее мемуаристкой в качестве одного из участников К. Ю. Ляндау — выпускник Тенишевского училища — также принадлежал к этому дружескому кругу и к поэтической

группе, состав которой лишь отчасти отражен в подготовленном им (совместно с Е. Г. Лисенковым) «Альманахе Муз» (Пг., 1916). Заметим, что никто из них, кроме Чернявского, — по тем же, что и Каннегисеры, причинам — не мог быть упомянут автором в советском печатном тексте 1941 года.

61

См. комм. 82.

62

«Одноактная пьеса в стихах» Н. Гумилёва «Дон Жуан в Египте» впервые опубликована в составе его кн. «Чужое небо» (СПб., 1912).

Сергей Иоакимович Каннегисер.

Елизавета Иоакимовна Каннегисер.

65

В 1916–1919 годах О. Н. Гильдебрандт училась в Императорском (позднее Государственном) театральном училище (Школе русской драмы) в Петрограде, в 1919–1923 годах играла в труппе Александринского театра.

В 1919 году В. С. Чернявский играл также в пьесе Н. Гумилёва «Дерево превращений» (роль Змеи-Судьи), поставленной К. К. Тверским в первой театральной Студии при Петроградском ТЕО (премьера 6 февраля 1919 года).

67

Речь, по-видимому, идет о записях на магнитофонной пленке, хранившихся в архиве радио. В годы войны из-за крайнего дефицита пленки старые записи были размагничены и пленка вновь использовалась в работе (см.: *Шилов Л.* Голоса, зазвучавшие вновь. М., 1987. С. 104).

По-видимому, ошибка памяти мемуаристки — дочери Ариадны у К. Д. Бальмонта не было.

69

Ср. в «Нездешнем вечере» М. Цветаевой: «Лёня для меня слишком хрупок, нежен … цветок». Ср. также запись, сделанную Цветаевой, вероятно, после получения известия об убийстве М. С. Урицкого, 1 или 2 сентября 1918 года: «Леонид К<аннегисер>! Изнеженный женственный 19-ти летний юноша — эстет, поэт, пушкинианец, томные позы, миндалевидные почти<?>» *(Цветаева М.* Выписки из прежней записной книжки, верой и правдой служившей мне с 1-го июня 1918 по 14-е февраля 1919 г. / Публ. Л. Мнухина // Марина Цветаева. Статьи и тексты. Wien, 1992. С. 235).

70

В Библиотеке Эрмитажа О. Н. Гильдебрандт работала в начале 1950-х.

71

Имеется в виду цикл «Стихи о Франциске», написанный в марте 1915 года и впервые опубликованный в журнале «Русская мысль» (1915. Кн. VIII).

Мать Ю. И. Юркуна — В. К. Амброзевич.

Известные нам документы не противоречат утверждению И. Ф. Мартынова, называющего Л. И. Каннегисера «выходцем из ассимилированной семьи» (Вестник РХД. 1990. № 159. С. 208). Так, его метрическое свидетельство, выданное Петербургским общественным раввином 3 января 1899 года, гласит: «Дано сие в том, что у Потомственного дворянина Титулярного Советника и Инженера Путей Сообщения Иоакима Каннегисера от законной его жены Розы Львовны родился сын пятнадцатого марта тысяча восемьсот девяносто шестого года, которому, согласно законам Еврейской религии, наречено имя: Леонид; — в метрической книге на записку родившихся мужского пола из купцов за 1896 г. значится записанным под № 13 с примечанием, что обрезание не было учинено» *(ЦГА СПб.,* ф. 3121, оп. 2, ед. хр. 1870, л. 5; аналогичное примечание содержит метрика Сергея Каннегисера: *РГИА СПб.,* ф. 14, оп. 3, ед. хр. 59 257, л. 6). Каких-либо свидетельств о крещении Л. Каннегисера не обнаружено; в студенческом деле его вероисповедание обозначено как иудейское *(ЦГА СПб.,* ф. 3121, оп. 2, ед. хр. 1870; ср. также описание панихиды по Сергею в тексте воспоминаний О. Н. Гильдебрандт). Вывод И. Ф. Мартынова (Вестник РХД. 1990. № 159. С. 208) об «убежденном христианстве» Каннегисера (неоправданно абсолютизированный В. Г. Бондаренко, причислившим Каннегисера к «православным христианам» [День. 1992. № 1. С. 7]) не находит, таким образом, *документальных* подтверждений. Ср. в связи с этим позднее свидетельство О. Н. Гильдебрандт о Каннегисере («Хотел креститься и жениться на мне» [дневниковая запись 2 октября 1945 года. — *ЦГАЛИ,* ед. хр. 11, л. 10 об.; речь идет о 1915 годе]) и его стихотворение «Еврейское венчание» (1916). Известно в то же время об участии И. С. Каннегисера — отца Леонида — в деятельности Петербургской еврейской общины (см. воспоминания С. М. Дубнова «Книга жизни» [Рига, 1935. Т. 2. С. 267]).

74

Ср. запись в дневнике О. Н. Гильдебрандт, сделанную 2 октября 1945 года: «Сентябрь! Месяц Лёнички!.. Леонида!.. 30 лет назад… да, ведь это был *15 год*. Черные глаза, матовая кожа, родинка на щеке… Дождь… Черный вечер… Запах прелых листьев… Почти танго на извозчике… запах духов, табака и кожи. Горячие руки, горячие губы. Горячие слова <…>» *(ЦГАЛИ,* ед. хр. 11, л. 10 об.).

75

Ю. И. Юркун жил в доме на углу Потемкинской и Кирочной улиц; ср. название сборника его рассказов 1916 года: «Рассказы, написанные на Кирочной улице, в доме под № 48».

О. Н. Гильдебрандт, согласно ее мемуарной заметке «Юркун» (наст. изд.), познакомилась с Ю. И. Юркуном в конце 1920 года. См. также январские записи в Дневнике М. А. Кузмина 1921 года, опубликованные Н. А. Богомоловым и С. В. Шумихиным (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 12. Paris, 1991. С. 435, 437).

77

В Сосновке, одном из бывших петербургских пригородов, помещается Политехнический институт. Ср. в воспоминаниях Г. В. Адамовича: «Как-то, чуть ли не в первый месяц нашей дружбы, я вечером был у него в Сосновке. Он учился тогда в Политехническом Институте и, чтобы не возвращаться ежедневно в город к родителям, жил где-то поблизости» (Леонид Каннегисер. Париж, 1928. С. 56). На экономическом отделении Политехнического института Л. Каннегисер учился с 1 сентября 1913 года.

Брак С. И. Каннегисера с Наталией Исааковной Цесарской был заключен 24 января 1914 года.

79

К. Ляндау жил по адресу: Фонтанка, д. 23. См. в воспоминаниях М. В. Бабенчикова: «Комната Ляндау помещалась в нижнем этаже типично петербургского дома, из окон которого виднелся мощный ансамбль Екатерининского института и силуэт вздыбленных клодтовских коней. Старинная обстановка: мебель, полки с книгами и гравюры на стенах — делали ее похожей на интерьер первой половины прошлого века, а вечерние сборища, происходившие в ней, — на собрания пылких „архивных юношей“ пушкинской поры» (С. А. Есенин в воспоминаниях современников. М., 1986. Т. 1. С. 236). Ср. также стихотворение К. Ляндау «Подвал» [в его сборнике «У темной двери» (М., 1916. С. 21)].

80

С. И. Каннегисер покончил с собой вечером 9 марта 1917 года, похоронен на Преображенском кладбище (см. извещения о его смерти от семьи и родственников и от правления гимназии Я. Г. Гуревича, членом ревизионной комиссии которой он состоял: Русская воля. 1917. 11 марта. № 10. С. 1; 12 марта. № 11. С. 1).

81

В воспоминаниях Н. Г. Блюменфельд, записанных и опубликованных ее дочерью Н. Соколовой, приводится следующая мотивировка самоубийства С. И. Каннегисера: «<…> приехал из Петербурга информированный человек и объяснил: „Был в списках осведомителей полиции. Боялся, что про это узнают“. Оказывается, Сережа, заигрывая с революционным подпольем, в то же время доносил на революционеров <…> главным образом на эсеров» (*Соколова Н.* Особняк в стиле барокко: Из истории семьи Каннегисеров // Столица. 1992. № 5. С. 55). Воспоминания Н. Г. Блюменфельд отличает ряд неточностей, поэтому и это свидетельство нуждается в дополнительной проверке; известно, однако, что 30 марта 1914 года Сергей Каннегисер был арестован вместе с группой студентов Петербургского университета, среди которых были два видных в будущем эсера — В. Н. Мерхалев и М. А. Лихач (в 1917-м — член военной комиссии ЦК партии эсеров). Арест был, видимо, непродолжительным и каких-либо последствий для университетской карьеры С. Каннегисера не имел (см. его университетское дело — *РГИА СПб.,* ф. 14, оп. 3, ед. хр. 59 257, л. 22).

82

Речь идет о Екатерине Александровне Черновой (?—1966) и ее сыне Андрее Дмитриевиче Гоголицыне — в будущем журналисте, репрессированном в период войны с Финляндией. Иными сведениями о нем и о сестрах Черновых мы не располагаем.

83

Имеется в виду письмо М. И. Цветаевой М. А. Кузмину, написанное в июне 1921 года и описывающее их единственную встречу в январе 1916-го в доме Каннегисеров в Саперном пер. Оригинал письма, полученного Кузминым, согласно дневниковой записи, 8 июля, неизвестен; черновик сохранился в архиве Цветаевой, опубликован в книге С. В. Поляковой «<Не>закатные оны дни: Цветаева и Парнок» ([Ann Arbor], 1983. С. 110–114). Письмо это с внесением определенных корректив (о характере их см. в указ. кн. С. В. Поляковой, с. 67–68) послужило основой для создания в марте 1936 года мемуарного очерка «Нездешний вечер».

84

Визит Б. Л. Пастернака состоялся, согласно дневниковой записи М. А. Кузмина, 16 августа 1922 года: «В Литер<атуре> все видали. Юр<кун> рад, кажется. Покупали все для вечера. Даже вина достали, а Пастернак долго не шел. О<льга> Н<иколаевна Арбенина> сидела. Но в конце концов и москвич пришел. Очень душевно и дружески к Юр<куну> толковал, хотя и не особенно толково. Меня, по-моему, и не читал, но это не важно <…>» (цит. по публ. Н. Богомолова «Письмо Б. Пастернака Ю. Юркуну» — Вопросы литературы. 1981. № 7. С. 226). В предшествовавшем этому визиту письме Юркуну от 14 июня 1922 года [впервые опубликовано Г. Г. Шмаковым (Глагол. № 1. Ann Arbor, 1977)] Пастернак называл «Версты» Цветаевой «прекрасной книгой». Ср. также упоминание Цветаевой и Рильке в дарственной надписи Пастернака Кузмину на «Избранных стихах» (М., 1926): «Мне почему-то мерещится встреча с Вами в обществе Марины Цветаевой, если это случится у Вас, и в обществе ее и R. M. Rilke, если мы попадем за границу. Основание для такой, не справляющейся с Вашими симпатиями мечты нахожу в собственном чувстве сквозной и круговой тяги» (цит. по указ. публ. Н. Богомолова. С. 227).

85

М. Цветаева упоминает стихотворения М. Кузмина «Пушкин» (1921), «Гете» (1916) и кантату «Св. Георгий» (1917), вошедшие в состав его сборника «Нездешние вечера» (Пб., 1921).

Речь, по утверждению М. В. Толмачева, идет о французской славистке Satho Tschimichkian (см.: *Толмачев М. В.* Бутылка в море. М., 2002. С. 188).

Ю. К. Полаймо.

88

Ср. отзыв А. А. Ахматовой о М. А. Кузмине, переданный Н. А. Струве: «Волошин, Кузмин, Вячеслав Иванов — все они для нас больше не существуют» (цит. по: *Ахматова А.* Сочинения. Т. 2. Мюнхен, 1968. С. 340).

В. Чернявский, как и Рюрик Ивнев, а также названные выше К. Ляндау и М. Струве познакомились с С. Есениным 28 марта 1915 года на вечере «Поэты — воинам» в Зале Армии и Флота. Все они входили в ближайший круг общения Есенина в 1915–1918 годах (см. воспоминания: *В. Ч<ерняв>ский.* Первые шаги // Звезда. 1926. № 4; он же. Встречи с Есениным // Новый мир. 1965. № 10; *Ивнев Р.* У подножия Мтацминды. М., 1973. С. 43–89). Свидетельства о знакомстве Л. Каннегисера с С. Есениным (состоявшемся, возможно, через посредство В. Чернявского: ср. воспоминания М. В. Бабенчикова — С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 240) содержатся в четырех письмах Каннегисера Есенину за июнь — сентябрь 1915 года, опубликованных с неверным указанием на архивную единицу хранения в 1990 году (см.: [Б. п.] Письма Леонида Каннегисера Сергею Есенину // Наш современник. 1990. № 10), а также в письме Есенина Чернявскому, написанном, очевидно, в июле 1915 года [предложенная В. В. Базановым в его публикации «Материалы к биографии С. А. Есенина» (Есенин и современность. М., 1975. С. 302) датировка «не ранее 10 и не позднее 12–15 июня», не учитывающая письма Каннегисера от 21 июля 1915 года, представляется неосновательной] и упоминающем о совместном путешествии Есенина и Каннегисера в Рязань в начале июля 1915 года [письмо впервые опубликовано в тексте воспоминаний Чернявского (Звезда. 1926. № 4. С. 222), автограф неизвестен; криптоним К<аннегисер> раскрыт В. Белоусовым (Сергей Есенин: Литературная хроника. Ч. 1. М., 1969. С. 70–71, 226, 244)]; о поездке Каннегисера «к Есенину в деревню» упоминает в «Нездешнем вечере» и Цветаева.

О первых петербургских знакомых С. А. Есенина вспоминает также Инн. Оксенов в своих неопубликованных записях 1920-х, говоря о «группе молодых поэтов, в которую меня <…> ввел в Петербурге В. С. Чернявский (<…> окончивший ту же Шестую гимназию, что и я, но бывший значительно старше меня). Здесь — для меня — центральным лицом являлся Рюрик Ивнев, с которым я, насколько позволяла разница наших лет и мировоззрений, сблизился. Рюрик представлял собою в те годы страшную смесь черт вырождения, истерии, развращенности (не столько приобретенной, сколько органической) и совершенно детской, огромной и чистой нежности и любви к миру. И в мировоззрении, и в творчестве он давал только „свое“, выношенное и выстраданное, чем был на голову выше всех своих друзей

(„рюриков“, по слову нашего общего знакомого). Но был ли он поэтом? Этот вопрос для меня не решен до сих пор. Бывая на часто менявшихся квартирах Рюрика, я встречал у него, кроме неизменного Нила Сорского на письменном столе, многих более или менее известных литераторов и поэтов. Помню В. Н. Гордина, Е. А. Нагродскую (произведшую на меня впечатление простой буржуазной дамы), Т. Г. Шенфельд, Н. Бальмонта, — здесь же я впервые увидел Сергея Есенина, только что приехавшего тогда в Петербург. Просто одетый, угловато державшийся, он тогда еще не был заласкан аудиторией, его звезда еще только восходила. Помню, как, оставшись под конец вечера в исключительно мужском обществе, Есенин читал нецензурные частушки…

Частыми гостями Рюрика были М. А. Кузмин, Георгий Иванов, Л. А.[Разночтения в отчестве Леонида Иоакимовича Каннегисера происходят по причине разного произношения имени его отца: Иоаким — Аким. — *Прим. ред.*] Каннегисер. Последний, приобретший впоследствии трагическую известность, был также одним из моих „героев“. <…> В нем все гармонировало: его мягкие, плавные движения, прекрасная фигура сына бессмертной расы, его вкрадчивые интонации, которых он почти не изменял, переходя от разговора к чтению стихов, формально всегда безупречных. Его отношение ко мне заключалось на три четверти в любопытстве, с которым он изучал меня, кончающего гимназиста. Встретившись с ним позже и сообщив в разговоре о моем влечении к естествознанию и о выборе мед<ицинского> ф<акульте>та, я услышал от Л. А. признание: „Я тоже иногда тоскую по точным наукам“. А в тот вечер (это было у С. И. Аносовой, осенью 1916 г.) Каннегисер читал прекрасные стихи „Ярославль“, которые затем записал в альбом хозяйке по ее просьбе. Последний раз я видел Л. А. на вечере поэтов в Тениш<евском> зале весною 1917 г. — он был в военной форме и читал стихи, произведшие на меня впечатление довольно слабых. (Возможно, имеется в виду „Вечер свободной поэзии“, устроенный художественным обществом „Искусство для всех“ в зале Тенишевского училища 13 апреля 1917 года; не исключено участие в нем Каннегисера — см. газетный анонс: Русская воля. 1917. № 58. 12 апреля. С. 6. Напротив, дважды засвидетельствованный позднее Л. Страховским факт выступления Каннегисера в Тенишевском зале 13 мая 1918 года на „Вечере петербургских поэтов“, организованном обществом „Арзамас“ (см.: *Страховский Л.* Рыцарь без страха и упрека: Памяти Н. С. Гумилёва // Возрождение. 1951. № 16; он же. О Гумилёве. 1882–1921 // Современник [Торонто]. 1961. № 4) — не подтверждается данными об этом вечере, собранными в 1920-е у

его участников П. Н. Лукницким и любезно сообщенными нам Р. Д. Тименчиком. — *Г. М.)* Больше я его не встречал.

Мне невольно вспоминается вновь Рюрик Ивнев, в комнате которого в конце 1917 г., после Октябрьской революции, появилась тоненькая книжка — программа РСДРП(б) — путь Рюрика резко разошелся с дорогой Каннегисера, и не могло быть иначе — слишком различного духа были эти люди, стоявшие, быть может, на полюсах мировоззрений. Литературная среда 1915–17 гг. была чрезвычайно пестра, в ней мирно сожительствовали люди самых разнообразных верований. „Как велик диапазон наших друзей — от Каннегисера до Рюрика!“ — услышал я от О. Мандельштама осенью 1918 г. в Москве» (частное собрание).

90

Фотография С. Есенина, В. Чернявского и Р. Ивнева, сделанная вскоре после их знакомства в конце марта 1915 года, впервые была опубликована в газете «Вечерний Ленинград» в 1965 году (2 окт. № 233; в статье А. Ломана и Н. Хомчук «Новое о Сергее Есенине»).

91

Ср. в «Нездешнем вечере»: «Осип Мандельштам, полузакрыв верблюжьи глаза, вещает <…>»; ср. также: «Наибольший успех был у Мандельштама, читавшего, высокопарно скандируя, строфы о ритмах Гомера („голову забросив, шествует Иосиф“ — говорили о нем тогда)» (*Ч<ерняв>ский В.* Первые шаги // Звезда. 1926. № 4. С. 215). Подробный анализ декламации Мандельштама см. в работе С. И. Бернштейна «Голос Блока» (Блоковский сборник. Вып. II. Тарту, 1972; публ. А. Ивича и Г. Суперфина).

92

М. Цветаева упоминает в «Нездешнем вечере» *критиков* Григория Адольфовича Ландау (1877–1940), постоянного автора «Северных записок», и Луарсаба Николаевича Андроникова (1872–1939), адвоката, отца Ираклия Андроникова.

93

Весной 1916 года С. М. Городецкий уехал на Кавказский фронт в качестве корреспондента газеты «Русское слово» и вернулся в Петроград только в конце июля 1920 года.

94

Духи «Jasmin de Corse» — подарок М. И. Цветаевой от С. И. Чацкиной, издательницы журнала «Северные записки», и ее мужа, публициста Я. Л. Сакера, — упомянуты в «Нездешнем вечере».

Документально восстановить хронологию событий, непосредственно предшествовавших террористическому акту утром 30 августа 1918 года и последовавших за ним, до *научной* публикации материалов «дела об убийстве Урицкого», на существование которого указывал еще М. А. Алданов в очерке, посвященном этому событию, вряд ли возможно. [Современный исследователь, ссылающийся на свое «знакомство со следственными делами об убийстве <…> В. Володарского, <… > М. Урицкого и о покушении на Ленина», дает следующее точное указание на объем дела Л. Каннегисера и место его хранения: «Архив КГБ СССР. Д. 196. В 11-ти томах» *(Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России. 1917–1922 // Отечественная история. 1993. № 6. С. 51, 60)] Однако на основе разнообразных свидетельств, обнародованных к сегодняшнему дню, и в том числе журналистских публикаций, основанных на следственном деле Каннегисера (см.: *Шенталинский В.* Преступление без наказания. М., 2007. С. 93–194; а также сочинение Н. Коняева, использовавшего документы из архива ФСБ: Наш современник. 1996. № 4), можно выстроить биографическую канву последнего года его жизни в предварительном порядке.

Показания, данные Каннегисером в первый же день после ареста и переданные следствием в печать, подтверждают утверждения Алданова о «захваченности» Каннегисера Февральской революцией (см.: *Алданов М.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1991. С. 493): «с первых же дней революции», как указывает источник, Каннегисер поступил в отряд милиции Литейного района (где он жил) и там «пробыл одну неделю» (Северная коммуна. 1918. 31 августа. № 93. С. 2). Сообщение о том, что «в июне 1917 года он поступил добровольцем в Михайловское артиллерийское училище и находился там до расформирования последнего» (там же), должно быть соотнесено — с одной стороны, с написанным 27 июня стихотворением «Смотр» и со свидетельством автора статьи о Каннегисере в журнале «Камена» (1919. Кн. 2. С. 31), знавшего его «в моменты действия — защитником революционного Петрограда против Корниловского мятежа» в конце августа 1917 года (ср. также стих. «О кровь семнадцатого года…», написанное летом 1917-го), а с другой — с деятельностью двоюродного брата Л. Каннегисера М. М. Филоненко, назначенного в июле 1917 года — одновременно с назначением Л. Г. Корнилова Верховным главнокомандующим и Б. В. Савинкова товарищем военного

министра А. Ф. Керенского — комиссаром Временного правительства при Ставке. Позиция Савинкова и Филоненко, действовавших в тесном сотрудничестве и пытавшихся достигнуть компромисса между Корниловым и Керенским, изменилась после 27 августа 1917 года, когда после объявления Корнилова «мятежником» — оба они выступили на стороне Временного правительства [см. об этом: *Катков Г. М.* Дело Корнилова. Париж, 1987. С. 123, 129, 161; на близость и определенное влияние Филоненко и Савинкова на Каннегисера указывают Я. Б. Рабинович (Вестник РХД. 1990. № 159. С. 206), Н. Г. Блюменфельд (Столица. 1992. № 5. С. 54–55), В. И. Игнатьев (Красная книга ВЧК. М.,1990. Т. 2. С. 107)].

Тогда же, летом 1917 года, Каннегисер исполняет обязанности председателя Союза юнкеров-социалистов Петроградского военного округа [по данным Я. А. Гордина, председателем Союза был В. Б. Перельцвейг, о котором см. ниже, а Каннегисер был «товарищем председателя», то есть его заместителем (см.: *Гордин Я.* Поэт и хаос // Нева. 1993. № 4. С. 244)]. Я. Б. Рабинович, учившийся вместе с Каннегисером на экономическом отделении Политехнического института, упоминает и его участие в деятельности «Союза евреев-политехников» (Вестник РХД. 1990. № 159. С. 206). Круг лиц, упоминаемых мемуаристом в связи с этим «Союзом», позволяет предположить, что речь, очевидно, идет об Организации сионистской учащейся молодежи «Геховер», основанной в 1910 году в Базеле и активно функционировавшей в России. Так, названные Рабиновичем И. Я. Виленчук и А. И. Идельсон в 1917 году входили в состав центрального комитета — Мерказа — «Геховера». О дружбе Каннегисера с другим студентом-политехником — Е. Я. Шескиным, также близким к кругам российских сионистов, вспоминает его младший брат Мирон, в 1917-м — сам член «Геховера» (см.: *Шескин М.* Мой долгий путь в Иерусалим. Иерусалим, 1980. С. 56). Отметим также, что в Политехническом институте в годы учения Каннегисера функционировал Кружок по изучению еврейской истории и литературы (информацию о его деятельности см., например: Еврейский студент. 1915. 10 апреля. № 5. С. 35). Забегая вперед, нельзя не заметить, что совершенное Каннегисером убийство Урицкого, расцененное С. М. Дубновым как «подвиг» (см.: Книга жизни. Т. 2. С. 267), вызвало широкий отклик в петербургском еврействе (см.: *Шескин М.* Указ. соч. С. 57–58).

Несмотря на утверждения самого Каннегисера в том, что «активного участия в политической жизни» он «не принимал» (Северная коммуна. 1918. 31 августа. С. 2), ряд источников

упоминает о его присутствии «у Зимнего дворца в день октябрьской осады» [Камена. Указ. изд. С. 31; ср. «ночь 25 октября в Зимнем дворце», отмеченную Я. Б. Рабиновичем (Вестник РХД. 1990. № 159. С. 206)] в числе юнкеров Михайловского училища, принимавших участие в охране Зимнего дворца (см.: *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 231). В следственном деле Каннегисера задокументировано его задержание 24 октября 1917 года «по выходе из Зимнего дворца» и недолгий арест в Петропавловской крепости, откуда 25 октября он попал на Второй Всероссийский съезд Советов в Смольном *(Шенталинский В.* Преступление без наказания. С. 164–165); ср. свидетельство М. Алданова — «Ленин произвел на него, 25 октября, сильнейшее впечатление» *(Алданов М.* Собр. соч. Указ. изд. Т. 6. С. 493).

Начало деятельности Каннегисера в подпольном антибольшевистском движении относится, согласно большинству свидетельств, к весне 1918 года. Согласно показаниям В. И. Игнатьева, члена ЦК партии народных социалистов, данным во время процесса правых эсеров в 1922 году, «в конце марта 1918 года» к нему «явился молодой человек, представивший <…> рекомендации, оказавшийся Л. А. Каннегисером, и заявил, что обращается ко мне <…> от имени группы беспартийного, демократически настроенного офицерства с просьбой организовать для них военный и политический штаб. Группа офицерства, довольно многочисленная, поставила своей задачей бороться с большевиками; имея в каждом районе города свои комендатуры, занята установлением дальнейшей связи с воинскими частями» (пит. по: Красная книга ВЧК. М., 1990. 2-е изд. Т. 2. С. 94–95). Согласно показаниям Игнатьева, Каннегисер был комендантом Выборгского района (см.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн. 2. С. 222) и, кроме того, «ведал связью» в военной организации «Союза возрождения России» (Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 100). «Союз возрождения» был образован весной 1918 года в Москве, и в Петрограде существовал с июня 1918 года «не как самостоятельная организация, а только как междупартийный контакт на предмет взаимного обмена информациями и выработки <…> общего отношения к важнейшим вопросам текущей жизни» (из показаний В. Н. Розанова // Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 91). Из показаний Игнатьева известно также, что Каннегисер состоял и в подпольной организации, возглавлявшейся М. Филоненко (ср.: Н. Н<елидов> Белые террористы // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 1 [XIV]. С. 147). Возможно, организация Филоненко,

именовавшаяся «Союз спасения Родины и революции», принимала участие в деятельности «Союза возрождения», во всяком случае, Каннегисер склонен был разделять его общую платформу — «непризнание Брестского мира» и «возрождение русской государственности путем созыва Учредительного собрания» (Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 91); «Брест-Литовский мир» Алданов упоминает в числе событий, «переменивших мысли Каннегисера» (Собр. соч. Т. 6. С. 496). Ранее, согласно приложенному к делу Каннегисера документу, он был делегирован «трудовой народно-социалистической партией, выставившей по гор. Петрограду список кандидатов за № 1 в 67 участковую комиссию по выборам в Учредительное собрание» *(Шенталинский В.* Преступление без наказания. С. 167). Из действий, совершенных Каннегисером в рамках подпольной деятельности, Игнатьев называет поездку в Вологду с целью «передачи связи с командным составом» двух полков, передислоцированных из Петрограда в Вологду летом 1918 года (Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 113).

О встрече с Каннегисером в Москве, возможно, по возвращении из Нижнего Новгорода, куда Каннегисер по предписанию народного комиссара по военным делам М. Кедрова был командирован в марте 1918 года как «член эвакуационной комиссии с несением функции казначея» (*Шенталинский В.* Преступление без наказания. С. 168; см. также датировку стихотворения Каннегисера «Снежная церковь»), или из Вологды, рассказывает Л. В. Никулин, относя это событие к апрелю 1918 года, что противоречит его же словам о том, что, приехав из Москвы в Петроград, Каннегисер «через несколько дней» убил Урицкого: «Пишущий эти строки в последний раз видел Л. А. Каннегисера в Москве, в апреле на Кузнецком мосту… Была весенняя грязь… Л. А. в длинной кавалерийской шинели, без офицерских погон, изможденный, бледный, мало напоминал изнеженного, немного томного юношу из петроградского подвала. Он был проездом, один день, в Москве и возвращался в Петроград с юга… Какая-то усталость, разочарование, небрежные вопросы о друзьях и равнодушие к прежней мечте, к поэзии говорили о сильном переломе в этой странной душе… В получасовой прогулке по шумной улице трудно было сказать о том, что произошло… Проезжали автомобили с лихими молодыми людьми во френчах… В шикарном экипаже прокатили два пьяных матроса… — Флотский экипаж… — грустно сострил Каннегисер. Уехал он в тот же день <…>» (Зритель. 1918. 4 сентября. № 3.С.6). В конце апреля Каннегисера посетил в его квартире на Саперном М. А. Кузмин, записавший в Дневнике: «28 <апреля 1918> <…> У Каннегисеров <…> Хозяева нервны,

угощение <поприпало?>. Ленечка подпоясался высоко и держался <нордстильно?>». Последний раз Кузмин видел Каннегисера 15 июня 1918 года у себя дома: «Заходили Ленечка, Лулу <Е. И. Каннегисер> и Софья Ис<ааковна Чацкина>. Они постарели все или я отвык от них». 24 августа 1918 года Кузмин посещает дом Каннегисеров, но Леонида там не застает: «Днем ходил к Розе Львовне за чаем. Там одиноко и мрачно. Куда все отлетело? И вечера у них, открытый дом <…>, карты, „Северные записки“, Софья Исааковна, как тетушка из Гейне, чай после Михайловского театра?» [Дневник Кузмина цит. по тексту, подготовленному к печати С. В. Шумихиным.]

Между тем именно в эти дни произошло событие — «гибель друга», — «сделавшее», по слова Адланова, Каннегисера «террористом»: 21 августа «Петроградская правда» публикует сообщение о расстрелах по постановлению ЧК и, в частности, о расстреле «по делу об агитации среди курсантов Михайловского Артиллерийского училища после выступления левых эсеров» бывшего офицера Владимира Борисовича Перельцвейга (с. 2). Постановление о расстреле было подписано Урицким, как председателем ПЧК (при голосовании о целесообразности применения высшей меры на коллегии ПЧК Урицкий воздержался; см.: *Уралов С. Г.* Моисей Урицкий. Л., 1929. С. 117).

Подробности террористического акта освещены в сообщении «Северной коммуны» (1918. 31 августа. С. 2) и в статье Х. «Несколько слов о Каннегисере» (Голос минувшего на чужой стороне. 1927. № 5 [XVIII]. С. 315–317). Следствию не удалось документально подтвердить первоначальные заявления о «ликвидации грандиозного заговора как партийных организаций, так и иностранных деятелей англофранцузского капитализма» (Петроградская правда. 1918. 4 сентября. № 191. С. 3). А. Л. Литвин, на основании знакомства с делом Каннегисера, указывает также, что «следователи петроградской ЧК Отто и Рикс, вначале ведшие дело, заявили, что убийство Урицкого — дело рук сионистов и бундовцев, отомстивших председателю ЧК за интернационализм. Это утверждение было отвергнуто председателем петроградской ЧК Н. Антиповым, уволившим этих следователей за антисемитские настроения (в 1919 г. их вновь приняли на службу в ЧК) и написавшим 4 января 1919 г. в „Петроградской правде“: „При допросе Леонид Каннегисер заявил, что он убил Урицкого не по постановлению партии или какой-либо организации, а по собственному побуждению, желая отомстить за аресты офицеров и за расстрел своего друга Перельцвейга, с которым он был знаком около 10 лет“» (Отечественная история. 1993. № 6. С. 60; см. также: в указ. кн.

В. Шенталинского, с. 106, 130). Несмотря на развязанный «красный террор», непосредственно по «делу об убийстве тов. Урицкого» был казнен только Каннегисер. Известия о его расстреле появились, со ссылкой на «сведения, полученные из Петрограда», 1 октября 1918 года в архангельской газете «Отечество», ближайшее участие в издании которой принимал М. М. Филоненко (см.: Расстрел Л. А. Каннегисера// Отечество. 1918. 1 октября. № 8. С. 3). Официально о расстреле было объявлено в сообщении ЧК 18 октября 1918 года (см.: Петроградская правда. 1918. 18 октября. № 228. С. 2).

Аресты «по делу об убийстве Урицкого» начались сразу же после задержания Каннегисера в доме № 17 по Миллионной ул., куда он забежал, пытаясь скрыться от погони. Арестовывали всех, упоминавшихся в записной книжке Каннегисера (ср. эпизод с арестом генеалога и нумизмата А. А. Сиверса, лично Каннегисера не знавшего, однако бывшего клиентом одного с ним мебельного магазина, телефон которого был записан Каннегисером: *Аксакова-Сиверс Т. А.* Семейная хроника. Paris, 1988. Кн. 1. С. 301–302). «В связи с арестом убийцы комиссара М. С. Урицкого, студента Каннегисера членами чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией был произведен ряд обысков особой важности, — сообщала „Петроградская правда“. — <…> Сейчас выясняется вопрос, имели ли какое-нибудь отношение к преступным замыслам Каннегисера его домашние. Все они находятся под арестом. При обыске в квартире Каннегисера взята переписка» (1 сентября. № 189. С. 2).

Ю. И. Юркун был арестован утром 31 августа 1918 года. Дневниковые записи Кузмина позволяют восстановить обстоятельства его ареста и почти трехмесячного задержания. 31 августа Кузмин записал: «Я еще спал, слышу шум. Обыск. Начали с Юр. комнаты. <…> „Юр. увели“. Бегу. Сидит следователь, красноармейцы. „Юр., что это?“ — „Не знаю“. Арестовывают, говорят, что ненадолго, недоразумение. <…> Побежал к Ляндау. Оказывается, Урицкого убил Леня Каннегисер. Отмстил за расстрел Перельцвейга. Все родные арестованы. <…> Посылку не приняли. Нету в списках. Смотрел списки. Нет. Но сколько знакомых <…> Горький хлопотать отказался и думает, что я сам сижу». 3 сентября арестованные (и Юркун в том числе) были переведены в Дерябинские казармы, о чем Юркун известил Кузмина в письме, полученном им в тот же день. На следующий день Кузмин записывает: «Ходил в тюрьму. Там лучше, насколько может быть лучше в таких местах». С середины сентября начинаются хлопоты по освобождению арестованных; некоторые из них освобождены — 12 сентября Кузмин фиксирует в Дневнике: «Надеждин говорит, что „следственная комиссия“ мягче, чем в начале. (Непосредственно после убийства Урицкого расследование возглавлял прибывший из Москвы Ф. Дзержинский. — *Г. М.)* Сиверса отпустили». 18 сентября: «Вчера Горький подал Зиновьеву список, там и Юрочка. <…> Слег, еле добился, чтобы Луначарский послал бумагу <…> Некоторых знакомых Каннегисера уже выпустили». 26 сентября:

«Многих освобождают». Задержание Юркуна, однако, продолжается. 14 октября Кузмин записал: «Дело с Юр. все затягивается. Все врут безбожно. Яковлева уехала в Москву ликвидировать дело Каннегисера и „попутно“ будут освобождать ранее амнистированных. Ленечку не расстреляют». Следующий месяц проходит в ожидании освобождения и фиксации слухов о его сроках: 19 ноября «Жак <Израилевич> уверяет, что распоряжение освободить Юр. уже дано». Наконец 23 ноября Юркун был освобожден.

97

6 сентября 1918 года было опубликовано сообщение о расстреле «в ответ на белый террор» 512 человек и одновременно начата публикация списков заложников (общей численностью 476 человек), продолжавшаяся 7, 8 и 10 сентября (см.: Петроградская правда. № 193–196; ср. также: *Смолин А.* У истоков красного террора // Ленинградская панорама. 1989. № 7. С. 27). О событиях, сопутствовавших аресту и заключению Юркуна, см. также: *Морев Г. А.* Из комментариев к текстам Кузмина <1> («Баржи затопили в Кронштадте…») // Шестые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 25–30.

98

О встрече с Чернявским в эвакуации, в Новосибирске, зимой 1943 года вспоминает Д. Н. Журавлев (см.: *Журавлев Д. Н.* Жизнь. Искусство. Встречи. М.,1985. С. 153).

Un peu gaga (фр.) — впавший в слабоумие.

100

Близкие Л. Каннегисера — мать, отец и сестра, арестованные 30 августа, были освобождены в конце декабря 1918 года. 24 декабря следователь Н. Антипов подписал «Постановление по делу убийства тов. Урицкого» с выводом — «всех арестованных по этому делу освободить, возвратив им все отобранное при аресте» (*Шенталинский В.* Преступление без наказания. С. 181; см. также: Отечественная история. 1993. № 6. С. 60). М. А. Алданов в очерке «Убийство Урицкого» рассказывает о визите Р. Л. Каннегисер к умирающему Г. А. Лопатину в день ее освобождения; Лопатин скончался 26 декабря 1918 года (см.: *Алданов М.* Собр. соч. Т. 6. С. 508). О четырехмесячном пребывании родственников Л. Каннегисера в Дерябинских казармах упоминает и Н. Н. Каннегисер в биографическом очерке своего отчима — переводчика И. Б. Мандельштама, также подвергшегося аресту и заключению (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 11. Paris, 1991. С. 386). В марте 1921 года, вскоре после подавления Кронштадтского мятежа, Каннегисеры и И. Б. Мандельштам были вновь арестованы, но вскоре — возможно, после заступничества М. Горького — освобождены (см. дневниковые записи Кузмина от 26 и 28 марта и 14 апреля 1921 года // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 12. Paris, 1992. С. 456, 457, 462). Родство с семьей Каннегисеров — И. Б. Мандельштам был двоюродным дядей Леонида — сыграло роковую роль в его судьбе: И. Б. Мандельштам позднее неоднократно арестовывался и умер в казахстанской ссылке.

101

«Лордом» в очерке Цветаевой назван Иоаким Самуилович Каннегисер.

102

Неточная цитата из стихотворения А. Ахматовой «Встреча» (цикл «Новоселье», 1943).

103

Паллада Олимповна Богданова-Бельская.

104

Возможно, имеется в виду один из братьев П. Богдановой-Бельской — Кронид или Леон Олимпович Старынкевич. О пребывании самой Паллады в 1920 году в Крыму см. в воспоминаниях Б. О. Берга (Русская мысль. 1990. 2 ноября. Лит. приложение № 11. С. XI. Публ. Р. Д. Тименчика); там же см. выразительные свидетельства о «ее мятущейся и непосредственной натуре, поставленной вне рамок и привычных условностей».

105

Роза Львовна Каннегисер.

Сохранилось несколько свидетельств о ранних стихотворных опытах О. Н. Гильдебрандт; важнейшее из них — ее письмо к В. Я. Брюсову от 7 сентября 1917 года с благодарностью за отзыв о присланных ему ранее стихах (стихи, как и ответное письмо Брюсова, неизвестны) и стимулированными этим отзывом признаниями: «<…> Я вряд ли перестану „писать“… Но я никогда больше не осмелюсь назвать мою чепуху — стихами.

Даю Вам честное слово <…>, что я никогда не называла мои писания — стихами, и то, что я к Вам обратилась, было какой-то ошибкой. <…> Писала я стихи потому только, что не находила другого средства „успокоиться“, вот и Вам пишу теперь поэтому — меня давит будто впечатление Вашего такого ужасно справедливого письма, — если не напишу, будто разорвется что-то. Ведь не всегда в жизни — когда чувствуешь себя счастливой, есть возможность действенно пережить свою радость, не всегда — в горе — есть смелость топиться… а у меня только одна возможность сладить со своими чувствами — написать. А почему-то моего глупого, обычного дневника — мне не всегда хватает, выходят против воли строчки с чем-то вроде ритма и рифм, и их-то я Вам осмелилась прислать.

Вы своим письмом помогли мне уяснить себе то, что я раньше, кажется, чувствовала: что все образы и слова стихов должны иметь основание в себе самих, вытекать по необходимости друг из друга, что искусство имеет свою собственную жизнь, а я стремлюсь только отразить в своих стихах чувства и мысли, аналогичные с теми, что были у меня в действительности <…>» (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 386, карт. 75, ед. хр. 3, л. 2–2 об.).

В 1921 году о стихах О. Н. Гильдебрандт отозвался в Дневнике М. А. Кузмин: «Юр. показывал Оленькины стихи, будто пятилетняя писала. Смешно, но даже не оскорбительно» (*Кузмин М.* Дневник 1921 года / Публ. Н. А. Богомолова, С. В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 12. С. 468).

107

Ср. в стихотворении А. Ахматовой «Годовщину последнюю празднуй…» (1938): «Из тюремного вынырнув бреда, / Фонари погребально горят». См. также с. 241–242 наст. изд.

108

Неточная цитата из стихотворения армянского поэта Ованнеса (XV–XVI вв.) «Песня любви», переведенного В. Брюсовым; см.: Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. М., 1916. С. 209.

109

Греческая посольская церковь находилась на Греческом проспекте между 5-й и 4-й Рождественскими (ныне Советскими) улицами. Сейчас на ее месте концертный зал «Октябрьский».

Crescendo *(ит.)* — всё громче, с нарастанием силы звука (муз.).

111

«Самофракийская победа» из книги Н. Гумилёва «Костер» (СПб., 1918).

112

Имеется в виду Е. К. Дебуше, в которую Н. Гумилёв был влюблен в 1917 году.

113

О. Н. Гильдебрандт имеет в виду героинь пьес М. Метерлинка «Принцесса Малэн», Э. Ростана «Принцесса Греза» и Г. Ибсена «Пер Понт».

114

Имеются в виду пьеса О. Уайльда «Суламифь» и роман Г. Флобера «Саламбо».

115

Вогезы — департамент во Франции.

116

Образ Иерусалима Пилигримов взят из «Канцоны первой» Н. Гумилёва из его книги «Костер» (Пг., 1918).

117

Цитата из стихотворения Н. Гумилёва «Перед ночью северной, короткой…» из посмертного сборника «Стихотворения».

118

Цитата из того же стихотворения. В каноническом варианте: «Подошла неслышною походкой».

119

В «Письмах о русской поэзии», первоначально печатавшихся в журнале «Аполлон», Н. Гумилёв дважды упоминает М. Долинова: в письме XIV, рецензируя сборник А. Конге и М. Долинова «Пленные голоса» (Пб., 1911), и в письме XXIV, рецензии на сборник М. Долинова «Радуга» (Пг., 1915). В обоих случаях он пишет о вторичности молодого поэта, отмечая, однако, определенную культуру стиха.

120

См. комм. 48 к воспоминаниям о В. Э. Мейерхольде в наст. изд.

121

В. В. Маяковский выступал в Петрограде 11 (24) октября 1917 года в концертном зале Тенишевского училища. Но на этом выступлении он читал поэму «Человек». Свою пьесу «Мистерия-буфф» Маяковский читал несколько раз в Петрограде в конце сентября — начале октября 1918 года. На чтении в Александринском театре выступал В. Э. Мейерхольд (см.: *Катанян В.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. 5-е изд., доп. М., 1985. С. 149–150). «Мистерия-буфф» в постановке В. Э. Мейерхольда прошла 7, 8 и 9 ноября 1918 года в Петроградском театре музыкальной драмы.

122

Первой женой К. Д. Бальмонта была Лариса Михайловна Гарелина.

123

По имени героя романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея».

124

Имеется в виду «Студия на Бородинской», которой Мейерхольд руководил с 1914 по 1918 год.

125

По имени главной героини пьесы М. Метерлинка «Принцесса Малэн» (1889).

Имеется в виду П. О. Богданова-Бельская.

127

Имеется в виду Л. И. Каннегисер.

128

Речь идет о Мирре Константиновне Бальмонт.

«Вещь в себе» *(нем.)*.

130

Модный журнал.

Имеется в виду Ю. И. Юркун.

132

Возможно, имеется в виду вечер поэзии, прошедший 2 марта 1918 года в Тенишевском училище.

133

Квартира С. Маковского находилась на Ивановской улице, дом 20.

134

Пьеса П. П. Гнедича «Декабрист» была поставлена в Александрийском театре в 1918 году.

135

Пьеса Эдуарда Стукена «Рыцарь Ланваль» была поставлена в 1923 году в Театре оперы и балета имени М. П. Мусоргского (бывшем Михайловском театре).

136

Имеется в виду статья Н. Пунина «Рисунки нескольких молодых» (Аполлон. 1916. № 4–5. С. 1–20).

АРА — Американская ассоциация помощи.

138

Премьера спектакля по пьесе Э. Хардта «Шут Тантрис» (режиссер В. Э. Мейерхольд, художник А. К. Шервашидзе) на сцене Александринского театра состоялась 9 марта 1910 года.

139

В Бежецке жили родители Н. С. Гумилёва.

140

Цитата из стихотворения А. Ахматовой «У меня есть улыбка одна…» из книги «Четки».

«Буря и натиск» *(нем.)*.

142

Церковь Козьмы и Демьяна на Кирочной улице была взорвана в конце 1940-х годов при постройке станции метро «Чернышевская».

143

Церковь на Бассейной, дом 31 — Иоанно-Богословская церковь.

В Англии Н. С. Гумилёв был в начале 1918 года.

145

Порция, Бассанио — герои пьесы Шекспира «Венецианский купец».

146

«Ты знаешь край…» *(нем.)*. Строки из песни Миньоны («Годы учения Вильгельма Мейстера» И. В. Гёте).

147

Цитата из стихотворения Н. Гумилёва «Сентиментальное путешествие» в книге «Стихотворения».

148

Дом литераторов, возникший осенью 1918 года, помещался на Бассейной улице, дом 11. В нем существовала столовая для нуждающихся литераторов. Существовал до 1922 года.

149

Пьеса П. М. Невежина (1916).

150

Издательство «Всемирная литература» было создано по инициативе М. Горького в конце 1918 года. Первоначально редакция находилась на Невском, 64, в квартире М. Горького, а к ноябрю 1919 года переехала на Моховую улицу, дом 36.

151

Имеется в виду Петроградское отделение Всероссийского союза поэтов, организованное в 1920 году. Вначале непродолжительное время председателем был А. Блок, но вскоре его сменил Н. Гумилёв.

152

Юбилей М. Кузмина (пятнадцатилетие литературной деятельности) прошел в Доме искусств 29 сентября 1920 года (см.: Дом искусств. 1920. № 1.С. 74).

153

Цитата из стихотворения М. Кузмина «Мой портрет» из сборника «Сети».

154

Речь идет о массовой инсценировке «К мировой коммуне» в честь 2-го конгресса III Интернационала, прошедшей 19 июля 1920 года. Режиссерами были Н. В. Петров, С. Э. Радлов, А. И. Пиотровский, постановщиком К. Марджанишвили.

155

Героиня романа «Бал у графа Д’Оржеля» французского писателя Раймона Радиге (1903–1923).

156

Портрет Н. С. Гумилёва был создан Н. Шведе-Радловой в 1919–1920 годах. До наших дней не сохранился. Описание портрета содержится в воспоминаниях Одоевцевой *(Одоевцева И.* На берегах Невы. С. 300–301). Дальнейшую историю портрета Гумилёва см. в воспоминаниях И. Наппельбаум *(Наппельбаум И.* Угол отражения: Краткие встречи долгой жизни. СПб., 2004. С. 191–195).

157

Цитата из стихотворения Н. Гумилёва «Канцона вторая» из книги «Огненный столп».

158

О. Гильдебрандт имеет в виду воспоминания И. Наппельбаум, часть которых — «Звучащая раковина» — впервые была опубликована в журнале «Нева» (1988. № 12. С. 198–200).

159

Имеется в виду роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея».

160

Начало стихотворения Н. Гумилёва «Пьяный дервиш» из книги «Огненный столп».

161

«Милый друг» (1885), роман Г. де Мопассана.

162

Стихотворение «Ольга» вошло в книгу Н. Гумилёва «Огненный столп».

163

Вечер В. В. Маяковского состоялся 4 декабря 1920 года (см.: Дом искусств. 1920. № 1. С. 70).

См.: *Одоевцева И.* На берегах Невы. С. 41–42.

165

Стихотворение О. Мандельштама «Когда Психея-жизнь спускается к теням…» (1920), обращенное к О. Гильдебрандт.

166

Вечер состоялся 21 октября 1920 года (см.: *Одоевцева И.* На берегах Невы. С. 184–196).

167

Лидеры кадетской партии А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин были зверски убиты матросами в Мариинской больнице в январе 1918 года.

168

Из стихотворения Мандельштама «Отравлен свет».

169

Неточная цитата из стихотворения М. Кузмина «Любовь чужая зацвела…» из книги «Параболы» (Пб.; Берлин, 1923).

170

Розалинда — героиня комедии Шекспира «Как вам это понравится»; Виола — героиня комедии Шекспира «Двенадцатая ночь».

Там же. С. 214.

172

Стихотворение «Перстень» из сборника «Огненный столп».

173

См.: *Одоевцева И.* На берегах Невы. С. 238.

174

Имеются в виду стихотворения И. Одоевцевой «Мы прочли о смерти его…» (впервые: Цех поэтов. Пг., 1922. Кн. 3) и И. Наппельбаум «Молитва» *(Наппельбаум И.* Мой дом. Л., 1927).

175

«Студия пластического движения», руководимая З. Д. Вербовой, была создана в 1923 году по распоряжению А. В. Луначарского. Программа обучения в студии включала ритмическую гимнастику и сольфеджио по Ж. Далькрозу, пластику, гимнастику, анатомию, биомеханику, политграмоту. Студия готовила преподавателей физического воспитания для школ.

176

А. Н. Энгельгардт выведена в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» (1927) под именем Екатерины Ивановны, вдовы путешественника Заэвфратского.

177

Ср.: *Ахматова А.* К истории акмеизма // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 8.

178

Ср. запись в дневнике М. А. Кузмина 8 августа 1921 года (Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 164).

179

Ср. об А. А. Ахматовой в переписке современников и очевидцев похорон Блока (Там же. М., 1981. Кн. 3. С. 535).

180

Н. В. Гун, товарищ А. А. Блока по Введенской гимназии, покончил с собой в 1902 году. Сведения о том, что Блока похоронили рядом с Гуном, неверны — Гун похоронен на Волковом кладбище (см. статью К. А. Кумпан и А. М. Конечного «Александр Блок во Введенской гимназии» (Там же. М., 1987. Кн. 4)). Впрочем, в 1944 году прах поэта был перенесен со Смоленского на Волково кладбище.

181

Н. С. Гумилёв был арестован по так называемому «Таганцевскому делу» 3 августа 1921 года.

182

Ср. об отношении Н. С. Гумилёва к А. А. Блоку, например, в письме Г. П. Блока к Б. А. Садовскому 7 (23) июля 1921 года (Там же. Кн. 3. С. 529).

183

Дополнительный устный эпитет О. Н. Арбениной: муругий. — *Прим. М. В. Толмачева.*

184

«Бродячая собака» — художественное кабаре, существовавшее в Петербурге в подвале на Михайловской площади, 5, в 1912–1915 годах; особым успехом пользовалось как место встреч литераторов, художников, артистов; стены подвала были расписаны С. Судейкиным.

185

По предположению М. В. Толмачева, речь идет о здании, которое находилось на месте нынешнего дома 8 по Соляному переулку. Здесь был музей «Старый домик», принадлежавший артисту Ю. Э. Озаровскому.

186

«Привал комедиантов» — артистическое кабаре, существовавшее в 1916–1919 годах; преемник «Бродячей собаки». Располагалось в доме, построенном архитектором Адамини, на углу Мойки и Марсова поля в Петрограде (в этом же доме жили во второй половине 1910-х годов Судейкины).

187

Речь идет о знаменитом наводнении 24 августа 1924 года.

Устное разъяснение О. Н. Арбениной. — *Прим. М. В. Толмачева.*

189

О. Гильдебрандт, очевидно, реагирует на упоминание о свидании «Коломбины» в Мальтийской капелле (во внутреннем дворе Пажеского корпуса на Садовой в Петербурге), которое содержится в «Поэме без Героя» (гл. 2) А. Ахматовой:

> И свиданье в Мальтийской капелле,
> Как проклятье в твоей груди.

190

Отец, Николай Федорович Арбенин, умер 14 августа 1906 года. Мандельштамы жили на Литейном, 15, кв. 21, в 1903–1905 годах. Здесь у О. Н. Гильдебрандт-Арбениной, по-видимому, хронологическая неточность.

191

Имеется в виду Н. В. Султанова, входившая в круг близких знакомых Мандельштама в дореволюционные годы. См. о ней в кн.: *Кофейня.* С. 18 и сл.

Ср. в главе «Ребяческий империализм» «Шума времени» О. Мандельштама.

Статья «Франсуа Виллон» (Аполлон. 1913. № 4).

194

В записи А. Меца 1974 года место знакомства указано предположительно: «Впервые слышала Мандельштама на импровизированном концерте, вероятно, в Доме литераторов». Речь идет, по-видимому, о «первом выступлении» — в Клубе поэтов (Литейный, 24) на вечере 20 октября 1921 года, известном по дневниковой записи Блока от 22 октября. В Доме литераторов (Бассейная, 11) вечер Мандельштама прошел 24 октября, в воскресенье (ср. ниже в тексте замечание о том, что «день был будничный»).

195

Из стихотворения «Золотистого меда струя из бутылки текла…» (1917). В записи Р. Тименчика 1972 года: «Часто вели „греческие“ разговоры, а „итальянских“ не помнит». О «греческих» разговорах с Гумилёвым см. в указ. воспоминаниях Арбениной о нем, с. 443.

196

«Венеция» — стихотворение Мандельштама «Веницейской жизни, мрачной и бесплодной…» (1920), три стихотворения Блока (1909) в его итальянском цикле и стихотворение Кузмина «Обезьяна распростерла…» (1919 или 1920). В упомянутой дневниковой записи Блок особо отметил «Венецию» Мандельштама.

197

Вечер состоялся 4 декабря, см. запись в дневнике К. Чуковского за 5 декабря 1920 года.

198

Сборник стихов А. Радловой вышел в 1920 году. В записи А. Меца 1974 года: «Помню, что мы сидели и хохотали над строчками Анны Радловой, которые она подарила Осипу с надписью, в которой было что-то вроде „родственнику“». Анна Радлова была свойственницей Мандельштама — на ее сестре Надежде был женат младший брат Мандельштама, Евгений (см. его воспоминания: Новый мир. 1995. № 10. С. 416 и сл.). Написанную приблизительно в это же время пародию Мандельштама на стихи Радловой привела в своих воспоминаниях А. Ахматова, см.: *Кофейня. С.* 15 и сл.

199

В записи Р. Тименчика 1972 года: «Осип говорил как оркестр или как папиросный дым. Всё сразу — стихи и проза». В записи А. Меца 1974 года: «Говорил, вскидывая голову. Разговаривали о музыке (очень любил Шуберта). Блестящий собеседник. Никаких монологов не было, всегда обмен репликами, шутка».

200

В стихотворении «Мне жалко, что теперь зима…» (1920).

201

Содержание этого романа О. Н. Гильдебрандт-Арбенина пересказала О. Э. Мандельштаму.

202

В записи Р. Тименчика 1972 года: «О. Н. прочла Гумилёву „Когда Психея…“, выдав за свое, — тот поверил. Когда О. М. прочел ей это стихотворение, она сказала ему, что „редкая роща“ очень напоминает Елисейские поля». См. также: *НБП*. С. 566 (прим. 101).

203

А. Зельманова — автор портрета О. Мандельштама (1914). А. Ахматова вспоминала: «Анне Михайловне он стихов не писал, на что мне сам горько жаловался — еще не умел писать любовные стихи» (Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 190). О ней см. также: *Кофейня.* С. 17. «Поэтическая перекличка» Мандельштама и Цветаевой хорошо известна. О Саломее Андреевой (Андрониковой) см.: *НБП.* С. 546 (прим. 80–81); *Кофейня.* С. 10 и сл.

204

Речь идет о Н. Я. Хазиной, позднее жене О. Э. Мандельштама (с 1922 года), и обращенном к ней стихотворении «На каменных отрогах Пиэрии…» (1919).

205

Зоя Ольхина (ближе неизвестна); ее О. Н. Гильдебрандт-Арбенина назвала в своих воспоминаниях о Н. С. Гумилёве (наст. изд.).

206

Эти стихи («Сейчас я поведаю, граждане, вам…») с разночтениями см. в кн.: *Иванов Г.* Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени / Сост. Н. А. Богомолов. М., 1989. С. 155.

207

Из стихотворения О. Мандельштама «В Петербурге мы сойдемся снова…» (1920). См.: *НБП*. С. 558 (прим. 103).

208

Речь идет о стихотворении «Чуть мерцает призрачная сцена…» (1920), где в ранней редакции было: «Захлестнула окна Мельпомена / Красным шелком храмины своей» (см.: *НБП*. С. 462, 558).

209

О. Н. Гильдебрандт-Арбенина пишет о стихотворении «В Петербурге мы сойдемся снова…», искаженном цензурой в сб. О. Мандельштама «Стихотворения» (1928); см.: *НБП*. С. 557 (прим. 103).

210

Здесь О. Н. Гильдебрандт-Арбенина отзывается на соответствующие места воспоминаний И. Одоевцевой (1967; см. по изданию: *Одоевцева И.* На берегах Невы. М., 1988. С. 141) и Н. Павлович (опубл. в 1964; см. в кн.: Осип Мандельштам и его время. М., 1995. С. 64).

211

Речь идет о записке, обнаруженной Г. Г. Суперфином среди писем неустановленных лиц (Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 1348, оп. 1, ед. хр. 533):

> «Милая Ольга Николаевна!
>
> Билеты на „Петрушку“ есть. Зайдите за мною завтра в 6 ч. Если Вы надумаете идти к Дра<…>ой (фамилия неразборчива. — *Р. Т.),* то приходите в 2 ч. в столовую Д<ома> И<скусств>. Во всяком случае до 6 ч. я вернусь оттуда. Возношу молитвы о погоде и Лине Ивановне.
>
> Ваш О. Мандельштам».

«Петрушка» — возобновленная «дягилевская» постановка в костюмах Бенуа; премьера должна была состояться 14 ноября 1920 года, но была перенесена на 20 ноября. Упоминается Лина Ивановна Тамм. «На „Петрушке“ — кажется, были», — сообщила Гильдебрандт в 1972 году (запись Р. Тименчика).

212

Из стихотворения «Что поют часы-кузнечик…» (1917), обращенного к Ахматовой. В записи Р. Тименчика 1972 года: «У О. М. две „ласточки“ — одна я, другая — Лютик» (Ольга Ваксель).

Ю. Ю. — Юрий Юркун.

214

«Песни Билитис» — первый сборник П. Луиса (русский перевод — 1907), стилизованный под античную лирику с ее культом тела и чувственной страсти. Ниже Гильдебрандт имеет в виду мотивы лесбийской любви в «Песнях Билитис».

А. Н. Энгельгардт.

216

Ср. в «Шуме времени»: «…отец пробивался самоучкой в германский мир из талмудических дебрей» (гл. «Книжный шкап»).

Одоевцева И. На берегах Невы. С. 159.

218

В записи Р. Тименчика 1972 года: «У Лившица сказала О. М. фразу критика: „Все *поэты* жмутся к Пастернаку“, этот сказал: „Вся *литература* теперь жмется к Пастернаку“».

219

По печати известно лишь одно письмо О. Мандельштама к Н. Хазиной этого года — от 9 марта, но оно как будто не могло дать оснований для подобных сравнений.

220

Из обращенного к О. Ваксель стихотворения «Я буду метаться по табору улицы темной…» (1925). О. Мандельштам был влюблен в О. Ваксель зимой 1924/25 года.

221

С Симонеттой Веспуччи сравнивал О. Гильдебрандт М. Кузмин (*Кузмин М.* Дневник 1934 года. 2-е изд… испр. и доп. СПб., 2007. С. 40, 213).

222

О. А. Ваксель покончила жизнь самоубийством после того, как ее муж, вице-консул Норвегии в Ленинграде, увез ее в Осло. В 1935 году, в воронежской ссылке, поэт обратил к ней два стихотворения — «На мертвых ресницах Исаакий замерз…» и «Возможна ли женщине мертвой хвала…».

223

«Мастерица виноватых взоров…» (1934), обращенное к Марии Сергеевне Петровых (1908–1979).

224

Речь идет о «Воспоминаниях» (Нью-Йорк, 1970) Н. Мандельштам.

Эти роли исполняли Л. Вивьен и Доличаров.

Подробнее этот эпизод см. в указ. воспоминаниях О. Н. Гильдебрандт-Арбениной о Н. С. Гумилёве (наст. изд.).

227

Последняя фраза воспоминаний или не закончена, или содержит описку (возможно, следует читать: «До того, как…»).

228

О. Н. Гильдебрандт познакомилась с Ю. И. Юркуном и «стала бывать» в доме Кузмина в конце 1920 года. См. ее заметку «Немного о себе» (наст. изд.).

229

В начале 1920-х годов А. Д. и С. Э. Радловы жили по адресу: Васильевский остров, 1-я линия, 40. В 1927 году Радловы переехали к К. П. Покровскому, на Сергиевскую (с 1923 года — Чайковского) ул., 16, кв. 7.

230

Речь идет о домашнем литературном объединении «Голубой круг». См. о нем также: *Кузмин М.* Дневник 1921 года / Публ. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 12. Paris, 1991. С. 461, 466; и в воспоминаниях дочери прозаика С. А. Колбасьева: «В самом начале 20-х годов любители поэзии образовали общество „Голубой круг“, нечто подобное гумилёвской „Звучащей раковине“. В него вошла и <…> будущая жена Леонида Соболева, Ольга Ивановна, которая называла себя Ольга Иоанновна. Там они собирались, читали стихи, обсуждали. Туда приходили моряки, любившие поэзию, и среди них — <…> Соболев» (Жизнь Николая Гумилёва. Л., 1991. С. 315–316).

231

Имеется в виду Леонид Сергеевич Соболев (1898–1971) — писатель; в 1918–1931 годах служил в Красном флоте; о его роли в преследовании бывших офицеров российской армии — командиров Красного флота в 1931 году см.: *Зонин С.* «Бдительность — наше оружие» // Вопросы литературы. 1994. Вып. V. С. 344–348. С 1932 года — оргсекретарь Ленинградско-Балтийского отделения Литературного объединения Красного флота, секретарь редакции журнала «Залп».

Русский перевод воспоминаний Т. П. Карсавиной, изданных по-английски (New York, 1931): *Карсавина Т.* Театральная улица. Л., 1971.

233

Т. П. Карсавина завершила работу над воспоминаниями 20 августа 1929 года, в день, когда она узнала о смерти С. П. Дягилева. Заключительную часть своих мемуаров («Дягилев») Карсавина посвятила «его незабвенной памяти, как дань моего бесконечного восхищения и любви к нему». Ср. там же эпизод, относящийся к 1906 году: «…мы с Дягилевым остались сидеть. Мое детское восхищение им до сих пор жило во мне, и я ему в этом призналась, добавив, что никому не проронила ни звука о своем тайном увлечении <…> Я даже не предполагала, что мое весьма запоздалое „объяснение в любви“ могло доставить столько удовольствия этому разочарованному герою» *(Карсавина Т.* Театральная улица. С. 171).

Брак К. П. Покровского с А. Д. Радловой был заключен в 1926 году; доступные сведения о нем исчерпываются дневниковой реакцией Кузмина («А. Д. <Радлова>, кажется, решила развестись. Это не дело, конечно» (30 апреля 1926 года); «Она <Радлова> разводится с Серг<еем> Эрн<естовичем> и выходит за Покровского» (11 июля 1926 года)) и эпистолярным диалогом Радлова с Покровским (см. письмо Радлова к Покровскому от 8 сентября 1926 года и ответ Покровского от 21 сентября: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 625. Ед. хр. 345, 462). Ср. лаконичные воспоминания Е. Э. Мандельштама: «У Владимира Павловича <Покровского> был брат Корнилий, тоже служивший в армии до революции офицером. Он учился с Сергеем Радловым вместе в университете, стал близким другом Сергея и его жены Анны Радловой. Эти отношения приняли сложные, уродливые формы и привели Корнилия к самоубийству» (Новый мир. 1995. № 10. С. 148). См. также наст. изд.

235

См. прим. 2.

236

Постановка пьесы Э. Толлера «Эуген Несчастный» (пер. А. Пиотровского, режиссер С. Радлов, музыка М. Кузмина, хореография Г. Баланчивадзе) была осуществлена в 1923 году в Академическом театре драмы на сцене Академического малого оперного театра.

237

В 1893–1895 годах М. А. Кузмин учился в Петербургской консерватории, в том числе у Н. А. Римского-Корсакова (контрапункт и фуга).

238

Подразумевается сцена из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сервилия» (1902).

239

«Бразильские танцы» (1920–1921) — фортепианная пьеса французского композитора Дариуса Мийо.

240

О. Н. Гильдебрандт полемизирует с утверждениями В. А. Милашевского о необходимости «подкармливать стареющего поэта» в 1920-е годы; см.: *Милашевский В.* Дом на Мойке // Звезда. 1970. № 12. С. 199.

241

Имеется в виду статья М. А. Кузмина «„Баядерка“ по оригиналу» (Жизнь искусства. 1923. 1 мая. С. 12–13) с критикой постановки Палас-театром оперетты И. Кальмана «Баядерка» с Е. И. Тиме и Л. О. Утесовым в главных ролях. Резкий тон Кузмина вызвал протест «коллектива Палас-театра» (см.: Жизнь искусства. 1923. 15 мая. С. 24; там же см. ответные разъяснения Кузмина).

242

«Доктор Мабузе — игрок» (1922, реж. Фриц Ланг), «Индийская гробница» (1921, реж. Дж. Май) и «Кабинет доктора Калигари» (1919, реж. Роберт Вине) — классические фильмы немецкого экспрессионистского кинематографа. «Кабинет доктора Калигари», просмотренный М. А. Кузминым не менее четырех раз (12 февраля и 2 марта 1923 года, 13 и 19 января 1926 года), послужил одним из основных источников цикла «Форель разбивает лед» (подробнее см.: *Ратгауз М. Г.* Кузмин — кинозритель // Киноведческие записки. 1992. № 13. С. 52–86). Кузмин присутствовал на премьерном показе «Кабинета доктора Калигари» 12 февраля 1923 года в кинотеатре «Сплендид-Палас».

243

Внешнее сходство Пауля Рихтера — исполнителя роли Гуля в фильме «Доктор Мабузе — игрок» — и Л. Л. Ракова стало основой для создания образа «нового Гуля» в творчестве М. А. Кузмина и в «бытовой» мифологии поэта.

244

Имеется в виду фильм американского кинорежиссера Д. У. Гриффита «Нетерпимость» («Intolerance», 1916).

245

Лидия Иванова погибла 16 июня 1924 года при столкновении в Финском заливе моторной лодки, в которой она находилась, с пассажирским судном «Чайка». Написанный М. А. Кузминым некролог «Лидия Иванова» появился спустя два дня после ее гибели (Вечерняя Красная газета. 18 июня. С. 3). Характеризуя творческую манеру Л. Ивановой, Кузмин, в частности, писал: «Роль балерины в „Петрушке“ Стравинского ждала ее».

246

Ср. в статье С. П. Дягилева «Ольга Спесив<цев>а» (Figaro (Paris). 1927. 26 may): «Увидев Павлову в дни ее и моей молодости, я был уверен в том, что она „Тальони моей жизни“. Мое удивление поэтому было безгранично, когда я встретил Спесиву, создание более тонкое и более чистое, чем Павлова» (цит. по: Сергей Дягилев и русское искусство. М., 1982. Т. 1. С. 246; ср. с. 475). Ср. также: «Дягилев одним из первых оценил всю гениальность Анны Павловой <…> но он ярче других видел в Анне Павловой при ее божественной одаренности и крупные художественные недостатки <…> и выше Анны Павловой ставил Ольгу Спесивцеву» *(Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым. М., 1994. С. 163).

Отметим, что здесь мемуаристка непреднамеренно следует интонации кузминских строк с перечислением его привязанностей в немецкой культуре:

> Если будешь, странник, в Берлине,
> у дорогих моему сердцу немцев,
> где были Гофман, Моцарт и Ходовецкий
> (и Гёте, Гетё, конечно) <…>
>
> *(«Поручение», 1922).*

См. также свидетельство в дневнике О. Гильдебрандт 17 декабря 1945 года: «Первым подарком мне от Мих. Ал. была книга „Гётевский календарь“, со всеми его возлюбленными, книжка, которую я берегла всю жизнь <…> Юрочка подарил мне целый ряд тетрадок с веймарскими комнатами» (ЦГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 20).

248

«Голем» («Der Golem») — роман австрийского писателя Густава Мейринка (1915, русский перевод — 1922).

Ср., например, рассказ Ю. И. Юркуна «Игра и Игрок» (Абраксас. Пб., 1922. Окт. С. 20–30) и американские мотивы в пьесе М. А. Кузмина «для кукол живых или деревянных» «Вторник Мэри» (Пг., 1921). По свидетельству П. И. Сторицына, автора отчета о «Втором вечере современной драматургии» в Государственном институте истории искусств (Вечерняя Красная газета. 1923. 16 марта. С. 4), в Америке происходило и действие неопубликованной пьесы Юркуна «Маскарад слов».

250

Речь идет о трех месяцах, проведенных Ю. И. Юркуном в тюрьме после ареста 30 августа 1918 года по делу об убийстве Л. И. Каннегисером председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого. Проведенные следствием аресты в первую очередь коснулись посетителей дома Каннегисеров [Саперный пер., 10, кв. 5; описан в посвященном М. А. Кузмину очерке М. И. Цветаевой «Нездешний вечер» (1936)]. Среди постоянных посетителей дома в Саперном переулке был и Ю. И. Юркун. Из воспоминаний двоюродной сестры Л. Каннегисера Н. Н. Каннегисер известно, что одним из арестованных был ее отчим, переводчик И. Б. Мандельштам, познакомившийся с Юркуном в тюрьме (см.: *Каннегисер Н.* О М. А. Кузмине / Публ. Н. Г. Князевой и Г. А. Морева // Искусство Ленинграда. 1990. № 9. С. 65; см. еще сколь безграмотную, столь и тенденциозную публикацию, содержащую, однако, неизвестные прежде материалы следственного дела: Наш современник. 1996. № 4. С. 135–136, 145). Арестованные содержались в так называемых Дерябинских казармах на Финском взморье, что нашло отражение в стихотворении Кузмина из посвященного Юркуну цикла «Северный веер» (1925), которое в составе книги «Форель разбивает лед» по цензурным причинам было заменено точками (подробнее см.: *Морев Г. А.* Из комментариев к текстам Кузмина <I> // Шестые Тыняновские чтения. С. 25–30). Юркун был освобожден 23 ноября 1918 года. Подробнее см.: наст. изд.

251

Имеются в виду «Записки об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской (Paris, 1976. Т. 1) и, в частности, запись от 8 августа 1940 года, передающая негативное отношение А. Ахматовой к М. Кузмину. Попытку истолкования этой записи и, в целом, ахматовского неприятия Кузмина см. в работе Р. Д. Тименчика, В. Н. Топорова и Т. В. Цивьян «Ахматова и Кузмин» (Russian Literature. 1978. Vol. VI. № 3. P. 252).

Отметим, что, будучи допрошена 7 марта 1957 года в качестве свидетеля по «писательскому делу» 1938 года в связи с готовившейся реабилитацией его жертв, А. А. Ахматова уклонилась от характеристики Ю. И. Юркуна, заявив, что никогда «не знала» его (Дело Юркуна. Т. 2. Л. 20).

253

Подозрения А. А. Ахматовой о связи А. Д. Радловой с «Большим домом» Л. К. Чуковская зафиксировала в «Записках об Анне Ахматовой» (Т. 1); в последнем издании «Записок» (М., 1997. С. 59), откликаясь на комментируемые здесь воспоминания О. Н. Гильдебрандт, впервые опубликованные в 1992 году, автор добавляет: «Мне неизвестно, откуда возникли такие подозрения, и я не имею возможности установить, в какой мере они основательны».

254

Не исключено, что имеется в виду Фридлянд Надежда Филипповна, актриса. См. о ней в воспоминаниях О. М. Грудцовой и в примечаниях к ним А. Л. Дмитренко (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 19. М.; СПб., 1996. С. 34, 124).

255

О группе «Тринадцать» см. воспоминания О. Н. Гильдебрандт в наст. изд. (с. 66–73) и примечания к ним.

256

Кузнецов Павел Варфоломеевич (1878–1968) — живописец, график, театральный художник, оформитель постановки пантомимы М. А. Кузмина «Духов День в Толедо» (1915). В 1917 году готовилось, но не было осуществлено роскошное издание «Подвигов Великого Александра» М. Кузмина с иллюстрациями Кузнецова (см.: К XX-летию литературной деятельности М. А. Кузмина. Страницы не нумерованы). Возможно, однако, что имеется в виду Кузнецов Евгений Михайлович (1900–1958) — критик и театровед, с 1919 года работавший в Петроградском отделе театров и зрелищ и в «Красной газете», а также в газете «Жизнь искусства» (1919–1921).

257

Имеются в виду мемуары Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» (Вашингтон, 1967) и «Вторая книга» Надежды Мандельштам (Paris, 1972).

258

Ср.: «Жабой в разговорах со мной А. А. <Ахматова> называла Анну Дмитриевну Радлову» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. М., 1997. С. 59).

259

Ср. об отношениях М. А. Кузмина и Н. С. Гумилёва в воспоминаниях Вс. Н. Петрова (со слов О. Н. Гильдебрандт): «Гумилёв сердечно любил Кузмина как человека и <…> разглядел в нем нечто очень существенное и характерное. У Гумилёва была теория, согласно которой у каждого человека есть свой истинный возраст, независимый от паспортного и не изменяющийся с годами. Про себя Гумилёв говорил, что ему вечно тринадцать лет.

— А Мишеньке (то есть Кузмину) — три. Я помню, — рассказывал Гумилёв, — как вдумчиво и серьезно рассуждал Кузмин с моими тетками про малиновое варенье. Большие мальчики или тем более взрослые так уже не могут разговаривать о сладком — с такой непосредственностью и всепоглощающим увлечением» (*Петров В.* Калиостро / Публ. Г. Шмакова // Новый журнал (Нью-Йорк). 1986. Кн. 165. С. 91).

260

Местонахождение рисунка, о котором идет речь, неизвестно.

261

Ошибка памяти мемуаристки — М. Горький умер 18 июня 1936 года. О. Гильдебрандт спутала его с академиком И. П. Павловым, скончавшимся 27 февраля 1936 года и похороненным в день смерти М. А. Кузмина — 1 марта.

Ср.: «Тяжелое впечатление от этих выступлений <В. А. Рождественского и С. Д. Спасского> несколько исправила прекрасная речь В. М. Саянова. Но еще лучше говорил Ю. И. Юркун. Он очень сердечно и просто, как будто от лица живого Михаила Алексеевича, поблагодарил всех, кто пришел его проводить» *(Петров В.* Калиостро. С. 112–113). Ср. также в письме Э. Ф. Голлербаха к Ю. И. Юркуну от 5 марта 1936 года: «Вы правы, конечно, сказав на могиле, что смерть была для него избавлением от страданий; физические силы ему изменили, круг жизненных возможностей стал тесен» (Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 236). В октябре 1957 года В. М. Саянов свидетельствовал о Юркуне в Военной прокуратуре Ленинграда: «Юркуна Юрия Ивановича я знаю <…> Я был хорошо знаком с Михаилом Алексеевичем Кузминым, который меня познакомил с Юркуном. Однажды Юркун у меня был в гостях со своей женой — Ольгой Николаевной, фамилию которой я не помню. При этой встрече у нас шел разговор об искусстве. Политических тем мы в разговоре с ним совершенно не касались, и он производил на меня впечатление человека совершенно аполитичного, это впечатление не изменилось у меня и в дальнейшем. Когда Юркун был арестован, то я думал, что это было связано с его сексуальными извращениями, так как мне известно, что он был педерастом. Однако я глубоко убежден, что Юркун контрреволюционной деятельностью не занимался. Из произведений Юркуна мне известна повесть „Шведские перчатки“. Содержание этой повести я не помню. Повесть была написана Юркуном в дореволюционное время. С середины 20-х годов Юркуна не печатали по идейным соображениям, что объясняется тем, что Юркун принадлежал к интеллигенции старой школы. Никаких бесед на политические темы Юркун не вел. Его разговоры касались только литературы и искусства» (Дело Юркуна. Т. 2. Л. 39–40).

263

В воспоминаниях Вс. Н. Петрова панихида 6 марта 1936 года описана как происходившая в Спасо-Преображенском соборе; см.: *Петров В.* Калиостро. С. 113.

С. Д. Цирель-Спринцсон.

265

Тамара Платоновна Карсавина умерла 25 апреля 1978 года в Лондоне.

266

Так в тексте. Вероятно, имеются в виду спутницы Феи Сирени из балета Чайковского «Спящая красавица» (хореография М. И. Петипа) — Кандид и Виолант.

267

Подразумевается сцена из 4-го действия балета «Конек-горбунок» (композитор Ц. Кюи, хореография А. Сен-Леона, М. И. Петипа, А. А. Горского). Роль Царь-девицы Карсавина впервые исполнила на сцене Мариинского театра 13 января 1906 года.

268

Имеется в виду сын Т. П. Карсавиной и Генриха Бруса (Брюса), сотрудника английского посольства в Петербурге, Никита, родившийся в 1916 году (см.: *Заблоцкий Е.* Карсавины и Балашовы // Пермский ежегодник-95. Хореография: История, документы, исследования. Пермь, 1995. С. 186). О. Н. Гильдебрандт ассоциирует его имя с именем героя романа А. К. Толстого «Князь Серебряный» (1861).

269

Вероятно, речь идет об Александре Дионисьевне Даниловой.

270

Имеется в виду Шарлотта Кестнер (урожд. Буфф) — подруга Гёте, прототип Лотты в «Страданиях юного Вертера».

271

В современной пушкинистике принято название «Повесть из римской жизни».

Здесь О. Н. Гильдебрандт смешивает название комедии Шекспира «Как вам это понравится» (1599) и второй заголовок комедии «Двенадцатая ночь, или Как вам угодно» (1600).

Очевидно, в этих словах содержится намек на раннюю смерть отца (1902) и новое замужество матери Ю. И. Юркуна.

274

«Харчевня королевы Педок» («La rotisserie de la reine Pedauque») — в русском переводе «Харчевня королевы Гусиные лапы» — роман (1892) А. Франса.

275

Ср. запись в дневнике М. А. Кузмина от 1 июля 1925 года: «У Юр. есть общее с Хлебниковым. Я понятен, но в будущем».

Неустановленное лицо. Известны сестры Левенстерн (Елизавета Арнольдовна и Екатерина Арнольдовна), содержательницы в 1910–1920-е годы музыкальной школы в Петрограде.

277

Улица Некрасова, 52.

278

В 1918–1919 годах Ю. И. Юркун продавал книги в петроградской Книжной лавке писателей (Морская, 14); ср. инскрипт на одном из экземпляров его книги «Дурная компания» (Пб., 1918): «Искренно уважаемому Николаю Степановичу Гумилёву с приветом от книжной лавки, от одного из приказчиков. Юр. Юркун» [Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома)].

279

Имеется в виду картина Лукаса Кранаха Старшего «Венера и Амур» (1509), находящаяся в Эрмитаже.

280

Картина М. А. Врубеля «Сирень» (1900; Государственная Третьяковская галерея).

281

Ошибка мемуаристки. Имеется в виду, очевидно, романс Надира из оперы Бизе «Искатели жемчуга» (1863).

282

В декабре 1954 года в Москве проходил 2-й Всесоюзный съезд советских писателей.

283

Имеется в виду «Баллада о гвоздях» (1919–1922) Н. С. Тихонова.

Имеется в виду пьеса М. А. Кузмина «Смерть Нерона».

285

Вероятно, имеется в виду роман Ф. Верфеля «Верди» (1923), имеющий подзаголовок «Роман оперы».

М. А. Кузминым была задумана серия художественных биографий великих людей разных эпох «Новый Плутарх». Кузмин завершил только одну из них — «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (Стрелец. Сб. 2. Пг., 1916. С. 1–103; отд. изд.: Пг., 1919). Из жизнеописания Вергилия был опубликован только отрывок под названием «Златое небо» (Абраксас. Пг., 1923. Февр. С. 4–10). В списке предполагаемых биографий значится также и упоминаемый ниже Суворов.

287

В 1900 году, в связи со столетием смерти А. В. Суворова, бревенчатую церковь из его имения (села Кончанского в Новгородской губернии) перевезли в Петербург и установили на плацу рядом с новым зданием Николаевской Академии Генштаба (Суворовский, 32 / Таврическая, 2а). Церковь была разобрана в 1925 году.

288

«Туман за решеткой» — оставшийся неоконченным роман Юркуна, писавшийся с 1918 года (вариант заглавия: «Туманный город»). Текст романа не сохранился: известны лишь фрагменты, опубликованные в альманахе «Абраксас» в 1922 году («Игра и Игрок», «Петрушка»). Подробнее см. коммент. П. В. Дмитриева и наш в кн.: *Юркун Юр.* Дурная компания. СПб., 1995. С. 497–499. В 1968 году В. А. Милашевский попытался «воссоздать» роман Ю. И. Юркуна. См.: *Милашевский В.* «Нелли»: Роман из современной жизни // Волга. 1991. № 12. С. 75–114.

289

Просьба об уничтожении «неприличных рисунков» содержалась в предсмертном письме Бердсли от 7 марта 1898 года (см.: *Бердслей О.* Рисунки. Повесть. Стихи. Афоризмы. М., 1912. С. 151).

290

«Шведские перчатки. Роман в 3 частях с предисловием М. Кузмина» (Пб., 1914) — дебют Юркуна-прозаика. Ср. отзыв о романе К. Сомова: «Дочитал до конца „Шведские перчатки“ — интересный документ — это, в сущности, юношеский дневник — искренний и нежный» (цит. по кн.: *Юркун Юр.* Дурная компания. С. 475).

Современная транскрипция — Гриффит (Grifiltth).

292

Дядя Бонифаций — один из персонажей «Шведских перчаток».

293

Имеются в виду героини «Шведских перчаток» панни Мария и Барбара.

294

Ирина Энери (Ирина Александровна Сухотина, в замужестве Горяинова; 1897–1980) — пианистка-вундеркинд, выступавшая с десятилетнего возраста.

295

Лицо неустановленное. Известен дворянский род Тарновских, внесенный в родословную книгу Киевской губернии (см.: Общий гербовник дворянских родов Российской империи. СПб., 1866. Ч. VI. С. 136).

Ср. одно из замечаний М. А. Кузмина по этому поводу: «Ю. И. у всех спрашивает, кто у нас первый поэт, думая, что назовут меня, но никто этого не делает» *(Кузмин М.* Чешуя в неводе // Стрелец. Сб. третий и последний. С. 109).

297

Имеется в виду второй русский перевод романа Метьюрина «Мельмот-скиталец» (1820): Мельмот Скиталец. Роман Чарльза Роберта Матюрена. СПб., 1894. Т. I–III.

298

Подразумевается «вставная повесть» о иезуитах в романе Метьюрина — «Рассказ испанца».

299

Кафе «Норд» расположено по адресу: Невский пр., 44–46.

К. А. Варламов был крестным отцом О. Н. Гильдебрандт.

301

Орани — местность на юге Виленской губернии.

302

Имеется в виду 20-летие литературной деятельности М. А. Кузмина, отмечавшееся 11 октября 1925 года. См. одно из воспроизведений этой фотографии в кн.: *Шварц Е.* Живу беспокойно… Из дневников. Л., 1990. Между С. 224 и 225. В книге фотография неверно датирована 1927 годом.

303

Дети М. Н. Гильдебрандт и И. А. Саламатина, театрального режиссера.

О. Н. Гильдебрандт и Ю. И. Юркун не состояли в браке.

305

Французский священник Кловис (Мишель) Флоран с 1935 года служил в костеле Французской Божией Матери (Notre Dame de France) в Ковенском переулке. 2 августа 1941 года он был арестован по обвинению в шпионаже и выслан из СССР; богослужения в костеле прекращены до 1945 года (см.: *Шульц С.* Храмы Санкт-Петербурга: История и современность. СПб., 1994. С. 243).

Имеются в виду М. В. Малич, О. Н. Верховская и М. Н. Ржевуская.

307

Арестованный осенью 1938 года Л. Л. Раков был освобожден (после снятия Ежова и назначения Берии наркомом внутренних дел) осенью 1939 года. К сожалению, материалы следственного дела Ракова остались нам недоступными.

308

Я. Л. Израилевич был арестован 16 июля 1938 года по подозрению в шпионской деятельности (связи с иностранцами, продажа предметов старины за границу, знакомство с «женой Примакова» — Л. Ю. Брик и пр.). 28–29 июля 1938 года признал себя агентом германской разведки; 29 января 1939 года отказался от признательных показаний (подписаны «под влиянием не только физического воздействия, но и угрозы — отдать моего ребенка в детский дом»). Признан невиновным и освобожден 5 января 1940 года (Материалы дела П-7898 // Архив ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти).

309

Л. В. Пуцилло был арестован 11 января 1938 года, обвинялся в антисоветской агитации, распространении анекдотов и т. п. На суде 15 июня 1938 года виновным себя не признал, заявив в частности: «Я три месяца был на излечении в тюремной больнице в связи с переломом руки. Перелом руки произошел не по моей вине. Мне ее сломали. Кроме того, у меня избиты ноги и левый бок. Кто это делал — мне неизвестно. Их фамилий я не знаю. Следователь выходил из кабинета, а туда входили какие-то люди и избивали меня. Мои показания на следствии даны в силу физического и морального воздействия». Приговорен к 4 годам лагерей, определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 17 февраля 1940 года приговор отменен, дело прекращено. Пуцилло освобожден 7 марта 1940 года (Материалы дела П-37994 // Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти).

310

Борис Михайлович Мордовин (1898—?) — начальник кафедры корабельной электротехники Военно-морского училища им. Дзержинского с 1924 года. Арестован 16 апреля 1938 года, обвинен в принадлежности к контрреволюционной военной организации РОВС. 31 октября 1938 года Военным трибуналом Балтийского флота осужден на 15 лет, на суде виновным себя не признал, от показаний, данных на следствии, отказался. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 января 1939 года приговор отменен, дело направлено на дополнительное расследование. 10 июня 1939 года дело прекращено, Мордовин освобожден. Особый отдел Балтфлота опротестовал это постановление прокурора Балтфлота, однако 10 сентября 1939 года Особый отдел ГУГБ НКВД СССР подтвердил решение об освобождении Мордовина, и дело было сдано в архив (Материалы дела П-4301 // Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти).

311

А. М. Шадрин был арестован 14 февраля 1938 года; проходил по делу И. А. Лихачева (взят 28 октября 1937 года, обвинен в принадлежности с 1929 года к контрреволюционной троцкистской организации, под пытками дал 9 февраля 1938 года показания, в частности на Ширина; на суде от показаний отказался; 23 июля 1940 года приговорен к 8 годам лагерей); поставлен на конвейерный допрос, виновным себя не признал, предложив, однако, следствию подробный «Перечень лиц с моей точки зрения контрреволюционно настроенных» (В. М. Жирмунский, А. А. Смирнов, Г. А. Гуковский; аресты двух последних по показаниям Шадрина предполагались в апреле 1938 года), и дал соответствующие показания на К. Н. Державина, А. А. Франковского, Д. И. Выгодского и др. Дело прекращено 28 апреля 1940 года. Шадрин освобожден 7 мая 1940 года (Материалы дела П-1163 //Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти). Вновь арестован 3 июля 1945 года, приговорен 2–3 декабря 1946 года к 7 годам лагерей; отбыл срок полностью.

312

Корнилий Павлович Покровский покончил с собой в Москве 15 августа 1938 года, считая неизбежным свой арест. Сохранились его предсмертные письма к А. Д. и С. Э. Радловым:

Аничка, много раз любимая!

Ужасная у меня тоска, а Тебя нет со мной. Быть может, это лучше, что Ты не видишь меня таким угнетенным. Мне кажется, таким я еще не был никогда.

Виноват ли я в том, что не сумел прожить свою жизнь? Конечно, виноват, как и во всем, что со мной случалось. Хотя ни одной очевидной ошибки в своей жизни я бы не мог назвать, но раз мне никогда ничего не удавалось до конца, то разве изъян не во мне самом? То последнее, что угнетает меня сейчас, возможно, не стоит жизни. Но если бы не было этой последней капли, нашлась бы другая, чтобы переполнить чашу.

Только не подумай, что в чем-нибудь передо мной виновата Ты. Все большое и настоящее, что я получил в жизни, было только от Тебя и через Тебя.

Никогда я не чувствовал так сильно, как сейчас, что Ты единственное, что у меня есть, и что всем хорошим, что у меня было и есть, я обязан Тебе. А то, что внешне у нас жизнь складывалась так, а не иначе — это, право, совсем не важно.

Сейчас самая тяжелая для меня мысль — о том, какое горе я принесу Тебе. Но пойми, во-первых, я не могу иначе, а во-вторых, и без этого горя будет, вероятно, не меньше. Если можешь, прости и постарайся остаться тем чудеснейшим человеком, самым чудесным из всех людей, какой Ты всегда была и должна быть и без меня.

Я люблю Тебя так сильно, нежно и проникновенно, как в самые первые наши годы, и в чем-то сильнее, чем тогда. За эту любовь прости мне все тяжелое, что я Тебе принес.

Прости меня, любимая!

Твой Корнилий

Дорогой Сережа!

Не знаю, нужно ли мне оправдываться.

Я знаю, что наношу Анне очень тяжелый, опасный для нее удар.

Но я не могу иначе. Я убежден, что для меня наступает очень черная полоса (что она совершенно незаслуженна, Ты знаешь не хуже меня, но сейчас это не имеет значения). Мучиться пришлось бы не только мне, но и Анне за меня, в степени, быть может, большей. В моем выборе есть оттенок эгоизма. Но в конце концов может оказаться, что мое решение легче, чем другие возможности, перенесет и Анна, если только перенести она сможет.

В какой-то мере — и очень большой — это будет зависеть от Твоей помощи. Неуместно просить Тебя о чем-нибудь. При всех обстоятельствах Ты сделаешь больше, чем это в человеческих силах. Мне хочется только сказать, что мысль о Твоей помощи Анне мне дает надежду, что удар, который я ей наношу, не будет для нее губителен. Другого самоутешения у меня нет.

Только бы Анна перенесла и тогда в жизни у вас обоих еще будет много хорошего. Я в этом уверен, и мысль о том хорошем, что у вас впереди, для меня радостна и сейчас, в момент моего самого тяжелого угнетения.

Передай Митьке, что я ему желаю большой жизненной удачи, а Вове, что я его очень люблю и желаю ему счастья.

Целую Тебя крепко, родной мой.

Твой Корнилий

Два слова о внешних фактах.

Вчера я получил повестку, смысл ее, т. е. чем она вызвана, для меня неясно. Но ее последствия несомненны. Я уже не смогу жить по-прежнему, т. е. потеряю связь с вами и с Анной. Вот это и было последней каплей в чашу, уже и раньше до краев переполненную.

Вот и все события.

Корнилий

(Личный архив Ю. А. Менакера, Москва. Упомянуты Д. С. Радлов, В. П. Покровский).

313

И. И. Рыбаков был арестован в июле 1938 года. Умер 8 октября 1938 года от воспаления легких в Доме предварительного заключения. Следственное дело «прекращено за смертью подследственного (обвиняемого)» (*Рыбакова О. И.* Трудовая деятельность И. И. Рыбакова // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 1073, ед. хр. 1990, л. 5).

314

Любовь Дмитриевна Блок умерла 28 сентября 1939 года. В 1930-е годы работала над книгой «Возникновение и развитие техники классического танца» (опубл. в кн.: *Блок Л. Д.* Классический танец: История и современность. М., 1987).

315

М. Н. Арбенина-Саламатина в 1940–1950-х годах работала в Нижне-Тагильском театре.

316

В. В. Гундобин в 1942 году был арестован «за пособничество врагу» (спустившись в бомбоубежище, забыл затемнить окно комнаты и оставил невыключенным свет). Обстоятельства его смерти неизвестны.

317

В феврале 1942 года Э. Ф. Голлербах был эвакуирован из Ленинграда. В Москве был помещен в психиатрическую больницу (см. запись в дневнике О. Н. Гильдебрандт от 18 мая 1942 года: *ЦГАЛИ,* ед. хр. 7, л. 67), где умер (точная дата смерти неизвестна).

318

А. И. Введенский был арестован 27 сентября 1941 года в Харькове, где он жил с 1936 года; обвинен в пораженческой агитации и отказе от эвакуации. Умер во время этапирования в Казань, 19 декабря 1941 года, от плеврита (см.: *Сажин В.* А. Введенский и Д. Хармс в их переписке. [Paris,] 2004. С. 22–24, 28–29. См. также: Материалы, относящиеся к арестам, ссылке и гибели Введенского // *Введенский А.* Полн. собр. произведений: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 183–184).

319

Алексей Алексеевич Степанов умер в январе 1943 года. Христина Нильсовна Степанова умерла в июле 1942 года, Всеволод Алексеевич Степанов умер летом 1943 года.

320

Д. И. Хармс был арестован 23 августа 1941 года (4 сентября 1941 года в открытке, отправленной О. Н. Гильдебрандт, М. В. Малич сообщала: «23 августа Даня уехал к Юрию Ивановичу» (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме). После проведения 10 сентября 1941 года судебно-медицинской экспертизы военный трибунал (7 декабря 1941 года) освободил Хармса от уголовной ответственности и направил на принудительное лечение в психиатрическое отделение больницы при пересыльной тюрьме № 2. В 1944 году в ответ на запрос сестры Хармса Е. И. Грицыной из тюрьмы № 1 («Кресты») поступило сообщение о смерти Хармса 2 февраля 1942 года (подробнее см.: *Мейлах М.* Даниил Хармс: Anecdota posthuma // Русская мысль. 1989. 23 июня. Лит. прил. № 8. С. IX–X; а также: *Александров А.* Место смерти Даниила Хармса —? // Литературная газета. 1990. 21 февр. С. 5; *Глоцер В. И.* К истории последнего ареста и гибели Даниила Хармса (письма М. В. Малич к Н. Б. Шанько) // Русская литература. 1991. № 1. С. 204–209; *Он же.* «Даниил Иванович… уехал к Николаю Макаровичу»: Письмо Т. А. Липавской к А. И. Введенскому и Г. Б. Викторовой // Там же. 1996. № 1. С. 262–265.

321

В 1942 году М. В. Малич эвакуировалась из Ленинграда и уехала на Кавказ (Минводский район, совхоз Темпельгоф), где оказалась в зоне оккупации и была депортирована в Германию. Из писем М. В. Малич, полученных О. Н. Гильдебрандт позже, следует, что «она с помощью фиктивного брака смогла перебраться во Францию, где встретилась со своей матерью, уехавшей из России во время революции. В Париже она вышла замуж за мужа своей матери, а впоследствии жила в Венесуэле» *(Мейлах М.* Даниил Хармс: Anecdota posthuma. С. X). Позднее жила в США (см.: *Глоцер В.* Марина Дурново: Мой муж Даниил Хармс. М., 2000; *Мейлах М.* Oberiutiana Historica // Тыняновский сб. Вып. 12. М., 2006. С. 402–404).

322

В марте 1942 года А. Д. и С. Э. Радловы вместе с труппой Театра им. Ленсовета были эвакуированы из Ленинграда в Пятигорск. После захвата Пятигорска немцами 9 августа 1942 года часть театра (и Радловы в том числе) оказалась на оккупированной территории, где продолжала театральную деятельность. 9 августа 1944 года они были освобождены союзными войсками во Франции. 15 января 1945 года Радловы прибыли в Париж (возможный эпизод пребывания С. Э. Радлова в Париже освещен в статье: *Тименчик Р.* О некрологии Осипа Мандельштама // Даугава. 1997. № 2. С. 132–134), 22 февраля вылетели из Парижа в Москву «для переговоров о будущей работе». По приезде арестованы, 17 ноября 1945 года приговорены к 10 годам ИТЛ, 31 января 1946 года прибыли в лагерь на станции Переборы, близ Рыбинска Ярославской области, где отбывали заключение вместе. А. Д. Радлова умерла в лагере. С. Э. Радлов освобожден в 1953 году. Последние годы работал в Даугавпилсском и Рижском русском театрах (об этом периоде жизни Радловых см.: *Гайдабура В.* «Так расскажи правдиво…» // Советская культура. 1989. 22 августа. С. 6; Он же. «И наша первая любовь горит последнею любовью»: Письма С. Э. Радлова к В. Я. Чобуру. 1946–1950 / Публ. В. Гайдабуры // Театр. 1992. № 10. С. 101–126).

А. Н. Егунов после истечения срока ссылки некоторое время оставался, по совету своего учителя С. А. Жебелева (см. его письмо к А. И. Болтуновой-Амиранашвили от 9 сентября 1937 года, опубл. Н. В. Брагинской в кн.: *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 431), в Томске; с 1938 года жил в Новгороде, преподавая иностранные языки в вечерней школе для взрослых. С 1940 года получил место старшего преподавателя на кафедре классической филологии Ленинградского университета, приезжал на занятия из Новгорода (ср. в письме О. Н. Гильдебрандт к В. И. Сомсикову от 8 декабря 1978 года: «Егунов исчез, как почти все, — а когда „воскрес“, то являлся из Новгорода, очень дико, — выезжал на лекции в Л<енингра>д» (цит. по копии, предоставленной адресатом). О пребывании Егунова в Новгороде, который перед войной «был средоточием многих бывших заключенных-петербуржан» *(Филиппов Б.* Всплывшее в памяти // Новый журнал. 1988. Кн. 171. С. 247), вместе со ссыльными Т. Н. и Н. Н. Гиппиус, С. А. Аскольдовым, И. М. Андриевским, Б. А. Филипповым и др. см.: *Филиппов Б.* Мысли нараспашку. Андрей Николев // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1981. 14 июля; *Он же.* Статьи о литературе. London, 1981. С. 55–57. С началом войны Егунов оказался на оккупированной территории: 15 августа 1941 года Новгород был захвачен немцами. В ноябре 1941 года добрался до Риги, находился в лагере для русских беженцев, в конце декабря 1941 года был отправлен на работу в Германию. С весны 1942 года жил в городе Нойштадт (Гольштиния), работая на молокозаводе. В апреле 1945 года в городе Варен оказался на территории, занятой советскими войсками, был помещен в лагерь для репатриируемых советских граждан, с сентября 1945-го по сентябрь 1946 года работал преподавателем немецкого языка при 12-й танковой дивизии. 24 сентября 1946 года направлен в лагерь репатриантов в городе Франкфурт-на-Одере для последующей отправки в СССР (о процессе «репатриации» в целом см. подробно: *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 187 и след.). 25 сентября 1946 года Егунов нелегально перешел в американскую зону оккупации, 29 сентября задержан американцами в городе Кассель и 5 октября выдан советскому командованию. 13 декабря 1946 года Военным трибуналом 8-й гвардейской армии осужден к 10 годам исправительных трудовых лагерей (Материалы дела П-79052 // Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и

Ленобласти), освобожден 25 апреля 1956 года.

324

В. В. Мухин был арестован 28 февраля 1933 года по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации, вдохновлявшейся из-за рубежа Е. В. Саблиным, бывшим поверенным в делах России в Англии (о деятельности Саблина см.: *Казнина О. А.* Русские в Англии. М., 1997. С. 23–26). В заявлении от 8 марта 1933 года аттестовал себя монархистом, верующим и сторонником частной собственности. 14 мая 1933 года выслан на три года в Новосибирск, летом 1934 года безуспешно ходатайствовал о досрочном освобождении (Материалы дела П-73238 // Архив ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти).

325

Судя по записям в дневниках О. Н. Гильдебрандт, речь идет о Е. С. Золотареве.

326

См. комм. 151.

До войны О. Н. Гильдебрандт жила в ленинградской квартире со своей матерью, Л. И. Тамм и Л. К. Тамм.

328

Ю. И. Юркун жил вместе со своей матерью в квартире М. А. Кузмина.

329

В связи с отношениями Ю. А. Бахрушина и О. Н. Гильдебрандт см. также запись в дневнике М. А. Кузмина за 16 мая 1934 года: «Самое главное в этом году четыре фактора <…> 4. Появление на нашем горизонте Бахрушина, касается это конечно главным образом О<льги> Н<иколаевны>, но и Юр<очки> и меня. Хорошо еще и чуду подобно, что этот человек доступен более или менее высшим соображениям и не совсем примитивной психологии» *(Кузмин М.* Дневник 1934 года. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 29) и комментарий О. Гильдебрандт к этой записи, сделанный в 1977 году: «Б<ахрушин> приехал за разными архивами. Вероятно, он работал в этом учреждении! Мы друг другу очень обрадовались, — для меня это был человек „от балета“. Я с детства слыхала эту фамилию; у моих теток были золотые брелочки, (а оне — мне дарили) от ежегодных бенефисов, которые отец Б<ахрушина> дарил балетным. Его отец был увлечен моей теткой, Ольгой Виктор<овной>, которая потом по болезни ушла из балета. Поэтому Б<ахрушин> называл меня „моя полу-кузина“. Мы стали переписываться — это длилось года два; ничего более серьезного не получилось, но письма были крайне интересны, я иногда читала М<ихаилу> А<лексеевичу>. Письма эти пропали в войну. Я дала ему некоторые рисунки. Оне, верно, тоже пропали. Когда в 1948 г. видала Б<ахрушина> в последний раз, он признался, что пропала одна „лиловая дама“, а все остальное цело!» *(Гильдебрандт О.* Комментарий к Дневнику М. Кузмина 1934 года, л. 1 [Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме)].

Юркунас — настоящая фамилия Ю. И. Юркуна.

«Итальянка в Алжире» (*L'italiana in Alger,* 1813), «Сорока-воровка» *(La gazza ladra,* 1817), «Моисей в Египте» *(Mose in Egitto,* 1818; во французской редакции — «Моисей и фараон» *(Moise et Pharaon,* 1927) — оперы Дж. Россини.

332

«Леди Гамильтон» («That Hamilton woman», США, 1941) — фильм А. Корды с Вивьен Ли. Возможно, также, немой фильм Рихарда Освальда «Леди Гамильтон» (1922).

333

Речь идет о девочках с картин О. Н. Гильдебрандт. То же сравнение встречается в более поздних воспоминаниях, написанных для книги «Художники группы „Тринадцать“», но как цитата из Ю. И. Юркуна: «Мое „масло“ в войну все погибло. Кажется, это было из моего „творчества“ самое сильное. Юркун говорил: „Ну и темперамент! Ваши девочки взрываются, как петарды!“» (наст. изд.).

334

В фонде О. Н. Гильдебрандт сохранилась записка Ю. А. Бахрушина, которая была приложена к гиацинтам: «Прими эти чистые белые цветы как символ моего отношения к [тебе] Вам. Одновременно прими и мое кровоточащее сердце. Юрий. 24/1. <19> 34» *(ЦГАЛИ,* ед. хр. 8, л. 7).

335

«Крейсер „Варяг“» (1946) — фильм В. В. Эйсымонта с Б. Н. Ливановым в главной роли.

336

Маркиза де Кастильоне знаменита странным увлечением фотографией, которое стало для нее формой «театра для себя»; с 1856 по 1895 год позировала императорскому фотографу П.-Л. Пьерсону, который сделал более четырехсот ее портретов и фотографий отдельных фрагментов ее тела. В 1861 году, после провозглашения независимости Италии, вновь уехала во Францию; в последние годы, после падения Империи, жила в черных комнатах с занавешенными зеркалами и закрытыми шторами, окружив свое существование тайной и мраком. Выходила из дома лишь ночью, закутавшись в черные одеяния. Известный поэт-символист и денди Робер де Монтескью имел в коллекции гипсовый муляж ее колена и в течение 13 лет работал над ее жизнеописанием («La Divine Comptese», 1913), которое, не исключено, и читала О. Н. Гильдебрандт.

Здесь и далее — Всеволод Николаевич Петров.

Возможно, Е. К. Лившиц.

339

Речь идет о К. П. Покровском.

340

«Каменный цветок» — балет А. Г. Фридлендера, либретто И. Келлера (по сказам П. Бажова). В 1947 году был поставлен во второй редакции в Свердловском театре оперы и балета (балетмейстер К. Муллер, художник В. Людмилин, дирижер Э. Уграсовицкий).

341

О. Гильдебрандт удалось сохранить существенную часть графического наследия Ю. Юркуна, хотя, по ее словам, большинство рисунков всё же пропало в блокаду. Среди них — серии женских портретов 1936 года, многим из которых приданы черты О. Н. Гильдебрандт. Трудно установить, о каком именно рисунке идет речь здесь: некоторые листы из этой серии находятся в отделе графики Государственного Русского музея, в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме и собрании Р. Б. Попова.

342

«Солистка балета» (СССР, 1947) — фильм А. Ивановского. Речь идет о главной героине, балерине Наташе Субботиной.

343

Алексей Алексеевич Степанов умер в январе 1943 года.

344

См. запись за 13 ноября 1947 года.

345

В собрании А. Е. Михайловой хранится силуэт М. А. Кузмина работы А. А. Степанова с дарственной надписью Кузмина: «Алексею Алексеевичу Степанову на память о вечере, когда он занимался этим рождественски-немецким занятием XVIII века. М. Кузмин. 1 ноября 1933» (репродуцирован в кн.: *Кузмин М.* Дневник 1934 года. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 184).

Имеется в виду Л. И. Каннегисер.

347

Неэра — Дочь Океана, возлюбленная Гелиоса-Солнца. Упоминается в «Одиссее» Гомера.

Имеется в виду Н. А. Щербаков.

349

Подробнее этот эпизод описан в воспоминаниях О. Гильдебрандт о Н. Гумилёве.

350

Начало стихотворения, посвященного Никсу Бальмонту.

351

«Золушка» (СССР, 1947) — фильм-сказка по пьесе Е. Шварца «Золушка».

О судьбе С. Э. и А. Д. Радловых см. прим. Г. А. Морева.

353

О судьбе М. В. Малич см. прим. Г. А. Морева.

Возможно, Е. И. Кршижановская.

355

О судьбе Э. Ф. Голлербаха см. прим. Г. А. Морева.

В 1947 году (о чем пишет О. Н. Гильдебрандт) Л. Л. Ракову присвоено звание полковника, он награжден двумя орденами и назначен директором Публичной библиотеки. В 1950-м в связи с началом «Ленинградского дела» повторно арестован как создатель Музея обороны, приговорен к 25 годам тюрьмы и 10 годам поражения в правах. В 1950–1954 годах во Владимирской тюрьме; пишет книгу «Новейший Плутарх» (в соавторстве с Д. Л. Андреевым и В. В. Париным). В 1954-м освобожден, вернулся в Ленинград, где был назначен на должность директора Библиотеки Академии художеств.

Здесь и далее — Е. Н. Шадрина.

О судьбе А. М. Шадрина см. прим. Г. А. Морева.

Здесь и далее — М. В. Малич.

С. Э. Радлов.

361

Е. Л. Шварц.

То есть верно, что А. И. Введенский погиб.

Здесь и далее — А. А. Степанов.

364

Ср. начало стихотворения М. А. Кузмина, посвященного А. А. Степанову:

Как станут дни длиннее,
Как станет слаб ледок,
Дождемся Алексея,
Что с гор несет поток.

(*Кузмин М.* Дневник 1934 года. С. 197.)

365

По всей видимости, имеется в виду стихотворение «О поэте и романтике», известное О. Гильдебрандт в редакции 1925 года:

Депеша из Питера: страшная весть
О том, что должны расстрелять Гумилёва.
Я мчалась в телеге, проселками шла;
Последним рублем сторожей подкупила,
К последней стене я певца подвела,
Последним крестом его перекрестила…

В позднейшем издании эти строки были заменены на «Страшная весть / О черном предательстве Гумилёва» (подробнее см.: *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998).

Подробнее об отношениях В. В. Лебедева с О. Н. Гильдебрандт см. запись от 13 ноября 1947 года.

367

Цитата из стихотворения М. Кузмина «Разбукетилось небо к вечеру…» (1917) из цикла «Нездешние вечера»:

Не навеки душа замуравлена —
Разве зима — смерть?
Алым ударит в ставни
Страстной четверг!

368

Речь идет о книге воспоминаний: *Мгебров А. А.* Жизнь в театре. М.; Л., 1932.

369

Н. С. Гумилёв или Н. А. Щербаков.

А. А. Кашина-Евреинова.

371

«Я — беглый каторжник» (I am a Fugitive From a Chain Gang, США, 1932) — «трофейный» фильм с Полом Муни. В советском прокате — «Побег с каторги».

Возможно, Елизавета Георгиевна Алексеева (1901—?), актриса, народная артистка РСФСР (1947). Училась в школе МХТ, в студии Е. Б. Вахтангова; с 1926 — актриса Театра им. Вахтангова, с 1946 — профессор Театрального училища им. Щукина.

«Зигмунд Колоссовский» (СССР, 1945), фильм Сигизмунда Навроцкого, знаменитый в первые послевоенные годы как «Фантомас по-советски».

374

«Твое крылатое, слепое, неудержимое стремленье» — из стихотворения Гумилёва «Самофракийская победа» (1918).

«Подвиг разведчика» (СССР, 1947) — фильм Б. Барнета.

В 1947 году О. Гильдебрандт было 50 лет.

377

О. Гильдебрандт намекает на любовные отношения маршала К. К. Рокоссовского и актрисы В. В. Серовой, якобы имевшие место в 1942 году.

Подробнее о судьбе дневников и литературного наследия М. А. Кузмина см. предисловие Г. А. Морева к комментарию в кн.: *Кузмин М.* Дневник 1934 года. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 179–183.

379

В. Дмитриев, лауреат четырех Сталинских (Государственных) премий (дважды в 1946 году, в 1948-м и посмертно в 1949-м), умер 6 мая 1948 года, а не в 1947-м. Причина появления этой записи О. Гильдебрандт нами пока не может быть объяснена.

380

«Еврейка Черномордик» — Фейга Ицковна Черномордик, соседка М. А. Кузмина по коммунальной квартире. «Кроме Кузмина и его близких, в ней <в квартире> жило многолюдное и многодетное еврейское семейство, члены которого носили две разные фамилии: одни были Шпитальники, другие — Черномордики. Иногда к телефону, висевшему в прихожей, выползала тучная пожилая еврейка, должно быть, глуховатая, и громко кричала в трубку: „Говорит старуха Черномордик!“ Почему-то она именно так рекомендовалась своим собеседникам, хотя было ей на вид не больше чем пятьдесят или пятьдесят пять» *(Петров В.* Калиостро: Воспоминания и размышления о М. А. Кузмине / Публ. Г. Шмакова // Новый журнал (Нью-Йорк). 1986. Кн. 165. С. 81).

381

А. Н. Гумилёва вместе с дочерью Леной погибла в блокаду.

А. А. Ахматова скончалась 5 марта 1966 года в санатории 4-го Главного управления Минздрава СССР в Домодедове.

Ю. К. Полаймо.

Возможно, речь идет о ком-нибудь из семьи Е. С. Золотарева, с которым О. Н. Гильдебрандт познакомилась на Урале.

О. Н. Гильдебрандт, вслед за Ю. И. Юркуном, увлекалась коллекционированием «картинок» — от старинных гравюр до репродукций и журнальных вырезок — мотивы которых она часто использовала в сюжетах своих акварелей. Особенное место в этой коллекции занимали листы с образцами мод XIX и XVIII веков, а также каталоги и модные журналы XIX века. Дамы в старинных платьях остаются неизменным мотивом ее искусства и в послевоенные годы. О коллекционерстве Ю. И. Юркуна см. подробнее: *Милашевский В.* Ю. Юркун // Художники группы «Тринадцать». С. 201.

386

«Белая береза» (1942–1952) — роман М. С. Бубеннова о Великой Отечественной войне.

387

«Далеко от Москвы» (1948) — роман В. Н. Ажаева. В 1949 году получил Сталинскую премию. Книга написана от лица бывшего заключенного, лагерь показан как передовая стройка социализма. По словам В. Каверина, «…автор прославился, долго действовал в литературном кругу как член секретариата, писать *не мог* и был забыт, как десятки других. Заболоцкий рассказывал мне, что Ажаев на каторге был одним из „маленьких начальников“ и держался „средне“ — не зверствовал, но и не потакал заключенным, среди которых в его бригаде был и Николай Алексеевич…» *(Каверин В.* Эпилог. М., 1989).

388

«Jeder stirbt für sich allein» (1947) — роман немецкого писателя Ганса Фаллады (Fallada, 1893–1947).

389

С. Прокофьев скончался 3 марта 1953 года, в один день со Сталиным.

390

Возможно, здесь, как и в следующей записи (от 6 мая), речь идет об Ю. А. Бахрушине, который умер в 1973 году.

391

Речь идет о выставке «Сокровища гробницы Тутанхамона», открытой в Эрмитаже в 1974 году.

Имеется в виду «побег» к Ю. И. Юркуну (см. с. 141–142).

393

Профессор Ленинградского педагогического института им. Герцена. В 1963-м выступил свидетелем защиты Иосифа Бродского на суде, активно защищал его в различных инстанциях. В 1968 году преследовался за фразу из предисловия к двухтомнику «Мастера русского стихотворного перевода» в серии «Библиотека поэта» (1968), где было сказано, что, не имея возможности печататься после революции, многие поэты были вынуждены заниматься переводами (тираж первого тома с этой фразой был уничтожен). Позднее открыто выступал в поддержку А. Солженицына; в самиздате распространялся его перевод предисловия Генриха Белля к роману «В круге первом». Ефим Григорьевич Эткинд в 1974 году был исключен из Союза писателей, лишен академических званий и вынужденно эмигрировал.

394

Цитата из стихотворения А. Ахматовой «Н. Гумилёву» (1912).

В ремешках пенал и книга были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый.
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.

395

Имеется в виду А. Г. Мец.

Г. М. Левитин и А. М. Шадрин.

397

Очевидно, О. Н. Гильдебрандт имеет в виду Мирру Абрамовну Немировскую, искусствоведа и автора книги «Художники группы „Тринадцать“» (М., 1986), которая приезжала к ней собирать материал и приобрела для Третьяковской галереи некоторые ранние листы О. Н. Гильдебрандт и Ю. И. Юркуна. Кроме того, по просьбе М. А. Немировской О. Н. Гильдебрандт написала в 1977 году воспоминания о художниках «Тринадцать», которые были частично опубликованы в книге (полностью — в нашем издании).

См. в очерке «О Юрочке».

399

Персональная выставка О. Гильдебрандт в ленинградском Доме литераторов состоялась в 1983 году, через три года после ее смерти.

400

Лев Николаевич Гумилёв, сын Н. С. Гумилёва и А. А. Ахматовой.